ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р С Ф С Р

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ШЕСТОЙ (ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ)

19

1926

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Главлит 80155. Гиз 18425.
Тираж 2500.

Зак. № 1262.

К истории французской интервенции на юге России.

(Декабрь 1918 — апрель 1919 г.)

Печатаемые ниже документы представляют собой донесения адм. Колчаку его добровольческих информаторов о положении дел на юге России. Здесь приводятся лишь наиболее интересные сводки из довольно большого собрания их, хранящегося в «личной папке А. В. Колчака», в Моск. Центр. Архиве Октябрьской Революции [1]). Из донесений нами опущено все то, что прямого отношения к вопросу о политике французских оккупантов на юге или тактике важнейших политических организаций не имеет. Главный интерес в донесениях представляет вопрос об отношении французского оккупационного командования к деникинской Добрармии и к петлюровской директории. Донесения исходят от информатора, близкого к шульгинскому Южно-Русскому Национальному Центру, к самому В. В. Шульгину и затем к ген. Гришину-Алмазову, известному по своей контр-революционной деятельности в Сибири (1918 г.) и в Одессе (конец 1918 г. и первые месяцы 1919 г.). Это видно из того сочувственного тона, с которым автор относится к Шульгину, его организациям, а также к ген. Гришину-Алмазову, метившему в одесские диктаторы. Конечно, он рисует события весьма тенденциозно и односторонне, не останавливаясь перед «сладкими вымыслами» вроде того, что идеи монархизма необычайно широко распространились в указанный период среди населения юга или что имя Колчака необычайно популярно в Одессе. Несмотря на то, что автор излагает факты, которые носят характер кулуарных политических сплетен, он все же довольно правильно изображает картину и фактический ход событий. Достаточно сравнить его сообщения с дневником М. С. Маргулиеса (члена бюро так наз. Совета Госуд. Объединения России), стоявшего в центре политических событий на юге России, чтобы убедиться в осведомленности автора информационных сообщений. Автор сообщений весьма враждебно, как увидит читатель, относится к Совету Госуд. Объединения, однако факты, рассказываемые им, во многом совпадают с тем, что дано в книге М. С. Маргулиеса [2]).

Французская интервенция на юге России представляет собой один из наиболее ярких эпизодов интервенции, весьма мало освещенных в нашей, а также в белогвардейской и иностранной литературе. Особенно мало изучена история катастрофически-быстрого оставления французскими интервентами Одессы в начале апреля 1919 г. По ряду данных, приводимых ген. Деникиным в «Очерках русской смуты» и ген. Лукомским в его «Воспоминаниях», французское правительство и военное командование предполагали очень

---

[1]) Фонд LXXVI, д. № 52.

[2]) «Год интервенции», изд. Гржебина, 1923.

широко развернуть интервенцию на юге России. Между тем, в действительности эти планы были реализованы в довольно малой степени.

Это обстоятельство кажется весьма странным, если учесть те огромные интересы, которые имел французский капитал в России, особенно на юге и в Донбассе, и стремление французского правительства подавить революционное движение в Европе и уничтожить очаг большевизма в лице Республики Советов.

Уход французов с юга не может быть объяснен исключительно разложением французских войск. Разложившиеся войска могли быть заменены свежими войсками, менее затронутыми революционной пропагандой, — хотя бы цветными частями, которые в небольшом числе были «представлены» на юге. Тем менее может служить объяснением причины ухода наступление на Одессу партизанских частей Григорьева, которые не представляли собой достаточно серьезной военной силы. И разложение французских войск и наступление Григорьева могут служить лишь частичным и далеко не самым важным объяснением. Несомненно, что разгадку нужно искать в области международной политики и, главным образом, в соперничестве между Францией и Англией, при чем для понимания политики последней нужно иметь в виду, что английская буржуазия боялась большевистской заразы меньше, чем Франция.

У главных инициаторов и организаторов интервенции, Англии и Франции, объединенных единой ближайшей задачей уничтожения большевизма, были различны их дальнейшие цели. Борьба шла за то, кому господствовать в будущей России, после того как большевизм будет уничтожен, — а в скорую гибель большевизма союзники очень и очень верили. Англия не хотела допустить оккупации юга французами, а участвовать в ней в широком масштабе она могла тем менее. Политика интервенции встречала сильную оппозицию в Англии, где рабочая партия требовала увода войск с севера. «Политика союзников по отношению к России в течение 1919 г. была... соткана из непоследовательностей, — говорит Лагард. — Раздираемые противоречивыми стремлениями, принципиально несогласные между собой, стесненные соображениями внутренней политики, перед лицом совершенно противоположных интересов, которые они одинаково поощряли, союзники своевременно ни на что не могли решиться, и все их выступления вели к результатам, обратным тем, на которые они надеялись» [1]).

При каждом серьезном шаге и мероприятии, предпринимаемом одной стороной, другая спешила наперерез и стремилась сорвать планы враждебной стороны. Этим объясняются зигзаги и, отчасти, неудача союзной интервенции как в ее непосредственной форме, так и в форме похода белых армий против Советов.

Чем объясняется тот факт, что французы, несомненно заинтересованные в восстановлении единой России, — если не полностью в старом виде и в прежних размерах, то во всяком случае в виде достаточно сильного государства, которое, находясь в подчинении Франции, могло бы, во-первых, служить противовесом Германии, разбитой, но не добитой, и, во-вторых, служить опорой для борьбы с Англией на европейском континенте, — чем объясняется, повторяем, тот факт, что французы, вместо того, чтобы опереться на деникинскую власть и Добрармию, вели переговоры с украинцами, что должно было противоречить планам воссоздания единой России? Это мнимое противоречие разрешается, однако, довольно просто. Прежде всего несомненно, что Франция, в период с конца 1918 г. и по крайней мере до осени 1919 г., в своей политике восстановления Рос-

[1]) Э. Лагард. «Признание Советской России», стр. 61.

сии делала ставку менее всего на монархические, военно-помещичьи группы, возглавлявшие Добрармию, — последние безнадежно скомпрометировали себя не только всем своим прошлым, но и своей программой реставрации в настоящем, программой, которая, как понимали французы и союзники, вообще не могла рассчитывать на поддержу сколько-нибудь значительных масс населения. Французская буржуазия предпочитала опираться на социалистические и демократические группы.

Французское правительство — и через русское Политическое Совещание в Париже, возглавляемое кн. Львовым, и другими путями — давало понять добровольцам, что оно не сочувствует открыто реакционному курсу южной белогвардейщины. Помимо того, в рассматриваемый период — конец 1918 г. и начало 1919 г. — Добрармия представляла собой в немалой мере quantité négligeable, величину весьма сомнительного порядка не только в политическом, но и в военном смысле. Особенно наглядно это обнаружилось в самой Одессе, где добровольцы бессильны были создать сколько-нибудь солидные военные формирования. Еще накануне прибытия первых десантов союзников в Одессу добровольческие офицерские отряды, насчитывающие несколько тысяч человек, позорно бежали от наступавших на город слабых петлюровских банд и укрылись на стоявших в порту судах. В. Шульгин в «Киевлянине» и ряд других участников событий — белогвардейцев — рассказывают, с каким презрением французы отзывались о добровольческом офицерстве и русской буржуазии, спекулирующих и праздношатающихся и в то же время надеющихся, что союзники за них постоят и пошлют на смерть свои войска. Дело, разумеется, не в том, что французское командование щадило своих солдат.

Очень скоро после начала оккупации обнаружилось, что серьезных военных сил не удастся послать на юг, — в данном случае причины этого для нас безразличны, — поэтому необходимо было осуществлять свои планы при помощи реальных военных сил, которые имелись тут же в Одессе и ее районе. Добровольцы свое бессилие достаточно показали. Единственной более или менее реальной небольшевистской военной силой казались петлюровские части. И так как оккупанты надеялись, — и в этом они не ошибались, — что с помощью петлюровских «демократов» можно будет хозяйничать на юге, как угодно, заставить их принять, что угодно, и выгнать их вон, когда наступит в этом необходимость, то они стремились до поры до времени использовать их, не церемонясь с директорией, как не церемонились немцы. Этим, и ни чем иным, объясняется «украинская» политика оккупантов, которую автор донесений считает почти целиком делом рук «злого гения союзнического командования», полковника Фрейденберга, начальника штаба оккупантов, в руках которого ген. Д'Ансельм и Франше-д'Эсперэ были, якобы, простыми марионетками. Автор донесений подробно изображает эти планы и поведение французов, их переговоры с украинцами и политику по отношению к Добрармии и русским буржуазным политическим организациям, а также ярко рисует банкротство политики оккупантов на юге и их метание из стороны в сторону, закончившееся позорным бегством из Одессы.

Д. Кин.

1.

Одесса, 23 (10 февраля) 1919 года.

Генерал Бертело [1]), как было указано в сообщении «Аза» от 15 февраля, уехал из Одессы, не приняв никаких важных решений. Положение после его отъезда оставалось столь же неопределенным,

как и до приезда генерала Бертело. Единственным серьезным шагом, сделанным в Одессе французским главнокомандующим, является командирование им генералу Деникину Д. Ф. Андро, получившего от генерала Бертело большие полномочия и выехавшего в Екатеринодар в сопровождении начальника политического отдела штаба французского командования Порталя и капитана Бертело. Д. Ф. Андро предназначен ген. Бертело стоять во главе гражданского управления краем. Андро — известный деятель Волыни, член первой Государственной Думы, очень умный, ловкий и энергичный человек. Он проявил большое мужество во время борьбы гетмана Скоропадского с Петлюрой и после занятия петлюровскими войсками Житомира отошел к Киеву, где был назначен товарищем министра внутренних дел. Повидимому, это как раз тот человек, какой сейчас нужен французам, ведущим в южной России политику компромисса и примирения непримиримого. С одной стороны, Андро — человек русский, и в Одессе он поддерживал добрые отношения с представителями русской партии — В. В. Шульгиным, графом Д. Гейденом и др.; с другой стороны, он — украинец, ибо был при Скоропадском волынским губернским старостой и проводил на Волыни политику украинизации, а теперь, в Одессе, поддерживал добрые отношения с «украинской громадой». С третьей стороны, Андро — француз, и ныне он кстати вспомнил, что якобы настоящая его фамилия — Андро-Ланжерон. Несмотря на заявление генерала Бертело, сделанное в беседе с В. В. Шульгиным, о том, что он не примет никаких серьезных решений до свидания и переговоров с генералом Деникиным, в действительности после отъезда генерала Бертело переговоры генерала д'Ансельма [2]) и его штаба с директорией продолжались и ныне привели к заключению соглашения. Приезд генерала Бертело и сделанное им заявление о верности Франции принципу единой России привели к тому, что украинцы стали уступчивее. Тотчас после отъезда генерала Бертело представители директории Марголин [3]), Галип [4]), Мациович и Шемет заявили французскому командованию, что украинцы принимают все условия, ранее поставленные генералом д'Ансельмом. Переговоры были возобновлены. Согласно требованию французского командования, из состава директории ушел Винниченко [5]) и Андриевский, которые заменены галичанами. Сформирован также новый кабинет, состоящий преимущественно из социалистов-федералистов. Новый кабинет отказался от винниченковской политики борьбы с большевизмом посредством осуществления всей большевистской программы и, между прочим, объявил неприкосновенным мелкое и среднее землевладение с тем, что земли у крупных землевладельцев будут отчуждены за выкуп и распроданы крестьянам в собственность. Такая земельная программа нового кабинета сделала возможным примирение его с кругами хлеборобов, о чем небезуспешно и хлопочут Шемет и другие лица. Обработка хлеборобов ведется с большой энергией. В этом направлении и работает много наемных дельцов, которые сорят деньгами. После

произведенной реконструкции директории и кабинета, чем было выполнено то основное условие, без которого французы не считали возможным соглашение, остальные условия последнего были быстро выработаны. Соглашению придан вид якобы чисто военного соглашения. В этих видах для подписания соглашения, после того, как условия его были окончательно выработаны полковником Фрейденбергом с представителями директории, был вызван в Одессу генерал Греков [6]). Подписание соглашения состоялось вечером 21 февраля.

Начальник французского пресс-бюро Жанкьер в беседе с представителями печати объяснил, что заключенное соглашение является чисто военным, что вся его цель заключается в координации действий всех сил, которые могут быть противопоставлены большевикам, что вопросы о единстве России и о признании украинского государства в этом соглашении вовсе не затронуты и т. д. В заключение Жанкьер угрожающе заявил, что решение французского командования использовать все силы (в том числе и силы украинцев) для борьбы с большевизмом непреклонно и что все препятствия и противодействия этой политике «будут сметены».

Одновременно генерал д'Ансельм и его начальник штаба полковник Фрейденберг стали усиленно добиваться свидания с В. В. Шульгиным. 22 февраля состоялось свидание В. В. Шульгина с д'Ансельмом. Генерал д'Ансельм в пространной беседе старался убедить руководителя русской партии, что политика французского командования совершенно правильна, что необходимо использовать все силы, могущие быть противопоставленными большевикам, и т. д. В. В. Шульгин доказывал, что политика французского командования глубоко ошибочна. Между прочим В. В. Шульгин отметил, что союз французов с галицийскими украинцами, — которые так угнетали русских в Киеве, что население Киева радостно приветствовало большевиков, как избавителей, — может бросить русское население в объятия большевиков. Д'Ансельм сказал, что он это вполне понимает, но заметил, что теперь Киев будет занят не одними украинцами, а совместно с французами. В. В. Шульгин вручил д'Ансельму резолюцию Южно-Русского Национального Центра, которая произвела на д'Ансельма большое впечатление. В дальнейшем разговоре д'Ансельм проронил такую фразу: «мы должны поддерживать у вас все элементы порядка, а до партийных различий их, до того, кто стоит за монархию, кто против монархии, кто за единство России, кто против единой России, нам нет дела». В. В. Шульгин категорически возражал против этого положения: в борьбу монархистов и республиканцев, сказал он, союзники не должны вмешиваться: это внутреннее дело русских; но борьба за единство России должна быть поддержана союзниками; ставить на одну доску сторонников единой России и врагов ее союзники не могут; глава французского правительства Клемансо много раз говорил о единой России, о единой России говорил в Одессе и генерал Бертело. Генерал д'Ансельм был смущен и стал выворачиваться. Смысл

всей беседы сводился к тому, чтобы партия, руководимая В. В. Шульгиным, поддержала усилия французского командования, направленные к водворению порядка в крае. В. В. Шульгин сказал, что эта поддержка может выразиться только в молчании его, Шульгина, и руководимой им партии, ибо как только русская партия станет одобрять и хвалить действия французского командования, так сейчас украинцы потеряют всякое доверие к заявлениям и обещаниям его, и контакт французского командования с украинцами, положенный ныне в основу французской политики в южной России, станет невозможным. Вследствие желания, настойчиво несколько раз выраженного полковником Фрейденбергом, 24 февраля состоится свидание его с В. В. Шульгиным.

Заключенное соглашение, несмотря на усиленное подчеркивание французами того, что де это — чисто военное соглашение, является соглашением огромной политической важности. Соглашением предусмотрены совместные операции французов и украинцев против большевиков, при чем французы берут на себя материально-техническое снабжение украинских войск и, кроме того, обеспечивают их правый фланг. Вместе с французскими войсками на правом фланге будут оперировать и русские добровольческие части. Всеми операциями будет руководить французский штаб. Предстоит, кроме того, формирование особых смешанных частей, в которых солдатская масса будет состоять из русских, а инструкторами будут французские офицеры.

Французское командование очень озабочено продвижением большевиков и принимает меры к тому, чтобы парировать их планы. В Вознесенском направлении разведкой установлено присутствие регулярных большевистских частей, в составе которых находятся русские и немецкие офицеры. В связи с продвижением большевиков на фронте французское командование потребовало, чтобы во главе войск в Одессе вновь был поставлен генерал Гришин-Алмазов, доказавший уже свою твердость и решительность и способность быстро разбираться во всякой обстановке.

Консул Энно, несмотря на то, что он был всячески обласкан генералом Бертело, уезжает в Париж. Он считает, что политика д'Ансельма и Фрейденберга, получившая одобрение генерала Бертело, находится в противоречии с лозунгом единой России и не соответствует интересам Франции. Он намерен предпринять в Париже шаги к тому, чтобы доказать в Париже французскому правительству ошибочность и опасность политики Бертело — д'Ансельма. Интересы Франции, по убеждению Энно, требуют воссоздания единой России, как противовеса Германии, которая скоро оправится, а поддержка Украины противоречит этому и идет на пользу Германии. Южно-Русский Национальный Центр поднес консулу Энно адрес, содержащий в себе выражение чувства глубокого уважения и глубокой благодарности русских политических кругов.

В широких кругах русского населения замечается сильнейший рост монархического настроения, и в связи с этим, недовольство

политикой руководителей Добровольческой армии. Монархическое движение начинает охватывать даже левые круги. Особенно это заметно среди представителей Великороссии, пережившей все ужасы большевизма. На-днях в квартире поэта-академика Бунина состоялось совещание левых писателей, на котором говорилось, что Добровольческая армия должна вести более яркую и определенно-монархическую политику и что для обеспечения успеха дела во главе Добровольческой армии должен быть поставлен великий князь Николай Николаевич.

Правые монархические круги, учитывая надвигающееся стихийное поправение страны, готовятся к предстоящей им работе. Они непоколебимо уверены, что власть перейдет в их руки. 17 февраля на квартире у Родзевича [7]) состоялось очень многолюдное собрание монархистов различных партий. Задача собрания — создание монархического блока. На собрании на представителей умеренных партий тяжелое впечатление произвели группы крайних правых, которые, стоя на позиции правых большевиков, доказывали, что врагами истинных монархистов являются: 1) все союзники, 2) Добровольческая армия и все партии, поддерживающие ее, 3) те монархисты, которые являются противниками самодержавия. Большинство собравшихся было, однако, настроено благоразумно, даже крайние правые, руководимые Пеликаном, стояли за союз с конституционными монархистами. Эти крайние правые полагают, что пропаганду в пользу монархии сначала должны вести конституционалисты, а уже позже, когда почва будет подготовлена, должны выступить правые большевики. Совещания монархистов у Родзевича после большого собрания 17 февраля стали созываться часто.

В широких кругах населения замечается также очень большая тяга в сторону адмирала Колчака. Имя его у всех на устах. Собрание членов Государственных Дум и Государственного Совета признало Колчака верховным правителем России.

18 февраля в гарнизонном собрании состоялось собрание офицеров свыше сорокатрехлетнего возраста, служивших в украинской армии. Собравшиеся жаловались на несправедливое отношение к ним командования Добровольческой армии. Особенно интересны речи генералов Рогозы и Дашковича-Горбатского, которые имели смелость утверждать, что они не изменили России, а только «мирились с самостийностью Украины», дабы сохранить силы для служения единой России в будущем. Собрание решило представить французскому командованию доклад о нуждах и пожеланиях офицеров, служивших в украинской армии. Составление доклада поручено генералу Пулевичу.

2.

8 марта (23 февраля) 1919 года.

г. Одесса.

Истекшая неделя характеризуется отказом французского командования от решений, казалось, уже принятых им, и исканием новых

путей, ведением переговоров в новых направлениях и т. д. Предыдущая сводка одесская заканчивалась тем, что французское командование остановилось на решении образовать вместо петлюровской директории новую директорию из семи лиц, в состав которой должны были войти представители различных групп и организаций, начиная от «Украинской Громады» и кончая «Советом Государственного Объединения». Но вслед за тем выяснилось, что «Украинская Громада», как таковая, от участия в этой комбинации отпала. Причиной этого отпадения было то, что между Грековым и «Громадой» произошли разногласия, которые устранить не удалось. При этом самая «Громада», истратив очень большие деньги, можно сказать, распалась, так как в составе ее остались одни крайние правые. Было принято новое решение: существующую директорию не устранять совершенно и сразу, а сначала изменить и пополнить ее состав, а несколько позже полностью обновить состав ее. Решено было потребовать, чтобы Петлюра вышел из состава директории. Тогда в составе директории остались бы только Швец и Макаренко. К ним решено было прибавить, в качестве представителей «хлеборобов» Григоренка, Мицка и Сидоренка, при чем главой директории должен был быть Б. Ф. Григоренко [8]). Эта комбинация считалась окончательной. В Винницу поехал для того, чтобы добиться согласия Петлюры на выход из директории, глава украинского кабинета Остапенко. Между тем в Одессе состоялось (28 февраля) большое собрание хлеборобов, к этому времени организовавшихся (на состоявшихся раньше погубернских собраниях хлеборобов были избраны представители от всех уездов южной России). Вследствие болезни графа Гейдена в собрании председательствовал Д. Ф. Андро. В собрание явился Б. Ф. Григоренко и доложил указанный выше проект образования, или, вернее сказать, обновления, — директории, прося разрешения и уполномочия войти в состав директории в качестве представителя хлеборобов. После доклада Григоренка произошли дебаты, при чем выяснилось, что огромное большинство участников собрания относится к проекту соглашения с украинцами совершенно отрицательно. Лишь маленькая группа участников собрания, с графом Капнистом во главе, высказалась за соглашение. Напрасно Григоренко доказывал, что Швец и Макаренко останутся в составе директории лишь на самое короткое время, а затем будут заменены другими лицами, стоящими за единую Россию. Собрание считало совершенно недопустимым какое бы то ни было соглашение с петлюровцами. Что же касается организации власти в крае, то в собрании преобладало то мнение, что необходимо создание местной власти, облеченной большими полномочиями, но что это должно быть сделано по соглашению с ген. Деникиным.

Кончилось собрание тем, что была избрана комиссия из 22 лиц, которой было поручено детально изучить вопрос и приготовить доклад для следующего собрания хлеборобов всего края. Комиссия из 22 лиц, в свою очередь, решила поручить Д. Ф. Андро и Н. Н. Можайскому

посетить полковника Фрейденберга и осведомиться у него о задачах и характере проектируемой новой директории. 2 марта названные лица были приняты Фрейденбергом, который, отвечая на предложенные ему вопросы, сообщил следующее: обновленная директория будет называться украинской, резиденцией ее будет Бирзула; будет ли распространена власть директории и на Одессу, это еще не решено, как не решен вопрос и о том, как быть в случае, если соглашение состоится, с добровольческими частями, находящимися в Одессе; государственным языком останется украинский язык, декреты о земле и другие, изданные директорией Винниченко, будут отменены. В дальнейшей беседе Фрейденберг старался всячески умалить значение Добровольческой армии. Он, между прочим, сказал, что Добровольческая армия генерала Деникина имеет всего 15 тыс. человек и что мобилизация, которую якобы Добровольческая армия пыталась произвести в Одесском уезде, совершенно не удалась. Если принять во внимание, что в Одесском уезде никакой мобилизации не было и что, наоборот, французское командование упорно и непримиримо отказывало представителям Добровольческой армии в согласии на производство мобилизации, то указанное заявление Фрейденберга, как сознательно и резко расходящееся с истиной, является очень показательным. В тот же день, 2 марта, состоялось общее собрание членов Госуд. Думы (всех четырех созывов) и Госуд. Совета, посвященное обсуждению того же вопроса. В собрании за соглашение с украинцами высказались аграрии—граф Капнист и Масленников [9])—и лидеры крайних правых—граф А. А. Бобринский и С. В. Левашов [10]), которые доказывали, что необходимо послать депутацию к ген. Деникину и просить его во всем уступить французскому командованию и предоставить ему полную свободу действий. Против допустимости какого бы то ни было соглашения с изменниками и бандитами-украинцами высказались Савенко [11]), Ракович, Савицкий, Каразин, Тесленко и мн. др. На заявление Савенко о том, что «мы не можем просить генерала Деникина о том, чтобы он спустил в Южной России национальный трехцветный флаг и стал под желто-голубой флаг украинской измены», председатель собрания граф А. А. Бобринский [12]) сказал: «дело идет не о замене одного флага другим, а о том, чтобы в углу русского трехцветного флага поместить маленький желто-голубой флаг», а бывший председатель крайних правых в Госуд. Думе проф. С. В. Левашов сказал: «меня по моей прежней деятельности никто не может заподозрить в недостатке патриотизма, но я заявляю, что ради спасения родины я готов примириться с желто-голубым флагом, ибо я предпочитаю видеть спасенный край под желто-голубым флагом, чем кладбище под трехцветным». А. М. Масленников обрушился на Добровольческую армию за то, что она в течение двух с половиной месяцев не приступила в одесском районе к производству мобилизации и тем показала свою неспособность создать здесь серьезную вооруженную силу. Савенко и Тесленко разъяснили собранию, что здешние представители Добро-

вольческой армии два с половиной месяца тщетно добиваются у французского командования согласия на производство мобилизации, но французы, связанные с украинцами данными им обещаниями, решительно отказывают в этом согласии.

Разъяснения эти произвели на собрание большое впечатление. В общем оказалось, что громадное большинство собрания настроено против соглашения с украинцами. Было принято решение: поручить совету членов законодательных палат принять меры к установлению контакта между ген. Деникиным и ген. Бертело. Совет же, обсудив еще раз вопрос, решил послать к ген. Деникину четырех бывших депутатов, которые должны присоединиться к той депутации к ген. Деникину, которую решил послать к нему Совет Государственного Объединения. Во главе всей этой депутации стоит председатель Совета Госуд. Объединения, бывший член Госуд. Совета барон В. В. Меллер-Закомельский. В Совете Государственного Объединения, как уже сообщалось в предыдущей сводке, по вопросу об отношении к проектированному французским командованием соглашению с украинцами произошло разногласие. Тем не менее бюро названного Совета, как уже сказано выше, приняло решение послать к ген. Деникину депутацию, которая должна убедить ген. Деникина пойти на уступки французскому командованию. Бюро Совета Госуд. Объединения просило французское командование дать для поездки посылаемой им депутации к ген. Деникину крейсер или миноносец. Вместе с тем Бюро Совета Госуд. Объединения настойчиво упрашивало митрополита Платона принять участие в этой депутации. Но митрополит Платон, прежде склонявшийся к необходимости компромисса с украинцами, ныне, ознакомившись всесторонне с положением и убедившись, что французское командование установило близкие отношения с теми самыми петлюровцами, которые расстреливали добровольцев и арестовали митрополита Антония и др., на соглашении с ними хочет строить власть и управление Южной Россией, занял определенную и твердую позицию. Отказавшись участвовать в депутации Совета Государственного Объединения, он решил действовать самостоятельно, являясь выразителем мнений и пожеланий лучших русских людей края. Митрополит Платон решил одновременно предпринять шаги к тому, чтобы убедить французское командование отказаться от соглашения с украинцами, а командование Добровольческой армии убедить отказаться от гибельной централизации. По убеждению митрополита, генерал Деникин для пользы дела и для спасения родины должен назначить в Одессу лицо с огромными полномочиями и дать ему указания в том смысле, чтобы он поддерживал тесный контакт с французским командованием и в известных пределах подчинялся его указаниям. Таким лицом митрополит Платон считает ген. Гришина-Алмазова, человека очень умного, тактичного и притом очень твердого и решительного, отличающегося к тому же огромной работоспособностью. Предоставление ген. Гришину-Алмазову самых широких полномочий является, по-

мнению митрополита Платона и всех его единомышленников, единственным выходом из создавшегося весьма тяжелого положения, окончательно испорченного крайне неудачным назначением ген. Санникова [13]). Сам ген. Санников, повидимому, сознает всю фальшивость своего положения в Одессе и ищет выхода из него.

3 марта ген. Санниковым, по инициативе находящегося в Одессе члена Особого Совещания при главнокомандующем Бернадского, было созвано большое совещание, в котором участвовали представители всех многочисленных столичных организаций, пребывающих в Одессе, а также и некоторые местные деятели. Совещание никаких практических результатов не дало. Однако выяснилось, что идея соглашения с украинцами никакого сочувствия не встречает. За необходимость подобного соглашения высказался только один Маргулиес. Что касается организаций, объединяющих местные южно-русские силы, то крупнейшими и влиятельнейшими из них являются: Союз хлеборобов и Южно-Русский Национальный Центр. Отношение названного Центра к политике французского командования, базирующейся на соглашении с украинцами, с полной определенностью формулировано в резолюции его от 11 февраля (ранее сообщенной). Точка зрения Южно-Русского Национального Центра остается неизменной. Что же касается вопроса об организации управления краем, то деятели Южно-Русского Национального Центра с полным единодушием констатируют ту катастрофичность положения дел в этой области, какая создана Екатеринодарской мертвящей централизацией. Эта централизация сурово осуждается в Одессе решительно всеми. Именно она довела Одессу до голода, холода и тьмы, вконец подорвала здесь престиж Добровольческой армии. Особенно ухудшилось положение и стало прямо кошмарным после назначения ген. Санникова. Последний, между прочим, 3 марта уничтожил совещание при военном губернаторе, работавшее два с половиной месяца. Этим окончательно разрушен аппарат местного управления. В патриотических русских кругах, все время работавших на Добровольческую армию и с нею связывавших всю надежду на возрождение и спасение России, с великой скорбью констатируют, что ошибки Екатеринодара и дух мертвящей рутины и централизации губят великое и святое дело Добровольческой армии и в корне подрывают ее престиж в Южной России. Это и сказалось на решениях общего собрания уездных уполномоченных хлеборобов всей Южной России, состоявшегося 4 марта.

По вопросу о соглашении с украинцами позиция хлеборобов осталась неизменной: это соглашение признано недопустимым.

Что же касается вопроса об организации власти в Южной России и о создании здесь вооруженных сил, то большинство уполномоченных стояло на той точке зрения, что командование Добровольческой армии показало свою неспособность организовать управление краем, и потому большинство собрания, отдавая дань глубокого уважения Добровольческой армии, высоко ценя ее заслуги и считая необходимым общение

с Добровольческой армией всех сил, служащих делу воссоздания великой России, тем не менее признало необходимым создание в Южной России самостоятельной авторитетной местной власти, пользующейся поддержкой и покровительством французского командования, а также формирование здесь местных вооруженных сил под руководством французского командования. Принятию такой резолюции предшествовала агитация, которою руководили Андро и Григоренко, а также группа политических деятелей (граф Капнист и Полунин). Киевский областной союз земельных собственников, руководимый графом Д. Ф. Гейденом, твердо стоит на позиции поддержки Добровольческой армии и, как и Южно-Русский Национальный Центр, считает, что местная краевая власть, создание которой необходимо и неизбежно, должна получить свои полномочия от ген. Деникина. На этой почве возможен раскол среди хлеборобов. Резолюция, принятая общим собранием уполномоченных от хлеборобов, состоявшимся 4 марта, гласит следующее: «отдавая полную дань нашей горячей признательности Добровольческой и Сибирской армиям за их героические усилия по воссозданию единой России и преклоняясь перед совершенными подвигами, мы считаем, что отдаленность центров обеих армией от нашего края не благоприятствует образованию здесь частей названных армий; между тем переживаемый нами критический момент — продолжающееся наступление большевистских войск и близость весенних посевов, отсутствие которых вызовет общий неминуемый голод и полное обнищание страны, — требует исключительных мер и прежде всего создания в кратчайший срок ядра сильной армии. В виду выраженной нашими доблестными союзниками решимости притти на помощь нашей родине, мы, со своей стороны, выражаем полную готовность приложить все наши труды по созданию и организации в крае такой русской армии, которая плечом к плечу с союзниками, с лозунгами Сибирской и Добровольческой армий могла бы в короткое время освободить наши очаги от насильников, возвратить землю пахарю, детей их отцам, водворить в крае порядок, справедливость и право. Кроме того, мы считаем необходимым добавить, что лозунги создания украинской государственности — мы сознаем это по троекратным трагически-тяжелым опытам — не являются объединяющим началом для создания дисциплинированной и боеспособной армии, а, напротив, войска, собираемые под этими лозунгами, служат началом анархии и разложения. Мы надеемся, что наши доблестные союзники, при организации помощи нашей родине, учтут это положение».

Несочувственное отношение русских кругов к проекту создания новой директории с уклоном ее в сторону украинства произвело большое впечатление на представителей французского командования. Последнее почему-то было уверено, что предложение его будет встречено чуть ли не с восторгом русскими общественными кругами. Узнав же о том, что хлеборобы и другие группы и организации и слышать не хотят о соглашении с петлюровцами, представители француз-

ского командования стали с раздражением говорить: «Что ж, если наши попытки опереться на общественные круги не увенчаются успехом, то мы самостоятельно примем решения». А полковник Фрейденберг стал даже пугать: «Если общественные круги откажут нам в поддержке, то мы можем сесть на суда и уехать отсюда». Особенно словоохотлив был в течение минувшей недели Вильем, на которого возложено, на время отсутствия Энно, исполнение обязанностей консула. В беседах с представителями печати (однако не предназначенных для опубликования в газетах) он говорил: «Мы, французы, идем к одной намеченной цели — к единой неделимой России, и с этого пути нас никто не заставит сойти. Мы идем к этой цели, может быть, не теми путями, какими бы хотели некоторые прямолинейные круги, но мы идем к одному». По украинским делам Вильем сказал: «Мы не додушиваем умирающих. Окончательное соглашение не подписано, и я думаю, что оно и не будет подписано». В другой беседе тот же Вильем сказал: «Мы идем к созданию великой России верным путем и с наименьшими жертвами. Просим верить нашей честности. Россия будет возрождена, но не так, как это представляют себе чересчур прямолинейные круги. С украинцами мы ведем переговоры, ибо мы не душим умирающих. Вообще мы не хотим никого давить, кроме большевиков. Соглашение с украинцами, вероятно, не будет подписано».

По вопросу об отношениях с Добровольческой армией Вильем сказал: «Если власть Добров. армии не справится с продовольственным кризисом, то мы возьмем все дело в свои руки и за все будем отвечать сами. На фронте зоны положение хорошо, потому что там одна власть — наша, а здесь положение скверно, потому что здесь две власти».

Начальник пресс-бюро при штабе французского командования Жанкьер в беседе с представителями печати 5 марта с раздражением говорил о том, будто бы некоторые одесские газеты, в том числе и «Одесский Листок», ведут антисоюзническую агитацию, и закончил свою беседу таким заявлением: «Россию спасем мы, а не Добровольческая армия».

5 марта стало понятно, почему Вильем в течение двух дней дважды заявлял о том, что окончательное соглашение с украинцами, вероятно, не состоится: дело в том, что петлюровская директория, несмотря на присланное ею заявление о капитуляции (приведено в предыдущей сводке), обсудив переданные через Остапенка [14]) требования и предположения французского командования, вовсе не проявила той покорности и послушности, каких от нее ожидали французы: директория на требование ухода Петлюры ответила отказом, что же касается пополнения директории Григоренко и другими лицами, то директория и это признала неприемлемым, заявив, что допустимо вхождение в состав директории лишь убежденных украинцев, стоящих не правее партии социалистов-федералистов. Среди украинцев, в большом числе находящихся в Одессе, вообще в последнее время почему-то замечается повышенное настроение. Они, между прочим,

утверждают, что их делегата Сидоренко, поехавшего в Париж с очень большими деньгами, там принимают лучше, чем Сазонова. Таким образом хитроумный проект Фрейденберга, состоявший в том, чтобы примирить непримиримое и соединить несоединимое и создать такую новую директорию, которая удовлетворяла бы всех, потерпел полное и решительное крушение и ныне может считаться похороненным.

Интересно отметить, что провалу затеи Фрейденберга содействовал сам Григоренко, который в беседе с Остапенком заявил себя монархистом.

Потерпев неудачу, французское командование стало придумывать новые комбинации. Представители руссофильского течения в штабе французского командования стали выдвигать идею необходимости опереться на чисто русские круги, игнорируя труп украинства, при чем конкретно эта идея формулирована была в двух вариантах: или в форме создания краевого чисто-русского правительства, или в форме передачи всей власти ген. Гришину-Алмазову, блестящие дарования которого получили признание в штабе ген. д'Ансельма. В обоих случаях, однако, указывалось на необходимость предварительного соглашения с ген. Деникиным; при чем есть серьезные основания думать, что по этому вопросу ген. д'Ансельм получил какие-то указания из Парижа, содержание которых тщательно скрывает. С другой стороны, Фрейденберг выдвинул проект единоличной диктатуры, при чем последняя, по его мысли, должна быть такова, чтобы, будучи формально украинской, она оказалась приемлемой и для некоторых русских кругов. Кандидатом, удовлетворяющим этим требованиям, Фрейденберг считает ген. Грекова. С последним и были поведены переговоры по этому вопросу. Честолюбивый Греков, несмотря на всю его жажду власти, понимает, однако, что его диктатура может быть установлена лишь в порядке переворота, который невозможен без вооруженной помощи союзников. Поэтому Греков ответил представителям союзников, что он может принять их предложение только при условии самой действительной вооруженной помощи с их стороны теперь и в будущем. Ближайший помощник ген. Грекова полковник Кавернинский в доверительной беседе с одним лицом сказал: «Без такой поддержки ген. Греков свое назначение диктатором считает авантюрой, так как сам «пока» не имеет достаточных сил, чтобы удержаться на предложенном ему «посту». Французское командование дало ген. Грекову весьма уклончивый ответ.

Характерно следующее обстоятельство. Штаб французского командования поручил капитану Ланжерону составить доклад с подробным жизнеописанием Грекова, с его характеристикой и с изложением его военной и общественно-политической деятельности. Ланжерон, в видах достижения «полноты и точности» доклада, поручил написание его самому Грекову. Последний в своем жизнеописании и самохарактеристике обрисовал себя как друга Добровольческой армии и заявил, что он стремится по существу к тем же целям, что и ген. Дени-

кин, и является сторонником единой России, построенной на федеративных началах. По этому поводу необходимо заметить, что когда на акт гетмана Скоропадского о федеративном соединении Украины с Россией Петлюра ответил восстанием, то ген. Греков перешел на его сторону.

Вообще в последние дни замечается некоторый поворот французского командования в сторону русской ориентации. Фрейденберг, видя неудачу своих украинофильских планов, все более и более склоняется к мысли о создании южно-русского правительства. Между прочим, 5 марта ген. д'Ансельм в беседе с ген. Гришиным-Алмазовым, который вновь настоятельно говорил о необходимости предоставить Добровольческой армии возможность теперь же заняться подготовкой мобилизации во всем районе освобожденной от украинцев зоны, уже не был столь категоричен и непримирим, как прежде. Заслуживает внимания следующее обстоятельство. Здесь получены сведения о том, что в северных уездах Таврической губернии мобилизация, произведенная Добровольческой армией, прошла успешно. Это подымает дух сторонников Добровольческой армии и усиливает их позицию. К сожалению, отсутствие официальных сообщений о ходе этой мобилизации не дает возможности использовать этот успех. К сожалению, мнение, будто бы Добров. армия не может произвести мобилизации, так как самое имя Добров. армии будто бы нестерпимо ненавистно для населения, упорно и настойчиво поддерживают офицеры и генералы, служившие раньше в украинской армии (при Скоропадском) и теперь оказавшиеся за бортом. В настоящее время в Одессе находятся 52 офицера генерального штаба, служивших у гетмана. После падения Скоропадского и занятия Киева Петлюрой эти офицеры приехали в Одессу и пытались поступить в Добров. армию. В этом им было отказано без предварительного обсуждения их действий и службы в суде чести, организованном в Добров. армии. Украинские офицеры сочли себя оскорбленными таким требованием и бросились искать обходных путей для того, чтобы попасть в Добров. армию или, если это не удастся, устроиться каким-нибудь другим способом. В этот момент в Одессу прибыл к ним гонец от ген. Грекова с предложением вступить в войска директории. Офицерам генерального штаба, оставшимся без средств к жизни и без службы, предложение это было чрезвычайно заманчиво, но категорическое запрещение ген. Деникина поступать в войска директории или в отряды-микст французского командования остановило их.

Недавно состоялось совещание украинских офицеров генерального штаба, на котором присутствовал и гонец ген. Грекова, сообщивший, что в армии директории осталось всего 10 офицеров генерального штаба: два из них — самостийники, а восемь — ландскнехты, не помышляющие ни о какой политической ориентации и готовые служить кому угодно, лишь бы им платили деньги. Военные способности этих десяти офицеров генерального штаба ничтожны, а потому предста-

витель ген. Грекова умолял офицеров генерального штаба возглавить армию директории, клянясь, что ни о какой «самостийности» Украины речи быть не может. Сам Греков, — говорил он, — настоящий русский человек и даже монархист, и вошел в директорию, имея все основания повернуть в конечном итоге всю деятельность директории в русское русло. И чем больше будет сейчас в армии директории русских офицеров, тем скорее произойдет смена лиц, тем скорее украинские войска подпадут под общее командование ген. Деникина. Поверили ли или сделали вид, что верят, офицеры генерального штаба представителю Грекова, но на последнем совещании было решено больше в Добров. армию не обращаться и начать организацию новой армии в Малороссии, воспользовавшись предложением французского командования. Для охраны себя от репрессий ген. Деникина решено было, по мысли ген. Бискупского [15]), составить памятную записку, в которой объяснить свою точку зрения на положение, на необходимость быстро организовать армию из местных земельных собственников, чтобы быстро, силами самого населения, подавить большевистскую анархию в Малороссии. В заключении записки должно быть указано, что новая армия заранее готова стать в зависимость от ген. Деникина, готова исполнить его операционный план и только по тактическим условиям принимает местную фирму хлеборобов, среди которых есть самостийники. Новая армия будет организована по известному уже проекту ген. Бискупского, т.-е. будет армией классовой. Главари этой новой затеи ген. Бискупский и Прохорович (бывший второй генерал-квартирмейстер главного штаба при гетмане) заявляют, что политика генерала Деникина в корне неправильна. Управлять из Екатеринодара, — говорят, — нельзя, нужно дать простор и свободу местным начинаниям, стараясь только об одном: чтобы работа местных организаций вела к одной общей цели — единой России. И если генерал Деникин этой местной работе мешает и даже запрещает ее, то они перестают считаться с ним, как с личностью, и будут вести свою работу даже наперекор ему, с твердой уверенностью, что они не менее русские люди, чем он, Деникин, что избираемый ими путь ведет к воссозданию России и что этот путь единственно правильный в условиях Малороссии. Они будут опираться на французов, как летом 1918 года они опирались на немцев, войдут в соглашение с директорией и, разложив ее изнутри, повернут ход событий в пользу Добров. армии.

С директорией соглашение, по их мнению, необходимо в настоящее время потому, что у нее есть $1^1/_2$ миллиарда рублей денег, которые необходимы для создания армии. Придется ли в ходе этой работы признать протекторат французов, Бискупский и Прохорович пока не знают, но эта мысль их не смущает: французы уйдут, а Малороссия останется. «Все образуется» — вот основная мысль Прохоровича и Бискупского. Между прочим, генералы, служившие на украинской службе, в оправдание своих действий и принесенной ими постыдной присяги, заявляют, что они так поступили не по личному желанию,

а исполнили категорическое указание генералов Драгомирова и Лукомского, коих они считали (и вполне правильно) представителями ген. Деникина и которые им указали на необходимость поступить и оставаться на украинской службе, не считаясь с неприятностью принести присягу, так как все это искупается той пользой, какую генералы принесут Добров. армии, собрав и сохранив нужное Добров. армии имущество. Эту задачу генералы-украинцы исполнили.

По их словам, они не только собрали громадное имущество, но создали кадры восьми корпусов, которые легко могли быть развернуты в шестнадцать. «Мы, — говорят они, — исполняя данное нам указание, пошли на все, а теперь нас за это же бьют. Мы посылали к ген. Драгомирову в Екатеринодар ген. Кислова за указаниями, что́ нам делать. Нам ответили, что мы должны оставаться на местах, что, явившись в Добров. армию, мы не только станем ей в тягость, так как нужды в офицерах генерального штаба там нет никакой. И мы оставались. Не наша вина, что в период времени перед падением гетмана собранные нами кадры были разрознены, что в самом Киеве создалось несколько армий, враждовавших между собой, результатом чего была потеря Киева и собранного нами имущества».

Записка, о которой сказано выше, составлена и подана французскому командованию. Штаб французского командования значительно расширен. Войска союзников все время прибывают. Между прочим, начали прибывать румынские войска. Тирасполь также занят румынами, сменившими там поляков. Из Румынии, по словам представителя французского штаба, прибудет 40-я французская дивизия. Союзники, по заявлению представителей штаба ген. д'Ансельма, готовятся к наступательным операциям, при чем верховное командование будет принадлежать ген. Франше-д'Эсперэ [16]), фронтом от Тирасполя до Днепра будет командовать ген. Бертело, а к востоку от Днепра ген. Деникин. На все телеграфные сведения, поступающие в Одессу для газет, введена французская предварительная цензура.

Насколько широкие круги населения в Южной России еще не созрели для борьбы с анархией и для создания твердой власти, как первого условия успешности этой борьбы, лучше всего видно из следующего. В течение февраля в Одессе царили грабители. Грабежи и налеты совершались даже днем, а вечером, с наступлением темноты, по улицам Одессы нельзя было ходить, так как везде грабили. Население взвыло и стало требовать, чтобы грабителей вешали. Ген. Гришин-Алмазов, испробовав все средства борьбы с грабителями, решил прибегнуть к чрезвычайным мерам: грабителей, пойманных с поличным, стали расстреливать. Результаты этих мер были изумительны: ныне грабежи и налеты в Одессе почти совершенно прекратились. И вот левые партии и организации повели кампанию против администрации, негодуя по поводу бессудных расстрелов. Не было бы, конечно, удивительно, если бы эту кампанию против власти вели одни социалисты. Но последние в их кампании против власти энергично поддер-

жаны кадетской партией. Многочисленные сообщения с мест свидетельствуют о страшном и необузданном бандитизме петлюровских банд. Эти банды довели население до того, что оно мечтает о приходе большевиков, видя в них избавителей от украинцев.

3.

15 марта 1919 г.
г. Одесса.

Злой гений союзнического командования в Южной России, полковник Фрейденберг, начинает пожинать плоды своей деятельности. Два месяца он занимается в Одессе всем, чем угодно, но только не тем делом, для которого войска союзников прибыли в Россию. Он все время упорно и настойчиво вел свою работу в двух направлениях. С одной стороны, он все время вел переговоры и заключал военные соглашения с украинской директорией, а с другой стороны, всемерно интриговал против Добровольческой армии, всеми способами подрывал ее престиж и даже вел открытую борьбу с ней. Результаты этой работы, те самые результаты, которые были предсказаны в резолюции Южно-Русского Национального Центра от 11 февраля, ныне и обнаруживаются: никаких украинских сил французское командование не получило, и в то же врем оно не дало возможности представителям Добров. армии развернуть в одесском районе силы последней.

Ход событий последнего времени был таков. Когда хитроумные комбинации Фрейденберга с обновлением состава директории, а затем проект диктатуры генерала Грекова рухнули, прежде чем французское командование могло приступить к осуществлению их, Фрейденберг растерялся и заметался в разные стороны. В это же время из Парижа, от министра иностранных дел Пишона, была получена телеграмма, содержащая в себе, в сущности, осуждение политики Фрейденберга. Об этой телеграмме, полное содержание которой тщательно скрывается французским командованием, известно, что в телеграмме Пишона указано, что Добровольческая армия признана союзной армией со всеми вытекающими из этого политическими и административными последствиями. 10 марта генерал д'Ансельм и полк. Фрейденберг принимали депутацию от союза хлеборобов. Депутация эта, во главе которой стояли Д. Ф. Андро и В. П. Полунин, представила французскому командованию ту резолюцию общего собрания уездных уполномоченных от хлеборобов, принятую 4 марта, которая была сообщена в предыдущей сводке. И вот генерал д'Ансельм сказал депутации, что резолюция хлеборобов уже потеряла значение, так как телеграммой Пишона формирование смешанных частей с инструкторами французами в районе Добров. армии запрещено. На том же приеме депутации от хлеборобов генерал д'Ансельм, отвечая на вопрос, угрожает ли опасность Одессе, сказал: «Мы готовы защищать Одессу, но если Добров. армия ничего не делает, то что мы можем сделать?». Вообще

Фрейденберг каждым приемом депутации пользуется, чтобы агитировать против Добров. армии. Несмотря даже на телеграмму Пишона, полк. Фрейденберг упорно продолжает свою политику. Генералы Франше-д'Эсперэ и Бертело (из которых первый мало интересуется южно-русскими делами) на все смотрят глазами полковника Фрейденберга, а генерал д'Ансельм является простой безвольной игрушкой в руках Фрейденберга, и последний делает все, что хочет. Не подлежит никакому сомнению, что Фрейденберг связан с украинцами какими-то тесными и неразрывными узами. Он продолжает сношения и переговоры с ними даже после скандального провала всех его проектов, даже после телеграммы Пишона. Арестованные украинцами русские — одни расстреляны, другие продолжают томиться в тюрьмах, а в то же время Одесса полна украинскими деятелями, которые сорят здесь деньгами. Газета «Россия» закрыта французами, и голос В. В. Шульгина замолк. В то же время с 9 марта здесь начала выходить украинская самостийная газета «Нові Шляхи», богато обставленная и ведущая яростную антирусскую агитацию. Французское командование твердо стоит на том, что в Южной России вся власть принадлежит украинской директории и твердо выполняет обязательство, данное им директории: не допускать в Южной России распространения власти Добров. армии, а равно каких бы то ни было формирований Добров. армии. В силу этого в Херсоне и Николаеве начальники союзнических гарнизонов делали открытые заявления в том смысле, что союзники признают только власть украинской директории и только тех должностных лиц, которые назначены директорией. И потому, когда в Николаев прибыл офицер Добров. армии, назначенный начальником Николаевского пункта «Освага» [17]), он был грубо и резко уволен оттуда союзническим командованием. А в то же время в Одессе, находящейся в управлении Добров. армии, живет и работает со своим штабом украинский военный министр и главнокомандующий ген. Греков. Кроме того, в Одессе особым украинским комитетом, под руководством лидера самостийников Луценка, производится открытое формирование «січевых» частей.

Вообще франко-украинские отношения отличаются крайней относительностью: французское командование приняло на себя перед украинцами и с большой твердостью выполняет обязательства, сущность которых сводится к одному — обязательство парализовать деятельность Добров. армии в Южной России. Но другая сторона — украинцы — никаких обязательств не приняла на себя и данных ею обещаний не выполняет. В итоге оказалось, что когда большевики придвинулись вплотную к союзнической зоне и стали напирать на союзников, то в зоне в распоряжении командования не оказалось ни русских сил, ни украинских. Что же касается французских войск, то последние не боеспособны. Зная же это, само французское командование проявляет дряблость и трусость. Из донесений двух добровольческих эскадронов (2-го — полк. Главче и 3-го — штабс-ротмистра Штейнберга),

находящихся на фронте при французских войсках и несущих разведочную и сторожевую службу, видно, что французские солдаты определенно не желают сражаться с большевиками и негодуют по поводу того, что их, уцелевших после долгой войны с немцами, прислали теперь воевать с большевиками. При всяких продвижениях вперед французы требуют, чтобы фланги их охраняла русская кавалерия, а передовое охранение несли греки. Полковник Главче опасается, что при встречах с «гражданами»-большевиками французы будут просто сдавать им оружие, и полагает, что французские войска надо как можно скорее эвакуировать. Тот же полк. Главче доносит, что «действия французов вызывают среди населения недоумение, среди интеллигенции — неудовольствие, а среди большевиков и бандитов — полную уверенность, что союзники их не тронут и не окажут им сопротивления». В районе Вознесенска отступление значительных сил французов было вызвано набегом местной шайки большевиков в 60 чел. Командиры обоих эскадронов категорически много раз доносили, что французские войска находятся в состоянии полного разложения. Эти донесения, предшествовавшие сдаче Херсона, нашли полное подтверждение во всем том, что произошло в Херсоне. В Херсоне и Николаеве французы все время ухаживали не только за украинцами, но и за большевиками, говорили о своем нейтралитете и т. д. Газеты опубликовали заявление командовавшего союзными войсками в Николаеве полк. Леже о том, что «на территории Украины, включая Николаев, Херсон и Одессу, союзное командование признает только власть украинской директории» и что союзные войска в борьбу партий вмешиваться не будут и сохранят нейтралитет. Отвечая же на вопросы представителей печати об отношении союзников к большевикам, полк. Леже сказал, что союзники поддержат и большевиков, если последние будет стремиться к охране порядка. Результатом всего этого было то, что как только большевики начали наступление на Херсон, французы немедленно отступили, не оказав никакого сопротивления. Поручик де-Витт, бывший в качестве переводчика при одной из французских частей в Херсоне, свидетельствует, что эта часть отказалась сражаться с большевиками.

В ночь на 10 марта Херсон был оставлен. Штаб французского командования утверждает, что на Херсон наступало 30 тысяч большевиков, в том числе 4 тыс. человек регулярных большевистских войск. По русским же сведениям, на Херсон наступала сравнительно небольшая банда местных большевиков, под командой Григорьева. После падения Херсона штаб французского командования пришел в состояние крайней растерянности. Особенно в паническое состояние впал полк. Фрейденберг. Было решено начать по всему фронту отступление, стянуть все войска к самой Одессе и защищать маленькую зону у самой Одессы. Против этого решительно возражал ген. Гришин-Алмазов, который своей твердостью и неустрашимостью поддержал дух французского командования и настоял на решении защищать гораздо большую зону, радиусом Одесса — Раздельная, с тем, чтобы

сохранить на всякий случай сухопутные пути отступления через Бессарабию на Румынию. В этих видах решено, что заслон по линии Тирасполь — Раздельная будут удерживать румынские войска, а правый фланг, обращенный в сторону оставленного Николаева, будут защищать добровольческие части под командой ген. Тимановского.

По поводу позорного оставления Херсона и Николаева ген. д'Ансельм послал по начальству лживо-паническое донесение, в котором, между прочим, сообщает, что большевистское движение есть чисто народное движение, которому горячо сочувствует вся масса населения: что же касается большевистских войск, то последние по своим высоким боевым качествам напоминают Наполеоновские легионы. В общем, положение в Одессе тревожное. Многие считают, что если в планы большевиков входит овладение Одессой, то они это сделают, так как французские войска никакого сопротивления большевикам не окажут. Румынские и греческие войска в своих действиях связаны поведением французских войск и действиями французского командования. При таких обстоятельствах вполне понятна та тревога и даже ужас, с какими была встречена в кругах политических деятелей весть о телеграмме генерала Романовского, содержащая в себе приказ главнокомандующего перекинуть в Крым значительную часть добровольческих войск, находящихся в Одессе. Совершенно ясно, что уход из Одессы добровольческих частей, как ни малы они численно, неминуемо повлек бы за собой сдачу Одессы большевикам.

Подводя итоги военной деятельности французского командования, надо сказать, что французы повторили в Одессе ту же ошибку, какую сделал ген. Скоропадский в Киеве: Скоропадский все время тешился неосуществимым планом создания украинской армии и не допускал формирования отрядов Добровольческой армии, и только тогда, когда Петлюра подошел почти вплотную в Киеву и гетманские войска частью разбежались, частью перешли на сторону Петлюры, в Киеве был выкинут трехцветный русский флаг и стали формировать добровольческие части. Но было уже поздно... французы в Одессе также бесплодно утеряли три месяца драгоценного времени, благодаря преступной политике полк. Фрейденберга. Все было бы иначе, если бы французская политика в Южной России шла по пути, намеченному консулом Энно. За это время генерал Гришин-Алмазов успел бы создать здесь целую Добров. армию.

Слухи о разных проектах создания новой власти в Южной России, а равно агитация, которая в этом смысле ведется среди офицеров-добровольцев, побудили старших офицеров добровольческих частей, находящихся в Одессе, обсудить создавшееся положение и сговориться на всякий случай. Созванное для этой цели совещание состоялось 9 марта. Совещание единодушно признало, что единственным генералом, который может спасти положение в Одессе и в одесской зоне, является ген. Гришин-Алмазов. На ряду с этим заслуживает внимания та агитация, которую ведут против генерала Гришина-Алмазова чины

одесского узла «Освага», особенно полковник Толмачев и его ближайшие сотрудники. На-днях в Одессу возвратился из Парижа Шебеко [18]), а из Константинополя — Р. Г. Молов и кн. Л. В. Урусов. Все три в разных местах делали доклады и сообщения. Шебеко сообщает, что во Франции все, начиная от правительства и кончая широкими кругами общества, стоят за восстановление единой великой России и за подание в этих видах вооруженной помощи русскому народу. Объясняется это следующими причинами: Франция понесла во время войны огромные потери людьми и материально; Германия понесла гораздо меньшие потери; во Франции все понимают, что Германия оправится скорее, чем Франция; между тем, последняя остается одна, ибо Англия, добившись уничтожения германского флота, военного и торгового, считает, что она свое дело сделала; вот почему французы понимают, что великая, сильная Россия как противовес Германии, которая быстро возродится, ей крайне нужна. К сожалению, на мирной конференции Франция изолирована, так как ее поддерживает только Италия. Вильсон и Ллойд-Джордж идут всегда вместе, предварительно сговариваясь. Шебеко резко критиковал действия русского комитета в Париже, действующего под председательством кн. Львова. Неодобрительно отозвался он и о действиях нашего посла В. А. Маклакова. С. Д. Сазонов и ген. Шербачев держатся особняком от русского комитета и ведут себя с большим достоинством. В Бухаресте Шебеко беседовал с ген. Бертело, который жаловался на ген. Деникина, якобы горячо доказывая необходимость создания в Южной России особого правительства, с которым могло бы работать французское командование. В действительности, повидимому, эту мысль развивал в Бухаресте сам Шебеко, а ген. Бертело лишь отнесся к соображениям его сочувственно. Заключительную часть своего обширного доклада, сделанного 11 марта в Совете Государственного Объединения, а 13 марта в собрании членов Госуд. Дум и Госуд. Совета, Шебеко посвятил резкой критике политики ген. Деникина и его ближайших сотрудников.

Основное положение Шебеко таково: своею узостью и непримиримостью ген. Деникин погубил положение в Малороссии в прошлом году, когда он отказался поддержать гетмана Скоропадского, а теперь губит его окончательно своим невозможным и недопустимым отношением к французскому командованию. После доклада Шебеко граф Ип. Капнист предложил ему вопрос: «Неужели нельзя убедить французское командование образовать здесь особое правительство, независимое от ген. Деникина?». На это Шебеко, пожимая плечами, сказал: «Все, что возможно, сделается».

С возражениями Шебеко выступил в собрании членов Госуд. Дум и Госуд. Совета 12 марта А. И. Савенко, который множеством фактических справок опроверг все посылки Шебеко и опрокинул все его выводы. Из сообщения кн. Л. В. Урусова, сделанного в том же собрании членов Госуд. Дум и Госуд. Совета, видно, что он также доказывал как генералу Бертело, так и генералу Франше-д'Эсперэ необходимость

образования в Южной России особого правительства, независимого от Добров. армии, при чем им была названа фамилия А. В. Кривошеина. Оба представителя высшего французского командования, по словам кн. Урусова, отнеслись к этому сочувственно, при чем ген. Франше-д'Эсперэ сказал, что необходимо построить власть «на широкой общественной базе — от Протопопова до Керенского». В том же смысле вел разговоры в Бухаресте и Константинополе и Р. Г. Молов.

Вообще, в настоящее время можно считать совершенно установленным, что организация, именующаяся «Советом Государственного Объединения», является очень вредной организацией. Она определенно борется за власть. В состав этой организации входят представители Государственной Думы, Государственного Совета, Сената, «Протофиса» [19]), Всероссийского Союза земельных собственников, городских и земских учреждений до-революционной эпохи и т. д. Все эти бывшие министры и иные сановники, бывшие депутаты и т. д., объединившись в союз, который не имеет за собой никаких решительно реальных сил, претендуют на то, чтобы власть принадлежала им. Они относятся с нескрываемой враждебностью к командованию Добров. армии и к образованному им правительству и прямо говорят, что командование Добров. армии похитило власть, которая по праву должна принадлежать Совету Государственного Объединения. Еще осенью прошлого года, как только Совет Государственного Объединения сконструировался в Киеве, он послал в Екатеринодар депутацию, через которую потребовал, чтобы командование Добров. армии разделило с ним власть. Получив решительный отказ, деятели Совета Государственного Объединения вознегодовали. С тех пор эта организация ведет беспрерывную кампанию против Добров. армии. В состав указанной выше депутации, ездившей по поручению Совета Государственного Объединения в Екатеринодар, входили Шебеко и Вл. Гурко, которые затем путешествовали по Европе. Шебеко ныне возвратился. Характерно, что Совет Госуд. Объединения, ведя все время кампанию против признания за командованием Добров. армии государственной власти, все время просит субсидии у представителей Добров. армии. Первую субсидию, выданную ему ген. Гришиным-Алмазовым еще в январе в размере 200.000 руб., деятели Совета быстро израсходовали, и потом пошли новые и новые попрошайничества. В настоящее время Совет Госуд. Объединения настойчиво просит сразу 1.500.000 руб. Бернацкий, кажется, не решился удовлетворить это ходатайство, но ныне Маргулиес, являющийся фактическим главою и руководителем Совета Госуд. Объединения, благодаря совершенному перевороту, сможет обойтись и без Бернацкого. Обстоятельства переворота, произведенного французским командованием 13 марта, были таковы. Планы Фрейденберга, являющегося непримиримым врагом Добров. армии, будучи поддержаны в Бухаресте и Константинополе (а может быть, и в Париже) интриганами и честолюбцами из среды русских общественных деятелей, повидимому, были одобрены ген. Франше-

д'Эсперэ. А может быть, ген. д'Ансельм и всецело руководящий им Фрейденберг удовлетворились сообщением Шебеко, кн. Л. В. Урусова и Молова о том, что ген. Франше-д'Эсперэ и Бертело считают необходимым образование в Одессе особого правительства. Во всяком случае, приезд указанных трех лиц в Одессу сыграл значительную роль во всем ныне происшедшем. Сущность совершенного переворота состоит в том, что ген. д'Ансельм объявил Одессу на осадном положении и присвоил себе диктаторскую власть, а при себе образовал совет из пяти лиц: Андро, Григоренко, ген. Шварца, Маргулиеса и Пешехонова [20]). Сделано так, как говорил кн. Урусову и Молову ген. Франше-д'Эсперэ: создана власть на «широкой базе от Протопопова до Керенского», считая, что в указанной коалиции из пяти лиц Протопопова заменяет крайний правый Григоренко, а Керенского — бывший член его кабинета народный социалист Пешехонов. Формально это облечено в такую форму: вся власть принадлежит ген. д'Ансельму, который своим помощником по гражданской части назначил Андро, а уже последний приглашает заведывающих отделами, т.-е. «составляет кабинет».

Таким образом схема построения власти в Одессе осталась та же, какой она была здесь после взятия Одессы ген. Гришиным-Алмазовым в декабре прошлого года. Изменились только лица: вместо ген. Гришина-Алмазова — ген. д'Ансельм, при нем в качестве помощника по гражданской части вместо Пильца — Андро, и все это подчинено не ген. Деникину, а ген. Бертело. Ген. Гришин-Алмазов остался в скромной роли командира частей Добров. армии, находящихся в одесском районе. Д'Ансельм вечером 13 марта возвратившемуся в этот день в Одессу (но не вступившему в должность) ген. Санникову и ген. Гришину-Алмазову заявил следующее: 1) что вся власть принадлежит только ему одному как командующему всеми союзными силами в одесском районе, 2) что все эти мероприятия — временные, вводятся они пока на 15 дней, в течение которых на предстоящем свидании в Константе ген. Бертело и ген. Деникина или его представителей все будет выяснено и решено. Со стороны местного командования Добров. армии было решено подчиниться в военном отношении д'Ансельму, согласно указанию, заблаговременно преподанному из Екатеринодара, но исполнять только его приказания. Однако на следующий день выяснилось, что д'Ансельм сказал неправду, так как опубликовано было о назначении Андро, и последний немедленно приступил к делам по управлению. Это создало большое осложнение. По этому поводу выработан и 15 марта представлен ген. д'Ансельму меморандум-протест (при сем прилагаемый [1]), подписанный следующими 6 лицами: митрополитом Платоном, ген. Санниковым, ген. Гришиным-Алмазовым и членами Особого Совещания Бернацким, Лебедевым и Шульгиным.

---

[1]) См. ниже.

Равным образом не заслуживает доверия и заявление д'Ансельма о том, что принятые меры — временные и распространены на 15 дней. Переворотов на 15 дней не делают. В данном случае мы имеем свержение в Одессе власти Добров. армии, давно лелеянное Фрейденбергом и группой интриганов и честолюбцев. Из них Андро хорошо известен. Он глава «кабинета». Б. Ф. Григоренко давно жаждет власти. Он несколько раз был кандидатом в министры в эпоху гетмана Скоропадского, а недавно был кандидатом в главы директории. По воззрениям — крайний правый, человек средней способности, поверхностный и легкомысленный, ненавидит Андро. Он будет решать аграрный вопрос. Ген. Шварц будет руководить созданием смешанных украино-французских формирований. По позднейшим сведениям, ген. Шварц отказался принять участие в новом правительстве. Маргулиес, личность весьма темная, будет руководить финансами. Пешехонов, бывший плачевно-неудачным министром продовольствия в кабинете Керенского, взят ради своей социалистической фирмы (есть данные, что Пешехонов отказался).

Серьезные общественные круги встретили переворот частью с недоумением, частью с негодованием. И все с ужасом думают, чем же все это кончится? Даже в тех кругах, которые все время будировали против командования Добров. армии и требовали образования особого южнорусского правительства, царит перепуг по поводу происшедшего. Все ждут, что за «переворотом» последует в Одессе общий развал, а затем позорная сдача города большевикам. Южно-Русский Национальный Центр в многолюдном заседании 14 марта единогласно постановил: 1) послать ген. Деникину приветствие и засвидетельствовать ему непоколебимое чувство верности и преданности и 2) признать, что отныне Добров. армия не несет никакой ответственности за все, что произойдет в Одессе.

4.

Меморандум.

Обсудив создавшееся положение, нижеподписавшиеся пришли к следующему заключению.

1. Одесса и прилегающий к ней район фактически находятся в положении осажденной крепости, почему введение осадного положения является мерою разумною.

2. Смысл осадного положения состоит в сосредоточении в руках высшего военного начальника всей власти. Так как высшим военным начальником в Одессе является ген. д'Ансельм, то естественно, чтобы на время осадного положения вся власть принадлежала именно ему — генералу д'Ансельму.

3. Однако сосредоточение всей власти в руках генерала д'Ансельма вовсе не требует разрушения русского аппарата управления. Наоборот. в особо тяжелые минуты необходимо, чтобы все учреждения и

лица оставались на своих местах и с особым напряжением исполняли свои обязанности. Введение в аппарат управления в самую критическую минуту совершенно новых лиц, не имеющих ровно никакого представления о своих подчиненных — и обратно, может только в высшей степени осложнить положение. Еще большее осложнение вызовет разрушение самой конструкции власти, той конструкции, которая сложилась в Одессе в силу обстоятельств, властно требовавших именно этой, а не другой схемы. Отделение русской гражданской власти от военной вызовет неисчислимые затруднения, ибо для координации своих действий обе власти должны будут обращаться к французскому генералу, что будет в высшей степени неудобно. Так, например, помощник по гражданской части, назначенный генералом д'Ансельмом господин Андро-Ланжерон, принявший на себя охрану города, фактически осуществить этой охраны не может. Охрана города в последнее время осуществляется при помощи русских войсковых частей. Русские же войска находятся в подчинении генералу Гришину-Алмазову, который господину Андро-Ланжерону не подчинен и подчинен быть не может. Следовательно, для того, чтобы устроить, например, хотя бы патрулирование по Ланжероновской улице, господин Андро-Ланжерон должен обратиться к генералу д'Ансельму с просьбой об отдаче генералу Гришину-Алмазову соответственного приказания. Нелепость такого положения совершенно очевидна. Совершенно ясно, что вся власть военная и гражданская должна быть сосредоточена в руках русского генерала. Этот русский генерал на время осадного положения должен подчиняться генералу д'Ансельму, который через него может осуществить всю полноту единой власти.

4. Кроме того, назначение генералом д'Ансельмом разных лиц на самые ответственные посты без всякого сношения с генералом Деникиным и даже без ведома находящихся здесь представителей и ближайших сотрудников генерала Деникина является на наш взгляд ничем не вызванной узурпацией прав русской власти, с таким трудом из анархии, хаоса и разрушения создающей элементы порядка на юге России. Губительные последствия такого шага не замедлят сказаться.

5. Против действий, изложенных в пунктах 3 и 4, т.-е. против разрушения аппарата управления и узурпации прав генерала Деникина, мы, нижеподписавшиеся, — высший представитель русской церкви, высшие представители русской военной власти в Одессе, а также члены Особого Совещания при генерале Деникине — выражаем свой протест.

Митрополит Платон, генерал Санников, генерал Гришин-Алмазов, В. А. Лебедев, М. В. Бернацкий, В. В. Шульгин.

2/15 марта 1919 г.

5.

23/10 марта 1919 г.
г. Одесса.

Вся минувшая неделя является неделей о «перевороте», начатом французским командованием в ночь на 14 марта, но затем повисшем в воздухе, долго не вытанцовывавшемся и довершенном ген. Франше-д'Эсперэ 21 марта. С несомненностью выяснилось одно, что Андро обманул ген. д'Ансельма, уверив его в том, что широкие русские общественные круги поддержат его, Андро, и дадут ему возможность образовать «кабинет» коалиционного характера, с участием в нем представителей самых различных партий и течений, начиная с правых и кончая социалистами. По тактическим соображениям переворот решено было замаскировать, придав кабинету форму сначала совета при командующем всеми союзными силами в одесском районе, а затем «совета по делам обороны и продовольствия».

На другой же день после совершения переворота выяснился обман Андро: сразу обнаружилось, что его, в сущности, никто не поддерживает. О Южно-Русском Национальном Центре и о местном отделе Всероссийского Национального Центра и говорить нечего: эти две организации, стоя на позиции поддержания Добров. армии и признания только власти, поставленной командованием Добров. армии, к интриге Фрейденберга-Андро относятся совершенно отрицательно. О левых организациях и партиях, в том числе Союзе Возрождения, земско-городском единении и местной городской думе, также говорить не приходится: эти организации, состоя из безнадежно-слепых и ничему не научившихся людей, всей своей деятельностью в Одессе помогают (надо думать, бессознательно) большевикам. Они на все лады повторяют одно требование: о передаче всей власти «демократии». Союз Государственного Объединения, все время интриговавший против Добров. армии, ныне заколебался. Хотя он все время вел линию в том направлении, что вся власть должна принадлежать ему, Совету Государственного Объединения, но когда французское командование решило построить здесь власть на коалиционных началах, и притом без ведома и согласия ген. Деникина, то ряды интриганов Совета дрогнули. Сначала лидеры Совета благословили Маргулиеса войти в состав кабинета, но затем начался отбой. Этому способствовали некоторые обстоятельства, свидетельствовавшие о назревающем расколе в Совете Госуд. Объединения. Большая группа членов Совета, ядро которой составляет профессорская группа, два раза собиралась и обсуждала создавшееся положение. Эта группа, стоя на позиции решительной поддержки Добровольческой армии, заявила руководителям Совета Госуд. Объединения, что если Совет не изменит своей политики, то вся эта оппозиционная группа выйдет из состава Совета и опубликует мотивы своего выхода. Кончилось это тем, что Маргулиес отказался от вступления в кабинет Андро и уехал за границу. Председатель

Совета Госуд. Объединения барон В. В. Меллер-Закомельский, вероятно, также должен будет уйти и уступить свое место кому-нибудь из сторонников Добр. армии. В распоряжении Андро оставались одни хлеборобы. Но ясно было, что и с этой стороны авантюра Андро имела сомнительную поддержку. Начать с того, что та резолюция уполномоченных от хлеборобов, которая была принята 4 марта и на которую опирался Андро, была принята всего 42 голосами против 40 голосов, при чем представители хлеборобов Подольской губ. подали в совет хлеборобов заявление о необходимости пересмотра всего этого дела, так как повестки на собрание 4 марта многим противникам политики Андро не были разосланы. Совет, руководимый Андро, отклонил это ходатайство. Следствием всего этого было то, что председатель областного союза хлеборобов граф Д. Ф. Гейден подал заявление о своем уходе с поста председателя. Ушли из совета уполномоченных от хлеборобов оба представителя Подолии — Н. Н. Можайский и Ф. А. Могилевский. А общее собрание хлеборобов Херсонской губернии, т.-е. тех хлеборобов, голос которых в данное время только и может иметь реальное значение, почти единогласно приняло резолюцию о полной и безусловной поддержке Добров. армии и ее командования. В результате всего этого было то, что на следующий же день после «переворота» все члены кабинета Андро отказались от сотрудничества с ним, и Андро остался один. Начались, конечно, сношения и переговоры. Французское командование пошло на уступки и отказалось от прежней категоричности своих требований. Ген. д'Ансельм, находящийся теперь в руках уже не одного, а двух интриганов, растерялся. В разговорах с местными представителями Добров. армии и с митрополитом Платоном он прямо говорил, что его «втянули в эту неприятную историю», которую надо как-нибудь уладить. Между прочим, в беседе с митрополитом Платоном, который предстал перед генералом д'Ансельмом в качестве выразителя мыслей и чувств русских кругов населения, стоящих за поддержку Добров. армии, ген. д'Ансельм признался, что он взял к себе в помощники по гражданской части Андро потому, что этот последний обещал дать Одессе в кратчайшее время полтора миллиона пудов хлеба.

Долгие переговоры, различные видоизменения, которым подвергало французское командование первоначально проектированную им структуру местной власти, и ряд уступок с обеих сторон ослабили было напряжение и отодвинули конфликт. Андро успел было организовать новый совет из пяти лиц, но затем и эта новая пятерка отказалась. Положение несколько дней оставалось тягостно-напряженным. Камнем преткновения являлись два вопроса, в которых представители Добров. армии не могли итти на уступки: 1) вопрос о новых формированиях, которые должен делать ген. Шварц, и 2) вопрос о том, кому должна подчиняться наружная и тайная полиция и градоначальник. В этом последнем вопросе французское командование все время колебалось. Первоначально был объявлен приказ, в силу которого ген.

Гришину-Алмазову оставлено было только командование частями Добров. армии, а градоначальник и полиция были подчинены Андро. Потом французское командование пошло на уступки и передало ген. Гришину-Алмазову не только командование участком фронта, занятым частями Добров. армии, но и внутреннюю оборону г. Одессы. На указания в том смысле, что нельзя же руководить внутренней обороной города и нести ответственность за эту оборону, не имея в своем подчинении полиции и градоначальства, ген. д'Ансельм словесно выразил ген. Санникову согласие на передачу полиции и градоначальства вновь в подчинение ген. Гришину-Алмазову. А когда это было приведено в исполнение, то Андро стал протестовать и т. д. Создалось невозможное положение, и градоначальник Марков, не видя выхода из него и не имея возможности добиться, кому же, наконец, он подчинен, 18 марта подал было прошение об отставке. Тогда опять было решено, что градоначальник и полиция останутся в подчинении ген. Гришину-Алмазову. Вопрос о новых русских формированиях, не подчиненных командованию Добров. армии, еще сложнее и острее. Здесь не может быть никаких уступок, ибо при наличности двух русских армий, не объединенных единым русским командованием, всегда будет существовать опасность, что эти две параллельные силы в одно прекрасное время перекрестятся. Кроме того, формирование русских частей, не входящих в состав Добров. армии, тут же, рядом с существующими частями Добр. армии создает тягостную атмосферу конкуренции, интриги, разложения и антагонизма. Ген. Шварц сначала было принял предложение французского командования, потом отказался, а потом опять согласился. В беседах с представителями печати он усиленно заявлял, что будет рука об руку с Добров. армией, а в частных беседах говорил, что возьмется за предложенное ему французским командованием дело только в том случае, если на то последует согласие со стороны ген. Деникина. В том же смысле везде рассыпается и Андро. Исподтишка же Андро деятельно интригует против Добров. армии и против тех групп, которые ее поддерживают. Что же касается ген. Шварца, то хотя он после долгих колебаний согласился принять пост советника ген. д'Ансельма по военным делам, но в должность не вступал вследствие болезни. Андро в заседании совета хлеборобов 16 марта горячо говорил о том, что он — друг Добров. армии и будет служить тому же самому великому и святому делу, которому служит Добров. армия. Наряду с этой риторикой он утверждал, что обо всем предпринятом ныне в Одессе он предупреждал в Екатеринодаре ген. Деникина, так что все сделанное сделано с ведома ген. Деникина.

Одновременно Андро делал шаги к сближению с русской партией (Шульгина), которые остались без ответа. Андро ныне оперирует тактикой запугивания хлеборобов и вообще шкурников: он говорит, что если та власть, во главе которой ныне поставлен он, Андро, не будет поддержана населением, то французы передадут власть либо

социалистам (городской думе и проч.), либо украинской директории, или, наконец, помирятся с большевиками и уйдут к себе домой. На шкурников эти запугивания действуют. Депутация от той части хлеборобов, которая поддерживает Андро, с графами Ип. Капнистом и Стенбок-Фермором и В. Н. Полуниным во главе, ездит по городу и всячески агитирует в пользу поддержания новой местной власти. 17 марта названная депутация была у В. В. Шульгина и настойчиво убеждала и упрашивала его «не мешать» французам и Андро спасти Россию. В. В. Шульгин дал им решительную отповедь, сравнив кучку хлеборобов с «совдепом», который во все мешается, воображает себя вершителем судеб России и подрывает ту единственную власть и единственную вооруженную силу, которую имеет Южная Россия в лице Добров. армии. Это не помешало в заседании совета хлеборобов графу Ип. Капнисту доложить, что В. В. Шульгин в общем вполне одобрил политику хлеборобов и Андро. Таковы приемы одесских политиканов. В среде группы военных, стремящихся пристроиться к делу при помощи французского командования и помимо Добров. армии, возглавляемых ныне ген. Шварцем, в большом ходу такая мысль: образовать в Южной России особую русскую армию и особое правительство и все это подчинить помимо ген. Деникина адм. Колчаку.

В общем к 20 марта создалось было крайне сложное и запутанное положение. Вместо упрощения положения произведенный французским командованием «переворот» весьма осложнил его, вместо сосредоточения власти в одних руках власть сосредоточена и разделена так, что во многих случаях нельзя установить, кто кому подчинен. Дело доходило до невообразимых курьезов: по одному и тому же вопросу отдавались различные распоряжения Андро и Пишевичем, и начальниками в одной и той же области являлись ген. Гришин-Алмазов и Андро. Вместо диктатуры командующего всеми союзными войсками (для установления этой диктатуры и провозглашено осадное положение) создается при ген. д'Ансельме какое-то подобие совдепа. Наконец, совершенно неизвестно, какие ныне законы у нас действуют и нормами какого законодательства надлежит руководствоваться после объявления осадного положения — русского, французского или какого иного. На все эти вопросы никакого ответа нет.

Все это круто переменилось с приездом ген. Франше-д'Эсперэ. Последний приехал 20 марта и взял сразу резкое направление по курсу, проложенному полк. Фрейденбергом. Направление политики французского командования осталось то же, так что полк. Фрейденберг остался полным победителем, но в то время, как полк. Фрейденберг и ген. д'Ансельм свою кампанию против Добров. армии вели ощупью, осторожно, ген. Франше-д'Эсперэ пошел против Добров. армии открыто, резко и весьма решительно. Приехал в Одессу ген. Франше-д'Эсперэ с предвзятыми мнениями и с готовыми решениями. Он мало кого даже слушал. Принимал он и разговаривал только с теми, кого ему подсовывал полк. Фрейденберг, так что фактически французский

главнокомандующий оказался лишь орудием в руках Фрейденберга. Сразу же по приезде в Одессу он принял Андро и барона Меллера-Закомельского. Первый фигурировал в качестве председателя и вождя хлеборобов, а второй — в качестве председателя Совета Государственного Объединения. Выслушав их, ген. Франше-д'Эсперэ решил, что теперь он уже все знает и что все русское население одобряет политику полк. Фрейденберга. Сразу ген. Франше-д'Эсперэ перешел к действиям. Он даже не поинтересовался выслушать мнения другой стороны и не пригласил к себе представителей тех кругов, которые стоят на позиции поддержки Добров. армии и считают, что только одна она может послужить основой спасения и возрождения России. Вообще к русским ген. Франше-д'Эсперэ относится с величайшим презрением и ничуть этого не скрывает. Даже некоторые офицеры французского штаба были поражены тем, что он сказал в штабе в день приезда своего. Смысл его речей и директив был таков: «Русские — варвары и негодяи; из-за них мы ввязались в эту войну, но они же изменили нам и предали нас, так что мы должны были выдержать натиск всей германской коалиции; из-за измены России мы воевали лишний год и потеряли несколько лишних сотен тысяч человек; и теперь эти самые предатели и негодяи просят и даже требуют от нас помощи. Конечно, я — солдат, и раз французское правительство требует, чтобы России была оказана помощь, мы ее окажем, но я не могу скрыть, что сердце мое в этом деле не участвует... вас прошу не стесняться с русскими: с этими варварами надо поступать решительно, и потому — чуть что,— расстреливайте их, начиная от мужиков и кончая самыми высшими представителями их. Ответственность я беру на себя». Самоуверенности ген. Франше-д'Эсперэ и его презрения к русским ничуть не поколебало то обстоятельство, что с приездом его в Одессу совпало невероятно позорное бегство французских войск из-под Березовки от кучки большевиков, при чем бежавшие французы (за ними устремились бежать и греки, при чем последние били прикладами ружей бегущих французов) бросили большевикам пять танков, всю артиллерию отряда, пулеметы, аэропланы, весь обоз и т. д., а в дальнейшем бегстве бросали даже ружья и верхнюю одежду. С другой стороны, было получено известие о большой победе Добров. армии в Донецком каменноугольном районе. Все это ничуть не повлияло на решения ген. Франше-д'Эсперэ; последний докончил начатый ген. д'Ансельмом переворот и полностью упразднил в Одессе и ее районе власть Дэбров. армии. С 21 марта в Южной России мы имеем полную французскую оккупацию. Вся власть принадлежит французскому командованию. В первый же день пребывания в Одессе ген. Франше-д'Эсперэ посетил больного ген. Шварца и объявил ему, что он назначает его генерал-губернатором и командующим всеми русскими войсками (с подчинением ему и добровольческой бригады ген. Тимановского). Ген. Шварц испугался такого оборота дела и стал отказываться, но Франше-д'Эсперэ накричал на него и уехал. 21 марта вечером был объявлен приказ

о назначении ген. Шварца, при чем ген. Санников и Гришин-Алмазов тем же приказом были высланы из Одессы в Екатеринодар. Высылка эта была облечена в форму приказа отвезти ген. Деникину письмо французского главнокомандующего. После объявления приказа о назначении ген. Шварца с подчинением ему даже бригады ген. Тимановского, ген. Шварц был поставлен представителями Добров. армии в известность об указании, данном ген. Деникиным ген. Тимановскому (о том, что последний может исполнять только те приказания, которые будут передаваться ему лицом, назначенным ген. Деникиным). Ген. Шварц очень заволновался и передал ген. Франше-д'Эсперэ через Андро и ген. Носкова его просьбу об освобождении его от назначения. На другой день выяснилось, что просьба эта вовсе не была передана французскому главнокомандующему. В то же время (с 21 на 22 марта), ген. Санников и Гришин-Алмазов и члены Особого Совещания Бернацкий и Шульгин составили заявление на имя ген. Франше-д'Эсперэ и отправили ему. В заявлении этом указано и разъяснено, к каким тягостным последствиям могут повести решения, принятые французским главнокомандующим. Заявление это ночью было отвезено адъютантом ген. Гришина-Алмазова ген. Франше-д'Эсперэ. На последнего оно не произвело никакого впечатления, при чем Франше-д'Эсперэ наговорил резкостей по адресу представителей командования Добров. армии, не исключая ген. Деникина, а в заключение сказал: «я делаю так, выполняя указания, данные мне из Парижа». Характерно, что наряду с таким проявлением презрения и враждебности к Добров. армии, добровольческой бригаде ген. Тимановского было приказано вместо прежнего направления (на правый фланг расположения) свернуть на направление к Березовке, т.-е. решено было кровью добровольцев спасать положение, испорченное бежавшими французами. 22 марта утром Франше-д'Эсперэ пригласил к себе ген. Санникова и сообщил ему, что в Париже образовалось русское правительство, с князем Львовым во главе [1]). Это правительство признано Францией и адм. Колчаком. По соглашению между этим правительством и правительством французским Франции предоставлено взять в оккупационное управление Южную Россию, с правом назначать всех военных и гражданских должностных лиц, формировать русскую армию и т. д. В тот же день в 1 час. дня ген. Санников и Гришин-Алмазов уехали в Екатеринодар, тепло провожаемые теми, сравнительно, немногими, кто знал об их внезапном отъезде [21]). Перед отъездом они, считая положение безвыходным, дали указания ген. Тимановскому, градоначальнику Маркову и др. должностным лицам в том смысле, чтобы они подчинились начальникам, назначенным французским главнокомандующим. В тот же день в 3 часа дня уехал из Одессы и Франше-д'Эсперэ. Так была в одесском районе уничтожена власть различных

[1]) Речь идет о так наз. «Политическом Совещании» под председательством Львова, созданном в Париже.

интриганов и авантюристов. Характернее всего, что ген. Франше-д'Эсперэ, негодуя на русских за то, что они изменили Франции и союзникам, передал власть в Южной России именно тем, кто запятнал себя изменой союзникам и работал с немцами (Андро и хлеборобы, а также генералы и офицеры, служившие в украинской армии при Скоропадском) и повел борьбу со всеми теми, кто хранил рыцарскую верность союзникам (Добров. армия и круги, ее поддерживающие).

Окончательная структура новой власти еще не определилась. В частности, неясно, каково будет отношение прав и полномочий ген. Шварца и Андро. Главным местным начальником как будто является ген. Шварц. Но Андро ведет себя, как глава правительства. Оба они набирают себе сотрудников. Андро взял себе в помощники Б. Н. Лелявского (крайний правый, бывший член Госуд. Думы от Волынской губ.). Имеются данные, устанавливающие, что Андро поддерживает близкие отношения с местными крайними правыми, руководимыми В. А. Пеликаном [22]). Ближайшими сотрудниками ген. Шварца являются генералы Носков и Прохорович. Есть данные, устанавливающие, что ген. Шварц находится в общении с украинцами и, в частности, с ген. Грековым. Ген. Франше-д'Эсперэ обещал дать все оружие и вообще все снаряжение и снабжение для той армии, которою будет оперировать ген. Шварц. Кроме того, он, уезжая, заявил, что в ближайшие дни из портов Средиземного моря начнут прибывать новые войска — для действий против большевиков, а затем — хлеб и другие продукты для населения.

Совет Южно-Русского Национального Центра в заседании 18 марта одобрил историческую записку, посвященную критике деятельности французского командования в течение трех месяцев в Южной России. Записку эту решено послать в Париж. Копия записки при сем прилагается [1]).

Военные события в районе Херсона и Николаева, а также в районе Березовки с полной очевидностью доказали, что французские войска находятся в состоянии полного разложения. При первом натиске большевиков они в беспорядке отступают, бросая даже оружие. Греческие войска много лучше, но поведение французов действует и на них деморализующе. Кроме того, греческие войска находятся под командой французов; а французское командование — не лучше французских войск. Во французском штабе царит невообразимый беспорядок. Там все политиканствуют, а военным делом никто не занимается. На почве всего этого в рядах греческих войск весьма неприязненное отношение. Представители греческой армии хлопочут, чтобы грекам дан был на фронте особый сектор, в командование которым французы не мешались бы.

18 марта на соборной площади состоялся парад частям Добров. армии, отправляющимся на фронт. После молебна митрополит Платон

[1]) В «личной папке Колчака» в Архиве Окт. Революции этой записки не имеется.

благословил войска. Затем после провозглашения здравиц войска были пропущены ген. Гришиным-Алмазовым церемониальным маршем. Парад, собравший очень много народа, произвел в городе очень большое впечатление и сильно поднял престиж Добров. армии. Даже социалистическая городская дума заговорила после того о предпочтительности власти Добров. армии, той власти, которую хотят создать французы при помощи Андро. Должен отметить, что в тех русских кругах, которые всецело стоят на стороне Добров. армии, царит опасение, что добровольческие части, в случае нового прорыва союзнического фронта, могут быть поставлены в катастрофическое положение: они могут быть отрезаны и прижаты к морю. С другой стороны, на основании некоторых данных можно считать установленным, что командный состав в добровольческих частях в общем ниже рядового офицерства. В некоторых частях командиры совсем не бывают в своих частях, учение никогда не производится, все делается спустя рукава. Однако надо отметить, что ген. Тимановский пользуется симпатиями и уважением. Население зоны относится к добровольцам очень хорошо. В связи со всеми описанными событиями и явлениями во всех кругах населения замечается сильное охлаждение к французам и вообще к союзникам, доходящее до ненависти к французам, а с другой стороны— сильный рост германофильства. Полк. Фрейденберг проявил большую талантливость в одном: в короткое время он своей политикой сумел растерять весь огромный запас симпатий к союзникам, накопленный в русском обществе за четыре года войны. Рост симпатий к немцам принимает размеры, делающие из этого явления серьезный политический фактор. Немцы также не спят. Они работают без передышки. Германия ныне переполнена беженцами из России. Все они там находят самый радушный прием. Особенно тепло и заботливо немцы относятся к русским офицерам. Из одного Киева в Германию вывезено и выехало до 2.000 офицеров-добровольцев. Часть их осталась в Германии, где они пользуются большим вниманием и гостеприимством. Из Германии в Одессу часто приезжают беженцы киевляне и беженцы из других мест. Они все в один голос свидетельствуют, что Германия идет быстрыми шагами к восстановлению полного порядка и к воссозданию своей мощи. В Германии пользуется большим успехом идея «союза побежденных», то-есть союза России, Германии и остатков Австрии. В этом направлении ведется агитация. Делу создания в Германии русской армии из добровольцев пленных (при участии офицеров, эвакуированных из Киева) немецкие власти оказывают полное содействие. Во главе этого дела стоит тот самый русский германофильский комитет, с бывшим членом Госуд. Думы Дерюгиным и Туган-Барановским во главе, который формировал в Псковской губернии Северную армию (ген. Келлера). Вновь формируемая армия будет называться «Северная Добровольческая армия». Организаторы армии во главе ее надеются видеть ген. Юденича. В Одессе в настоящее время находится американская военная комиссия, командированная в Южную Россию

американской делегацией на мирной конференции в Париже для изучения истинного положения здесь.

Во главе комиссии стоит полковник Риггс. Он раньше служил в Москве, довольно хорошо знает Россию и недурно разбирается во всем, что у нас происходит. 19 марта полковник Риггс был в собрании членов Госуд. Дум и Госуд. Совета, где состоялась по этому случаю специальная беседа. На многие вопросы полк. Риггс давал уклончивые ответы. Зато его собеседники были настолько бестактны, что и тут позволили себе жалобы на командование Добров. армии. Полк. Риггс заявил, что единая, великая Россия будет. В этом он не сомневается. Вопрос только в том, когда она будет: может быть, через год, а может быть, через двадцать лет. Полк. Риггс 18 марта имел беседу с В. В. Шульгиным и произвел на него хорошее впечатление.

Лица, пробирающиеся в Одессу из правобережной Малороссии, рисуют картину агонии власти украинской директории. Коновалец и вообще галицкие украинцы отделились от директории и порвали с ней. В правобережной Малороссии, вконец измученной украинской анархией, грабежами и террором, жаждут прихода большевиков. Мотивы: 1) большевики дадут хотя какой-нибудь порядок и 2) большевики стоят за единую Россию. В возможности получить помощь от союзников изверились. Кроме того, союзники скомпрометировали себя в глазах населения своими переговорами и соглашениями с украинцами. Несмотря на все это, полк. Фрейденберг продолжает переговоры с украинцами. Повидимому, он неразрывно связан с ними и находится в зависимости от них.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Бертело, ген., командующий франц. войсками в Румынии и на юге России.

[2]) Д'Ансельм, ген., начальник французских оккупационных войск в Одессе.

[3]) Марголин, А. Д., прис. пов., тов. мин. ин. дел Украинской директории; автор книги «Огненные годы» («Украина и политика Антанты»), изд. Гржебина.

[4]) Галип, галичанин, представитель Украинской директории на юге России.

[5]) В. Винниченко, драматург, глава Украинской директории. Проф. С. Остапенко в ст. «Директория и французская оккупация» (сборн. «Черная книга») передает разговоры полк. Фрейденберга с ним как представителем директории. Разговор происходил в таком стиле: «Винниченко — фить. Список членов директории составляется с нашего согласия... Петлюру считают в Европе бандитом, с бандитами непристойно подписывать договоры, Андриевский — пьяница. Всех их нужно убрать». Очень скоро Винниченко ушел, за ним и другие министры.

[6]) Греков, ген., команд. войсками директории.

[7]) Родзевич — председатель отдела союза русского народа в Одессе.

[8]) Григоренко, средний помещик, монархист, служил в гетманском министерстве земледелия.

[9]) А. М. Масленников, член Госуд. Думы, монархист.

[10]) С. В. Левашов, проф. Новороссийского унив., член IV Госуд. Думы.

[11]) А. Савенко, сотрудник «Киевлянина», известный черносотенец.

[12]) Как сообщает М. С. Маргулиес в книге «Год интервенции», А. Бобринский готов был ради спасения от большевизма итти на соглашение с Петлюрой.

[13]) А. С. Санников, ген., одесский городской голова, представитель Деникина в Одессе.

[14]) Проф. С. Остапенко, представитель директории.

[15]) Бискупский, ген., б. представитель гетмана в Одессе.

[16]) Франше-д'Эсперэ, ген., команд. французской восточной армией.

[17]) «Осваг» осведомительное агентство, отдел пропаганды при Особом Совещании ген. Деникина.

[18]) Н. Н. Шебеко, б. русский посол в Австро-Венгрии.

[19]) «Протофис», «объединение промышленности, торговли и финансов», создавшееся в Киеве при гетмане и состоявшее из крупнейших сахарозаводчиков, финансистов и т. д.

[20]) А. В. Пешехонов, лидер нар.-соц., министр продовольствия Врем. Правительства. Пешехонов отказался войти в правительство при франц. командовании.

[21]) Франше д'Эсперэ уволил генералов Санникова и Гришина-Алмазова и сформировал так наз. «Совет обороны при командующем войсками в зоне союзников». Это было правительство не обороны, а эвакуации, закончившейся 5 апреля, когда из Одессы ушли последние французские части. Крым, как известно, был эвакуирован французами позже.

[22]) В. А. Пеликан, бывш. одесский городской голова.

Англичане на севере.

(1918—1919 г.г.)

Что антисоветские движения вряд ли приняли бы характер всероссийской контр-революции и дальше местных выступлений, по крайней мере, в большинстве областей, не пошли бы, если б не вмешательство интервентов, — лучшее доказательство тому — события в Архангельске. Начавшись 2 августа 1918 года, на второй день после подхода английской эскадры, северная контр-революция растаяла, собственно, к осени 1919 года, когда скрылись за горизонтом последние корабли, увозившие интервентов. И если номинальный конец выступления — февраль 1920 г. — не совпал с фактическим, то не контр-революция тому виною: отвлечение Красной армии к принявшему угрожающий характер деникинскому фронту и наступившая суровая зима, затруднявшая активные операции, продлили ее существование. Когда к весне 1920 г. остатки деникинской армии заперлись в Крыму, исчезла и северная белая армия при первом же толчке советских войск.

Но Архангельск, кроме того, оказался единственным районом, где интервенция была осуществлена полностью, и притом в размерах, которые русская буржуазия считала вполне достаточными для свержения большевиков — в этом, в частности, значение северной интервенции. Интервенты здесь были представлены не только англичанами, французами, американцами, но и итальянцами, сербами, канадцами, австралийцами, наконец, — словно нарочито подчеркивая тем международный характер борьбы с Советами, — и «нейтральными» датчанами. В связи с оживлением в настоящее время интервенционистской деятельности английских консерваторов, снова призывающих к крестовому походу против большевиков, публикация документов, характеризующих как самое поведение «друзей России», так и цели, которые ставили себе интервенты на севере, — имеет не только историческое значение, но и политическое: документы ответят на вопрос, какой вид имела бы Россия, если бы в Москве сидели английские ставленники.

Особый интерес этим документам придает тот факт, что интервенты выступают здесь не в качестве объекта жалоб, а в качестве субъектов действия: почти все документы исходят от самих союзников.

Печатаемые документы №№ 1 и 4 хранятся в Моск. Центр. Архиве Октябрьской Революции (фонд IV, д. № 40, л. л. 11, 12); № 11 — там же (фонд IV, д. № 32). Прочие документы извлечены из дел Верх. Управления Северной области, хранящихся в архангельском Губархбюро: № 2 — из дела № 2 «Переписка с союзным командованием»; №№ 3, 5, 6, 8 и 9 — из дела № 18 «Переписка председателя Верх. Упр.»; №№ 7 и 13 — из дела № 8 «Переписка с союзными посольствами»; № 10—из дела № 29 «О реформе денежного обращения»; № 12—из дела № 22; №№ 14 и 15—из дела № 20 «С перепиской Шэкльтона».

И. Минц.

1.

Обращение британского правительства к русскому народу [1]).

Ваши союзники не забыли вас. Они помнят ваши заслуги, которые оказали им ваши геройские армии в первые годы войны. Мы пришли к вам на помощь, как друзья, помочь вам спастись от развала и разрушения в руках Германии, которая старается поработить вас, использовав громадные богатства вашей страны для своей пользы.

Судьбы России — в руках русского народа, и только он определит свою форму правления и найдет решение социальных проблем в своих интересах. Ваши настоящие интересы, как независимой нации, есть поддержание свобод, которые вы завоевали революцией, которым угрожает железная рука Германии, затягивающая петли вокруг знамени свободы и независимости. Мы все еще ваши союзники, и мы встали рядом с вами на защиту этих великих задач, без которых не может быть окончательного мира и настоящей свободы всех народов.

Мы торжественно заявляем вам, что наши войска вступили в Россию не потому, что мы хотим захватить хотя бы одну пядь русской земли, а для того, чтобы помочь вам в ваших условиях противодействовать Германии. Мы оплакиваем гражданскую войну, которая разделяет вас, и внутренние несогласия, которые облегчают проведение германских завоевательных планов. Мы не имеем намерения навязать вам какое-либо политическое устройство.

Русские люди, присоединяйтесь к нам для защиты ваших свобод, ибо единственное наше желание видеть Россию сильной и свободной и охранить труд русского народа, направленный на создание своего будущего, сообразно свободно выраженному желанию всего народа.

Русские люди! Мы хотим не только прекратить вступление немцев на русскую землю, но и принести экономическую помощь вашей разоренной и страдающей стране. Мы послали уже припасы в Россию, еще большие количества идут вслед. Наше желание помочь развитию промышленности и естественных богатств вашей страны, а не эксплоатировать их в нашу пользу. Мы хотим восстановить обмен товаров, поднять земледелие и содействовать вам занять достойное вас место среди свободных народов мира.

2.

4 августа 1918 г. г. Архангельск.

До сведения командующего союзными войсками в России дошло, что на одном из зданий города был поднят красный флаг. По приказанию командующего предлагаю вам принять все меры, чтобы, кроме военного Андреевского и национального (белый, синий, красный), другие флаги не подымались.

Адъютант командующего союзными войсками в России *Макферсон*.

[1]) На документе дата отсутствует. «Обращение» распубликовано было в Архангельске около 5—6 августа 1918 г.

3.

Архангельск, 5 августа 1918 года.

Председателю архангельского правительства.

Ваше превосходительство.

Имею честь подтвердить получение вашего письма от 5 августа 1918 года.

В ответ имею честь сообщить вам, что Архангельск и губерния в настоящее время на военном положении; я как главнокомандующий союзными войсками в России считаю, что с точки зрения военной безопасности нежелательно допустить поднятие красного флага, так как он недавно был связан с бывшим большевистским правительством.

В виду этого я отдал распоряжение военным о недопущении красных флагов в Архангельске.

Имею честь просить, чтобы вы также согласились на мое желание.

Имею честь быть вашим покорнейшим слугою.

Пуль, главнокомандующий союзными войсками в России.

4.

Приказ.

В виду распространения среди населения лицами, желающими возбудить тревогу, всевозможных вздорных слухов об одержанных большевиками победах и возможном их приближении, союзное командование, в полном согласии с гражданскими властями Архангельска, постановляет:

Всякое лицо, уличенное в распространении в Архангельске и прилежащих районах ложных известий, могущих вызвать тревогу или смущение среди дружественных союзникам войск или населения, карается, в силу существующего ныне осадного положения, со всею строгостью осадного положения, со всею строгостью военных законов, т.-е. смертною казнью.

Всякий, кто попытается нанести таковым своим поведением вред своей родине, должен быть направлен вместе с уличающими его доказательствами к коменданту г. Архангельска.

Генерал *Пуль*.

5.

Председателю правительства Северной России.

Имею честь довести до вашего сведения, что, по моему мнению, необходимо, чтобы в настоящее время военные меры для обороны и поддержания порядка в Архангельске были поручены высшему союзному офицеру.

Поэтому я назначаю сегодня полковника французской армии Донопа военным губернатором гор. Архангельска. Ему подчиненным и связанным с ним будет работать русский офицер, назначенный вами комендантом города, и все союзные офицеры в Архангельске.

Я поэтому просил бы, чтобы вы осведомили всех, кого это касается, о назначении полковника Донопа и сделали соответствующие распоряжения для того, чтобы обеспечить полное сотрудничество между гражданскими властями и военным губернатором.

Г.-м. *Пуль.*

6.

Посольство
Американских Соединенных
Штатов.

Архангельск,
15 августа 1918 года.

Г. министр-председатель.

Ссылаясь на ваше письмо от 13 августа 1918 года за № 16, имею честь сообщить вам нижеследующее.

Генерал Пуль, пользуясь правами начальника экспедиционного корпуса, назначил полковника Донопа военным губернатором Архангельска. Нам неизвестно точно, каковы полномочия русского губернатора, как их понимает правительство Северной области. Мы только знаем, что полномочия полковника Донопа имеют единственной целью обеспечить в городе хороший порядок и общественную безопасность, которые пока еще плохо установлены, и что поэтому его полномочия не противоречат политическим и административным аттрибутам гражданских властей.

Впоследствии будет учрежден межсоюзный орган, составленный из секретарей различных миссий, для согласования всех ведомств и для ограждения прерогативы каждого.

Френсис.

7.

Американскому послу.

Старшине дипломатического корпуса в г. Архангельске.

Верховное Управление Северной области, в заседании своем от 17 сего сентября, поручило мне обратиться к послу Американских Соединенных Штатов, как к старейшине дипломатического корпуса, с нижеследующим формальным протестом.

Приказом главнокомандующего всеми союзными силами на русском фронте генерала Пуль, от 9 сего сентября, «в целях обеспечения общественного порядка», была введена предварительная цензура на все печатные произведения, в том числе и периодическую прессу.

Таким образом установлена политическая цензура, осуществлять которую, согласно приказу, должно разведывательное отделение штаба и иностранный военный губернатор г. Архангельска подполковник французской службы Донон.

Не возражая ни одним словом против установления цензуры военной, необходимой для сохранения военной тайны, Верховное Управление считает, однако, совершенно недопустимым цензуру политическую, проводимую союзным военным командованием, и втягивающим его во внутреннюю политическую борьбу в области. Верховное Управление полагает, что действующая ныне политическая цензура могла бы осуществляться лишь органами русской власти, подчиненными Верховному Управлению и его представителям.

В особенности горячо протестует Верховное Управление против того, что эта политическая цензура, осуществляемая подполковником Донопом, распространена также и на официальный орган правительства «Вестник Верховного Управления Северной области». Оно считает недопустимым, чтобы в органе, главной целью которого является распубликование узаконений, распоряжений и действий правительства, заметки официозного и полуофициозного характера цензурovались с политической точки зрения.

В заключение В. У. С. О. считает своим долгом обратить внимание дипломатического корпуса и на тот явно пристрастный и противоправительственный характер, который приняла политическая цензура в руках союзных военных властей.

В то время как в одной из существующих ныне в Архангельске газет, которой содействовал лично генерал Пуль [1]), систематически допускаются явные и злостные нападки как на все Верховное Управление, так и на отдельных его членов и его представителей, даже еще не назначенных, как генерал-губернатор полк. Дуров и его помощник Н. К. де-Бокар, в других газетах, пытающихся защищать правительство, в каждом номере вычеркиваются целые статьи. Союзные военные власти оказались, таким образом, целиком и безусловно вовлеченными во внутреннюю борьбу русских политических партий.

При таких обстоятельствах для Верховного Управления не оставалось другого выхода, как принять решение о закрытии газеты «Голос Отечества», о чем я и принужден довести до вашего, господин посол, сведения.

Председатель Верховного Управления Северной области
Чайковский.

[1]) Речь идет о монархической газете «Голос Отечества», для которой ген. Пуль при ее организации приказал конфисковать бумагу архангельской земской управы *И. М.*

8.

27 сентября 1918 года.
10 час. вечера.

Многоуважаемый г. Чайковский.

Я только что слышал, что правительство предполагает остаться в полном составе в качестве высшей законодательной власти в области и что новая исполнительная власть, о которой мы говорили сегодня утром, будет подчинена старому правительству [1]).

Должен сознаться, что это было для меня, так же как и для итальянского посланника, который был со мной, когда я об этом узнал, полнейшим сюрпризом. Я уверен, что французский и американский посланники будут одинаково удивлены, так как мы все думали, что новая исполнительная власть является новым правительством.

Я не знаю, что вы намерены опубликовать завтра, но я должен вас предупредить, что если в объявлении будет сказано, что все правительство остается попрежнему, мы будем считать себя введенными в заблуждение. Я думаю поэтому, что вы хорошо сделаете, если выясните положение, раньше чем высказаться по этому поводу, хотя, конечно, объявление о новой исполнительной власти только, как мы все это поняли сегодня утром, совершенно не встречает препятствий.

Я надеюсь, что мне неправильно сообщили относительно этого нового законодательного органа, так как я, право, не могу понять, каково будет его назначение. Единственное, что при существующих условиях может здесь понадобиться — это исполнительная власть, способная издавать декреты. Законодательный орган до смешного неуместен при существующей неуравновешенности и ограниченной власти в Северной области.

Я вполне понимаю, что члены Учредительного Собрания занимают особое положение и являются правильным законодательным органом в России, но это не значит, что правильно и разумно, чтобы полдюжины его членов, из которых некоторые даже не здесь, должны составлять законодательный орган. Что касается отсутствующих членов, мне кажется, они в совершенно одинаковом положении со всеми другими членами Учредительного Собрания, которые не в Архангельске.

---

[1]) Эс-эры у власти пробыли около месяца. В ночь с 5 на 6 сентября группа офицеров арестовала Верховное Управление и отправила в Соловецкий монастырь, образовав в Архангельске военную диктатуру. Что дело не обошлось без участия союзников, говорит совпадение двух фактов: переворот был произведен на второй день после высадки новой большой партии союзных солдат.

Мы имеем и прямое подтверждение этого участия со стороны самих союзников, явившихся не только благосклонными свидетелями, но и непосредственными инициаторами переворота. Возвращенному из ссылки Верховному Управлению было предложено передать всю власть генерал-губернатору, ему же подчинив гражданскую власть. Такой приказ уже был составлен Верховным Управлением и утвержден союзниками, когда часть Верховного Управления, в силу причин, к сожалению, неясных из документов, попавших к нам, захотела на ряду с губернатором сохранить и самое Управление в качестве высшего законодательного органа.

Простите мне это длинное письмо, но я не могу лечь спать, не дав вам знать мои чувства по этому вопросу, который мне казался так хорошо решенным сегодня утром.

Линдлей [1]).

9.

Архангельск, 6 октября 1918 года.

Н. В. Чайковскому, председателю Управления Северной области.

Дорогой г. председатель.

Вчера в 6 час. вечера ко мне пришел комитет Союза промышленности и торговли, состоящий из 4-х лиц; говорил за них Семенов. Он весьма подробно изложил свое мнение и требования, предъявленные вам. При свидании присутствовали французский и итальянский послы и британский комиссар г. Линдлей.

Я первый отвечал делегации и сообщил, что говорю от своего имени, не посоветовавшись со своими коллегами, и сказал им, что я считаю долгом каждого русского патриота сделать все от него зависящее для усиления этого правительства. Из всех, с кем мне приходилось иметь дело после большевистского переворота, оно одно является противником большевиков и Брестского договора. Я советовал им исполнить вашу просьбу и назначить тех министров, которые вам приятны. Все мои коллеги по очереди присоединились к моему мнению.

Это совещание заняло более часа, в течение которого мы все стояли.

Сейчас я получил сообщение, содержащее следующую резолюцию:

«Общее собрание Союза промышленности и торговли 6-го с/м. заслушало доклад своих делегатов о переговорах с г. Чайковским и посланниками и единогласно одобрило их действия и подтвердило обещания, данные вчера союзным посланникам. Согласно совета г. г. посланников соглашение о преобразовании нового правительства остается в силе, и, следовательно, кандидатами в новое правительство от Союза назначаются три лица, фамилии которых были переданы вчера союзным послам, а именно: г. г. Н. Б. Мефодиев, Т. Н. Городецкий и Ф. Ф. Ландман.

С совершенным почтением *Рупинский*».

Я надеюсь, что вы найдете возможным передать двум из этих трех кандидатов портфели, так как я в своем заявлении означенной делегации был весьма категоричен. Я считаю, что вы достигли победы получением согласия этих людей работать в правительстве, согласуясь с вашим положением, что только члены Учредительного Собрания имеют право голоса в законодательных вопросах, — положением, с которым, как вы помните, я не соглашался.

Я бы вас навестил или пригласил к себе, но погода настолько плоха, что нам обоим не следует выходить.

С уверением в моем уважении преданный вам *Френсис*.

[1]) Английский комиссар в Архангельске.

10.

Архангельск, 23 марта 1919 года.

Министру иностранных дел ген.-лейтенанту Миллеру.

Милостивый государь.

Имею честь сообщить вашему превосходительству, что мое правительство после самого тщательного обсуждения финансовой помощи, которую оно сможет оказать Временному Правительству Северной области, поручило мне сообщить вам, что оно согласно на некоторых условиях дать Временному Правительству ссуду в 5.000.000 рублей ежемесячно, чтобы помочь ему финансировать отделы, называемые в бюджете учреждениями государственного характера, включая военный отдел и военный порт.

Ссуды эти начались бы с 1 января 1919 года и продолжались бы в течение 6 месяцев с этого числа. Необходимо объяснить, что половина этих ссуд со временем должна быть уплачена французскому правительству в соответствии с соглашением между последним и правительством его величества. Возможность увеличения ежемесячных ссуд до 10.000.000 ежемесячно за указанный период будет зависеть от переговоров, теперь ведущихся между заинтересованными союзными правительствами.

Условия, на которых правительство его величества делает это предложение, я уверен, будут признаны Временным Правительством Северной области не только умеренными, с точки зрения первого, но и облегчающими задачу административного управления второго. Заключаются они в следующем:

1) Временное Правительство должно сообщить мне возможно скорее свои отчеты за 1918 год и за первые три месяца 1919 года.

2) Оно должно распорядиться, чтобы были заготовлены ежемесячные сметы и отчеты государственных учреждений для будущего.

3) Чтобы два британских представителя были включены в финансово-экономический совет, один из коих по должности должен быть членом всякой комиссии или подкомиссии, занимающихся рассмотрением отчетов и смет отделов. При этом он бы имел право вытребовать любые документы отделов, касающиеся финансов, и консультировать по техническим вопросам любое союзное должностное лицо. Лицо, подобным образом запрошенное, имеет право сопутствовать ему на всех собраниях совета, комиссий или подкомиссий, на которых он будет присутствовать по должности.

При этом, разумеется, что Временное Правительство в будущем не будет более выпускать займа доверия или других видов бумажных денег без разрешения правительства его величества.

Как вашему превосходительству известно, правительство его величества всегда придерживалось мнения, что финансирование Мурманского района должно лежать на Временном Правительстве. Оно

сознает, однако, что средства последнего были недостаточны для этого и, во избежание нужды населения и беспорядков в крае, фактически взяло на себя всю тяжесть финансирования администрации, снабжения и общественных работ со времени прибытия туда британских войск. Суммы, израсходованные правительством его величества, только по первому и последнему пунктам к 28 февраля составляли в общем приблизительно 23 миллиона новых рублей, 10 миллионов старых рублей и 50 тысяч ф. ст. английскими кредитными билетами, что составит всего по существующему курсу около 833 тысяч ф. ст. Большая часть этого расхода по его рассмотрению и распределению среди союзников и по внесению необходимых поправок на русские претензии, будет отнесена на счет Временного Правительства или того будущего русского правительства, которое его заменит, точно так же как и ссуды, упомянутые в предыдущих параграфах этой ноты. Правительство его величества теперь обсуждает, какой будет наиболее справедливый способ этого распределения в будущем и по получении от них этих сведений я буду иметь честь снова обратиться к вашему превосходительству.

Линдлей.

11.

Архангельск, 1 июня 1919 года. [1]).

Многоуважаемый генерал Миллер.

Как я уже имел честь вам лично передать, правительство его величества решило поднять курс всех русских рублей и местных выпусков денежных знаков, за исключением северного рубля, до 80 за фунт стерлингов. Эта перемена начнется с сего числа. Перед своим отъездом в отпуск г. Линдлей доложил министерству иностранных дел о заявлении Временного Правительства относительно неудобства частых перемен курса и советовал, чтобы ему разрешили сообщить вам, что курс в 80 будет удержан в течение двух месяцев при условии, что Временное Правительство примет все необходимые шаги для поддержания этого курса путем принятия всех зависящих от него мер для продажи леса, лежащего теперь в портах Белого моря.

Я теперь получил ответ, который требует дальнейших разъяснений, но общий смысл благоприятен вышеизложенному предложению.

---

[1]) В целях контроля над всей торговлей края самим правительством в Архангельске была создана государственная эмиссионная касса, на обязанности которой лежал выпуск кредитных билетов, заготовленных в Лондоне. Билеты обеспечивались специальным фондом в фунт. стерл., вложенных в Английский банк, при чем фонд составлялся следующим образом: всякий желающий торговать с Северной областью вносил в Лондонский банк определенную сумму денег в стердингах, под обеспечение которой банк выпускал определенное число северных рублей из расчета 40 р. за ф. стерл. и сверх того некоторое число рублей, шедших в кассу Северного Правительства. Во главе кассы стоял особый финансовый советник, каковым на первые 6 месяцев был назначен владелец банкирского дома в Англии Э. М. Харвей.

Я поэтому испросил дальнейших инструкций и сообщил, что уведомил вас, что в течение двух недель текущего месяца курс будет 80 за 1 ф. стерлингов, а в течение этого времени можно будет подробнее разобраться в положении.

Хоор.

12.

Архангельск, 7 июня 1919 года.

Многоуважаемый генерал Миллер.

Ссылаясь на мое письмо от 1 июня, имею честь сообщить вам, что я получил теперь еще телеграмму из министерства иностранных дел, сообщающую, что, по мнению правительства его величества, хотя и нет оснований поддерживать курс 80 рублей за ф. ст., если этот курс не поддержан вывозом леса, но, с другой стороны, было бы несправедливо требовать, чтобы экспортеры продавали свой лес за старые рубли.

Я поэтому просил бы вас внести это дело на обсуждение Временного Правительства и сообщить мне его взгляд возможно скорее. Вопрос этот спешный, так как, если не будет уверенности, что экспортеров заставят продавать весь лес, лежащий в портах Белого моря, за новые рубли, повидимому, окажется необходимым поднять курс 15 июня.

Хоор.

13.

Архангельск, 9 апреля 1919 года.

Господин министр.

Согласно инструкциям, только что полученным мною от моего правительства, имею честь сообщить вашему превосходительству нижеследующее:

Предложения концессий, недавно сделанные правительством Народных Комиссаров некоторым иностранным капиталистам, побудили французское правительство рассмотреть возможные последствия концессий, которые могли бы в настоящее время быть испрошены в России как частными лицами, так и группами частных лиц у какого-либо из действующих в настоящее время фактических правительств.

Французское правительство поставлено в необходимость принять во внимание, что уплата процентов по русскому государственному долгу приостановилась. На нем поэтому лежит обязанность рассматривать неразрабатываемые богатства России, а также имеющие быть созданными источники дохода, как обеспечение кредиторов государства на тех же основаниях, как и государственные имущества, уже существующие, как, например, сооружения сети железных дорог, порты, рудники и копи, леса и пр. Французское правительство полагает ввиду этого, что оно не имеет возможности допустить ни со стороны большевистского правительства, ни со стороны какого-либо из областных правительств, чтобы кто бы то ни было из них отчуждал часть государ-

ственного достояния, которым те и другие в настоящее время распоряжаются, или чтобы они связывали бы его обязательствами в будущем.

Согласно данным мне указаниям, я имею честь уведомить правительство Северной России о точке зрения французского правительства на этот предмет, которая одновременно сообщается правительствам в Омске и Екатеринодаре. Мне предложено, чтобы, делая вашему превосходительству настоящее сообщение, я привлек бы ваше внимание на отказ правительства республики признавать с настоящего момента действительность концессий, которые были или могли бы быть испрошены у правительства Северной области. Я не сомневаюсь, что вашему превосходительству угодно будет должным образом оценить те неудобства, которые могут проистечь для заинтересованных лиц в виду указанного решения правительства республики.

Примите, господин министр, уверения в моем высоком к вам уважении.

М. Гияр [1]).

14.

[*Апрель 1919 года.*]

Помощнику ген.-губернатора. Мурманск.

Милостивый государь.

Я предполагаю образовать общество совместно с некоторыми деловыми друзьями моими в Англии для развития и эксплоатации Александровского и Кемского районов северной России. Если общие условия, нижеизложенные, встретят одобрение и будут приняты русским правительством, то я готов немедленно приступить к отправке в эту область добавочного продовольствия (помимо существующего пайка) в виде платья, табаку, домашних принадлежностей и пр., что облегчит положение населения и вместе с тем прекратит покражу и продажу со складов союзных правительств по мародерским ценам.

На вышеозначенной сделке я предлагаю, чтобы общество получало только номинальную прибыль и что его будущие прибыли и коммерческий успех должны зависеть от постепенной и систематической эксплоатации естественных богатств этой области.

Имея это ввиду, я испрашиваю от вашего правительства концессию на нижеследующее:

1. Аренда некоторого числа участков гор. Мурманска на 99 лет.

2. Площадь в центральной части делового района гор. Мурманска размерами для постройки конторы и пр. для моего общества на арендный период 99 лет.

3. Некоторую часть побережья не менее 800 метров длиною и 150 метров глубиною для доков и складов общества на арендный период 99 лет.

---

[1]) Французский поверенный в делах в Архангельске.

4. Если русское правительство окончательно решит не строить военно-морской базы в Мурманске, но превратить Мурманск исключительно в коммерческий порт, я испрашиваю, чтобы моему обществу было дано преимущественное право постройки набережных и доков и, если правительство решит сдавать в аренду площадь частным коммерческим предприятиям, то моему обществу должно быть дано преимущественное право арендовать часть площади, освобождаемой подобным решением.

5. Я испрашиваю у русского правительства предоставить мне право исследовать всю область, входящую в Александровский и Кемский районы (уезды). Если во время этих исследований экспертами моего общества обнаружатся минералы, которые стоит разрабатывать, то обществу должно быть разрешено взять и разрабатывать эти минералы на основании определенных горнозаводских заявок. Русское правительство также должно дать в подходящих местностях на обычных условиях лесные расчистки. Право исследования территории должно быть дано обществу не менее, чем на 5 лет, при чем общество обязуется тратить не менее 25.000 фунтов в год на производство этих изысканий. Хотя я не испрашиваю монополию на право исследования и разработки всей области, я ставлю условием, чтобы моему обществу было разрешено занять и закрепить за собой всякое минеральное месторождение, открытое им, или всякое известное минеральное месторождение, не занятое ко времени их заявки.

Обществу должно быть предоставлено соответственное время для разработки каждой заявленной горной площади согласно обычным законам для горных предприятий в отдаленных местностях.

6. В случае нахождения в этой области минерала или чего-либо другого, при чем потребуются специальные методы переноски и транспорта, правительство должно дать право прокладки железно-дорожной магистрали либо к ближайшему удобному морскому берегу, либо порту, как будет удобнее. Русское правительство также должно разрешить обществу очищать реки и пороги, если нужно, устраивать лесные сплавы и защищать права общества при законном осуществлении его транспорта.

7. Если бы русское правительство когда-либо решило продать Мурманск-Сорокскую железную дорогу, мое общество должно получить преимущественное право на приобретение ее по минимальной назначенной правительством цене.

8. В течение известного периода моему обществу должно быть дано разрешение приобретать по его желанию всякие лесопильные заводы, буде русское правительство решит их пустить в продажу.

9. Если мое общество решит эксплоатировать любой из водопадов или порогов, которые будут открыты во время его исследования или уже известных, то русское правительство должно разрешить обществу арендовать их, предоставляя соответственное время на их разработку.

10. Русское правительство должно предоставить моему обществу возможность установить станции для рыбных заготовок и промыслов, а также дать право рыбной ловли в озерах и право участвовать в развитии морских рыбных промыслов. В связи с этим я гарантирую, что мое общество истратит ту сумму, какую эксперты найдут нужным, для переустройства Александровской биологической станции и окажут помощь путем денежного взноса в работе этой станции. Я убежден, что правильное функционирование этого учреждения чрезвычайно важно для рыбного промысла.

11. Обществу будет необходимо уверение русского правительства, что они будут иметь одинаковые права морского транспорта как и всякое другое учреждение, во всех портах Белого моря, граничащих с областью, о которой идет речь, и что, если русское правительство когда-либо решит продавать или сдавать в аренду пристани в этих портах, моему обществу должно быть дано разрешение приобрести некоторую часть, достаточную для их транспорта.

12. Я вполне ясно понимаю сейчас и буду признавать при создании моего общества, что оно должно подчиняться законам и условиям, которым подчинены подобные предприятия в России. И благодаря вере в честность, справедливость и будущую прочность теперешнего Северно-Русского Правительства я решаюсь в столь неустойчивое время созвать моих деловых друзей для создания предприятия, которое окажет России немедленную помощь и в будущем будет служить на обоюдную пользу как русского, так и британского народа. Употребляя термин «Северно-Русское Правительство», я считаю, что я имею дело с исполнительной частью того русского правительства, которое со временем будет править Россией и что акты и договоры Северно-Русского Правительства будут признаны нерушимыми обязательствами.

По принятии Северно-Русским Правительством вышеприведенных предложений я немедленно распоряжусь об отправке транспортов продовольствия и других необходимых предметов в допустимых английским правительством пределах. Но я должен прибавить, что, пока эта область находится под военным контролем, распределение и продажа припасов должны производиться с согласия и под контролем главнокомандующего и что никаких спиртных напитков импортироваться не будет. Составление общества в том виде, как я предполагаю, займет больше времени, чем вышеназванная операция, и я поэтому прошу вас дать мне трехмесячный срок, в течение которого могут быть решены подробности, после чего можно немедленно приступить к работе. Я предполагаю, что общество будет частное, состоящее из известных мне лиц, с хорошей деловой и финансовой репутацией. Капитал будет, вероятно, между 1 и 2 миллионами фунтов стерлингов. Я предполагаю иметь правление в Лондоне и исполнительное управление в России с участием надежных русских деловых людей. Мое постоянное место-

пребывание будет Мурманск, дабы я мог быть в курсе всех неотложных нужд дела. В виду спешности первой операции я прошу вас дать возможно скорый ответ на мое предложение.

Е. Шэкльтон [1]).

15.

Архангельск, 7 июня 1919 года.

Генерал-губернатору ген.-лейтенанту Миллеру.

Для вас получено следующее сообщение от Шэкльтона:

«Пожалуйста, сообщите генералу Миллеру и г. Ермолову, что я образовал предполагаемую компанию на одобренных Миллером основаниях и представляющую крупные британские интересы. Товары и предметы первой необходимости будут посланы очень скоро, и я отправляюсь в Мурманск, везя с собою необходимых экспертов по всем отраслям дела. Я являюсь директором-распорядителем в России. Компания будет действовать согласно ваших желаний и будет доставлять предметы первой необходимости с маленькой прибылью. Компания дает мне свободу действий устроить дело так, как вы найдете лучшим, и вполне признает подчиненность военным надобностям. Компания имеет неограниченные средства и ее главная цель — облегчение существующих нужд и в дальнейшем — развитие британских интересов на основаниях, изложенных в письмах, полученных мною от Миллера».

Бригадный генерал генерального штаба *Уелш.*

---

[1]) Автор этой переписки—известный исследователь полярных стран—Шэкльтон. На север он прибыл как представитель чистой науки для согласования научной деятельности,— по крайней мере, так было им заявлено на чествовании Шэкльтона Архангельским обществом изучения севера.

Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897—1905 г.г.

13 сентября 1897 г. русский политический агент в Бухаре сообщал своему правительству о вспыхнувшем в Калькутте восстании мусульманской части населения против англо-индийских властей [1]).

Начавшись в Бунире незначительным инцидентом в мечети, восстание перебросилось в Сват и охватило всю местность, населяемую племенем Везири. Англичане выслали против восставших войска, но восстания подавить не удалось: на северо-западной границе, в местности Шинкар, английские войска были разбиты, волнение же распространялось все шире, и число восставших, к которым присоединились жители Боджаура, все увеличивалось, дойдя до 40.000 человек. Со знаменами, на которых мелькали надписи: «Гибель неверным», «Победа Ислама» «Правление турецкого султана, государя Ислама», фанатично настроенные толпы инсургентов, несмотря на плохое вооружение, продолжали теснить англичан. К 25 сентября инсургенты заняли Джамрут и Наушера, где ими были захвачены большие оружейные и провиантские склады, увлекли за собой туземцев Чамана, являвшегося конечным пунктом английской железной дороги по направлению к Кандагару и, овладев Рустем-базаром, заняли угрожающие позиции перед Пешавером, требуя ухода англичан из него. Пешавер являлся крупным средоточием британских военных сил. У стен Пешавера победоносное движение инсургентов было задержано. Англичане начали стягивать подкрепления. На поле действий было брошено до 70.000 индо-британских военных единиц. Началась кровопролитная кампания по подавлению инсуррекционного движения, стоившая англичанам свыше 1.000 чел. солдат и 80 офицеров. Восставшие оказывали упорное сопротивление, черпая ресурсы из пограничного Афганистана. 6 октября их действия отмечены еще крупным успехом под Кохатом. Далее восстание захлестнуло Кандагар.

Только к половине октября, когда наметился решительный перелом в численном соотношении сил, инсургенты стали терять инициативу и сдавать позицию за позицией;— если восстание и не было еще окончательно подавлено, то судьбы его были уже предрешены. Эмир Абдуррахман еще раньше совершенно отстранился от помощи и для реабилитации себя даже приказал расстрелять из пушек 48 афганцев, принимавших участие в восстании. Начинался период карательных действий, когда британские войска, частью оттеснив, частью рассеяв врагов, разрушали брошенные горцами деревни, жгли их поля и уничтожали фруктовые сады, сея в стране ужас разорения и голода.

---

[1]) Архив Революции и Внешней Политики, дела Азиатского департ., донесение Игнатьева, № 92.

«Усмирение восстания, — замечал по этому поводу один из представителей царской дипломатии, приставленный к наблюдению за деятельностью центрального британского правительства [1]),— велось индийским правительством нецелесообразным путем... Ультиматум следовал за ультиматумом, с крайне ограниченными сроками и тяжелыми, чрезмерными условиями. Затем начинались отсрочки и смягчения условий... Уходя после этого, англичане оставляют в стране чувство ненависти, которое нескоро изгладится, и вместе с тем убеждение в своей слабости». Писавший свое донесение в феврале 1898 года посол констатировал вместе с тем, что «восстание еще не подавлено» и, задаваясь вопросом о том, что же будут делать англичане дальше, отвечал: «попрежнему на первом плане для индийского правительства стоит ограждение страны от русского нашествия». «Серьезность сопротивления и трудность умиротворения горцев, — писал еще раньше тот же посол [2]), — должны были бы, казалось, окончательно убедить англичан в ошибочности преследуемой ими в этих краях политики. Но до настоящего времени этого не произошло»...

Английское официозное объяснение причин восстания сводилось обычно либо к указаниям на подъем мусульманского движения, либо — на происки афганского эмира, либо — на интриги Порты. Царский дипломат, критицизм которого определялся его служебным положением, положением посла антагонистической державы, подчеркивая безудержно-агрессивный характер англо-индийской политики, подходил гораздо ближе к истине.

В самом деле, прошло слишком много времени с тех пор, когда Англия через посредство Ост-Индской компании могла утверждать свое господство в Индии «при содействии самого индийского народа [3]). Начавшая свое политическое наступление на Индию под лозунгом уничтожения разлагавшегося феодализма, обеспечения стране необходимых для капиталистического развития элементов «порядка и мира», ко второй половине XIX в. Англия переходит к иным методам утверждения своего господства на полуострове, методам, которые вытекали из стремления английских империалистов усилить экспорт сырых продуктов и «защитить юную индусскую промышленность от слишком быстрого роста» [4]). Не приходится пояснять, что указанные явления представляли собой экономическую сторону новой империалистической действительности, политическая сторона которой запечатлевалась систематическими энергичными «кровопусканиями» в покоренной стране, с одной стороны, и тою forward policy, которая превращала Индию в британский укрепленный лагерь в Азии, в опорный оборонительно-наступательный лагерь.

Упрочившись в 1885 г. в Кашмире и опасаясь занятия Россией Памиров, англичане захватывают в 1891 г. Канджут, а в 1893 г. заключают с афганским эмиром Дюрандовское соглашение, по которому в сферу британского влияния были включены полудикие горные племена на афганской границе. Тогда же начинается интенсивная работа по прокладке стратегических дорог на север по направлению к Памирам и устройство укрепленных постов. «Сооружение дорог и укреплений в землях горцев, — правильно отмечал русский посол в Лондоне, — убедило этих последних, что, несмотря на данные

[1]) Депеша Стааля из Лондона от 18/II—2/III 1898 г. № 15.

[2]) Депеша его же от 12(24)IX 1897 г.

[3]) М. Рой. Новая Индия (India in transition). Гиз. 1923 г., стр. 122.

[4]) Выражение Сольсбери. См. «Индия в борьбе за независимость». Изд. Науч. Ассоциации Востоковедения. Москва 1925 г., стр. 12

обещания, Англия стремится покорить их. Не понимая значения сфер влияния, они не могли иначе объяснить постановку столбов вдоль условленной Дюрандом границы Афганистана, как переходом всех местностей, лежащих к востоку от нее, во владение Великобритании, и увидели в этом конец своей независимости».

Необходимо добавить, что хозяйничанье англо-индийской бюрократии наносило удары и материальному и правовому быту туземцев: увеличение соляного налога, отказ выдавать женщин, похищенных или бежавших в Индию, поддерживали недовольство.

Напомним также, что в течение 90-х годов на сев.-зап. границе Индии восстание следовало за восстанием. Для их подавления англичане снаряжают дорого стоющие военные экспедиции, в свою очередь, играющие роль острого стимула, — так было в 1891 1892, 1894, 1895 и, наконец, в 1897 годах [1]). «Восстание было неминуемым, — писал Стааль, — и проявилось тотчас, когда был дан толчок извне, в виде брожения в Индии, и особенно под влиянием побед калифа над греками», побед, разогревших религиозный фанатизм туземцев.

«Серьезность сопротивления и трудность умиротворения горцев должны были бы, казалось, окончательно убедить англичан в ошибочности преследуемой ими в этих краях политики... Англичане так далеко зашли, что отрешиться от предрассудков относительно русского нашествия и признать границею своих владений Индию — для них совершенно немыслимо. При существующих же взглядах, будут ли у власти консерваторы или либералы, совершенно безразлично, — вопрос может быть только в оттенках, но гибельная для Англии и разорительная для Индии forward policy — единственно возможная и будет продолжаться до окончательного покорения страны».

Производимое царским дипломатом вскрытие действительных пружин английской империалистической политики в Индии — явление весьма интересное, характерное для русской дипломатической переписки 90-х годов, посвященной вопросу об английской политике в Средней Азии. Царский дипломат давал весьма объективный анализ положения и обнаруживал беспощадную строгость к своим империалистическим коллегам.

Разумеется, для 1898 г., года заключения англо-русского соглашения о разграничении сфер влияния в Китае, всякая мысль о русском движении на Индию звучала анахронизмом, но в тех же донесениях посол не может удержаться от того, чтобы не высказать, хотя бы и в академических тонах, несколько стратегических соображений: «Если борьба с ними одними (афридиями. *А. П.*) требует столь грозной армии, то при поддержке их европейским врагом на нее не хватило бы всех военных сил Индии, и потому для защиты ее от нашествия была бы выгодна не столь выдвинутая стратегическая линия».

«Из опыта нынешнего восстания, — заключал он другое свое донесение, — видно, какие для этого нужны усилия и каких средств потребует введение в горах спокойствия и порядка, и при всем том всегда останется вероятность, что при появлении наступающей с севера армии покоренные племена не замедлят стать на ее сторону». И когда заходила речь о необходимости для Англии занять своими войсками всю охваченную движением пограничную с Индией территорию, русский посол в Лондоне находил, что такое положение являлось бы для России «очень благоприятным».

---

[1]) Выписка из донесений Панафидина из Мешеда от 7/II 1898 г.. № 10

В середине 1898 г. северо-западная граница Индии снова напомнила о себе: брожение в долине р. Точи, брожение среди племен Гинду-Куша, — все это подтверждало еще раз предположение русского дипломата о том, что «силы и средства, затраченные на подавление прошлогоднего восстания, не принесли ожидавшегося умиротворения». Относящееся к этому времени назначение вице-королем Индии открытого сторонника forward policy, лорда Кэрзона, человека «резкого и раздражительного», сулило новые осложнения, и первые же дни вступления последнего в должность ознаменовываются занятием Хайберского перевала (лучшего пути в Кабул), волнениями, вспыхивающими в долине реки Сват, и подготовлением новой военной экспедиции.

«Эта сторона его (лорда Кэрзона. *А. П.*) деятельности, — формулировал свою оценку момента русский дипломатический представитель в Лондоне [1]), — может быть для нас лишь полезна, так как она только ослабит положение Англии в Индии». Но, конечно, не только элементарные стратегические соображения, связанные с возможным ослаблением английского влияния, вызывали у русского дипломата столь бодрое настроение духа. «Это обстоятельство, — писал Стааль, касаясь предстоящей борьбы англичан с туземцами [2]), — для нас очень благоприятно... лишая ее (Англию) свободы действий на Дальнем Востоке..., так как, особенно, если восстание продолжится, ... ранее подавления его Англия едва ли предложит что-либо решительное»...

Чтобы понять те побудительные мотивы, которые приковывали внимание русской дипломатии к «первой жемчужине британской короны», необходимо прежде всего убедиться в том, какова была степень экономической связи между Россией и Индией.

Было время, время бурного расцвета бакинской нефтяной промышленности, когда русский капитал возлагал на индийский рынок самые серьезные надежды.

В своем письме к министру ин. дел от 20/III 1895 г. Витте так обосновывал эти надежды: «Наиболее значительным из всех азиатских рынков для сбыта керосина является, как видно из данных торговой статистики, Индия. Потребление керосина в этой стране с каждым годом увеличивается и за последние 12 лет возросло в $7^1/_2$ раз. До недавнего времени индийскими рынками нераздельно владела Америка, но в последние 6 лет она встретила там сильную конкуренцию со стороны русских импортеров, при чем победа, повидимому, клонится теперь на нашу сторону: привоз керосина из России увеличивается, а из Америки — сокращается, и, может быть, уже недалеко то время, когда американцы должны будут уступить нам индийский рынок. С другой стороны, Индия, как известно, занимает первое место в ряду стран, вывозящих рис... В Индии ежегодно оказывается весьма значительный избыток риса, при чем его возделывание все-таки не сокращается, а постепенно развивается, а, следовательно, все более ощущается необходимость позаботиться об открытии новых рынков для сбыта этого продукта... Между тем, ост-индский рис, вывозимый в громадных количествах во все европейские государства, почти не ввозится в Россию вследствие высокой таможенной пошлины... лишающей его возможности конкурировать с рисом персидским...». «Желая оказать содействие сбыту

---

[1]) Депеша Лессара из Лондона от 5(17)VIII 1898 г., № 65.

[2]) Депеша Стааля из Лондона от 25/IX—7/XII 1898 г., № 97

нашего керосина [1]) на индийском рынке, — продолжал Витте свою мысль, — я, с своей стороны, был бы готов согласиться на некоторое понижение вышеуказанной пошлины нашего таможенного тарифа на рис, взамен соответствующего понижения взимаемой в Индии ввозной пошлины с керосина, что открыло бы ост-индскому рису доступ на наши рынки и, таким образом, вероятно, доставило бы индийской торговле выгоды, равносильные тем, какие могли бы быть приобретены нами в Индии при более льготных условиях ввоза нашего керосина в эту страну...».

Мы привели столь длинную цитату, чтобы показать, как русский капитал в свое время заглядывался на индийские рынки. Но удовлетворить свои желания русским промышленникам не удалось: запрошенный Стаалем великобританский министр ин. дел Кимберлей оспаривал правомерность более высокого обложения индийского риса по сравнению с обложением риса персидского и категорически отказывался от понижения пошлины на русский керосин.

Ничего не выходило и с делом вывоза в Индию русского сахара, который, несмотря на поощрительные меры, вывозился «лишь в самом ничтожном количестве, и то через Англию» [2]).

По поводу переговоров об облегчении ввоза русского сахара и об изменении русско-английского торгового договора [3]), которые в 1899 г. вел в Лондоне русский финансовый агент, Лессару приходилось писать: «Правда, под влиянием успехов французских и бельгийских предприятий в России, а главное, под влиянием делаемых теперь иностранцам облегчений к нам кинулось множество предпринимателей; на особо выгодные дела идут и англичане. Это движение началось уже давно. На настроение правительства оно не может иметь влияния. Все русское попрежнему встречается очень враждебно. Затруднения делаются при всяком удобном случае: по поводу назначения консулов, впуска сахара в Индию, требования нами дороги к Пекину, в виде «санитарных мер» для стеснения нашей торговли скотом и т. д...». Заключение, к которому приходил Лессар, было таково: «нынешний путь экономического и коммерческого заискивания перед Англией едва ли правильный. За даваемые ей преимущества и облегчения она благодарна не будет. Объясняют их англичане тем, что мы в них нуждаемся, нуждаемся в их деньгах, и только становятся более требовательными» [4]).

---

[1]) О размере вывоза русского керосина в Индию и ввоза индийского риса в Россию мы можем судить на основании данных английской статистики. (См. депешу Стааля из Лондона от 17(29)V 1895 г. за № 602.)

	Керосин, получаемый из России. В рупиях.	Рис, отправленный в Россию.
1890—91. . . .	858.000	0
91—92. . . .	1.128.000	0
92—93. . . .	1.488.000	5.500
93—94. . . .	1.268.000	0

[2]) Копия депеши Стааля, датировки нет, писана в марте 1899 г.

[3]) Имеется в виду договор 1859 г.

[4]) В частном письме на имя министра ин. д. от 10/VI 1899 г. тот же Лессар писал: «Теперь вера в наше финансовое положение так упала, что нашим угрозам поверили бы с трудом, а над нашими заискиваниями только смеются...».

Царь соглашался с мнением своего дипломатического представителя в Лондоне и на письме его собственноручно сделал помету: «Очень толково, и видно, что правда» [1]).

Отметим еще один факт из области тех же явлений.

В 1897 г. стало вывозиться из Мешеда в Бомбей через порты Персидского залива так называемое русское полусукно. Хотя русские представители в Персии и отмечали рост этого вывоза, но приводили при этом цифры, свидетельствовавшие о том, что он находился в самом зачаточном состоянии. К тому же на пути развития этой статьи русского экспорта стояли — дороговизна перевозки и пошлины, создававшие удорожание стоимости пуда русского полусукна в Бомбее на $18^1/_2\%$ [2]).

В последующие годы положение русского экспорта значительно ухудшается, а через тринадцать лет от блестящих перспектив Витте не останется и следа.

«Наша единственно значительная отрасль вывоза — керосин, — доносил в 1908 г. русский генеральный консул в Бомбее [3]), — прекратил свое существование благодаря победоносному соперничеству американской компании «Standard Oil Company».

В полном соответствии с неудачами русской экспортной политики стояли неудачи русской дипломатии в борьбе за учреждение русского консульства в Бомбее.

Вопрос этот возник еще в 1875 г.: русское консульство в Бомбее должно было быть учреждено взамен английского в Тифлисе. В течение двадцати пяти лет английская дипломатия создавала всяческие препятствия на пути к реализации намеченного плана. После того как в декабре 1898 г. русская дипломатия повторяет свои настояния, Лондон, задержав свой ответ еще на 5 месяцев, дает, наконец, принципиальное согласие, но выдвигает, с своей стороны, новое неприемлемое для России требование — допущение английских консулов в Иркутске и Самарканде.

«Для улажения дела, — сообщал о происходивших по этому поводу в Лондоне переговорах Лессар [4]), — потребовались многократные объяснения, принимавшие иногда острый характер. За три года моего пребывания в Лондоне я только один раз, а именно по поводу нашего консульства в Бомбее, видел маркиза Сольсбери раздраженным. Два раза м. Сольсбери передавал мне, что надеется вскоре дать благоприятный ответ, и два раза был остановлен настоятельными протестами из Индии...».

Великобританская нота о согласии на назначение русского консула в Бомбее была получена 31/VII 1899 г., — не забудем — в тот момент, когда было «только что положено начало мирному параллельному действию обеих держав на Дальнем Востоке» и когда дальнейший саботаж Англии в данном частном вопросе был тактически невозможен.

Только в 1905 г. последует согласие Англии на присвоение русскому консульству в Бомбее значения генерального.

Те трудности, какие пришлось преодолеть русской дипломатии в рассматриваемом вопросе, основывались, разумеется, не только на слабости экономических связей России с английским доминионом, но и на силе британских политических опасений, на нежелании иметь постороннего человека в положении постоянного наблюдателя той полити-

---

[1]) Письмо Лессара из Лондона от 9(21)/VI 1899 г.

[2]) В 1898 г. было вывезено из Мешеда в Бомбей 8 кусков, в 1899 г. — 20 кусков, в 1900 г. имел место заказ на 40 кусков (отношение ген. консула в Хорасане ген. консулу в Бомбее от 22/X 1900 г., № 1228).

[3]) Донесение Гейкинга из Бомбея от 26/V 1908 г.

[4]) Конфиденциальное письмо Лессара из Лондона от 4/VIII 1899 г.

ческой практики, какая культивировалась на территории «жемчужины британской короны» англо-индийским чиновничеством.

Русское центральное дипломатическое ведомство не питало ни малейших иллюзий в вопросе о развитии торговых сношений с Индией.

Мы познакомились выше с точкой зрения Лессара и с мнением по тому же вопросу царя. Вместе с тем упорная борьба за учреждение консульства в Бомбее свидетельствовала о повышенном интересе петербургского министерства к индийским делам, но интересе совершенно особого рода. «Основное значение для нас Индии, — значилось в инструкции, коей напутствовал министр в 1900 году Клемма, отправлявшегося в качестве русс. консула в Бомбей [1]), — заключается в том, что она представляет собой наиболее уязвимый пункт Великобритании, тот чувствительный нерв ее, одно прикосновение к коему, в случае надобности, способно, быть может, заставить правительство королевы изменять враждебное нам настроение его политики и проявлять желаемую уступчивость во всех тех вопросах, где будут сталкиваться обоюдные интересы».

Еще раньше, когда русское правительство не имело в Индии своего дипломатического аппарата, оно оперировало аппаратом военного ведомства: еще в 1895 г. начальник главного штаба ген. Обручев сообщал министру ин. дел [2]), что, «в виду возрастающего могущества Японии и за отсутствием в Индии русских представителей, предполагается посылать туда от времени до времени молодых офицеров, увольняя их для сего в продолжительный отпуск с сохранением всех преимуществ службы...».

К 1900 году, как мы видели, уже проявилось с особенной силой стремление англо-индийского правительства отнести свою передовую линию возможно далее от границы самой Индии и протянуть отсюда сеть стратегических и торговых дорог по разным направлениям. Под обстрел ставился при этом прежде всего Афганистан, далее — Белуджистан, наконец — район Читрала, Ясина, Гильгита и Канджута.

Известно, что по соглашению с Англией 1872 — 73 г. г. русское правительство обязалось не иметь непосредственных сношений с центральным афганским правительством.

Взамен получаемой от Англии ежегодной субсидии в 1.800.000 рупий и гарантии неприкосновенности его владений, афганский эмир в свою очередь обязался не сноситься ни с одним иностранным правительством помимо вице-короля Индии. С упрочением положения России в Бухаре такой порядок вещей становился для русского правительства «несогласным с его достоинством»; рядом заявлений оно стремится предоставить себе право входить с афганским эмиром в непосредственные сношения по пограничным вопросам; к английской же агрессии в афганском направлении, естественно, относится с особенно тревожным вниманием.

Не меньше беспокойства должна была вызывать и деятельность англичан в направлении Белуджистана: англичане являлись здесь почти полновластными хозяевами; часть земель этого ханства — округа Кветтский, Пишинский, Боланский — находились в непосредственном ведении английского правительства, уплачивавшего за это келатскому хану ежегодную субсидию в размере 200.000 рупий; но взятием ими в свое управление округа Нушки (1896 г.) и проведением караванного пути и телеграфа из Кветты к персидскому Сеистану расчищалась дорога английским товарам на рынках восточной Персии, и наносился удар сбыту русских товаров в Хорасане.

[1]) Проект инструкции росс. ген. консулу в Бомбее (Клемму) от 7/IX 1900 г.

[2]) См. дело Азиатского департамента «о посылке русских офицеров в Индию Китай и Японию для ознакомления с Дальним Востоком», 1895 г.

Наконец, Читрало-Канджутское направление английской агрессии имело для русского правительства ту опасность, что ставило под удар юго-восточные части Памира и Южной Кашгарии и угрожало долине Раскем-Дарьи, району Тагдумбаш-Памир и даже Сарыколу.

Такой сложный узел взаимоотношений, завязанный в приграничных с Индией территориях, придавал исключительно важное политическое значение тому наблюдательному посту, который учреждался русским правительством в Бомбее. И чрезвычайно интересно то, что, поскольку значение стратегических проблем индийского фронта для русского правительства к началу XX века все сильнее теряло свою актуальность и все больше сходило на-нет, тем с большею силой в глазах царского самодержавия выступали перспективы, связанные с внутренними социально-политическими проблемами Индии, и оно логикою занятого им в Азии положения, природе своей вопреки, стихии империалистической политики наперекор, вынуждено подвергать самой жесткой критике систему английского империализма и брать на себя своеобразные функции защиты зарождающегося национально-освободительного движения индийских народных масс.

Поручая Клемму доставлять сведения военного характера, министр ин. дел дополнительно наказывал: «Не менее важное значение имеют сведения об общем настроении народных масс в Индостане, об их отношениях к англо-индийскому правительству, а также об отношениях последнего к правительствам стран, входящих в сферу влияния Индии, как-то: Афганистана, Белуджистана, Читрала и к полунезависимым туземным правителям самой Индии». «Судя по имеющимся данным, — пояснял министр свое задание, — своекорыстная политика Великобритании в Индии и высокомерное отношение англичан к туземному элементу продолжают возбуждать глубокую ненависть к ним среди многомиллионного населения страны. Существует даже мнение, что достаточно даже повода, напр., появления неприятеля на границах Индии, дабы вызвать поголовное восстание туземцев против англичан. Эти обстоятельства вам надлежит тщательно проверить и зорко следить за ходом событий внутри страны».

Ближайшие годы дают картину относительного спокойствия в районах, бывших когда-то мятежными.

«В начале апреля с. г., — сообщал в 1902 г. новый русский консул в Бомбее [1]), — блокада племени махсуд-вазириев была официально объявлена законченной. На сходке представителей этого племени в Тале было подписано новое соглашение, и им было обещано, что индийское правительство тотчас возобновит уплату приостановленной субсидии».

Однако, как сообщал тот же консул, на следующий же день отряд 27 Бенгальского полка подвергся по дороге в Каджуюри-Кач нападению со стороны горцев, при чем 13 человек было убито и ранено.

В первых числах июня отмечается снова случай нападения махсуд-вазириев на индийский пикет. Англичане не придают, правда, серьезного значения этим фактам. Распоряжение об отозвании регулярных войск остается в силе, приостанавливается лишь уплата мятежным горским племенам обещанной им субсидии.

---

[1]) Из донесений Клемма от 25 и 28/V 1902 г., №№ 31, 32, 33, 34.

«Все это доказывает, — писал там же Клемм, обращаясь снова к оценке английской усмирительной политики, — что блокада, стоившая правительству до 2.150.000 рупий, едва ли принесла какую-либо пользу и едва ли оно снова прибегнет к этому способу наказания горских племен».

К 1902 г. англичане свое положение в северо-западных провинциях считают в достаточной мере упрочившимся: предпринимаемое в апреле того же года лордом Кэрзоном посещение Пешавера и укреплений Малакандского и Хайберского ущелий должно было символизировать отсутствие у англичан каких-либо враждебных намерений. Об этом путешествии русский генеральный консул в Бомбее рассказывает следующее: «В самом Пешавере и, в особенности, в означенных ущельях были приняты необычайные меры для охраны вице-короля, не взирая на присутствие знатных представителей и целых сходов от всех пограничных племен, которые являлись как бы заложниками и поручителями в том, что порядок никем не будет нарушен...».

В условиях строжайших предупредительных мер по охране порядка и спокойствия лорд Кэрзон произносит пространную речь, выясняющую основные принципы «великодушной» и «миролюбивой» политики британского правительства. «Я явился в Пешавер,— заключал свою речь вице-король, — чтобы показать, как я интересуюсь новой пограничной провинцией и делом, которое я вверил в опытные руки полковника Дина. Мы создали эту провинцию потому, что мир, спокойствие и довольство на границе настолько важны, что поддержание их должно находиться под непосредственным наблюдением индийского правительства и его главы...». «Произвели-ли эти слова должное впечатление, — сомневался Клемм, — покажет время. Интересно, что при возвращении с этого дербара афридии ограбили в самом центре Пешавера несколько меняльных лавок. Длинное сообщение вице-короля было выслушано очень невнимательно: многие крепко спали, другие, когда поспело время намаза, тут же разостлали свои коврики и группами творили свои молитвы...».

Умиротворив махсуд-вазириев, лорд Кэрзон принимается за умиротворение дервишхил-вазириев, снаряжая экспедицию силой в 3.000 чел. солдат при 10 орудиях [1]). Ему не придется ограничиться одной этой экспедицией: 1902 год обогатился целым рядом ей аналогичных.

Чтобы ослабить беспокойные пограничные элементы, англичане переходят на комплектование армии преимущественно за счет горских племен.

Не останавливаясь перед увеличением тяжести поборов, вздувая военный бюджет, блестящий вице-король в меру своих силы и способностей крепил устои английского владычества в Индии.

Особо восприимчивый благодаря своему положению русский дипломатический представитель в Бомбее внимательно всматривался в оборотную сторону медали, останавливаясь на критике, исходившей от оппозиции, говорившей о задержке экономического развития страны, о разорении населения [2]). Когда слишком активная фигура Кэрзона на посту вице-короля стала мало удобной для лондонского кабинета и Кэрзон покинул берега Индийского океана, чтобы временно занять место канцлера Оксфордского университета, Клемм посвящает характеристике его политики ряд составленных в весьма резких тонах донесений.

[1]) Выписка из донесений Клемма от 16, 24, 26/X и 1/XI 1902 г. №№ 63, 67, 68 — 71.

[2]) Выписка из донесений Клемма от 19, 22, 28/VIII 1902 г.

Он определяет его как «бестактного» и «чересчур ретивого сатрапа», «властная рука» которого «чувствовалась всеми». Давая свою оценку создавшемуся в стране положению, он говорит [1]): «Свобода действий туземных князей была еще более урезана», они «низведены были окончательно на роль пешек в руках вице-короля и его политических агентов...». «Туземная печать была в значительной степени стеснена новым законом об официальных секретах и строгим применением законов о революционной пропаганде; отменено было свободное выборное начало в индийских университетах, система конкурсных экзаменов для туземцев, поступающих на государственную службу, была заменена системой назначений по усмотрению начальства».

«Он покинул индийские берега, — говорит в связи с отъездом Кэрзона Клемм в другом своем донесении [2]), — в общем, нелюбимым и непопулярным и оставил страну даже в известной степени брожения. Начавшийся в Бенгалии бойкот английских товаров постепенно распространяется и на другие местности Индии и грозит, действительно, причинить ущерб английской торговле. В Бенгалии недовольство, вызванное разделом этой провинции, не только не улеглось, но выражается все в более и более острой форме, доходя иногда до открытых столкновений между полицией и народом... Легко возможно, что явления эти лишь временные, как утверждают англичане, но они, несомненно, заключают в себе опасные симптомы. Очевидно, деспотический король зашел слишком далеко в своем стремлении укрепить устои английского владычества в Индии и подавить самобытность туземцев».

1905 г. является годом подъема индийского национального движения, принимающего «экстремистские» формы, он ознаменовывается, как известно, принятием протекавшей в то время сессией национального конгресса программы «свадеши», т.-е. бойкота товаров не туземного происхождения.

Известно, что далее в индийском национальном движении начинает подыматься террористическая волна.

Но и в ту относительно спокойную пору, которая следовала непосредственно за кровавой расправой с чисто стихийным движением горских племен и могла характеризоваться скорее чертами подавленности национальной энергии, русский дипломатический представитель в Бомбее склонен был под видимостью спокойствия усматривать в индийских народных массах громадные скопления национального гнева, готового вылиться при первой возможности.

Объективное положение русского ген. консула в Индии слишком мало предрасполагало его к беспристрастию. Субъективные свойства царского дипломатического чиновника налагали печать своеобразия на его взгляды. Перед нами уже выявились его симпатии к утесняемым британским капитализмом представителям национального феодализма.

Не приходится, конечно, безоговорочно принимать также и некоторые из цитируемых ниже рассуждений его, связанных с наблюдениями над типичными, по его мнению, явлениями Калькуттской жизни — беспорядками на улицах, нищенством и малым знакомством туземцев с английским языком. Такие, далеко не первостепенного значения бытовые явления, находили у русского дипломатического представителя следующее толкование [3]): «По словам сведущих людей, в основании этих явлений лежит страх

[1]) Секр. донесение Клемма из Бомбея от 1/IX 1905 г., № 83.
[2]) Секр. донесение Клемма от 6/XI 1905 г., № 95.
[3]) Выписка из донесений Клемма от 25 и 28/V 1902 г., №№ 31 — 34.

англичан перед индийской толпой, на вид столь трусливой и забитой, и сознание, что этой многомиллионной толпе ничего не стоило бы раздавить своей массою ничтожную горсть пришлого европейского населения. Англо-индийская администрация видит основу британского могущества в Индии не в мнимой благодарности народа за благотворность английского управления, а единственно в кастовых предрассудках и разрозненности туземного элемента Индии. Единственным результатом страха перед туземцами является принцип невмешательства в их жизнь и дела, пока положение дел терпимо, и жестокой, надолго памятной, расправы с толпой, когда это становится совершенно неизбежным. Весь престиж полиции зиждется на случайных мерах чрезвычайной строгости по отношению к отдельным личностям, а не на повседневном поддержании порядка и дисциплины в толпе». «Никто не мог дать, — читаем далее в выписке из тех же донесений Клемма, — удовлетворительный ответ на вопрос, почему к туземцам так мало прививается знание английского языка». По мнению ген. консула, «единственное объяснение этого явления следует искать в желании англичан удержать индийский народ возможно дольше в невежестве и темноте. В тот день, когда индийский народ заговорит по-английски, исчезнут кастовые предрассудки, и найдется почва для единения различных каст и верований; а когда это наступит, то англичанам останется только, говоря словами одного бомбейского опытного администратора, уложить свои вещи и с первым пароходом отплыть на свой далекий остров».

Рассуждения русского дипломата, носившие отпечаток идей индийского «интегрального» национализма, правильные в пунктах, касающихся определения мотивов английской политики, заключали в себе слишком наивный рецепт освобождения туземцев Индии от британского ига.

Рассуждения эти, в выписке представленные в 1902 г. царю, повидимому, пришлись по вкусу последнему, начертавшему на выписке «интересно». Известно, что через 5 лет царская дипломатия войдет в сделку с дипломатией английской, сделку, значение которой для Англии сводилось к тому, «чтобы занятое положение не ослабило Великобритании на индийской границе» [1]), чтобы метрополия с неослабным успехом могла продолжать выкачивание из обнищавшей колонии нужных ей миллионов.

Пройдут десятилетия, и, вначале бесформенное индийское национальное движение, в соответствии с происходящей в стране социальной дифференциацией, разветвится на ряд ручьев (гандизм, свараджизм), течение которых будет проходить по различным, иногда противоположным направлениям. Но верно то, что, связанный с быстрой индустриализацией страны, рост рабочего движения и политическое пробуждение прогрессивно-нищающего крестьянства неотвратимо приближают тот момент, о котором говорил русский ген. консул в Бомбее, — когда английским администраторам ничего не останется больше, «как с первым пароходом отплыть на свой далекий остров».

А. Попов.

---

[1]) Секретный отчет великобританского посла в СПБ Никольсона за 1909 г.

Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904—1905 г.г.

Печатаемые ниже письма С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина представляют крупный биографический, и политический интерес, так как они относятся к переломному в истории России периоду 1904—1905 г.г., насыщенному событиями первостепенной важности. Письма Витте лучше и более непосредственно, чем его позднейшие «Воспоминания», сохранили ощущение событий и осознание их автором. Что же касается писем А. Н. Куропаткина, то при чтении их вспоминается меткая оценка, данная ему А. А. Абазой: «храбрый генерал с душой штабного писаря». Несмотря на все неудачи русской армии и флота, Куропаткин, как мы видим из печатаемых ниже писем, не сомневался в том, что положение улучшается с каждым днем. Лишенный политического кругозора, он не способен был видеть и понять того к р а х а с и с т е м ы, которая внешне проявилась в военных поражениях. Эти последние его ни в какой степени не обескураживали: «Даже теперь, после уничтожения эскадры Рожественского, России надо продолжать борьбу, и победа на море не должна нас особо тревожить, ибо и до сих пор японцы хозяйничали на море».

Неумение понять грандиозные политические события во всей сложности, желание отмахнуться от захлестнувшей страну революции, которая неизбежно должна будет совершить глубокий сдвиг в армии, особенно ярко бросаются в глаза при чтении писем Куропаткина.

В отличие от него, Витте, этот умный либеральный бюрократ, прекрасно понимал все последствия агрессивной политики на Д. Востоке, которую вела придворная клика, вопреки предостережениям его и гр. Ламсдорфа. Переписка отражает колебания его в отношении к дальневосточной авантюре. В начале войны он не сомневался в победе русских и боялся только, как бы в результате побед руководители русской политики не увлеклись и не попытались бы «уничтожить Японию у себя — ее флот» и тем самым получить преобладающее влияние на Тихом океане. Т а к о й разгром противника грозил крупными международными осложнениями, которых Витте весьма опасался.

Однако, два-три месяца спустя, тон писем его заметно меняется. Правда, Витте попрежнему утверждает, что «все благоразумные люди уверены, что в конце концов японцы б у д у т побиты», но сквозь официальную уверенность в победе в каждой строке сквозит самый мрачный пессимизм. Как бы ни благоприятно для России развернулись военные события, «едва ли мы вознаградим себя за все потерянное и, во всяком случае, придется пережить трудные времена». «Особливо я опасаюсь за внутреннее положение», заявляет он.

Чем дальше, тем со все возрастающей силой события внутри страны приковывают к себе внимание Витте. Убийство Плеве и нарастание революционного движения в стране заставляют его с большой четкостью определить свою политическую ориентацию. В письме от 19 августа 1904 г., отмечая видную роль Плеве в дальневосточной авантюре, Витте указывает на него, как на одного из виновников несчастной войны, «которую начали жулики и ведут идиоты». При этом Витте роняет фразу, во всех отношениях знаменательную: «Без преувеличений можно сказать, что, пожалуй, победоносная война даст еще худшие результаты, нежели средний успех». На первый взгляд, эта фраза может показаться лишь повторением уже известного нам опасения, как бы разгром Японии на море не вызвал вмешательства третьих держав и международных осложнений. Но такое понимание этих слов было бы ошибочным. Думать, что Витте после гибели «Петропавловска», после высадки японцев в Бидзиво (28 апреля 1904 г.) и неудачного морского боя у Порт-Артура мог рассчитывать на разгром японского флота, конечно, нельзя. Ведь за 4 месяца до Цусимы он полагал, что «Рожественский дойдет до Владивостока искалеченный (а может и совсем не дойти)». Таким образом, вышеприведенные слова «победоносная война даст худшие результаты, нежели средний успех», следует объяснить не опасением международных осложнений, а боязнью укрепления режима в результате победы. Режим, возглавляемый бесхарактерным Николаем II («кретином», как обозвал его как-то Витте в припадке гнева), обнаруживший в войне всю свою несостоятельность, не мог привлечь к себе особых симпатий Витте. Конечно, он не хотел поражения России: это угрожало революцией, которая шла гораздо дальше скромных реформистских планов опального министра. Но если поражение могло закончиться революцией, то, с другой стороны, Витте хорошо запомнил слова ненавистного ему Плеве: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война»*). Победоносная война способна была лишь укрепить Плеве и его единомышленников и, конечно, окончательно устранить всякое влияние Витте. Поэтому война «со средним успехом» наиболее соответствовала личным интересам и политическим взглядам Витте. Не случайно в том же письме он едко, с немалой долей злорадства, характеризует Плеве («к счастью для человечества, такие субъекты родятся в виде исключений») и указывает, что «для исправления положения дела... нужно крупное изменение всего режима».

Неменьший интерес для понимания классовой природы политической программы Витте представляют его высказывания относительно национальной политики царизма. В этой области, больше чем в какой-либо иной, политически организованный торговый капитал проявил себя во всей своей средневековой сущности. Уступки промышленному капиталу здесь делались с наименьшей охотой и в чисто-гомеопатических дозах. Решительная и последовательная в этом вопросе линия Витте безусловно является доказательством его политической близости к некоторым кругам русской промышленной буржуазии.

Как известно, Витте много раньше Столыпина предлагал укрепление крестьянских наделов в собственность **) и весьма мало дорожил сохранением помещичьих латифундий. В дневнике А. В. Богданович мы находим следующую любопытную запись от 12 ноября

*) С. Ю. Витте, «Воспоминания», т. I. Изд. «Слово». Берлин, стр. 262.

**) Об этом упоминает Половцев в своем недавно опубликованном «Дневнике». См. «Красный Архив», т. IV, стр. 96—97.

1905 г.: «Харитоненко, бывши у Витте, спросил, что ему делать с аграрным вопросом? Витте нервно ему ответил: «Продавать земли через Крестьянский банк» *). Идейно политическая связь Витте с известными слоями промышленной буржуазии представляется, таким образом, несомненной. Печатаемые ниже письма это особо подчеркивают и оттеняют.

Г. Стопалов.

Печатаемые ниже письма взяты из двух фондов: архива С. Ю. Витте и архива А. Н. Куропаткина. В архиве Витте хранятся копии писем Куропаткина, которые находятся в регистраторе с надписью «Письма государственного значения». Каждое из печатаемых ниже писем Куропаткина имеет свой инвентарный № (Архив Октябрьской Революции, Отдел падения старого режима, ф. X. №№ 316, 317, 318 и 319).

В архиве А. Н. Куропаткина хранятся подлинные письма Витте, телеграмма его и черновик телеграммы Куропаткина к Витте. К каждому письму Витте приложена копия, снятая Куропаткиным, очевидно, вследствие неразборчивости почерка Витте. Все эти материалы находятся в одной папке и заинвентаризированы одним № (Архив Октябрьской Революции, Отдел падения старого режима, ф. XI, сдаточ. оп. 3, № 37).

Текст писем подготовила к печати В. Л. Лемберская. *Ред.*

1.

28 марта 1904 г.
Ляоян.

Дорогой Сергей Юльевич!

Поздравляю вас с праздником светлого Христова воскресения. Обнимаю вас и целую руки Матильды Ивановны [1]).

Много, много раз вспоминаю вас и ваше постоянно теплое, дружеское ко мне отношение.

Чувствовать сочувствие, приязнь и расположение такого большого, сильного человека, как вы, верьте, доставляет мне истинную отраду. С своей стороны, и я солдатски предан вам и твердо верю, что в тяжелые минуты вы еще крепко поможете России.

Начинаю входить в курс всех дел здешних.

Объехал войска армии. Материал хороший. Много, конечно, еще не хватает, но то, что есть, — уже сила порядочная. Японцы медлят открытием решительных действий и дают нам возможность усиливаться и приготовляться к встрече их.

Вост.-Кит. дорога работает успешно и очень скоро даст 7 пар воинских поездов по магистрали и 9, а потом и 12 пар на южной ветви. То, что на ней сделано, сделано солидно.

Пограничная стража дело свое делает. Чичагов [2]), при всех его недостатках, все же многое успел сделать и полезного. Поручаю управлению Вост.-Кит. дороги (Хорвату и, главным образом, Игнациусу) приступ к работам по прокладке дороги, широкой колеи

---

*) А. В. Богданович. «Три последних самодержца». Изд. Л. Френкель. М. — Л., 1924 г., стр. 355.

к Ялу. Изыскания уже закончены. (Я их просил сделать еще в бытность военным министром.) Население к нам довольно дружественно, но китайские власти делают большие затруднения в покупке продуктов, найме перевозочных средств и рабочих.

Будьте здоровы. Пишите.

Всегда ваш *А. Куропаткин.*

2.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Сердечно вам благодарен за ваши милые строки. Со времени объявления войны я не имел счастья беседовать с его величеством. Вообще же мы здесь живем в какой-то болезненно-повышенной атмосфере. Несчастья с флотом побуждают особенно отличать геройство наших моряков. Все та же история России — несостоятельность флота и подвиги моряков! Вероятно, большее соответствие этого орудия войны было бы полезнее для отечества. Сердечно жалею Макарова [3]), и если такой рок был неизбежен, то казалось бы, что справедливее, если бы он пал на вашего начальника. Во всяком случае, сие было бы полезнее. Но, видимо, покуда для нас идет серия неудач. Целые две недели мы встречаем героев, побежденных при Чемульпо, так, как, кажется, никогда не встречали героев-победителей. Суворов таких встреч не знал.

Несомненно, что война подняла патриотический дух. Конечно, все, кроме негодяев, жаждут победы и победоношения. Коль скоро люди находятся вместе, все говорят т о л ь к о на эту тему, и говорят искренно. Но как только приходится говорить глаз на глаз, г р о м а д н е й ш е е большинство высказывают: конечно, теперь нечего делать, нужно побить японцев, — но для чего, почему все это затеяли? Покуда идет война, — эти вопросы отлагаем, но когда мы исполним первый наш долг, — мы поговорим о том, что так дальше дело итти не может.

Хотя я не имею счастья беседовать с государем императором, но знаю, что делается. Сумасшедший Безобразов пропал, провалился. Хитрый и меднолобый Абаза понемногу теряет почву. Наместник [4]) же хотя в общественном мнении заслужил только презрение, — тем не менее поддерживается, как флаг той системы или тех идей, которые привели к этой, по меньшей мере, неуместной войне. Очевидно, что этот флаг будет долго поддерживаем, ибо государю флаг спустить если не невозможно, то трудно.

Уверен, дорогой и милый Алексей Николаевич, что вы изрядно поколотите японцев. Дай вам бог! Знаю хорошо, сознаю, что могут быть и будут неудачи, но голову даю на отрез, что вы в конце концов выметете Манчжурию и Японию. Поверьте, что желаю этого всею душою, как всякий русский, и, кроме того, желаю этого по моей искренней к вам дружбе и сердечной симпатии.

Не ища более ничего для себя, я душевно радуюсь за каждый успех моих бывших друзей - коллег и печалюсь их неудачами и их горем. Но не могу скрыть от вас, что я и теперь боюсь увлечений, боюсь, что во-время не остановятся и неловкою политикою вовлекут нас в новые осложнения. Боже сохрани! Покуда мы будем бить японцев на суше, если мы их выбросим в море, никто в Европе в дело не вмешается. Но если мы пожелаем иметь преобладающее влияние в Тихом океане, т.-е. уничтожить Японию у себя — ее флот, — то мне чуется, что без вмешательства не обойдется. И тогда могут вспыхнуть новые бедствия, гораздо более тягостные, и именно тогда, когда мы порядком поослабнем.

Дорогой Алексей Николаевич, умоляю вас не забывать, что Куропаткин не только славный вождь, но государственный муж. Не забывать известную секретную записку военного министра Куропаткина о значении наших различных границ, — не забывать вашу фигуру [5]).

Недавно один муж заехал ко мне после продолжительного частного разговора наедине с его величеством и передал мне, что государь изволил отзываться о вас весьма сердечно, говоря: «как Куропаткин был прав, проповедуя, уезжая в армию, что нужно терпение и ожидание и что только таким путем мы достигнем нашей цели!».

У нас все новые министры. Глазов [6]) — министр народного просвещения! Ничего, кроме историй, из этого не выйдет. Вообще во внутреннем управлении как бы нарочито подогревают почву, которая и без того даст не мало пламени после войны.

Вчера у меня был счастливый день. Вера [7]) вышла замуж за Нарышкина, — племянника графа Воронцова, — сестра коего замужем, кроме того, за сыном графа.

Да благословит вас бог!

Весь ваш

С. Витте.

19 апреля *).

3.

19 мая 1904 г.
Ляоян.

Дорогой Сергей Юльевич!

Письмо ваше от 19 апреля получил.

И у нас атмосфера приподнятая. Излишнее подогревание ее не полезно, ибо делает войска впечатлительнее, чем это было бы желательно.

Обстановка усложняется невероятно сложным театром военных действий и обязательством принимать в расчет политическое значение разных пунктов, вроде Инкоу, Мукдена. Особенно ослабляет нас и может стать еще источником больших испытаний Порт-Артур с его неподвижною эскадрою.

---

*) Рукой Куропаткина карандашом дописано: «1904 г.».

Я указывал несколько раз о несогласии моем с выводами квантунцев [8]) о силе и прелести Порт-Артура и позиций в Южной Манчжурии, так думаю и теперь. Не будь Порт-Артура, мы спокойно сосредоточились бы там, где сами пожелали бы, а приготовившись — пошли бы грозно и безостановочно в п е р е д.

Теперь мы гоняемся за несколькими зайцами разом, имея только п о л о в и н у всех сил манчжурской армии. Мы все хотим охранять, все выручать и всюду неизбежно слабы.

Борюсь и делаю дело, насколько хватает сил. Не сомневаюсь в окончательном успехе, но испытания еще будут.

Обнимаю вас, целую руки Матильде Ивановне и без церемонии целую вашу милую Веру, поздравляя ее с выходом замуж.

Всегда вам преданный

А. Куропаткин.

4 *).

Дорогой Алексей Николаевич!

Давно я вам не писал. Думал, вам не до моих писем, а, с другой стороны, у вас теперь центр нашей жизни. Все другие интересы временно стушевались. Завтра я уезжаю в Берлин, дабы уладить с Германией экономические вопросы, дабы обеспечить нам возможность ее содействия в настоящее трудное время. Пренеприятное поручение! Перед отъездом вздумал вам черкнуть эти строки.

У нас все по-старому очень неопределенно. Одно заметно — желание привлечь к себе симпатию обиженных. Вы были бы очень удивлены, слушая в Комитете Министров целый ряд льгот евреям — и не только в областях, находящихся в ведении министра в[нутренних] дел, но и в казачестве. В а ш и а н т и п а т и и к ж и д а м б ы л и б ы в е с ь м а ш о к и р о в а н ы **). И кто же автор сих предложений? Г-н Плеве. Видно, плохо приходится. И к иностранцам даже значительно льготнее. Проходят такие уставы, что если бы я их представил бы еще год тому назад, то все (из угодливости) были бы против. Вот убили Бобрикова [9]). Хотя и толкуют, что князь Оболенский [10]) пойдет по тем же стопам, но, конечно, это будет не так. Начнется это спускание затянутого до крови мундштука. В особенности мы стали ужасно ухаживать за иностранной прессой: кого деньгами, кого хитростью, кого дипломатическим влиянием — всех хотим привлечь на свою сторону, показать, что г-н Плеве — самый добросовестный человек, а его действия самые либеральные. Одним словом, случилось везде обратное тому, чего хотели. Вы хотели — не наступать и даже отступить, а потом двинуться, что, по моему крайнему суждению, было бы

*) Письмо без даты. На подлиннике помета рукой Куропаткина: «Получено 21 июля 1904 г. Аньшаньджан».

**) Подчеркнуто в копии письма красным карандашом рукой Куропаткина. Слова, набранные разрядкой в дальнейшем тексте письма, подчеркнуты в подлиннике чернилами рукой Витте.

гораздо лучше происшедшего, а вышло обратное — начали наступать. А г-н Плеве все везде готов громить и итти на всех вперед. А теперь трусливо отступает по всей линии. Конечно, все поймут, отчего сие происходит, скажут: струсил. Да так и говорят. Вот что значит запутаться! Вообще настоящее положение России может быть изображено [?]. Толчок к развязке будет зависеть от хода военных событий. Но как бы они ни были благоприятны, едва ли мы вознаградим себя за все потерянное, и, во всяком случае, придется пережить трудные времена. Особливо я опасаюсь за внутреннее положение. Кажется, происходит скрытый психологический процесс в населении, который может дать много огорчений. Дай бог нам помощь!

Что касается суждений о том, что делается у вас, то в обществе мысль, скажу — убеждение, о двоевластии — вашем и Алексеева [11]) — существует вполне определенное. Впрочем, это факт очевидный. Пресса все наши неудачи — а ведь до сих пор у нас преимущественно были неудачи — описывает с прикрасами. Вообще пресса поет гимн войне — старается как можно более очернить японцев (они и без того не белые) и выдает благие результаты. Но думаю, что общественное мнение, даже в широком смысле слова, не особенно доверяет прессе и смотрит на дела довольно здраво и пессимистически. Но, конечно, все благоразумные люди уверены, что в конце концов японцы б у д у т побиты. Что мы от этого выиграем, это другой вопрос. В общественном мнении твердо установилась ваша популярность — в вас видят всю надежду. О наместнике же или не говорят, или относятся с презрением. И замечательно, что в обществе и н а р о д е это чувство укрепляется сообщениями с театра военных действий. Судя по этим письмам, то же чувство существует и у вас. Насколько вы популярны, настолько у вас на месте Алексеев не пользуется никакими престижем. В письмах его иначе не называют как «Порт-Артурский . . . . . *)» — «главнотелеграфирующий», «вредный подонок», «карьерист». Но довольно сказать, что в Петербурге есть очень маленький кружок, хотя и близко стоящий к государю, который вас критикует и возвеличивает Алексеева. Это компания в. к. Н. Н. и отчасти ваши бывшие сотрудники **). В конце концов, это, если можно сказать, интрига — беззубая.

До свидания, мой дорогой Алексей Николаевич.

Желаю и уверен в успехе вашем.

Сердечно ваш

C. Витте.

P. S. Вот если бы теперь немцы выдумали бы двинуться! Уверен, что через $1^1/_2$ месяца были бы по линии от Смоленска до Киева и Николаева.

---

*) Неразобрано.

**) Великий князь Николай Николаевич и военный министр Сахаров. *(Примеч. Куропаткина к копии письма.)*

5.

Дорогой Алексей Николаевич!

Пишу вам сегодня на третий день Ляоянского сражения, которое, судя по полученным до сего времени телеграммам, кажется, слава богу, для нас успешно. Помоги вам всевышний! Да будет это начало оборота кровавого дела в нашу пользу! Как вы предвидели, так и случилось.

В последние месяцы в некоторых сферах на вас шло большое хуление. Наш режим уж таков, что интриги играют неподобающую роль. Но должен сказать, что сердце России единогласно за вас; за вас голос общественного мнения. И хотя мне часто приходилось слышать пренебрежительные мнения о так называемом общественном мнении, но, в конце концов, сила солому ломит. С господином фон-Плеве сделалось то, что должно было сделаться, и страшно то, что нигде это преступление не встретило соболезнования [12]). Только послышался вздох облегчения и проклятия его памяти. Как всегда в этих случаях бывает, после смерти развязался язык его приближенных, его сотрудников — лиц, разбиравших его бумаги. И бог знает, что оказалось! В течение двух лет подносились самые подлые, самые лживые доносы и клеветы. Но что для вас должно быть интересно, это то, что оказалось, что господин фон-Плеве был душою банды квантунцев, приведших Россию к этой несчастной войне. Это теперь несомненно. Я говорю: несчастной войне, ибо не вижу в ее результате, как бы война для нас ни была победоносна, никаких благ для России. Без преувеличений можно сказать, что, пожалуй, победоносная война даст еще худшие результаты, нежели средний успех *).

А каков ваш сатрап — наместник, поехал во Владивосток встречать свой победоносный флот и встретил два разбитых крейсера! Собственно говоря, у нас в Тихом океане флота уже нет, и можно сильно сомневаться в хороших результатах Балтийской Тихоокеанской эскадры. И больно то, что это, несмотря на наших героев моряков. Одним словом, были корабли, были храбрые моряки, но не было флота. И разве можно было ожидать иного от столь растленных субъектов, как опереточный главнокомандующий Алексеев? Недоброе чувство к нему питает поголовно вся Россия. Будет ему плохо.

На этих днях последует назначение министра внутренних дел. Кто бы ни был назначен, таких подлостей, как Плеве, делать не будет, ибо, к счастью для человечества, такие субъекты родятся в виде исключений. В то же время, кто бы ни был назначен, дела не исправит, может лишь его волочить. Для исправления положения дела, в особенности имея в виду войну, нужно крутое изменение всего режима. Это у нас одним человеком не делается. Относительно выбора лица ходят всякие

*) В подлиннике и в копии подчеркнуто карандашом рукой Куропаткина.

слухи, говорят даже о Косиче [13]). Сегодня, кстати, появился его старческий бюст в «Новом Времени». Жив курилка!

Исполнив пренеотрадную миссию в Берлине [14]), я здесь задержался радостным событием — рождением наследника цесаревича, и в воскресенье 22-го уезжаю в Сочи. Буду крепить свои дни до открытия заседаний в заглохших высших государственных установлениях.

Здравствуйте. Всем сердцем и помыслами с вами. Благослови вас господь бог! Обнимаю вас.

Сергей Витте.

*19 августа 1903 г. *).*

6.

Позиция на р. Шахе.
18 декабря 1904 г.

Дорогой Сергей Юльевич!

Прочел манифест от 12 декабря [15]), и первою моею мыслью было вспомнить о вас и от души, внутренно поблагодарить вас за доброе, благодетельное участие в таком важном для России деле, которое ныне поставил на очередь наш чудный государь.

Я читал манифест этот и многие строки его почти буквально вспоминал из тех разговоров, которые мы вели за верховою ездою в манеже Половцова.

Особенно полно ваши мысли и пожелания выражены в тех начинаниях, которые вы признавали необходимыми для нашего крестьянства и которые ныне поставлены на очередь.

Издали надеюсь, что через ваши опытные руки пойдет и проведение в жизнь новых начал к поднятию в России законности, уменьшению административного произвола, уравнению прав крестьянского населения с другими сословиями, увеличению свободы печати, увеличению уважения и доверия к земству, городским и другим учреждениям, ведающим местные нужды... Горячо желаю вам успеха. Издали буду с вами и за вас. Издали мне легче видеть все вещи и всех людей в настоящую величину.

Мы с вами часто спорили, чуть не ссорились, но я всегда чувствовал вашу симпатию и ласку к себе. С своей стороны, уже давно чтил в вас настолько крупную, историческую личность, что нападки на вас всегда казались мне мелкими и для России вредными. И так же давно питал к вам чувства искреннего почитания и взаимной симпатии. Помните: я никогда не верил возможности, что царь и Россия не используют огромных запасов таланта, знаний, железной энергии, которыми вы обладаете.

Порадуйте меня одним словом — телеграфируйте или напишите: попадет ли в ваши опытные руки проведение реформ, в манифесте

---

*) Дата «1903 г.» Куропаткиным зачеркнута красным карандашом и исправлена на «1904 г.».

12 декабря указанных. Удастся ли вам отодвинуть назад и предать забвению мрачную эпоху Горемыкина, Сипягина, Плеве?

Верьте, что и нам в армии будет легче дышать, если легче станет дышать великая Русь.

Мы здесь, со мною во главе, искренние, убежденные верноподданные нашего любящего Россию и армию государя, и за него мы охотно сложим свои головы, но пусть он поверит, что его трон только укрепится, когда миллионы лучших русских людей сплотятся на защиту его, сильные, в свою очередь, доверием, им оказываемым с высоты престола.

Много раз обнимаю вас.

Всегда ваш *А. Куропаткин.*

7.

Получено в Телине.
27 февраля 1905 г. *).

Дорогой Алексей Николаевич!

Несколько раз собирался писать, но не было охоты. Ничего хорошего вам писать не мог, а события шли за событиями, катились и катятся по наклонной плоскости и по естественному закону все с большей и большей скоростью. Вы вот год, как уехали, а теперь вы не узнали бы—не Россию, а те перемены, кои произошли в ее психике. Уверен, что даже вам трудно объяснить это положение. Князь Трубецкой вам эпизодически много порасскажет. Я же вам постараюсь очертить в нескольких словах.

Основная причина нашего ужасного положения — это война. Не хотелось вам писать об этом. Вам без того тяжело, а услышите мои слова, и, если поверите им (а не поверите — после убедитесь, что я не ошибаюсь), то будет еще тяжелее. Но все-таки вам нужно знать правду. Ведь эта война беспричинная и бесцельная. Ее можно и д о л ж н о **) было избегнуть. Никаких результатов, благих для России, мы от нее ждать не могли, — и никаких результатов от нее не получим. Теперь, дай бог, только уйти без срама. Вначале была вспышка (во многом искусственная) патриотизма. Если бы война кончилась в несколько месяцев, то под этим впечатлением люди бы не разобрались, и, пожалуй, даже она укрепила бы русский дух, международный престиж, и хотя бы никаких от нее реальных благ не получили бы, но, может быть, Россия приободрилась бы, и ее престиж повозрос. Но война затянулась и произвела сплошной смрад в общественном самосознании. Теперь все читающие и многие из безграмотных находятся в ненормальном состоянии — перестали ясно думать, изнервничались, потеряли равновесие. Но Россия сознала, что война завязалась без достаточных поводов, что ее избегнуть было вполне

*) Помета сделана адъютантом Куропаткина.

**) Это и другие слова, набранные разрядкой, подчеркнуты в подлиннике чернилами рукой Витте.

возможно и должно, — что это род государственной авантюры, а к тому же Россия почувствовала прелести войны — уже затрачено около 700 милл. рублей, а конца даже не видно; большая половина флота потеряна, кроме непосредственных затрат на войну; нет человека, который так или иначе материально не пострадал. Все бумаги (миллиардов 10) потеряли в среднем стоимость около 10%; это составляет 100 [?] милл. руб. Промышленность и вообще экономические отношения болеют, на ж[елезных] дорогах залежи. Наступает время увеличения всех налогов, так как иначе нельзя будет свести обыкновенный бюджет. А тут неудача за неудачей, уже потеряли до 100 т[ысяч] человек. Ведь у них у всех есть знакомые, родные, родственники. Наконец, является национальное умаление. В Европе мы голос теряем. Вооруженные силы на Западе дезорганизовались и ослабились. Пришлось дружить с немцами, а для этого нужно было войти в невыгодный торговый договор на 10 лет. Наконец, самая война показала нашу полную дезорганизацию, нашу неподготовленность, нашу неспособность. А к тому же и ранее войны общество порядочно ненавидело правительство. Ведь русских людей (по вашему выражению, старших братьев) в России 56%, а 44% евреев, финляндцев, немцев, поляков, армян, татар, которые и до войны, вследствие нашей политики, правительство ненавидели. Теперь и первые 56% начали кричать: «ну что же с нами правительство наделало?». А тут анархисты, революционеры, конституционалисты — начали свою пропаганду во всю мочь и ширь. Конечно, в результате все люди сделались ненормальны, а к тому же правительство все мельчало и мельчало. Прежде министров ненавидели, а теперь презирают. Прежде правительство не любили, но с ним считались, а теперь над ним смеются, но смеются злобно, стараясь его придушить.

Вот вам картина, хотя нескладно начерченная. Что же делать, какой выход? Я того мнения, что, при данных обстоятельствах и людях, выхода, от людей зависящего, нет; если он явится, то не от людей, а от Промысла. Одно ясно, что с Петра Великого Россия еще в таком грозном положении не была. Это несомненно. И более всего трагично то, что не обстоятельства, а безумие (явное безумие), слабость, мелкота характера и помышлений, т.-е. люди, привели Россию в такое положение. Не внешние исторические течения нас довели до сего, а мы сами себе все это уготовили, сами искали, как бы найти вонючее болото, чтобы окунуться в него по уши. Нашли и окунулись, а вылезти не можем. Пожалуй, еще как-нибудь вылезли бы, а тут со всех углов повылазили пчелы, летучие мыши и проч. само по себе дрянь — да давай кусать и щипать. А ведь если простая муха отравит свое жало, то от укуса смерть. А если она укусит большого человека, то масса мелких падает.

В чем же искать Промысла? Где он может прежде всего явиться для того, чтобы мы (не Россия — а е е нынешний режим) могли устоять? Конечно, в войне прежде и ранее всего. Основное бедствие, все покрывающее и все взбаломучивающее, — это война. Вам лучше судить, что можно после тяжелого годового ужасного кошмара ждать от войны. Я теперь более, чем когда-либо, убежден, что только одно горе и горе. Вот, что будет в наилучшем случае. Рожественский дойдет до Владивостока искалеченный (а может и совсем не дойти). Вы будете побивать японцев и оттесните их за Ялу и в конечный перешеек Ляодунского полуострова и там опять надолго станете (а может быть, и этого и не достигнете). Но при самых благоприятных обстоятельствах мы опять потеряем около 100 т[ысяч] человек, опять миллионов 700, и опять все прошедшие страдания. В это время, может быть, японцы захватят Сахалин. Ну, а далее? Европейские державы и Америка не дадут нам поживиться в Манчжурии. Эти идеи нужно, наконец, бросить. Ведь и война загорелась потому, что все хотели так или иначе — часть или целиком — скушать Манчжурию. Это теперь оставьте! Сколько раз я убеждал всех вывести войска из Манчжурии. Нет, не послушались! Корею японцы нам не дадут. Южную ветвь с Артуром мы потеряем навсегда. Если японцы возьмут Сахалин, то нам его не вернуть. Вот наилучшие плоды безумнейшей войны, которая когда-либо была на свете. А что же вы думаете, российская психика это перенесет? Нет. Если уже теперь на 1.000 человек 1 остался психически нетронутый, то до окончания войны все сойдут с ума. А от сумасшедших можно ждать всего. Может быть, японской войне предстоит иметь окончание в катастрофах в России и столицах.

Больно, очень больно мне все это вам писать. Но все это так. Затеяли войну без ума. До взятия Порт-Артура можно было как-нибудь кончать миром. А теперь я не знаю, что лучше, — сознаться в грехе и теперь же пойти на мир или продолжать кровопускание? Не будет ли наше положение через несколько месяцев еще безвыходнее, не придется ли через несколько месяцев принять мир еще худший?

При таких обстоятельствах, что значит указ 12 декабря? Того, что там предначертано, я добивался 10 лет. Все были глухи. Если бы на путь указа стали после Горемыкина,—он бы принес много пользы, он бы укрепил самодержавный режим на 10 лет. После Сипягина тоже, он бы даже принес пользу после Плеве, а теперь, теперь немного я от него ожидаю. Нужно проводить указ, а там, что бог даст.

Вам, дорогой Алексей Николаевич, трудно, но я не знаю, где труднее, где опаснее, где хуже, — около Мукдена или в Петербурге. Все инородцы, по вине политики, которой и вы сочувствовали, — нам теперь не опора. Почти поголовно все земство и дворянство против самодержавного государя. А народ, народ покуда хочет ясно одного, чтобы отняли землю от частных владельцев и дали им;

все остальное в их голове смутно. Но, конечно, инстинктивно они за царя. Вот как бы и не пошла внутренняя резня, а тогда своя своих не познаша.

Крепко вас обнимаю и целую.

Сердечно ваш *С. Витте.*

*19-го *).*

8.

Дорогой Алексей Николаевич!

Вчера я вам написал совершенно откровенное письмо о положении русского дела и передал его князю Трубецкому для передачи вам. Положение дела очень опасное, опаснее всего для самодержавия и царя. Можно ожидать с недели на неделю всякие неожиданности. Со времени написания моего письма получились известия о столкновении армии Гриппенберга. Опять потеря в 10 т[ысяч] человек. Итак, только что прикоснулись к армии Оямы, — выведено из строя 10 т[ысяч]. Хотя о потерях вообще в официальных телеграммах печатается очень смутно, а иногда и совсем умалчивается, но, в конце концов, все узнается и печатается из иностранных газет. И публика у ж е п р и в ы к л а мало доверять официальным сообщениям после петербургской их цензуры.

Я ожидаю всяких неожиданностей. Так как во всей этой сумятице мне приходится играть некоторую роль, а может быть в ту или другую минуту придется дать решительный совет, то д л я б л а г а Р о с с и и не напишете ли вы мне, на что вы рассчитываете? Я понимаю, что в войне большой процент принадлежит случаю, но вы, как главнокомандующий, каковы ваши чаяния? Что вы думаете сделать с японцами, каких достигнуть результатов? Долго ли эта несчастнейшая война может еще тянуться? Какие вы полагаете возможным достигнуть мирные условия? Наконец, не благоразумнее ли ныне же подумать о мире и искупить свои грехи?

Крепко вас обнимаю.

Сердечно преданный *С. Витте.*

*20-го **).*

9.

Петербург. Сергею Юльевичу Витте ***).

Очень благодарю вас за теплую депешу, мы здесь, чем ближе к боевым линиям, тем тверже духом и увереннее в окончательной победе над японцами. Но надо, чтобы нам помогала вся Россия. В ы ж е, ж и т е л и П е т е р б у р г а, п а д а е т е д у х о м ****) на осно-

---

*) Адъютантом Куропаткина дописано: «января 1905 г. С.-Петербург».

**) Рукой Куропаткина дописано: «января 1905 г.».

***) Черновик телеграммы, написанный на бланке рукой Куропаткина с его пометой: «Отпуск. К хранению 28/III».

****) Слова, набранные в тексте разрядкой, подчеркнуты в подлиннике рукой Куропаткина.

вании совершенно преувеличенных хвастливых сведений японских источников о взятых у нас многих сотнях орудий, многих десятках тысяч пленных, о полном разгроме наших армий. Надеюсь, главный штаб скоро опубликует верные данные. Из них вы увидите, что большинство корпусов отступило, не потеряв ни одного орудия, и что общая потеря орудий — около тридцати, в том числе и разбитых в бою. Мы тоже взяли у японцев десять пулеметов и орудий. Под Телиным наши войска уже дали японцам тяжкий отпор. Ныне мы готовы к новому, самому упорному бою. В числе причин нашей неудачи под Мукденом обратите для пользы дела внимание на обещание министерства путей сообщения относительно усиления железной дороги с 15 октября прошлого года, а именно до двенадцати пар воинских поездов в сутки, об этом усилении я был официально извещен. Если бы такое обещание было выполнено, мы имели бы в боях под Мукденом на сто тысяч штыков более, чем имели в действительности.

Алексей Куропаткин.

№ 18.

27 марта 1905 г.

10.

Многоуважаемый Сергей Юльевич!

Долго не отвечал на ваше письмо потому, что совершенно расходился с вами в вопросе относительно мира с Японией. Даже теперь, после уничтожения эскадры Рожественского, России надо продолжать борьбу, и победа на море не должна нас особо тревожить, ибо и до сих пор японцы хозяйничали на море. Наше поражение на море доказало только, что нельзя стать по приказу сверху морскою державою и задаваться идеею господства на водах Тихого океана. Но на суше в настоящее время мы стоим тверже, чем стояли когда-либо, и имеем уже ныне много шансов выйти победителями при новом кровавом столкновении. Мы вполне готовы к бою, и я ожидаю его с нетерпением. Нам, по моему мнению, скоро надо будет перейти в решительное наступление. И неужели при этих условиях возможно говорить о мире «во что бы то ни стало», даже позорном для России?

Японцы на суше напрягают крайние усилия для борьбы с нами. Есть основания признавать, что далее развивать свои войска им уже не по силам, что они дошли до кульминационного пункта своего успеха. Мы же только еще входим в силу (и, прибавлю, входим так медленно, что до сих пор еще не пополнили свои ряды, но получили подкрепления и еще получим их).

Повторяю: мы стоим настолько твердо на суше, что должны победить, если опять не наделаем грубых ошибок. От этих ошибок не гарантированы и японцы, и они их тоже делали, но мы, несомненно, совершенствуемся, учимся, и боевой опыт улучшает, а не ухудшает наши войска и начальствующих лиц, несмотря на неудачи.

Полки, которые по приходе из России обнаруживали малую стойкость, теперь закалились и могут признаваться надежными. Полки, которые и были надежны, теперь составляют гордость нашей армии, и их немало. Наша артиллерия и конница выше японской. Окажите доверие и нашей прославленной во все времена пехоте, дайте время, и она одолеет врага.

Японцы стягивают свои силы к передовым позициям, только небольшая полоса разделяет 700—800.000 вооруженных людей, готовых броситься друг на друга на относительно тесном пространстве.

Мы приготовились к встрече, и я с великою радостью получу донесения, что враг тронулся и новая, страшная по потерям и напряжению битва началась. Встречу с радостью, ибо твердо верую в окончательный успех нашего оружия. Еще более буду рад, когда Линевич [16]) признает, что и мы сами можем итти вперед. Надо, чтобы Россия подождала думать о мире, пока мы здесь хочем *) борьбы, можем продолжать ее и твердо верим в успех. Позорный мир приведет быстро к катастрофам: внутренней и внешней. Внешняя кончится новою, еще более тяжелою вооруженною борьбою. Этого ли мы хотим?

И неужели хотя на полгода времени нельзя вдохнуть в интеллигенцию России чувства патриотизма?

Но если представители мысли и власти в России не хотят ехать к нам и посылать своих сыновей, то пусть, по крайней мере, не мешают нам продолжать и с почетом окончить возложенное на нас (без совета с нами) трудное дело борьбы с Японией.

Новые жертвы неизбежны, но мы их принесем с глубоким сознанием, что они нужны нашей дорогой родине.

Неожиданно начатая война с Японией составляет несчастие России, но не во-время оконченная война — прибавит к несчастию позор.

Всегда ваш *А. Куропаткин.*

26/V 1905 г.
Херсу.

11.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Вы мне пишете, что так долго не отвечали мне на последнее мое письмо потому, что не согласны с мыслями, в нем выраженными. По той же причине я, напротив, и поспешаю ответить вам на последнее ваше письмо, вчера мною полученное (через барона Сакена).

Вы пишете, что необходимо продолжать войну во что бы то ни стало, что теперь наша армия так сильна, как никогда не была, что японцы истощены (хотелось бы сему поверить), что вы жаждете сражения (охотно верю), что армия наша побьет Ояму — если, как вы сами прибавляете, «опять не наделаем крупных ошибок». Война—

*) Так в подлиннике.

несчастье России, но не во-время оконченная прибавит к несчастью позор.

Начать с того, что я ни м а л е й ш е г о влияния на дела вообще, а в особенности, касающиеся войны, не имею. Значит, если бы даже мог разделить ваши мнения, то в смысле их осуществления не могу быть в какой бы то ни было степени полезным. Но, кроме того, я ваши мнения и разделить не могу. Вам отлично известно, что я всегда, начиная с захвата Порт-Артура, а затем создания Квантунской военной губернии, был против всех затей, приведших к настоящей войне. Мы довели Японию и Китай до белого каления, третируя их en canaille.

Это для нас были Бухара и кокандцы. Мы приветствовали все истязания, которые творились нашею армиею во время победоносного похода против несуществовавшей китайской армии. Когда вспыхнула против моего, в а ш е г о и графа Ламздорфа желания война с Японией, мы полагали, что уничтожим Японию и победоносно заключим мир в Токио. Но все эти увлечения я никогда не разделял. Когда Курино [17]) в 1903 г. (конец июля) предложил нам условия, дабы положить предел нашим аппетитам, я высказался категорически за принятие этих условий. Они не были приняты. Я в это время ушел [18]). Теперь уже ни для кого не тайна, как затем велись переговоры с августа до 27 января 1904 г. [19]) и как такой способ ведения неизбежно должен был привести к войне. Когда началась эта проклятая война, то перед взятием Порт-Артура я высказывался за заключение мира. Тогда мир был возможен не унизительный. Но, конечно, кто мог бы меня послушать; мое мнение было, вероятно, трактовано, как мнение глупца и чуть ли не изменника. Воображаю, что бы вы мне сказали бы по поводу такого мнения! Перед Мукденским погромом я также высказывался за мир. Перед Цусимским погромом я также высказывался за мир. Я думаю, что и теперь благовременно выяснить, возможно ли заключить мир, или нет. А потому я сочувствую мирным переговорам, которые имеют открыться в Вашингтоне. Конечно, после всех наших поражений мирные условия не будут сладки, в особенности сравнительно с теми, которые были предложены в 1903 г. и нами были отвергнуты. Но это наша вина. Так, многоуважаемый Алексей Николаевич, устроен мир; что всяк отвечает за свои вины. Это закон божеский и закон человеческий, и это общий закон вселенной.

Хотя после всех тех поражений, которые мы испытали, большинство русских людей и мало верит в новые наши успехи, но я готов, в виду вашего утверждения, поверить, что ныне наша армия уже может с успехом померяться с японцами. Но что же мы достигнем в конце концов? Может быть, вы разобьете раз японцев и заставите их отступить. Но затем что будет? Ведь нашей армии придется двигаться к Порт-Артуру и Ялу и иметь целый ряд сражений. Уверены ли вы, что везде будете победителями? Но чтобы дойти до Квантуна и Кореи (Ялу), нужны месяцы. Ну, а потом? Что же, вы будете брать Артур без флота

и укрепляться в Корее без солидной базы? Раз море в руках Японии, вы ее победить, в сущности, не можете, — или вы продолжаете мечтать заключить мир в Токио?!! Но ведь может выйти и обратное, может случиться, что японцы отрежут Владивосток, оттеснят нашу армию за Харбин, возьмут Сахалин. Или все это уже так абсолютно невозможно? Вы в полях Манчжурии потеряли всякую ориентировку с общим положением. Хватит ли у японцев людей, не знаю, хотя как бы, в конце концов, они не начали усиленно пользоваться китайцами; но что касается денег, то хватит. Нам уже иностранный кредит совершенно закрыт, а японцам, сделавшимся высокою нациею, дают все—и немцы и французы, не говоря про англичан и американцев. Внутри у нас полное разложение, можно сказать, что мы находимся в первом фазисе революции. Во внешних делах мы сведены на роль слабой второстепенной державы. Морские границы открыты. Флота нет (Черноморский в восстании). Что касается сухопутной границы, то предоставляю судить вам как бывшему военному министру. Нас теперь с этой границы можно взять голыми руками. На всех наших границах может загореться война, ибо все ныне знают, что мы везде почти что беззащитны. А тут подлецы и негодяи привели страну внутри ее в полную смуту.

Вы, многоуважаемый Алексей Николаевич, взываете к нашему патриотизму. Я знаю, что вы—истинный патриот, и это вы доказывали всю вашу жизнь. Но дело взгляда. Я тоже болею, мучаюсь, нравственно истязаюсь за бедное мое отечество. Бедная, бедная, дорогая и милая Русь! Куда тебя довели, и во что ты обратилась! Но именно потому, что я люблю свое отечество, я желаю скорейшего окончания войны. Нам нужен скорейший, но прочный мир на Дальнем Востоке. Нужно пожертвовать всеми нашими успехами, достигнутыми там в последние десятилетия. Нужно покончить со смутою в России и начать новую, деятельную жизнь разумного строительства. Нужно лет на 20—25 заняться только самим собою и успокоиться во внешних отношениях. Пусть только нас оставят в покое, — а самим нам нужно оставить всех в покое. Мы не будем играть мировой роли, — ну, с этим нужно помириться. Главное, внутреннее положение, — если мы не успокоим смуту, то можем потерять большинство приобретений, сделанных в XIX столетии. Наконец, нам нужно вновь организовать наши военные силы, вернуть к ней *) доверие народа и иностранных держав, и не для того, чтобы заниматься постоянными захватами, — а для того, чтобы у нас не захватывали.

Вот мои откровенные мысли, дорогой Алексей Николаевич.

Затем крепко вас обнимаю и желаю вам всякого счастья и успеха.

Всегда ваш *С. Витте.*

23 июня **).

*) Так в оригинале.

**) Рукой Куропаткина карандашом дописано «1905 г.».

12 *).

Телеграмма:

Харбин. Генерал-адъютанту Куропаткину.
Сандьазу. Из Петербурга. 100129, Л9. 25. 6. 45 дн.

Молчал под гнетом мрака и несчастий. Сердце мое с вами. Помоги вам бог.

Сергей Витте.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Матильда Ивановна — жена С. Ю. Витте.

[2]) Чичагов, Николай Михайлович, ген.-лейт. начальник Заамурского окр. отдельного корпуса пограничной стражи.

[3]) Макаров, Степан Осипович, адмирал, командующий тихоокеанским флотом. Погиб на броненосце «Петропавловске», наткнувшемся на японскую мину, 31 марта 1904 года.

[4]) Алексеев, Евгений Иванович, ген.-адъютант.

[5]) Далее следует чертеж пирамидальной фигуры, относительно которой в дневнике А. Н. Куропаткина есть следующая запись от 13 июня 1903 г. «Если бы от меня потребовали высказать мнение, в какой относительной важности стоят ныне, по военным соображениям, интересы России в различных частях, ее составляющих, и по различным границам ее, то я изобразил бы свое мнение в прилагаемом ниже чертеже:

Наши интересы в Корее.
Наши интересы в Манчжурии.

Приамурский военный округ, охранение сего края для России.
Охрана против Китая и Японии.

Ограждение безопасности России со стороны Турции, Персии, Афганистана, Англии, Китая.
Округа военные: кавказский, туркестанский, сибирский.

Ограждение внутреннего спокойствия России войсками всех округов.

Ограждение целости России против держав Тройственного союза.
Западная граница — это основание безопасности России.

«Этот чертеж, — продолжает Куропаткин, — схематически, но с большою ясностью, указывает, где должны быть сосредоточены главные усилия военного министерства, куда должны быть направлены и впредь главные силы и средства России. Из этого же чертежа видно, что основанием нашего положения должна служить деятельность по ограждению целости России со стороны держав Тройственного союза и ограждение внутреннего спокойствия России войсками всех округов. Вот — главные задачи. Перед этими задачами все остальные имеют лишь второстепенный характер... Между тем, у меня является опасение, чтобы дела Дальнего Востока не были бы поставлены,

*) На телеграмме рукой Куропаткина карандашом написано «от 25 июня 1905 г.».

хотя и временно, в основание нашей деятельности. Из чертежа видно, насколько основание это будет непрочно. Весь чертеж придется перевернуть, поставив на узкую часть, на вершину. Такое основание не выдержит, и здание рухнет».

Далее Куропаткин пишет, что «показывал этот чертеж, по возвращении из Японии, С. Ю. Витте, и он согласился с правильностью его» («Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне». Берлин, 1909 г., стр. 166—168).

[6]) Глазов, Владимир Гаврилович, ген.-лейт., командовал гвардейским пехотным полком, затем был начальником штаба гвардейского корпуса; с 1901 г. состоял начальником Николаевской академии Генерального штаба, а 19 апреля 1904 г. был назначен министром народного просвещения. Вынужден был оставить этот пост 18 октября 1905 г.

[7]) Вера — дочь С. Ю. Витте.

[8]) «Квантунцами», или «безобразовцами», называет Куропаткин группу авантюристов — Безобразов, Вогак, Абаза и др., проводивших захватническую политику в Манчжурии и Корее, склонивших к этой политике царя и доведших дело до войны с Японией.

[9]) Бобриков, Николай Иванович, ген.-ад., финляндский генерал-губернатор, назначенный 17 июля 1898 года; был убит 3 июня 1904 года финляндцем Евг. Шауман (сыном сенатора) за руссификаторскую политику в крае.

[10]) Оболенский, Иван Михайлович, кн., бывший херсонский, затем харьковский губернатор, прославившийся жестокими экзекуциями при подавлении аграрных беспорядков в Харьковской губ. в 1902 г. После убийства Бобрикова был назначен финляндским генерал-губернатором; оставил пост в конце 1905 года.

[11]) Наместник на Дальнем Востоке ген.-ад. Алексеев был назначен в начале войны главнокомандующим действующей армии, а ген.-ад. Куропаткин — командующим войсками. Это положение фактического двоевластия на театре военных действий очень осложняло ведение войны и привело к тому, что Алексеев был смещен с поста главнокомандующего, а Куропаткин назначен на этот пост 14 октября 1904 г.

[12]) Министр внутренних дел В. К. фон-Плеве был убит 15 июля 1904 г. бомбой, брошенной Сазоновым.

[13]) Косич, Андрей Иванович, ген.-от-инф., командующий войсками казанского военного округа.

[14]) Витте был послан в Берлин для заключения нового торгового договора с Германией.

[15]) 12 декабря 1904 г. был издан высочайший указ Сенату, в котором излагалась программа преобразований: объединение закона о крестьянах с общим законодательством, укрепление полной силы закона, расширение самостоятельности земских и городских учреждений, перестройка этих учреждений на более демократических началах, обеспечение самостоятельности суда, государственное страхование рабочих, устранение излишних стеснений печати и смягчение исключительных законов о раскольниках и инородцах. Детальная разработка всех этих вопросов возложена была на Комитет министров.

[16]) Линевич, Николай Петрович, ген.-ад., был назначен главнокомандующим 3 марта 1905 г. вместо Куропаткина, смещенного с этого поста после Мукденского поражения.

[17]) Курино, японский посланник в Петербурге.

[18]) 16 августа 1903 г. С. Ю. Витте получил отставку как министр финансов и был назначен председателем Комитета министров.

[19]) 27 января 1904 г. была объявлена война.

Дневник Г. О. Рауха.

Автор публикуемого ниже дневника *) ген. Г. О. Раух был очень близок к высшим сферам в 1905 г. и был одним из самых активных руководителей борьбы царского правительства с первой революцией. Занимая должность генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и петербургского военного округа, он принимал самое активное участие в выработке и проведении мер, направленных к подавлению революционного движения не только в Петербурге, но и за пределами столицы — в Прибалтике и Финляндии. Близость к вел. кн. Николаю Николаевичу, Витте и самому царю в решительные месяцы первой революции дала автору возможность занести в свой дневник ряд любопытнейших записей об отношении феодально-буржуазных кругов к революции.

Дневник велся автором всего лишь два месяца (с 28 ноября 1905 г. по 24 января 1906 г.); но этот период в первой революции был самым тревожным и самым напряженным для всех деятелей самодержавия. Ведь «смута росла не по дням, а по часам, все усиливаясь и усиливаясь, а в конце сентября и в начале октября начала бить наружу фонтаном» говорит Витте **).

Оригинал дневника хранится в Ленинградском Центральном Историческом Архиве в Архивохранилище Народного Хозяйства, Быта, Культуры и Права. Начатый 28 ноября, 1905 г. и доведенный до 24 января 1906 г., дневник представляет собой 30 листков, записанных с обеих сторон, в четвертку линованной бумаги, с золотым обрезом. Очевидно, он был писан в тетради, из которой кем-то был вырезан настолько небрежно, что на стороне к корешку срезано окончание некоторых строк.

То же самое случилось и с «Воспоминаниями» Рауха, из которых мы приводим наиболее характерные выдержки в примечаниях. Воспоминания писаны автором летом 1908 г. Во вступлении к ним он говорит, что сначала писал ежедневными краткими заметками, затем записывал периодически, а, наконец, за недостатком времени, да и просто из-за лени, бросил совсем. Главное содержание «Воспоминаний» — запись о событиях 1905 г., начиная с событий 9 янв. и кончая назначением автора 26 окт. 1905 г. на должность ген.-кварт. при вел. кн. Николае Николаевиче.

---

*) Текст дневника подготовил к печати Б. Кругляков; примечания к дневнику составлены А. А. Шиловым. *Ред.*

**) С. Витте, «Воспоминания», т. I, стр. 455.

МОЙ ДНЕВНИК [1]).

Начат 28 ноября 1905 года.

Петербург и Царское.

28 ноября. Сбор начальников частей у главнокомандующего вел. кн. Ник[олая] Ник[олаевича]. Замечательная его речь, но содержание: общая нервность, невозможность самосуд[ов] против печати (намек на Семеновцев, четыре офиц[ера], которые ходили в редакцию «Руси» предупреждать, что будут бить), так как это поведет к дурному впечатлению на массу расположенного хорошо к армии общества, что нежелательно. «Я верю, что все кончится хорошо, потому что я верю вам и в ваши части. Вы не можете еще доверять мне, но прошу сделать*), как верили моему отцу, и верьте, что я сумею повести вас, когда нужно будет».

Ответ — общий крик: верим и ура. Было очень торжественно. Потом завтрак, во время которого Х. Дерфельден вспомнил, что это день Плевны. Штаб, доклад, разговоры с Булгариным, Аболешевым, Вороновым [2]). Визит к Палицыну [3]). Совещался относительно газет. Его мнение иметь две и обратиться к Ярмонкину [4]). Вечером принимал трех представителей «Союза русского народа» — Ершова (крестьянин Ярослав[ской] губ., был волостным старшиной, теперь купец рыбник, удивительно умен), Масленников и еще третий. Цель союза — объединение России, средство — печать и пропаганда; собираются издавать газету «Русское Знамя» и крестьянскую.

29 н[оября]. Смотры Гвардейского эки[пажа], Кавалергардов и л.-гв. Казачьего. Штаб. Был у Редигера [5]) по вопросу о судебных делах по печати — направил к Манухину [6]); вечером сидел долго у Дедюлина [7]), относительно борьбы с хулиганством. Затем принимал Мусселиуса [8]) по делу издания «Голос Правды».

30 ноября. Утром был у Романовского [9]) насчет жены, затем ездил к юрисконсульту военн. мин[истерства] переговорить о порядке возбуждения против печати в суде; говорит, что штаб округа должен по приказанию главнокомандующего сообщать прокурору суд. палаты с приложением данной газеты и просить о возбуждении уголовного преследования. После завтрака был в Главном штабе хлопотать о старшинстве бар[она] Вольфа [10]); кажется удалось; затем у себя в штабе — неинтересно. В 5 час. в клубе докладывал вел. кн[язю] результат разговора с Дедюлиным накануне и убедил дать Крюковские казармы для размещения вновь формируемых городовых. Получил приказание непременно быть у Манухина. Наши немцы — Ферзен, Гюне [11]), Вольф—страшно беспокоятся: в Лифляндии, повидимому, очень плохо—крестьянский бунт, как говорит департамент полиции; зато как немцы сплочены, как стараются добиться возможного! Я положительно

*) Повидимому, ошибка; следует: «верить». *Ред.*

войск дать не могу. Сомневаюсь, чтобы Соллогуб [12]) оказался на высоте положения: слишком кабинетный человек, совершенно с жизнью незнакомый. Приехал обедать в Царское. У сына насморк, вызывал док[тора] Соколова. Пишу жене. Дадут ли мне вензеля 6 дек[абря]? Это будет хоть малое утешение, а то вопрос квартиры меня мучает и угнетает.

[*1*] *декабря*. Утром смотр высочайший Московскому полку в Царском в манеже, переезд в Петербург; с вокзала по приказанию главнокоманд[ующего] поехал просить ген. Фрезе [13]) прибыть к вел. кн[язю]. Интересно, что Фрезе спросил, кто рекомендовал Брилевича [14]). Я ответил: Ф. Ф. Палицын (в сущности, я сам имел неудачную мысль еще в начале октября при разговоре с Палицыным назвать Брилевича, на что, помню, первый сказал: пожалуй, но груб, разве при условии назначения вас, т.-е. меня, генер[ал]-квартирмейстером, для смягчения отношений).

Фрезе: «Неудачная мысль, мне предлагали его, но я отказался, ибо нахожу, что человек, который не говорит правды, не годится в начальники штаба, а относительно Брилевича я имел сам случай убедиться в том, что он в этом бывает виноват».

Я: «Да, кажется, дело не клеится совершенно». — Действительно, дело не идет. Брилевич окончательно ошалел и растерялся, делает постоянно бестактности и вовсе не умеет говорить с вел. кн[язем], все забывает и путает. Только и слышишь его унылый, точно плачущий голос: «да, да» и вдруг какую-нибудь пошлую шутку. Мне при нем сравнительно хорошо, ибо я могу его игнорировать, ношу лишь на подпись, абсолютно воспрещаю моим адъютантам ходить с докладом помимо меня, имею по серии вопросов личный доклад у вел. кн[язя], а именно: распределение войск, печать, выбор лиц для назначений, переговоры с министрами, смотры. При всем том он, кажется, работник, и по хозяйственной части работает много. Может быть, он в других условиях был бы хорош, но здесь, конечно, не на месте.

В 6 час. я был у министра юстиции Манухина для выяснения порядка привлечения к суду газет за клевету и нападки против армии по новому закону. Имел с ним интересный разговор, который произвел весьма приятное на меня впечатление. Он прав, говоря, что всегда считал славянскую расу по крови способной и приверженной к анархии, а русского человека — особенно; что ожидал те безобразия, до которых дошла наша печать; что готов всячески содействовать к ускорению судебного преследования газет и просил каждый раз, помимо сообщения прокурору, уведомлять и его.

Вечером долго сидел у Дедюлина; сообщил ему, что высочайше повелено казакам 27 и 28 полков дать от казны обмундирование и теплую одежду, передать половину Крюковских казарм военному ведомству для передачи ему. Затем говорили вообще об общем положении. Он считает главной ошибкой автономию университетов, что привело к серии октябрьских безобразных митингов, на которых левые

партии сплотились; что еще летом город был чист и социалисты слабы и разобщены. Если тогда была бы дана конституция, то все бы прошло гладко. Может быть, он и прав.

2 дек[абря]. Смотр Конной гвардии и Атаманцев. Тревожные депеши из Риги [15]).

3 дек[абря]. Смотр Преображенцев в Царском Селе. Вел. кн[язь] зачислен в списки полка. Накануне вечером вопрос о деньгах для газеты разрешен. Государь согласился дать прямо в руки вел. кн[язю] единовременно и затем ежемесячно.

В штаб заходил Масленников; разговорился и спросил, правда ли слухи, что будто между сенниками есть партия, называемая «Минин и Пожарский», которая намерена в одну ночь вырезать всех главарей Союза союзов, а также Витте? Говорит, что толки были, предполагали даже, но теперь отказались и приняли эту партию в свою среду. Поняли, что скрыть нельзя будет деятелей такого предприятия, а огласка сгубит их дело. Это меня успокоило, ибо имел сведения от Галла [16]) и других об этом плане.

Вечером был арестован весь Совет Рабочих Депутатов и часть Союза союзов. Очень важный шаг, но жаль, что в порядке охраны, а не по суду.

5 декабря. Усиленная работа по подготовке экспедиции Орлова [17]) в Лифляндию, где очень плохо. Курляндия совершенно отложилась, а юг Лифляндии тоже присоединился. Орлов пойдет по Балтийской ж. дороге с 6 эск[адронами] улан, 6 оруд[иями], два эскадр[она] Кир[асирского] ее вел., 2-й стрелк[овый] гв[ард.] батальон и 2 пулемета, всего 8 эск[адронов], 1 батал[ьон], 6 орудий, 2 пулемета.

Вчера вечером был у Ярмонкина, издателя «Зари», — удивительно приятное впечатление. Немного фантазер, но глубоко убежденный, увлекающийся человек. Собирался издавать для народа газету «Зорька». Я буду давать ему субсидию ежемесячно и требую помещения в ней некоторого количества статей для солдат, т.-е. освещения фактов и явлений под правильным углом зрения солдатским, для проведения между ними таким образом правильных понятий. Но газета Cladderadatsch должна быть интересна, как выразился шеф мой, и быть похожей на все остальные газеты, чтобы ничего не было официального, иначе, конечно, успеха не будет.

6 дек[абря]. Парад в экзерциргаузе разным частям, затем большой завтрак в Большом дворце. После завтрака — cercle. Я пошел курить, а когда возвращался, встретил Палицина, который передал приказание вел. князя держаться близко от него. Тоже передал Брилевич. Тогда я подошел к в[еликому] кн[язю], который сказал: «стой около фрейлин». Когда государь вышел после курения, он почти прямо подошел ко мне и поздоровался, сказав лишь: «Здравствуйте, Раух», и затем пошел дальше к стоявшим рядом жандармам и стрелкам. Мне подумалось: значит, ничего не будет на сей раз, но я все-таки остался стоять там же. Cercle длился очень долго, наконец кончился; государь

поклонился и направился к выходу и был уже в дверях, когда в нашу сторону подошел бар[он] Фредерикс [18]) и, позвав меня, сказал, что государь меня требует. Я быстро пошел вперед и за дверями представился его величеству. Государь сказал мне: «по случаю сегодняшнего дня зачисляю вас в мою свиту» и подал руку; я нагнулся и поцеловал руку; затем государь ушел, и в дверь повалила толпа, из которых некоторые видели и стали тут же поздравлять. Подошел вел. кн[язь], довольный и сияющий, поздравил и приказал немедленно приехать к нему в комнаты, которые он занимал в Александровском дворце. Там я искренне благодарил его, а он подарил мне погоны и эполеты с вензелями. Приехав домой, поцеловал сына, которому объявил и который поздравил; немедленно послал срочную депешу жене. Затем обедал у сестры.

7 дек[абря]. Представлялся царю, чтобы благодарить за назначение в свиту. Государь принял в $10^3/_4$, после Татищева [18а]), который представлялся по той же причине. Я благодарил за высокую честь и за то, что так балует, ибо недавно еще удостоился высокой чести получить полковой мундир Кирасирского полка. Государь ответил: «Я надеялся еще видеть вас перед полком в моих вензелях и сожалею об этом, но вот обстоятельства сложились так, что приходится видеть вас в рабочем мундире (я был в мундире Генерального штаба с вензелями), на должности, на которой вы нужны». Затем разговор перешел на дела. Я докладывал о прекрасном настроении войск и о приподнятом настроении офицеров, о собрании начальников у вел. кн[язя] и речи последнего, при чем напомнил его величеству, что какая разница, как теперь войска относятся с доверием к великому князю и как весьма многие прежде нехорошо к нему относились. — «Да, вы совершенно правы, я сам еще помню это время. Вел. кн[язь] мне рассказывал свою речь», — сказал государь. Затем я говорил о деятельности кирасир в Петербурге, рассказал поведение шт.-р. Красовского [19]) с полуэскадроном перед университетом.

— «Однако мне пора ехать, прощайте».

Государь ехал в Большой дворец на последнее решительное заседание Совета министров и приглашенных лиц по вопросу о расширении выборного начала в Госуд. Думу [20]).

Я затем был принят императрицей. Опять длинный разговор на политическую тему. Я, между прочим, высказал мысль, что не знаю, делает ли правительство это по плану, или это вышло случайно, но что первоначальное крайне косное и нерешительное поведение гр. Витте привело к тому, что за последнее время многие нерешительные люди стали объединяться и что сформировалось очень много разных партий и союзов центра, т.-е. умеренных партий, желающих поддерживать правительство на основах манифеста 17 октября. — «Non, pour sur, pas de plan, cela a pu venir de soi même ou malgré lui», — ответила с поспешностью импертрица и таким тоном, что совершенно ясно было ее крайне неприязненное к Витте отношение. Значит, это

правда. Таким же образом при первом моем представлении по случаю назначения на нынешнюю должность, я помню, зашла речь о Бирилеве [21]). Я не позволил себе его критиковать и хотел лишь проверить слухи о том, что она его поддерживает. И, действительно, она немедленно поспешила сказать с чувством участия: «Que pouvait-il donc faire dans quatre mois». А между тем, этот господин, вернувшись 28 октября из Севастополя, говорил, что за севастопольских моряков он ручается, и, вот, через несколько дней произошли все ужасы и бунт в Севастополе. Вообще, считаю его безусловно великим ничтожеством—болтун и лгун. В последнем я уверен и имею доказательства в деле возвращения в Кронштадт свеаборгской эскадры, вопреки приказания в. к[нязя] Ник[олая] Николаевича. Приказание это я лично передавал контр-адм[иралу] Вирениусу [22]) 27 октября в 8 час. вечера; он тут же по телефону приказал телеграфировать его в Свеаборг, чему свидетель ад[мирал] Дубасов [23]). На следующий день вел. князь сказал Бирилеву о переданном приказании, а через несколько дней Бирилев стал уверять, что он ничего не знал, а депеша эта в делах, как сказал мне гр. Гейден [24]), не оказалась. И, тем не менее, положительно Бирилев persona grata при царице: кажется, он болтает, кривляется, играет с детьми, чуть ли не лазает под столами и проч. Впрочем, мои лично отношения с ним хороши, особенно со времени арестования 14-го экипажа [25]), когда я, по его просьбе, достиг того, что не было сразу произведено обезоружения всех трех экипажей петербургских в одну ночь и было морскому начальству предоставлено сначала попытаться самим вывести экипажи в Кронштадт. Правда, 14-й отказался итти и был в следующую ночь все-таки арестован сухопутными войсками. Но все-таки Бирилев нежно благодарил.

16 дек[абря]. Эти дни некогда было писать. Шло формирование отряда Орлова для похода в Лифляндию, отряда Граббе [26]) — через Псков, станция Пыталово, тоже туда же. 8-го был смотр Кавалергардам в Царском, прошел хорошо. 12-го полковой праздник Финляндцев там же. Юсупов [27]) назначен в свиту, а Скоропадский [28]) — флигель-адъютантом; последнее оч[ень] хорошо: достойный офицер, бывший восемь лет полковым адъютантом, а затем прошедший всю войну. Более интересны мои переговоры с представителями Союза русского народа. Они опять хотели дойти до великого князя, и им было указано явиться ко мне. Первый раз пришли А. И. Дубровин [29]), председатель, доктор по профессии, и Булацель [30]), присяжный поверенный, оба состоятельные люди. Они добивались приема у вел. кн[язя], объясняя, что хотят изложить ему опасное положение России под управлением Витте, который, побуждаемый жидами, ведет к революции и распадению России. Дубровин уверен, что в России есть восемь масонских лож; из них про две он знает досконально, знает, где они находятся, и знает, что в состав одной из них входит Витте; он говорит, что все движение исключительно еврейское, что перед 17 октября, как только появились первые признаки еврейских погромов, из

Парижа появилось уже уведомление, что денег больше давать не будут, ибо убоялись, что зашли слишком далеко и что пострадают евреи же. Поэтому его твердое убеждение — если бы 17 окт[ября] ничего не было дано и выдержали еще несколько дней, то забастовки сами прекратились бы, за недостатком средств. Все это весьма правдоподобно и возможно.

Я спросил затем, что правда ли, будто в Петербурге есть имеющая с ними связь партия «Минин и Пожарский», которая имеет совершенно черносотенный характер и предполагает произвести вторую Варфоломеевскую ночь, т.-е. в одну ночь заарестовать и вырезать всех главарей революции и в числе их Витте.

Дубровин: «Были разговоры, но совершенно оставлены; если же из числа этих лиц кто-либо желает вас видеть, гоните их вон, это просто проходимцы».

Я: «Действительно, они хотели через меня дойти к вел. князю, но затем не явились».

Дубровин: «Повторяю, это проходимцы, особенно, вероятно, был некий Романов, который вертелся около меня, пока я не выгнал его».

В результате я объяснил, что вел. князь твердо решил не выступать на арену политики и держаться совершенно в стороне от политической деятельности, как то надлежит военному. Поэтому я заранее уполномочен заявить, что он во всяком случае, если даже примет их, то все-таки своим основным принципам не изменит. Наконец, исходя из этих принципов, какой практический результат может быть такого приема: они будут говорить о политике внутренней, он же может одно — лишь посоветовать им обратиться к Трепову [31]), как человеку именно ведающему безопасность государя в самом широком смысле слова. Поэтому они явятся с надеждами и будут лишь разочарованы. Я все-таки доложу. Через день видел Дубровина одного, который сообщил, что общий союз их партий в Москве [32]), где объединились несколько партий, подобных ихней, решил и приказал и им не принимать участия в подавлении революции, вернее—вооруженного восстания, даже если оно вспыхнет в Петербурге, чтобы этим не поддерживать правительства, пока Витте во главе. Витте теперь боится, что зашли слишком далеко и жиды хотят потушить вооруженный бунт, а потом опять примутся за свое дело. Это решение многознаменательное. Он же рассказал, что в Петербурге привезены части гильотины, на которой будто должен погибнуть царь, но до этого они не допустят. Вообще, люди удивительно убежденные. Великий князь согласился принять не более трех депутатов в нейтральном месте, но с условием, чтобы они твердо знали, что никаких реальных результатов от этого не будет; самое большее это, что он настоит, чтобы их принял Трепов и выслушал, так как они говорят, что прежде всего заботятся о безопасности особы государя, а это — дело Трепова в широком смысле. Свидание состоялось у меня в комнате, в клубе. Прибыли Дубровин, Булацель и Майков [33]), художник, сын поэта. Я ввел вел. князя и вышел. Раз-

говор длился около 1 часа. Сначала вышли два последние, а Дубровин остался один; что он говорил, не знаю, ибо взял с в. к[нязя] честное слово. После ухода в. к[нязя] все были довольны и сияли. Дубровин же при мне сказал, что последние слова в. кн[язя] были: «Слушайтесь меня», т.-е. без разрешения не переходите к активным действиям.

В Прибалтийский край отправлены: в Лифляндию, именно г. Валк, отряд св. е. в. генерал-майора Орлова (Уланский п[олк] 2 эск. кирасир. ее велич, 2-й гв. стрелк[овый] баталион, 6 кон. орудий, 2 пулемета, 2 ружья-пулемета и команда сапер. А на станцию Пыталово Варшав-[екой] дороги — есаул гр. Мих. Граббе с 3 рот. пехоты, $^1/_2$ сот. казаков и 2 орудия, и 2 ружья-пулемета, с целью оттуда перейти в Мариенбург. Много работы по организации и снаряжению.

Кажется, 16 или 17 вечером *) потребовали меня к вел. кн[язю]. Застал там гр. Витте — шла речь о посылке подкрепления в Москву. Уже несколько дней Дубасов просил, но мы все отказывали. Наконец, вероятно, по докладу Витте, государь выразил положительно желание и предложил взять один из полков, уже бывших на смотрах в Царском. Вел. кн[язь] остановился на Семеновском. Немедленно вызвали Мина [34]), командующего полком, чтобы приказать ему готовиться. При переговорах вел. кн[язь] рассказал Витте случай на Шлиссельбургском шоссе, где очень энергично действовали лейб-казаки. Витте: «Очень хорошо, побольше ваше высочество так, теперь нужна полная энергия» [35]). Что хочет этот человек — я не понимаю его, и для меня он пока сфинкс. Несомненно, это — человек, обуреваемый бесконечным честолюбием и властолюбием, — уверяют даже, что он этим болен, что есть такая болезнь, под[обие] сумасшествия. Несомненны также его связи и отношения ко многим деятелям крайней левой, до революционеров включительно; он видит чуть не самого Хрусталева-Носаря, т.-е. председателя Совета Рабочих Депутатов и их Исполнительного Комитета (теперь сидит в крепости), Ушакова, одного из предводителей известной группы рабочих, гапоновского характера, отрицающих вооруженную революцию, и многих подобных. Первые шаги после 17 окт[ября], когда правительство положительно бездействовало, как бы указывали на желание дать революции развиться и окрепнуть. Непонятно для меня так же, как вступать на такую роль, как его, и не приготовить себе, не купить ни одной газеты, а ведь в деле подкупа всякими способами il est maître. Алексей Д. Оболенский [36]), говорили мне, сознавался, что в этом их большая ошибка, что они никак не ожидали такого отношения и поведения печати, потерявшей сразу всякую меру, и что они, наоборот, ожидали, что немедленно вся печать станет поддерживать их и возносить до небес. А теперь большинство серьезных органов уже купить нельзя. Дубровин утверждает, что Витте принадлежит к одной из масонских лож в Петербурге, что он весь в руках еврейства. Может быть, он и прав. Инициатива перехода к более

*) Над строкою приписка карандашом: «в 2 часа ночи».

энергичным действиям принадлежит вся целиком одному Дурново, и. д. министра внутр[енних] дел.

Он один настоял на борьбе с забастовкой почт и телеграфов, на предоставлении губернаторам и ген[ерал]-губернаторам права самим объявлять военное положение и т. д. Эти меры, конечно, уже приносят свои плоды. Мне кажется, что своими колебаниями Витте похоронил себя в мнении всех партий и после собрания Думы он падет безвозвратно. Дубровин же думает и утверждает, что, быть может, временно он стушуется, а затем жиды его опять вытащат. Во всяком случае, теперь он производит впечатление человека окончательно растерявшегося, совершенно не владеющего событиями. Вся знаменитая его самоуверенность, резкость, твердость, определенность взглядов и мнений — все это совершенно испарилось; он не имеет своего мнения, колеблется, противоречит себе самому. Мое мнение — быть может, он умный человек, но, безусловно, это не государственный человек, или, в противном случае, — это изменник, ведущий нарочно страну к анархии. Но и тут для чего? Чтобы стать президентом? Вряд ли его выберут, слишком дискредитирован. Значит, первое мое мнение наиболее верно. Вел. князь говорит: «Я поддерживаю его лишь потому, что считаю его единственным человеком, который мог начать проводить реформы 17 ок[тября]. В ту минуту положение было таково, что, кроме его, никого не было подходящего, а реформы нужны были. Если же его было не брать, то, находясь в оппозиции, он бы стал более чем опасен. Теперь же — дойти до Думы и тогда его спихнуть». В этом много очень верного и правильная оценка положения (вставлено карандашем) в. кн[язь] не умен *), но поражаешься часто его трезвым и правильным общим взглядам на вещи и положение **).

Наконец, познакомился с Рачковским [36a]), но имел лишь 1/4 часа разговора, ибо спешил в Царское. С газетами дело, наконец, кончено: вел. князь получил из рук государя 100 тысяч рублей и передал их мне; я же положил на текущий счет в Госуд. Банке. В помощь себе я пригласил по совету А. Волконского [37]) (Пупу) подполковника Генер. штаба Снесарева [38]), который ведет все непосредственные сношения. Будут выходить: «Голос Правды» под редакцией Мусселиуса; мы даем ему единовременно ссуды на покупку машин и обзаведение — около 35 тысяч и затем ежемесячно субсидию в 7 тыс. рублей, пока газета не разовьется. 2) «Зорька», издаваемая Ярмонкиным, который получает по 3.000 р. в месяц субсидии, и я ничего больше не знаю.

Затем первые месяцы будут тратить на широкую даровую рассылку газет этих в войска. Решено, по инициативе вел. князя, всех морских новобранцев на настоящий год отдать в сухопутные войска на один год, чтобы не вливать их сразу в зараженную сферу моряков и чтобы таким образом обучить их дисциплине. При этом забыли выде-

*) Исправлено карандашом: «У вел. кн. неглубокий ум».

**) Далее приписка: «и удивительным чутьем».

лить новобранцев Гвардейского экипажа и провести вообще всех предварительно через приемные комиссии морского ведомства. По вопросу о Гвардейском экипаже меня вызвал к себе Бирилев, который питает ко мне положительно нежные чувства, ибо всегда как-то удается улаживать все почти дела с ним. Стал мне говорить: «Как же произойдет пополнение Гвардейского экипажа? если мы получим прямо из пехоты незнакомых людей, то как выбирать на императорские яхты и как будем отвечать за них на таких исключительных местах? Затем служба в флоте имеет особые условия, бывают особые случаи бракования, напр., за неспособность отличить красный цвет от зеленого и т. п.». Вообще, видно, мера эта ему к р а й н е *) не по сердцу и не нравится. Я понял, что если оставить так, как предположил Главный штаб, то это надолго, до конца службы этих людей, будет легким поводом морскому министерству для постоянных нападок и уколов против вел. князя. Доложил ему эти соображения и необходимость изменить так: морские новобранцы принимаются окончательно морским министерством в его комиссиях, которые затем выбирают людей для Гвар[дейского] экипажа и прямо туда отправляют, а остальных распределяют согласно расписания Гл[авного] штаба в полевые войска. Вел. князь вполне согласился и в тот же вечер, будучи в Царском, доложил государю и получил одобрение. На следующий день я ездил передавать в таком смысле высочайшее повеление Поливанову [39]) и Бирилеву. Последний благодарил без конца. Мысль этой меры великого князя была рассмотрена в особом совещании при совете обороны, а затем с приглашенными членами моряками по указанию его величества. Основной мотив — не вливать вновь принятых людей в экипажи, сплошь зараженные пропагандой. Мысль не дурна, но каково будет исполнение? Думаю, что следовало бы уж установить это на всегда, а не на один год, также как подчинение всех экипажей, находящихся на суше, начальникам гарнизона. Об этом тоже была речь, но как-то дело заглохло. Бирилев уж очень сопротивляется.

22 дек[абря]. Дедюлин в моем присутствии докладывал вел. князю, какие нужно бы принять меры, в предположении, что ему дана carte blanche, чтобы безусловно быть уверенным, что 9 янв[аря], да и в другое время, в Петербурге не произойдет повторение московской революции и все будет спокойно. Дедюлин находит, что открытого восстания теперь ожидать нельзя, ибо все главари перехвачены и арестованы; для большего обеспечения нужно: 1) создать места для помещения арестуемых, ибо все полно. Вел. князь предложил Дерябинские казармы на Васильевском Острове. Доклад его величеству. Одобрено, поручено Окружному инженерному управлению быстро их приспособить, поставив решетки в окнах и простенки. 2) Затруднить ввоз оружия из Финляндии. Сделаны сношения с пограничной стражей, и меры приняты. Оружие ввозится массами в Финляндию из Англии

*) Подчеркнуто в оригинале.

и Бельгии [40]); мы постоянно получаем об этом сведения из наших посольств, особенно от Извольского из Копенгагена и от наших военных агентов, но бессильны, так как в империи ввоз оружия запрещен, для Финляндии же такого закона нет, а из Финляндии идет контрабандой в Россию. Затем разговоры о введении военного положения в Петербурге. Великий князь: «Я безусловно против объявления военного положения в Петербурге, ибо нахожу, что военное положение окончательно опошлено за последнее время, ибо его всюду вводили, а мер, им вызываемых, на деле не применяли. Значит, оно только пугает и стесняет мирных жителей и нисколько не устрашает противников. Нужна «усиленная охрана» для возможности арестов, а затем можно применять те же меры строгости, что и при военном положении, и тем достигать лучших результатов, никого не пугая. Объявление же военного положения в столице — это скандал на весь мир».

Акимов назначен мин[истром] юстиции [41]). Говорят — человек сильно консервативных взглядов и очень энергичный, beau frère Дурново; это победа последнего, ибо Витте ни за что не хотел. Слава богу.

23 дек[абря]. Смотр Конной гвардии в Царском. Удачный парад. Нирод [42]), полковой адъютант, сделан флигель-адъютантом, а командир кн. Багратион [43]) — взят в свиту. Безобразов [44]) вернулся из Ревеля, куда ездил с первым батальоном моряков. Был у меня с продолжительным докладом; говорит, что Воронов никуда не годится, сидит взаперти, никого не хочет видеть, не принимает местных помещиков. Настоял устроить совещание и разделить Эстляндию на районы с возложением охраны и ответственности на военных начальников восьми районов. Моряки действуют хорошо, очень энергично расстреливают. Затем входит Брилевич и говорит, что получил приказание заготовить рескрипт о смене Воронова и назначении на его место Адлерберга [45]), а на место последнего — бригадой Заионч ковского [46]), и, находя, что Адлерберг будет еще хуже, просит помочь и доложить вел. князю, что это невозможное назначение. Смотрим списки, находим в числе кандидатов Пыхачова [47]), и я еду немедленно докладывать. — Вот образчик наших отношений: сам принимает такое приказание лично, но сказать ничего не может и делает это через меня! На мой доклад вел. кн[язь] немедленно соглашается, рескрипт переделан. Вечером, однако, в Совете обороны всплывает кандидатура Саранчева [48]), начальника Инженерного училища, которому нужно пройти через дивизию, чтобы скоро получить корпус, и он назначается окончательно в Ревель, начальником 23 див[изии]. Говорят—энергичен; увидим.

Для пробивания через Сибирскую жел[езную] дор[огу] формируется военный поезд. Начальником его с большими правами назначается ком[андир] 7 корпуса бар. Меллер-Закомельский [49]) (он не поладил с Каульбарсом [50]) в Одессе и при нем оставаться не может). Из Харбина на встречу пойдет такой же поезд Ренненкампфа [51]). Сибирь нужно просто вновь завоевывать, — такой там хаос и полное владычество стачечных комитетов.

25 дек[абря]. Обедал у вел. кн[язя]; вечером в клуб неожиданно приходил Дубровин. Говорит, что в городе распространяют слухи, будто вел. кн[язь] Ник[олай] Никол[аевич], совместно с Вонлярлярским [52]) хотят провести концессию на Аляскинскую жел. дорогу. Это проект жел. дороги через всю Сибирь, Аляску, через Берингов пролив. Проект американцев и англичан действительно рассматривали в Совете министров и передан в вневедомственную комиссию для изучения. Капиталисты пока просят одного — не позже, как через 18 месяцев дать принципиальный ответ, с тем, чтобы потом передать дело в Гос. Думу. Такова истина, и имени Вонлярлярского тут нет. Дубровин же утверждает, что евреи и Витте, чтобы как-нибудь поколебать доверие общества к вел. князю, пускают слух об его участии в этом деле, надеясь таким путем вылить грязь на него. Ничего невозможного и неправдоподобного нет, и путь выбран для достижения цели верный. Наши великие князья до такой степени дискредитировали себя именно участием в разных концессиях и денежных делах, что таковой слух может иметь успех. Это и встревожило Дубровина. По этому поводу разговорился с ним — положительно это интересный человек, фанатик своей идеи, боюсь только, что забирает слишком вправо, желая через Гос. Думу вернуться к положению 6 августа, т.-е. к думе совещательной. Он утверждает вновь, что Витте масон, указывает адрес одной из них *) — Николаевская, 44.

Затем рассказывал, как их принимал государь; его одного еще не принимал наедине. Я знаю, что государь это предполагал, но сказать ему это прямо не мог, хотя советовал ходатайствовать, уверяя в успехе. Он хотел содействия в этом деле великого князя, но на это я не согласился и вновь советовал просить тем же путем, каким Союз устроил прием у государя, кажется через Мосолова [53]).

26 дек[абря]. Судя по донесениям, у Орлова в Лифляндии дело идет не так, как нужно, — мало энергии, нет экзекуций. Главнокоманд[ующий] приказал мне написать ему частное письмо такого содержания: «Валяй во-всю и знай, что за строгость излишнюю тебя не осудят свыше, а скорее за недостаток ее. Надо пользоваться настроением общества, теперь возмущенного всеми вооруженными действиями революционеров и потому оправдывающего всякие крайние действия; настроение это может скоро пройти, террор же можно прекратить в Лифляндии лишь террором. От тебя ожидали многого в смысле энергии, теперь уже почти чувствуется как бы возможность начала разочарования».

Письмо это повез фельдъегерь. Приказано выработать диспозицию на случай вооруженного восстания в Петербурге. Работу эту передал для разработки Гернгросу [54]). Общие указания: все караулы занимаются военными училищами, в общем резерве у дворца быть Павловскому полку с артиллерией.

---

*) Т.-е. масонской ложи. Ср. выше, стр. 90. *Прим. ред.*

29 декабря. На случай возможности повторения забастовок на железных дорогах вел. кн[язь] приказал сформировать четыре поезда-тарана; состав — 1 рота л.-гв. Стрел[кового] полка, 2 орудия, 2 пулемета, 1 взв[од] кав[алерии], жандармы, саперы, рабочие команды; начальники — Ванновский [55]), Заионч ковский, Лангоф [56]) и Девель [57]). Назначение — во всяком случае пробивать путь и возобновить движение.

От Орлова приехал военно-судебного ведомства капитан Ильин по делам. Накануне я получил ответ на мое письмо, из которого увидал, что в Валкском уезде восстания еще не было, но должно было вспыхнуть; поэтому, писал Орлов, нигде не встречалось сопротивление, и ни на ком нельзя было применить экзекуций. Теперь же с 23 дек[абря], наконец, по настоянию Орлова, объявлено было населению военное положение, высочайше введенное уже 22 ноября, и руки были развязаны. Капитан Ильин сделал интересный толковый доклад. Орлов издал приказ с указанием всех случаев, где виновные подлежат расстрелянию (случаев много; краткое дознание, следствие и немедленное расстреливание), а имущество — уничтожению; избегать арестов, а кончать дело на месте, ибо местное население выдает и указывает на виновных только при уверенности, что виновный немедленно будет казнен, т.-е. полной гарантии, что он никогда не вернется для мести. С этих пор, действительно, в каждом донесении есть упоминание о нескольких расстрелянных. То же происходило в Эстляндии, где сначала моряки и Безобразов действовали крайне энергично, но несмотря на военное положение, инструкция Саранчева, на основании указаний Соллогуба, требовала лишь арестов с протоколами — конечно, вещь невыполнимая. Приказано принять к руководству приказ Орлова. Вообще, Соллогуб совершенно не понимает положения и того, что́ нужно для подавления мятежа. Иначе как страшными мерами строгости ничего сделать нельзя; надо сначала подавить, а потом принимать меры к успокоению и водворению порядка, т.-е. меры гражданские. Продолжаю думать, что выбор Соллогуба совершенно не подходящий и не удачный.

2 января 1906 г. Утром был у министра внутренних дел Дурново. Это было в первый раз, что я его видел, а интересовал он меня крайне, ибо считаю, что он один спас положение и провел поворот к более энергичной внутренней политике, что и не преминуло дать свои плоды. Начало надо считать с почтовой забастовки, против которой он первый повел энергичную борьбу и с успехом. Затем, постепенно эта энергия передалась и в остальные сферы внутренней жизни и преимущественно полиции, печати. Начались аресты всяких революционных деятелей в роде Носаря-Хрусталева и др., аресты газет и листков, их редакторов и издателей, энергичные действия в Москве и в окрестностях, на железных дорогах и т. д. Я уверен, что первая заслуга, первый толчок целиком принадлежит ему. В частности, дело мое в следующем: Ген. Паренсов [58]) несколько раз приглашал к себе капитана л.-гв Стрелкового полка Тришатного [59]). Наконец, последний приехал

вечером в назначенный час и застал там служащего в Главном штабе полковника Павлова [60]) (бывший паж, годом моложе меня, варшавский улан, женат на гр. Лидерс). Последний повел речь о том, что все идет плохо вследствие слабости правительства, что нужен был бы Петр, или, по крайней мере, Александр III, а что государь слишком мягок и что так все ведется к погибели. На возражение Тришатного, что Петра выдумать нельзя, а что они в полном восторге от государя, Павлов сказал: — «Нет, отчего же нельзя лучше, — и подходящий человек для этого есть — это Михаил Александрович», — намекая на возможность дворцовой революции, если бы несколько офицеров и рота — другая солдат на это пошли, как указывает наша история. Тришатный прекратил разговор, сказав, что таких вещей и слышать не хочет, и ушел, а затем доложил командиру полка. Дошло через Васильчикова [61]) и до вел. князя, который приказал мне переговорить с Дурново и спросить его указаний. Дурново мне прямо сказал, что считает это болтовней и больше ничего, что никакого заговора нет, а что, по его мнению, он выгнал бы Павлова со службы, и больше ничего. Затем стал распространяться: «Я человек действия, говорю прямо и стою за крайнюю строгость, ибо считаю, что в настоящее время ничего другого применять нельзя. Только строгостью немилосердной можно теперь достигнуть временных результатов успокоения, а затем в отношении армии нужны серьезные меры. Армия не на высоте; офицеры ничего не знают и ничего не делают; начальники в громадном большинстве никуда не годятся; между офицерами и нижними чинами нет никакой связи, и последние первым не доверяют, ибо их не знают. Нужны радикальные реформы, ибо иначе в скором времени армия у нас совсем исчезнет». Все это совершенно правильно, и впечатление от Дурново я вынес очень интересное — замечательно умный человек, говорящий ясно, прямо и категорично. Вел. кн[язь] по докладе этого разговора решил переговорить еще с Треповым, который, с своей стороны, нашел нужным исследовать дело и подвергнуть наблюдению на некоторое время, раньше чем решать. Так и будет сделано, и никакого вида подавать не будут.

3 янв[аря]. В «Новом Времени» появилась статья, вернее, заметка, о представленном Кутлером [62]) проекте принудительного наделения землею крестьян за счет земель государственных, удельных и частновладельческих. О том же сказал мне Петрово-Соловово [63]), прося передать записку против этого великому князю. Мы решили сделать это на-днях вместе, и я поехал на вокзал, чтобы по ветке ехать с вел. кн[язем] в Царское, он — на обед к царю, я — домой.

После доклада в вагоне я сказал, что собираюсь на-днях говорить с ним о земельном вопросе. Оказалось, что Лихарев уже говорил ему много против проекта Кутлера и вообще этой бессмысленной идеи. Мне пришлось лишь дополнить немного; мотивы: 1) принудительное наделение при помощи отнятия части земель помещиков крестьян не успокоит, ибо они захотят тогда иметь всю, а даже вся земля составит

лишь $^1/_2$ десятины на душу, т.-е. ничтоже тво; 2) это создаст целый класс недовольных в лице разоренных помещиков, класс, на который теперь можно опираться; 3) нельзя драть вторую шкуру с землевладельца — первую уже сняли при освобождении крестьян; 4) производительность страны страшно падет, ибо крестьянская земля дает гораздо меньше, чем помещичья вследствие отсутствия знаний и капитала; 5) это будет вопиющее нарушение права собственности, которое окончательно потрясет все устои и ничего не успокоит, т.-е. цели не достигнет. Защитники надеются успокоить этим крестьян, но достигнут противоположного.

По моему мнению, такая мера будет серьезной опасностью для престола, монархии и царствующего дома. Ник[олай] Ник[олаевич] обещал доложить в тот же день. Вечером я получил через фельдъегеря следующее письмо, собственноручное, от вел. кн[язя]:

«Доложил — можно, слава богу, быть с о в е р ш е н н о *) спокойным. — Ничего подобного не б у д е т **). Наоборот — прикажут не пользоваться безвыходностью положения многих разоренных помещиков и не ронять принудительно ценность земли, а платить по существующим ценам тем помещикам, которые желают уступить землю.

Слава богу, с помощью божией Россия и царь будут спасены.

Твой Николай».

Я немедленно отвечал письмом в том же духе, немного возвышенном. Действительно, это очень-очень серьезный вопрос.

4 января. Вечером было интересное собрание начальников частей у Дедюлина. Он нам доложил, что после арестования Хрусталева, а затем постепенно и всего состава Совета Рабочих Депутатов и Исполнительного Комитета, конечно, немедленно народился новый Совет, но собирался боязливо и не весь. Затем они устроили общее собрание в Териоках (было более 200 человек), которое, однако, стоило так дорого им (3.600 руб.), что повторять они не могут, ибо денег мало. Поэтому Исполнительный Комитет решил собраться на частной квартире у Пяти Углов, где весь целиком (кажется 20—30 человек) был так неожиданно арестован, что ничего не успел уничтожить; попались все их бумаги и в том числе протокол Териокского съезда. В этом протоколе сказано в общих чертах: «Не отказываясь от вооруженного восстания, признать его теперь трудно исполнимым после московского неуспеха и вследствие недостатка средств, а потому отложить до более удобного времени. 9 января тем не менее признается необходимым чем-либо ознаменовать. После ряда предложений решено: ознаменовать панихидами и общим трауром, а также общей забастовкой на один день, положительно всего, т.-е. фабрики, магазины, освещение и т. д. Украсить дома черными флагами» [64]). Подобные же мысли высказывались и в некоторых союзах. Союз союзов продолжает существовать, но

*) Подчеркнуто в подлиннике.

**) В подлиннике подчеркнуто дважды.

теперь он стал поневоле более отвлеченным, ибо связь между ним, т.-е. головою и массой рабочих, т.-е. руками, нарушена совершенно, так как Совет Рабочих Депутатов и была эта связь. Поэтому на 9 января ничего серьезного ожидать нельзя; могут быть отдельные вспышки на заводах, но и то мало вероятно, а если и будут, то приказано немедленно подавлять оружием. Каким твердым и уверенным голосом говорил о последнем Дедюлин и какая разница в интонации и в характере действий по сравнению с октябрем и ноябрем [65]). Теперь везде Дурново проводит твердо и ясно необходимость энергичных действий и достигает отличных результатов. Я уверен, что 9 ничего не будет, да, кажется, даже публика немного успокоилась.

6 января. В Царском очень удачно прошел крещенский парад, с церемонией на Большом озере. Погода чудная, 0°; войска гарнизона стояли шпалерами в парке, присутствовала только свита. Государь был очень доволен, — я рад, что удалось, ибо порядочно пришлось поработать. Первая мысль это устроить принадлежит императрице.

9 января. День прошел совершенно спокойно, только несколько заводов бастовало. Говорят, ходили по магазинам от Союза инженеров и других приглашать не открывать в знак траура, но Дедюлин объявил, что те магазины, которые будут закрыты в этот день, могут вовсе не открываться, ибо он не разрешит им торговли пока будет усиленная охрана. Это же было сделано относительно частных театров.

11 января. Возвращаясь в Царское, имел интересный разговор с бар. Эренталь [66]), который ехал обедать к вел. кн[язю] Влад[имиру] Ал[ександровичу]. Зашла речь о Витте, о мнении об нем американцев. Эренталь передал, что Рузевельт сказал американскому послу в Петербурге Мейеру, что Витте не произвел на него сильного впечатления, что он не считает его государственным человеком и что заслуги его в Портсмуте вовсе не велики. Оказывается, вообще, в Америке он вовсе не произвел того впечатления, о котором протрубили газеты. Затем перешли к разговору об общем положении, о значении и опасности для всей Европы всего происходящего у нас в смысле успеха социальных учений и, значит, опасности для монархии.

Эренталь: «Перед моим отъездом в ноябре я был у Витте и высказал ему, что мое правительство следит за всем происходящим и надеется, что русс[кое] правительство покажет больше энергии в подавлении смуты, не даст ей разрастись, в виду опасности для всей Европы. Нужны крутые меры, чтобы подавить в зародыше успехи социализма». Витте ответил мне: «Я не согласен с этими взглядами — надо народу дать возможность на деле почувствовать дарованные ему свободы, и только, когда дело зайдет слишком далеко, перейти к более энергичному способу действий». Эти слова очень многознаменательны».

Я: «Да, я всегда считал, что у Витте общего плана нет, что он действует du jour au lendemain. Верю и даже уверен, что со временем история превратит его в великого государственного деятеля, предусмотревшего, что надо народу сначала дать насытиться свободами

и на себе почувствовать все ужасы излишней свободы, все эксцессы, до которых дошли крайние партии, чтобы потом с благодарностью оправдывать самые крутые меры правительства».

Эренталь: «А между тем вы слыхали, что на-днях ответил Витте Гардингу, бывшему послу Англии, когда последний, приехав откланиваться, передал ему от имени своего правительства, что последнее с радостью следит за энергией, ныне проявляемой русским правительством, крайне одобряет эту энергию и надеется, что и впредь оно будет так же поступать и, таким образом, совершенно овладеет революционным движением. — Витте на это ответил — «Это не я, я с этим способом действия совершенно не согласен и ему не сочувствую». — Вот и помирите оба его мнения». — Оказывается, слова, сказанные Гардингу, уже обежали город и производят переполох.

12 янв[аря]. Ездил по приказанию вел. кн[язя] к Дурново, мин[истру] вн[утренних] дел доложить об общем положении в Лифляндии по донесениям Орлова и докладу начальника его штаба полк. Княжевича [67]). Оказывается, что бо́льшая часть Лифляндии теперь усмирена благодаря энергичным мерам Орлова, но главари, конечно, бежали и сосредоточились главным образом в Риге, где Соллогуб ничего не делает. Кажется, и Дурново это сознает. С ним крайне приятно иметь дело — говорит кратко, ясно и определенно. Заговорил о Лопухине, бывшем губернаторе эстляндском, который был удален после безобразий, бывших в Ревеле в октябре, и затем в оправдание себя взвел ряд обвинений на войска. Вел. кн[язь] тогда послал корпусного командира 18 кор[пуса] ки. Орбелиани сделать расследование. Последний донес и доложил, что это все неправда и что Лопухин возвел клевету на войска. Вел. кн[язь] потребовал предания его суду; теперь же Лопухин представил новое объяснение, где, пользуясь рапортом Орбелиани, разбивает его и доказывает, что он не клеветал, а что Орбелиани недобросовестно и поверхностно произвел дознание. Дурново считает, что на дело надо поставить крест и покончить, но вел. кн[язь] не хочет, и теперь сочинена смешанная комиссия в виде следствия для определения, кто же прав из них. Я лично думаю, что оба виноваты, и, пожалуй, мысль Дурново всего практичнее по настоящему времени. Дурново и просил меня доложить и убедить вел. кн[язя] в этом смысле. Но сделать ничего не могу, — в. к[нязь] стоит на своем: хочу знать — кто прав, и, если нужно, пусть будет суд. За Лопухина, кажется, распинаются Оболенские, — он их родственник.

13 янв[аря]. Вел. кн[язь] вновь заговаривал с государем о насильственном наделении крестьян и вновь нашел его столь же твердо настроенным и убежденным против этого. Слава богу. Надо только дать царю проект готового правительственного сообщения о том, что такового наделения никогда не будет. Решено говорить с Гудовичем [68]), чтобы последний заготовил таковое через своих людей, а также переговорил и убедил Д. Ф. Трепова, чтобы и с этой стороны была серьезная поддержка.

14 янва[ря]. Гудович согласился и обещал все исполнить. Парад Атаманского полка в Царском Селе в манеже. Присутствовал наследник цесаревич, которого государь носил вдоль фронта полка. Вечером обедал у сестры — большой обед по случаю помолвки молодой графини Е. А. Шереметевой и графа Зубова.

16 января. Был у Рачковского поговорить по делу Павлова. Говорит—надо выждать, ибо, видимо, Павлов о чем-то предупрежден и держится на стороже; его будут, тем не менее, филировать. Надо сначала подробно знать его жизнь, а затем увидим. Перешли на разговор о масонских ложах и принадлежности к ним Витте. К моему удивлению, отрицает существование лож в России и причастность к ним Витте [69]). Меня это заявление крайне поразило; не верится, не скрывает ли Рачковский, не желая в первый же разговор выкладывать столь серьезные вопросы. Теперь он занят составлением проекта реформы всего жандармского корпуса.

17 января. Работы вообще попрежнему масса. Для примера приведу день 17 января: утром $10^1/_2$ смотр частям армейской пехоты в Царском Селе, завтрак дома, затем с поездом 1 час 7 мин. в Петербург, прямо в штаб. В штабе доклад, а в $3^1/_2$ пошел к Палицыну, которому докладывал по разным вопросам почти до 6 час., затем обедал в клубе, отдохнув перед обедом $^1/_2$ часа. В 8 час. был уже у Дедюлина для разговора о состоявшемся на Иматре съезде крестьянского союза и других революционных организаций [70]) после того, как в Выборге им помешали собраться. Затем заседание в главном управ[лении] госуд. кон[нозаводства] до поздних часов — разговор о составе государственных конских заводов. Вопрос о съезде интересен: по имевшимся сведениям сначала полиция ожидала повторения собрания в Териоках, и, несмотря на неприкосновенность финлянд[ской] территории, Дедюлин решил послать сильный наряд полиции в штатском и арестовать всю компанию; для большей же безопасности и силы просил дать ему роту, для каковой цели была уже назначена рота из Выборга. Все было приготовлено, и даже ген. Заионч ковский ездил по поручению вел. кн[язя] к бар. Зальца [71]) в Гельсингфорс уговариваться. Однако социалисты, повидимому, проведали и решили съехаться в Выборге. Узнав об этом, Дедюлин предупредил депешей выборгского губернатора, а последний передал своему полицеймейстеру. Сей же истый финляндец и ненавистник русских не нашел ничего лучшего, как объехать все гостиницы, где собирались члены съезда, и передать им свой совет поскорее покинуть Выборг, указывая, что на Иматре они свободно могут собираться и что там никто им не помешает. Господа эти, конечно, последовали сему совету, и съезд, действительно, состоялся на Иматре.

18 янв[аря]. Приехал вызванный из Эстляндии ген. Безобразов. Вызван, чтобы, по моему совету, командировать его в Юрьев для проо верки и ревизии негласной деятельности находящегося там бригадного генерала Клоченко [72]), про недостаток деятельности и энергии которог-

говорили некоторые. Я советовал Безобразову не забывать, что в Юрьеве находится штаб 18 корпуса и начальник сего штаба, ген. Чистяков[73]), удивительно неприятный господин и, конечно, хотя права ген[ерал]-губернаторские даны Клоченке, но последний, вероятно, как чистокровный армейский генерал, находится в полной зависимости и подчинении у Чистякова, негласно всем распоряжающегося. Условлено было, что Безобразов даст условный ответ, который решит участь Клоченки. Ответ через день был удовлетворительный.

20 янв[аря]. Получил обстоятельное письмо Орлова. Он подошел к Риге и на свидании с Соллогубом предложил план: окружить город, пресечь все сообщения даже по жел. дороге и в два-три дня очистить рядом арестов весь город от собравшихся там революционеров-главарей. Совещание это происходило 18-го, и Орлов просил Соллогуба дать окончательный ответ к 21-му числу, иначе будет поздно, и он, окончив свое дело, станет вновь отходить внутрь Лифляндии. Орлов пишет, что Соллогуб производит впечатление не начальника, а точно он в гостях, ничего не решает и более всего беспокоится о своей безопасности. Какой неудачный выбор этого ставленника Витте! Человек, бесспорно, умнейший, но совершенно не в своей роли. Ему быть теперь начальником штаба армии, там бы он завел порядок. Это исключительно кабинетный человек, но, конечно, не генерал-губернатор восставшего края. Орлов хвалит Звегинцева [74]) и считает, что хотя свой район он уже очистил и везде восстановил порядок, но до спокойствия еще далеко и как только войска уйдут, может опять начаться прежнее. Нужно оставить кавалерийский полк на 2—3 месяца и предлагает себя для этой цели. Очень неодобрительно отзывается о казаках 27 и 28 каз. полков, говоря, что ничего не делают, а только грабят; офицеры ниже всякой критики и занимаются взяточничеством, почему лучше было бы их вовсе убрать. Надо об этом подумать. Я нахожу, что уланам там оставаться только полезно для полка в смысле полевом, учебном. Вел. кн[язь] того же мнения.

24 янв[аря]. Постоянные тревожные сведения о «красной гвардии» из Финляндии заставили меня доложить вел. кн[язю], что надо бы решить, не следует ли готовиться к возможности там восстания поэтому приступить к разработке различных вопросов с этим связанных. В. кн[язь] признал желательным мою поездку предварительно к финляндскому генерал-губернатору, чтобы спросить: ожидает ли он возможности вооруженного восстания, что такое красная гвардия и предполагает ли предпринимать что-либо против нее, собирается ли, вообще, обратиться к содействию войск, и в утвердительном случае—когда? Я поехал, прибыл 25 утром, явился к Герарду [75]), который сказал, что в этот день у него будет совещание по вопросу о красной гвардии и что он его назначил в день моего приезда; что пока прибегать к содействию войск не думает. На совещании (присутствовали: Герард, Книпович, его директор канцелярии, бар. Зальца, Преженцев [76]) и я) выяснилось, что красная гвар[дия]—явление чисто социалистического хара-

ктера, местное, имеет непосредственной целью достижение реформы сейма; что предпринимать какие-либо активные действия против нее несвоевременно, ибо это только озлобит население против России, а цели вряд ли скоро достигнет. Поэтому Герард полагал до конца сейма, т.-е. апреля месяца, ее не трогать, а затем уже, когда новая конституция уже пройдет и смысла существования крас[ной] гвардии больше не будет, тогда начать действовать против нее через Сенат. Он прибавил мне, что до конца сейма вряд ли потребуется участие войск, и в отложение не верит.

По возвращении моем было все-таки решено великим князем разработать план действий на случай восстания Финляндии; в план этот вошли: блокада с моря и наступление к Выборгу. Эти два вопроса и были разработаны *).

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Раух, Георг Оттонович, ген.-майор, родился 19 августа 1860 года. По окончании Пажеского корпуса и Академии Генерального штаба он начал в 1887 году свою службу в Кавалергардском ее величества полку. В 1901—1903 г.г. Раух командовал 24 драгунским Лубенским полком, а в 1905 г. л.-гв. Кирасирским полком. 27 окт. 1905 г. Раух был назначен генерал-квартирмейстром штаба войск гвардии и петербургского военного округа, а 2 апреля 1906 г. был произведен в чин генерал-майора. С 22 декабря того же года Раух был назначен начальником штаба войск гвардии и петербургского военного округа. С 1908 по 1912 г. был начальником 10 кавалерийской дивизии, а с конца декабря того же 1912 г. — начальником 2-й гвард. кавалерийской дивизии. Во время войны командовал 3 гвард. корпусом. Во время гетманства Скоропадского находился на Украине и был сторонником немецкой оккупации.

[2]) Воронов, П. Н., ген.-майор, начальник 23 пехотн. дивизии, стоявшей в то время в г. Ревеле.

[3]) Палицын, Ф. Ф., ген.-лейт., начальник Генерального штаба (с июля 1905 г.).

[4]) Ярмонкин, Вал. Вас., правый журналист, редактор и издатель черносотенной газеты «Заря», а впоследствии и субсидируемой правительством газеты «Зорька», предназначавшейся для солдат и выходившей в Петербурге в 1906 г.

[5]) Редигер, А. Ф., ген.-лейт., военный министр (с июля 1905 г.).

[6]) Манухин, С. С., министр юстиции (1904—1906 г.г.).

[7]) Дедюлин, Вл. Ал-др, петербургский градоначальник. Занимал этот пост с января 1905 г.

[8]) Мусселиус, Вильг. Роб., отст. шт.-кап., владелец типографии, издатель субсидир. газ. «Голос Правды» (1906).

---

*) На записи 24 янв. 1906 г. дневник обрывается. После нее, отступя несколько строк: «Недостаток времени заставил меня отказаться вести столь подробный дневник. Буду записывать временами, когда можно будет». Далее следуют: заметка Рауха: «Возобновляю свой дневник 16 января 1909 г. в Харькове, где состою начальником 10 кавалер. дивизии с сентября прошлого года» и отрывочные записи 16, 18, 20 янв. 1909 г., не представляющие интереса. Новые записи кончаются заметкою: «Не стоит писать ежедневно, слишком мало интересного, и слишком однообразна здесь жизнь. Лучше, когда буду в настроении, буду записывать отдельные эпизоды из моей жизни, почему-либо интересные». Первым таким эпизодом был намечен :«Смотр Кирасирскому его величества полку, произведенный государем императором лично в мае или начале июня 1905 года», но намерение автора почему-то осталось неосуществленным.

[9]) Проф. Романовский — постоянный домашний врач семьи Раух.

[10]) Барон Вольф — крупный помещик Лифляндской губернии, корнет л.-гв. Кирасирского полка, командиром которого был Раух.

[11]) Ферзен и Гюне — корнеты того же полка.

[12]) Соллогуб, В. У., ген.-лейт., временный генерал-губернатор Прибалтийского края (1905—1906 г.г.)

[13]) Ген. Фрезе, А. А., ген.-от-инф., командующий войсками виленского военного округа и виленский генерал-губернатор.

[14]) Брилевич А. В., ген.-лейт., начальник штаба петербургского военного округа.

[15]) Вероятно, имеется в виду телеграмма начальника рижского гарнизона, ген.-лейт. фон-Поппена от 30 ноября, напечатанная частично в «Красн. Архиве», т. XI—XII (1925), стр. 281 (Прибалтийский край в 1905 г.).

[16]) Галл, А. А., адъютант Ник. Ник.

[17]) Орлов, А. А., ген.-майор, военный ген.-губернатор Лифляндии, начальник северного карательного отряда.

[18]) Фредерикс, В. В., барон, ген.-адъютант, министр имп. двора и уделов.

[18а]) Вероятно, гр. Ник. Ив. Татищев, полк. л.-гв. Преображенского полка.

[19]) Шт.-ротм. Кирасирского полка Красовский действовал со своим отрядом 18 окт. 1905 г. перед университетом. В своих «Воспоминаниях», написанных летом 1908 г., Раух рассказывает следующее:

«... Около университета действовал полуэскадрон 4 эскадрона моего полка, т.-е. Кирасирского ее величества, под командой шт.-ротмистра Красовского. Произошло здесь следующее. Университет был с утра заперт. Тем не менее, утром стали стекаться со всех сторон к университету, большею частью студенты, а также и всякий неопределенный народ на митинг, чтоб обсудить, как говорилось, объявленный манифест и отношение к нему.

Небольшой наряд полиции и сторожа не могли остановить толпы; скоро двери были силой открыты, и толпа вошла в университет и разбрелась по всем аудиториям. На площади перед университетом также собралась большая толпа, и начались разговоры, т.-е. митинги. Так как полиция ничего не могла сделать, то была вызвана ближайшая воинская часть, именно указанный выше полуэскадрон, который стоял в готовности в манеже 1-го кадетского корпуса, т.-е. совсем рядом. Полуэскадрон скоро прибыл на рысях и выстроился перед университетом, тесня толпу. Шт.-ротмистр Красовский выехал вперед и стал убеждать толпу разойтись, предупреждая, что будет принужден в случае неисполнения применить силу. В это время какой-то стоявший вблизи на панели студент вынул из кармана своего пальто револьвер и стал прицеливаться в Красовского. Два унтер-офицера, которые, кажется, ехали за Красовским, заметив это движение руки, очень быстро выскочили, обнажив шашки, бросились на этого студента и нанесли ему несколько ударов шашками по голове и по руке, чем предупредили выстрел. Студент, раненый, упал, и на лице его показалась кровь. В это время все окна университета были наполнены зрителями, очевидно, смотревшими, что будут делать войска, и, следовательно, масса народу видела это столкновение. Толпа на площади немедленно шарахнулась в сторону и стала разбегаться, подгоняемая нижними чинами, которые более оружия в ход не пускали, но угрожали им. Из противоположного института профессора Отта очень скоро выбежала толпа каких-то сестер милосердия, докторов и фельдшеров, направляясь к раненому. Красовский прикрикнул на них, чтобы не смели подходить, пока полицией не будет составлен акт и засвидетельствована наличность револьвера, а затем разрешил им взять раненого и унести в институт, что и было исполнено демонстративно (раны оказались потом пустяшными). Затем Красовский приказал полиции передать собравшимся в университете, чтоб немедленно его очистили. Находившаяся в университете толпа в несколько тысяч человек немедленно и беспрекословно, без всяких возражений, стала выходить; в дверях стало несколько городовых, и толпа вся, по одиночке, как смирные овечки, вышла из университета и тут же очень спешно разошлась во все

стороны. Здание было вновь заперто. Этот случай доказывает, как при применении некоторой энергии, с большой даже толпой легко справиться».

[20]) Речь идет о «секретном совещании по вопросу о расширении избирательного права» 5—9 декабря 1905 г., так называемые «царскосельские совещания», протокол которых с предисловием В. Водовозова напечатаны в журн. «Былое» 1917 г. № 3 (сент.), стр. 217—265.

[21]) Бирилев, А. А., морской министр.

[22]) Вирениус, Андр. Андр., контр-адмирал.

[23]) Дубасов, Ф. В., адмир., генер.-адъют., московский генерал-губернатор, подавивший московское восстание.

[24]) Гейден, гр. Ал-др Фед., капит. I ранга Гв. экип., флигель-адъютант, начальник морской походной канцелярии его вел.

[25]) 24 ноября 1905 г., стоявший в Петербурге 14 флотский экипаж получил распоряжение; оставив оружие, экстренно перебраться в Кронштадт и очистить казармы, которые якобы нужны были для новобранцев. Экипаж исполнить приказ отказался, несмотря на уговоры высшего начальства. В ночь на 25 ноября в казармы были введены сухопутные войска, и лишь тогда матросы исполнили приказание. — См. об этом эпизоде А. Дрезен, Моряки в восстании 1905—1906 г.г. Л., 1926, стр. 46—47.

[26]) Граббе, гр. М. Н., есаул л.-гв. Казачьего полка, начальник карательного отряда, действовавший вместе с Орловым в Лифляндском крае. О зверствах этой экспедиции см. «Дневник отряда Мих. Граббе», опубликованный П. А. Садиковым в № 3 (13) журнала «Красная Летопись», за 1925 г.

[27]) Вероятно, — командир Кавалергардского полка, полк. Феликс Феликс. кн. Юсупов, гр. Сумароков-Эльстон.

[28]) Скоропадский, Павл. Петр., — впоследствии гетман Украины.

[29]) Дубровин, А-др Ив., д-р, один из основателей в окт. 1905 г. наиболее крупной монархической организации «Союза русск. народа», почетный председатель «Союза». В дек. 1905 г. стал во главе его органа «Русское Знамя». Автор брошюры «Тайна судьбы. Фантазия-действие», П., 1907, направленной против Витте.

[30]) Булацель, Пав. Фед., прис. повер., один из основателей и руководителей «Союза русск. народа».

[31]) Трепов, Д. Ф., ген.-майор, петербургский генерал-губернатор (с 11 янв. 1905 г.); с 26 окт. 1905 г. — дворцовый комендант.

Сам Раух, имевший к Трепову близкое отношение по службе, дает в своих «Воспоминаниях» интересную характеристику его и попутно очень хорошо освещает не только самого Трепова, но и степень участия и отношения его к некоторым важным историческим событиям 1905 г.

Вот одна из выдержек.

Раух прибыл, накануне 17 окт. 1905 г., по вызову со своим полком из Царского Села в Петербург. «Разместив полк, я поехал, — говорит он, — являться в штаб округа, к командиру гвардейского корпуса и, наконец, к назначенному недавно начальником гарнизона Д. Ф. Трепову. Последний жил тогда в доме министерства внутренних дел на Морской и принял меня. Накануне вечером он принимал всех начальников частей, и тогда же вышел знаменитый его приказ по гарнизону — «патронов не жалеть», слова так много прошумевшие и так мало оправданные на деле. Приняв меня в своем кабинете, он никакой инструкции не дал, сказав, что я получу ее от соответствующих начальников отделения, а затем прибавил: «В городе забастовка всех фабрик, учебных заведений и предприятий, везде митинги, но на улицах еще беспорядков не было. Я надеюсь, что вчерашний мой приказ произведет свое действие· население Петербурга меня знает, что я не люблю говорить пустые слова на ветер». Затем перешел на то, что происходит в остальной России: — везде забастовки и беспорядки. Местное начальство все растерялось, никаких мер не принимает и ничего взять на себя не хочет. «Напр., я сегодня недавно получил депешу из Харькова. Часть студентов и революционного сброда забаррикадировались в университете, стреляют и не хотят выходить и выдавать оружие. Я объявил военное положение, а местное военное начальство

ничего само решить не может и запрашивает меня депешей, что делать с университетом. Что же я могу ответить отсюда? — Ответил: вызвать артиллерию и разгромить университет. Да, много непорядков в России, многое нужно сделать, много реформ», — заключил Трепов, отпуская меня».

В другом месте своих «Воспоминаний» Раух еще говорит о Трепове:

«Я никогда не преклонялся перед Д. Ф. Треповым и не восхищался им. Это был человек несомненно очень честных правил, крайне грубых форм, производивший впечатление человека очень энергичного и способного проводить с энергией и настойчивостью самые крайние меры строгостей, но, конечно, умственно был далеко не на высоте своего положения. Его политические убеждения как-то не вяжутся часто с его деятельностью. Словом, в нем было как будто два человека. При действительной готовности на самые крутые меры и на крайний консерватизм, он вместе с тем в душе был, можно сказать, либералом и сочувствовал конституции, как видно будет впоследствии. В конце лета объявлена была автономия университетов и высших учебных заведений» При том совершенно исключительном положении, которое занимал Трепов, мера эта, очевидно, не могла состояться без его ведома и согласия, а, может быть, не был ли он инициатором ее — не знаю. Во всяком случае, отвечая за спокойствие и порядок в государстве, как он мог допустить такую меру и в таком виде, как это было сделано? Действительно, в стране, терзаемой студенческими беспорядками, забастовками всякого рода и началом явно революционной деятельности различных групп, университеты вдруг получают автономию самую широкую, без всякого закона, ясно и определенно регулирующего эту автономию и дающего правительству возможность удержать ее в данных рамках. Отсюда естественное следствие — та вакханалия, которая началась во всех высших учебных заведениях, скачка на приз, кто заберет более влево».

[32]) 24 ноября 1905 г. в Москве состоялось общее собрание монархических партий под председательством кн. А. Г. Щербатова. На этом съезде постановлено — просить о созыве земского собора вместо Думы, бороться с забастовками и интеллигенцией и образовать временное объединение всех правых организаций. Вопреки утверждению Дубровина — во время декабрьского восстания под руководством того же А. Г. Щербатова была организована милиция для отпора революционерам.

[33]) Майков, А. А., тов. председателя «Союза русск. народа».

[34]) Г. А. Мин — командир л.-гв. Семеновского полка. Командуя карательной экспедицией на Казанской ж. д., он издал приказ по войску: «арестованных не иметь, и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожить огнем или артиллерией. Приказ был опубликован за № 349 15 декабря 1905 г. За свою расправу был произведен в генерал-майоры. 13 августа 1906 г. по постановлению боевой организации с-р. Мин был застрелен на вокзале ж. д. в Новом Петергофе З. В. Коноплянниковой.

[35]) В архиве Г. О. Рауха сохранились два подлинных письма Витте на имя вел. кн. Николая Николаевича, из которых одно датировано 17 декабря, а другое, помеченное «19-го», относится, вероятно, к ноябрю, а может быть, и к декабрю месяцам. Оба они небезынтересны для характеристики Витте и касаются его борьбы с революцией:

I

Ваше императорское высочество.

По имеющимся полицейским, но, может быть, не вполне достоверным, сведениям, революционеры сегодня ночью, а, может быть, и на днях хотят взорвать миной Петропавловскую крепость и что б у д т о б ы **) часовой в заговоре. Об этом дано знать коменданту. На всякий случай докладываю вашему императорскому высочеству.

---

*) «Министром народного просвещения был генерал Глазов, большое ничтожество и человек безвольный». — *Примечание Г. О. Рауха.*

**) Подчеркнуто в оригинале.

Если бы сие случилось, то желательно тех, которых нельзя будет захватить, положить на месте. Благоволите всеподданнейшее письмо сие р а з о р в а т ь *).

Вашего императорского высочества всеподданнейший слуга граф *Витте*.

19-го.

II

Ваше императорское высочество.

Дело в Москве приходит к концу. По моему мнению, когда придет в Москву полк из Варшавы, семеновцев можно взять в Петербург. Они оказали молодецкую помощь. К несчастью, понесли маленькую потерю (утром имел сведения о потере двух солдат).

Позволяю доложить вашему высочеству, что до меня доходят нарекания на начальника дивизии в Ревеле **), будто бы он не распорядительный и уклоняется в серьезные моменты. Насколько это верно, не знаю, но позволяю себе довести о сем до вашего сведения.

Вашего императорского высочества верноподданный слуга граф *Витте*.

17 декабря 1905 года.

[36]) Оболенский, кн., Алексей Дмитр., обер-прокурор синода; ему Витте поручил написать проект манифеста 17 октября.

[36а]) Рачковский, П. И., д. ст. сов., в 1905—1906 г.г. заведывал полит. частью департамента полиции, был чиновником особых поручений при МВД, а ранее ведал политическим сыском за границей.

[37]) Волконский, кн. А-др Мих., пом. делопроизводителя управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба.

[38]) Снесарев, А-др Евг., подполк., пом. делопроизводителя управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба.

[39]) Поливанов, А. А., ген.-майор, в 1905 г. начальник Главного штаба.

[40]) Одно из донесений Извольского о ввозе в Россию оружия из Англии опубликовано во IX томе, «Красн. Архива», стр. 49.

[41]) Акимов, Мих. Григ., назначенный министром юстиции вместо С. С. Манухина.

[42]) Нирод, гр. Федор Макс., ротмистр л.-гв. Конного полка.

[43]) Багратион-Мухранский, кн. А-др Иракл., ген.-майор, командир л.-гв. Конного полка.

[44]) Безобразов, Влад. Мих., ген.-майор, начальник 1 бригады 1 гвард. кавал. дивизии.

[45]) Адлерберг, А-др А-др, ген.-майор, командир 2 бригады 23 пехотн. дивизии.

[46]) Заионч ковский, Андр. Медард., ген.-майор, генерал для особых поручений при главнокомандующем войсками и гвард. петербургского военного округа.

[47]) Пыхачов, Ник. Ап., ген.-майор, состоящий в распоряжении главноком. войсками и гвард. петербургского военного округа.

[48]) Саранчев, Евгр. Семен., ген.-лейт., начальник Никол. инжен. училища.

[49]) Меллер-Закомельский, А-др Ник., ген.-от-инфант., в ноябре 1905 г. командирован в Севастополь для усмирения восстания.

[50]) Каульбарс, А-др Вас., ген-от-кавал., командующий войсками одесского военного округа.

[51]) Ренненкампф, Пав. Карл., ген.-лейтенант.

[52]) Вонлярлярский, Вл. Мих., отст. полковник, участник лесных концессий на Ялу, ставший предметом нападок в современной прессе в связи с русско-японской войной.

---

*) Подчеркнуто в подлиннике.

**) Выноска на поле: «генерал Воронов».

[53]) Мосолов, А. А., ген.-майор, начальник канцелярии министра двора.

[54]) Гернгросс, Евг. Ал-др., ген.-майор, начальник штаба гвардейского корпуса.

[55]) Ванновский, Бор. Петр., ген.-майор, состоящий в распоряжении начальника Главн. штаба.

[56]) Лангоф, Карл Фед., ген.-майор, командир 1 бригады 1 гвард. пех. дивизии.

[57]) Девель, Дан. Фед., ген.-майор, командир 1 бригады 2 гвард. кав. дивизии.

[58]) Паренсов, Петр Дм., ген.-от-инф., состоящий в распор. военн. министра.

[59]) Тришатный, Конст. Иос., капит. л.-гв. Стрелкового полка.

[60]) Павлов, А-др Прок., полк., для особ. поручений при начальнике Главн. штаба.

[61]) Васильчиков, кн. Серг. Иллар., ген.-адъют., командир гвардейского корпуса.

[62]) Кутлер, Н. Н., в то время занимал пост главноуправляющего д-том земледелия и землеустройства в кабинете Витте, составленном после 17 октября 1905 г. О резком отрицательном отношении Николая II к Кутлеру, равно как и к С. С. Манухину, см. «Былое», кн. 12-я (1918), стр. 145 (Из резолюций Николая II).

[63]) Петрово-Соловово, Бор. Мих., флигель-адъютант, командир 3-го драгунск. Сумского полка.

[64]) Протоколы второго Исполнительного К-та Совета Раб. Деп от 4 дек. по 29 дек. 1905 г. см. в сборн. Ленингр. Истпарта «1905 год в Петербурге». В. II. Совет Рабочих Депутатов. Составил Н. И. Сидоров. Л., 1925, стр. 85—95. — Протокол Териокского заседания 20—21 дек. 1905 г. — там же, стр. 90—91. — Исполнит. Ком-т собирался на Троицкой ул., д. 27, в квартире В. Ф. Семенова, где и был арестован, о чем см. всеподд. записку департ. полиции от 5 янв. 1906 г. — то же издание, стр. 153—158.

[65]) В своих «Воспоминаниях» Г. О. Раух сообщает очень любопытные подробности о растерянности и поведении Дедюлина, Трепова и Витте 20 окт. 1905 г. в связи с готовившимися торжественными похоронами лиц, убитых 18 октября:

«20 октября во всех петербургских газетах левого оттенка на первой странице появился напечатанный большими буквами за подписью Совета Рабочих Депутатов, Совета Русской социал-революционной рабочей партии, Совета Бунда (т.-е. еврейской партии) и еще каких-то подобных советов или комитетов подробный церемониал всенародных похорон жертв 18 октября. В этом невероятном и удивительном документе объявлялось, что убитые 18 октября при столкновении с войсками будут похоронены народом с особенным торжеством как жертвы за свободу, погибшие в борьбе с правительством. Затем следовало подробное расписание того, как депутаты рабочих различных фабрик и партий с флагами должны были в назначенный час собираться во всех частях города и, следуя по указанным улицам, постепенно соединяться и, наконец, сосредоточиться на Невском у Казанского собора, чтобы отсюда следовать с покойниками на кладбище, не помню — какое.

Объявление это, значит, предвещало на следующий день большое движение народных масс по улицам и, следовательно, возможность повторения 9 января. Поэтому вечером 20 октября все начальники частей гарнизона были собраны у Дедюлина для обсуждения и получения указаний по принятию необходимых мер. Открыв заседание, Дедюлин объявил наряд войск на следующий день, по которому весь гарнизон вызывался и был распределен по всему городу, но преимущественно сосредоточивался к Невскому. Сейчас же начальниками районов и частей был возбужден вопрос о необходимости иметь вполне точные и самые определенные указания о том, что делать и, главное, в каком случае употреблять оружие *), следовательно, препятствовать ли сосредоточению и движению этих депутаций и толпы? На вопрос этот сначала Дедюлин никакого точного ответа не дал и стал отвечать общими неопределенными фразами; было видно и чувствовалось, что он сам определенных указаний

*) Подчеркнуто в подлиннике.

не имеет и не знает поэтому, что ответить. Затем он встал и, сказав, что пойдет переговорить по телефону с Треповым, тогда еще начальником гарнизона и генерал-губернатором Петербурга, ушел в соседнюю комнату. Вернувшись довольно скоро, он опять стал отделываться общими местами, в ответ на что мы стали требовать вновь самых точных приказаний и доказывали невозможность не иметь таковых. Новое удаление Дедюлина для разговора по телефону и возвращение со словами, что Трепов просит всех немедленно к себе. Трепов жил тогда в здании министерства внутренних дел, на Большей Морской против Красной Кирки. Все туда поехали и собрались в большом приемном зале вокруг большего стола. Вышел Трепов, со всеми поздоровался; он имел вид очень утомленный и изнуренный.

Все сели, и Дедюлин сначала доложил все, что происходило на совещании у него, распределение войск и нарядов полиции, а затем прибавил только что выяснившуюся подробность, что из числа предполагавшихся пяти покойников в руках рабочих и комитетов остался лишь один; трех как-то полиция сумела тайно свезти на кладбище и там похоронить секретно, а относительно одного, помнится, какой-то извозчик, родня которого согласна была сначала дать тело для народных похорон, уступая просьбам и угрозам левых партий, теперь удалось полиции убедить эту родню не выдавать покойника. Таким образом для всенародных демонстративных похорон оставался один покойник.

В заключение Дедюлин доложил настоятельную просьбу всех начальников частей — получить точные указания о том, как действовать и когда употреблять оружие. Временно командовавший тогда гвардейским корпусом, за отсутствием находившегося в отпуску князя Васильчикова, начальник артиллерии гв. корпуса ген.-лейт. Н. М. Хитрово поддержал и развил эту мысль, доказывая, что без точных указаний невозможно выходить с войсками на улицу. Все, конечно, ожидали услышать от Трепова ясный и определенный ответ, но вместо того, к нашему удивлению, слышим столь свойственные ему общие фразы и общие места; затем он встает и, сказав, что пойдет переговорить по телефону, удаляется, прося нас подождать. Очень скоро он возвращается и опять, вместо ответа, несколько неопределенных фраз; затем, после некоторого молчания, у него вырываются слова: «Гр. Витте уклоняется от категорического ответа и хочет все свалить на меня, чтобы я взял на свою ответственность, а я этого не хочу — это его дело решать. Я пойду еще раз говорить по телефону, но в присутствии двух представителей от вас, чтобы он не мог уклониться от ответа».

Тогда с Треповым пошли в соседнюю комнату к телефону ген.-лейтенанты Хитрово и Дубенский, а также Дедюлин. Трепов в телефон доложил Витте, что он говорит в присутствии таких-то и что начальники частей настоятельно требуют категоричного ответа. Припертый таким образом к стене, Витте принужден был дать свое решение, и ответ тогда был следующий: процессиям не мешать, оружие не употреблять и войскам оставаться лишь безмолвными свидетелями происходящего. На этом и кончилось это знаменательное собрание, и мы разъехались, удрученные тем положением, в которое будем поставлены на следующий день.

К счастью, процессия и всенародные похороны не состоялись, ибо вечером этого же 20 октября были отменены на заседании Союза союзов. Впоследствии Дедюлин рассказывал мне, что заседание Союза союзов происходило в Соляном Городке в то же время, как и наше собрание, и что он имеет большое основание думать, что все разговоры по телефону были перехвачены на центральной станции и сообщены на заседание, которое и решило отменить эту демонстрацию, узнав о наряде всех войск и опасаясь возможности столкновения и, следовательно, больших жертв.

[66]) Эренталь, бар., австро-венгерский посланник в Петербурге.

[67]) Княжевич, Ник. Антон., флиг.-адъютант.

[68]) Вероятно, Гудович, В. В., — предвод. дворянства Петерб. губ.

В книге «Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.)». изд. Центрархива, ГИЗ, 1924 г., на стр. 110—112 напечатано письмо от 10 февр. 1906 г., подписанное Н. Г. на имя Витте по поводу упоминаемого Раухом правит. сообщения. Там же, на стр. 113—118 и проекты манифеста.

[69]) О масонстве и черносотенстве по материалам департамента полиции.—см. статью в «Былом», кн. 4-я (1917 г.), стр. 108—145 (Охота за масонами, или похождения ассесора Алексеева).

[70]) Речь идет, повидимому о первом съезде партии соц.-революционеров, состоявшемся на Иматре с 29 декабря 1905 г. по 4 января 1906 г. Протоколы съезда изданы в 1906 г.

[71]) Зальца, Антон Егор., ген.-лейт., командующ. 22 арм. корпусом.

[72]) Клоченко, Петр Ив., ген.-майор, командующ. 2 бригадою 24 пех. дивизии.

[73]) Чистяков, Серг. Дм., ген.-майор, начальник штаба 18 арм. корпуса.

[74]) Звегинцев, Ник. А-др., т. сов., лифляндский губернатор.

[75]) Герард, Ник. Ник., сенатор, в 1905—1908 г.г. финляндский генерал-губернатор.

[76]) Преженцев, А-др Богд., ген.-майор, начальн. штаба 22 арм. корпуса.

Записки Ф. А. Головина.

Воспоминания Ф. А. Головина [1]) написаны им в 1912 году (он упоминает о них в своих показаниях перед «Чрезвычайной Следственной Комиссией», которые он давал 30 июня 1917 года, — см. «Падение царского режима», т. V, стр. 372), стало быть, через 5 лет после тех событий, о которых в них рассказывается. Основаны же они, повидимому, на заметках, современных событиям. Все это дает им большую ценность и свежесть, как документу, — свежее и ценнее могли бы быть только дневник или написанные тотчас вслед за событиями письма. Вот отчего мы печатаем их целиком, без пропусков, как исторический материал, в котором с большой рельефностью отражены фигуры Николая и Столыпина. Но само собой разумеется, что читатель должен иметь в виду классовую— и партийную — позицию автора. Головин — старый земец и кадет — не мог отнестись к Столыпину ни с объективностью историка, ни с беспощадностью революционера. В его воспоминаниях нет ни Столыпина — лидера российского юнкерства, своего рода маленького Бисмарка, которому помешал сделаться большим, может быть, только российский пролетариат, во много раз более революционный, чем германский 60-х, 70-х годов, — ни Столыпина-вешателя, человека, сумевшего изнасиловать целую страну, уготовив тем злую участь имевшим несчастие пережить его насильникам. Столыпин Головина — придирчивый к земству «губернатор», не уважающий «прав» председателя Государственной Думы «временщик», может быть — потому не уважающий, что его не умилостивили вовремя почтительным визитом. Словом, мелкая, вознесенная «случаем» фигура, которой куда же угнаться за мудрыми кадетами?

На самом деле Столыпин, лично, был, конечно, куда крупнее любого из кадетских лидеров — вовсе, притом, и не отказывавшихся, ни в 1906, ни в 1917 году, от столыпинской задачи удушения революции, только у них на это не хватало ни смелости, ни уменья. Так что в отношении кадетов к Столыпину, быть может, слегка и не без зависти. Характерно, что в своих показаниях перед «Чрезвычайной Следственной Комиссией», через шесть лет после смерти Столыпина, когда вообще все думские споры и счеты поблекли перед грандиозным фактом победоносной революции, Головин относится к неудавшемуся русскому Бисмарку куда объективнее, прямо признавая, например, что Столыпин был защитником — цензовой, разумеется, — Думы. О мелкой склоке между ее председателем и председателем Совета министров, занимающей так много места в воспоминаниях, там почти уже не упоминается.

---

[1]) Оригинал «Записок» Ф. А. Головина хранится в Особом отделе Московского Центрального Архива Октябрьской Революции. *Ред.*

Тем не менее, детальное освещение некоторых крупных моментов существования второй Думы — «Зурабовского инцидента», например — делает и эту часть воспоминаний исторически ценной. Гораздо ценнее характеристика Николая II. Давно пора начать разрушать легенду «слабого» и «безвольного» царя, лично, может быть, даже «доброго человека», «пешки» в руках окружающих. Можно с полным правом говорить о бездарности Николая, но никак не об его безличии. Этот ограниченный, но очень хитрый, не энергичный, но очень упрямый человек как будто просится в галлерею тех «венценосцев», которые были роковыми для монархии во все времена и во всех странах, начиная с Англии Иоанна Безземельного. Эта фигура мелкого тирана, без размаха Ивана Грозного, без сумасшествия Павла Петровича, даже без внешнего «рыцарства» Карла I Стюарта, — тирана в сером облике армейского поручика, одаренного большой полицейской рассудительностью (см. то, что передает в своих показаниях Головин об оценке Николаем второй Думы, «Падение царского режима», там же, стр. 372—373), но совершенно неспособного подняться от полиции до политики, эта фигура очень ярко выступает перед нами в воспоминаниях Головина. Правда, законченной цельности и выдержанности и в этом образе нет, — Головин поминутно сбивается на «слабоволие», «бесхарактерность» и другие качества, совершенно не вяжущиеся с его же характеристикой Николая. Но мелкие черточки, с большой наблюдательностью подхваченные автором, помогают читателю выбраться из плена этой устаревшей терминологии, и фигура Николая Кровавого гораздо более исторически верна у Головина, нежели фигура Столыпина-Вешателя. Ради одной этой характеристики стоило бы напечатать воспоминания.

М. Покровский.

НИКОЛАЙ II.

«Не лжет, но и правды не говорит», — так охарактеризовал Николая II, остряк и балагур, Николай Алексеевич Хомяков, бывший председатель Государственной Думы третьего созыва. «Византиец»— прозвал государя Николай Николаевич Львов, известный общественный деятель, член Государственной Думы первых четырех созывов. Человеком хитрым, злопамятным, двуличным рисовал Николая II бывший главнокомандующий русской армией во время японской войны Куропаткин, в разговоре с главноуполномоченным общеземской организации кн. Георгием Евгениевичем Львовым. Человеком ничтожным, слабовольным, глупым, недостаточно подготовленным к чрезвычайно трудной роли монарха великой державы считали Николая простые обыватели.

С таким представлением о личности государя подошел к нему и я, когда в краткий период существования второй Государственной Думы мне довелось иметь с ним довольно продолжительные беседы.

Но после этих бесед я значительно изменил свой взгляд на него, о чем речь будет ниже, а теперь перехожу к изложению впечатлений от встреч с Николаем II.

Кажется, в 1883 г. Александр III с своей семьей посетил лицей цесаревича Николая в Москве, в котором я в то время учился. С госу-

дарем был и наследник Николай Александрович. Хотя мы, лицеисты, воспитывались в любви к царю и его семье, однако впечатление от будущего государя Николая II осталось у нас неблагоприятное Мы были в нелепом восторге от самого государя Александра III, были чуть не влюблены в государыню Марию Федоровну, но наследник цесаревич казался нам ничтожеством, не стоящим внимания. Когда государь, простившись с нами, стал спускаться по лестнице к выходу, порядок лицеистами был нарушен. Мы ринулись за государем. Поднялась сзади него толкотня и давка. Наследник очутился в толпе лицеистов. Его, беднягу, затолкали, и он стал испуганно пищать: «пропустите, пожалуйста, и я—царская фамилия». Я помню, что мы много смеялись над этой «царской фамилией», вспоминая подробности царского посещения нашего лицея.

Шли годы. О наследнике мало говорили, еще менее писали. Ходившие о нем слухи в обществе были не утешительны. Говорили, что он человек больной, с слабою волею и слабым умом, сплетничали об его связи с балериной Кшесинской, о том, что эта связь была подготовлена по желанию Александра III, как лекарство от дурной привычки, которою страдал Николай. Был слух, будто Александр III считал своего сына неспособным царствовать и настаивал на его отречении от престола. Смерть Александра III оборвала этот слух. Престол занял Николай II. Все ждали, что нового увидит Россия от юного государя. Многочисленные тайные и явные конституционалисты зашевелились. Чуть не все губернские земства обратились к молодому государю с адресами, в которых более или менее ясно высказывались требования созыва народных представителей.

В ответ, как известно, государь, во время приема в Зимнем дворце представителей земств, городов, дворянства, купечества и др. сословий, обозвал эти требования «бессмысленными мечтаниями».

Такой резкий отзыв о конституционных стремлениях русского общества, исходивший из уст молодого монарха при первой его встрече с представителями этого общества, произвел тягостное впечатление даже на искренних монархистов. Судьба зло посмеялась над самонадеянным царем: она заставила его подписать знаменитый манифест 17 октября 1905 г., в котором Николай II сам признал необходимым осуществить то, что он так резко обозвал «бессмысленными мечтаниями».

Вскоре по вступлении своем на престол Николай II был проездом в Москве. Как известно, Александр III скончался в Крыму. Его тело было перевезено в Петербург через Москву. Во время перевезения тела с вокзала в Кремль я видел Николая II. Вслед за гробом в печальной процессии шел небольшого роста военный, типа армейского офицера, боязливо и быстро вглядывавший время от времени по сторонам на толпы народа, стоявшие сзади линии войска, тянувшейся беспрерывною цепью по обеим сторонам пути от вокзала до Кремля. Во всем внешнем виде Николая II не было не только царского величия,

но даже элегантности гвардейского офицера. Это был простой армейский офицер, с неловкими движениями застенчивого человека.

Это мое первое впечатление от внешнего вида Николая осталось неизменным и при последующих встречах моих с ним.

Во время коронационных торжеств в мае 1896 г. я видел государя много раз.

Особенно смешным и жалким показался мне государь во время торжественного шествия после коронования из собора во дворец. Бледный, утомленный, с большой императорской короной, нахлобученной до ушей, придавленный тяжелой парчевой, подбитой горностаем, неуклюжею порфирою, Николай II казался не величавым императором всея Руси, не центром грандиозной процессии, состоявшей из бесчисленных представителей всевозможных учреждений, классов, сословий, народностей громадного государства, а жалким провинциальным актером в роли императора, ему не подходящей. А какое отсутствие такта и трусливое зажмуривание глаз перед страшным событием проявил он во время несчастья на Ходынском поле! Тысячи людей погибли и были искалечены во время народного гулянья на Ходынке, а любвеобильный «отец народа» приказал продолжать увеселения и балы, как ни в чем не бывало! Он боялся громогласно заявить о несчастьи, хотел его затушевать. Я помню разговор каких-то двух французов, членов посольства, в царском павильоне на Ходынке перед приездом туда государя. Они уверенно говорили, что увеселения будут прекращены и что назначенный в тот вечер бал у французского посла будет, конечно, отменен, так как ходынская катастрофа есть национальное несчастье и повлечет за собою национальный траур. Наивные французы воображали что русский император мыслит и чувствует так же, как президент Французской республики! Когда я ехал из дома на Ходынку часа за два до приезда туда государя, уже в Грузинах я видел бежавших по улице людей в оборванной одежде, с необычайно красными лицами, не то пьяных, не то перепуганных, точно безумных. Чем ближе я подъезжал к Тверской заставе, тем больше попадались мне навстречу такие странного вида люди. Я не сразу догадался, что случилось какое-то несчастье. Но когда на Петербургском шоссе я увидел фуры и дроги, наполненные трупами задавленных людей, я понял тот ужас, который был на Ходынке. Говорят, и государь видел эти фуры: во всяком случае, он был осведомлен о несчастном происшествии, когда он приехал в царский павильон на Ходынке. Правда, государь был бледнее обыкновенного, когда вышел на балкон павильона и раскланивался с народом. Громадный оркестр заиграл гимн, грянуло громовое «ура» несметной толпы народа, перекатывавшееся с одного конца обширного Ходынского поля до другого и вновь приливавшее громкою волною к ногам царя всея Руси, истуканом стоявшего на высоком балконе. Не молитвою об упокоении тысяч погибших на народном празднике вследствие нераспорядительности и бездействия царских слуг отметил православный царь народное

бедствие, а дурачеством балаганных кривляк, песнями и танцами скоморохов. А вечером как ни в чем не бывало русский царь веселился на балу французского посла! Стоило ли царю тревожиться о гибели нескольких тысяч своих подданных, задавленных на устроенном им народном гулянье!

Во время коронационных торжеств жалкое впечатление произвел государь не только на меня, уже тогда относившегося отрицательно к деспотам на престоле России, но даже и на убежденных монархистов. Так, один уездный предводитель дворянства, после прощального обеда в Кремлевском дворце в день отъезда государя из Москвы после коронации, горячо говорил мне о необходимости сплочения оппозиционных общественных элементов, об организации борьбы земства с бюрократией, о ничтожности личности государя. В заключение этого разговора он предложил мне вступить в состав тайного общества под названием «Бесед», организованного братьями Павлом и Петром Дмитриевичами Долгоруковыми, Дмитрием и Михайлом Адамовичами Олсуфьевыми и Павлом Сергеевичем Шереметьевым.

После коронации я видел государя в 1898 году, в день открытия в Кремле памятника Александру II. По этому случаю во дворце состоялся высочайший выход. Несмотря на все старание церемониальной части придать выходу торжественность, подъема в настроении собравшихся не было заметно. Речь государя, обращенная к представителям Москвы, была произнесена звучным голосом, гладко и уверенно, но, бессодержательная и холодная, впечатления на слушателей не произвела никакого.

Следующая встреча с государем была во время его пребывания в Москве на страстной и пасхальной неделях, не помню, в каком году. Тогда московское дворянство строило государю торжественный завтрак. Посреди большого колонного зала, богато украшенного цветами и зеленью, в доме дворянства на Б. Дмитровке, был сервирован длиннейший пасхальный стол с колоссальными пасхами, куличами, красными яйцами и белыми лебедями. Вокруг стола по всей зале были размещены столы для дворян, а на эстраде помещался стол для высочайших особ, украшенный редким фарфором, хрусталем и серебром. Губернский предводитель, кн. П. Н. Трубецкой, и государь обменялись любезными речами. Речь государя была недурна и по форме и по содержанию, но в ней не было искренности и чувства, а потому впечатление от нее получилось бледное.

В этот же приезд государя в Москву, после упомянутого завтрака, предводители и депутаты дворянства представлялись государю в Кремлевском дворце. Государь и государыня Александра Федоровна здоровались с каждым в отдельности и говорили несколько любезных слов. Тут Николай II удивил меня знанием деталей русской истории. Когда кн. П. Н. Трубецкой, представляя меня, назвал мою фамилию, государь спросил, не мой ли предок один из сподвижников Петра Великого, Федор Головин. Далее он заметил, что первый договор русских

с Китаем был заключен Головиным, и спросил, как звали этого Головина.

В последний раз перед посещением моим, в качестве председателя Думы, Николая II я ему представлялся в составе депутации съезда земских и городских деятелей в июне 1905 года. После разгрома русского флота при Цусиме в мае 1905 г. съезд земских и городских деятелей выработал адрес государю и избрал депутацию для его поднесения. В состав депутации вошли следующие 14 лиц: гр. П. А. Гейден, кн. П. Д. Долгоруков, Н. Н. Ковалевский, бар. Корф, Н. Н. Львов, кн. Г. Е. Львов, Ю. А. Новосильцев, Никитин, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, кн. С. Н. Трубецкой, М. П. Федоров, кн. Д. И. Шаховской и я. Около недели прожила депутация в Петербурге, ведя переговоры с министром двора по поводу ее приема государем. Происходила настоящая торговля, недостойная государя. Последнему не хотелось принимать некоторых из членов депутации, как лиц, подвергавшихся административным карам, но не принять депутацию от съезда, игравшего видную роль в общественном движении, Николай II не решался. Сначала было нам заявлено министром, что будут приняты только предводители и должностные земцы. Мы твердо стояли на своем: или депутацию принимают в полном составе, или в приеме отказывают, о чем в таком случае будет нами доложено новому съезду, назначенному на июль месяц. Наконец нам было заявлено, что прием всей депутации без исключения назначен 1 июля в Петергофе.

Государь вышел к нам бледный и угрюмый. Поклонившись молча в ответ на наши поклоны, он остановился в нескольких шагах от нас. Во время речей кн. С. Н. Трубецкого и М. П. Федорова он застыл в одной и той же позе, нервно перебирая пальцами свой аксельбант и холодно оглядывая нас. Мягкий, задушевный голос Трубецкого, искренний тон всей его речи, по содержанию своему хотя и неприятной для государя, но облеченной в приемлемую для него форму, — все это, видимо, меняло настроение государя. К концу речи Трубецкого выражение лица Николая стало даже приветливым, а его ответ подтвердил, что он остался доволен результатом аудиенции. Вероятно, он опасался более резких заявлений земцев и успокоился, когда услышал, что их негодование направлено на министров, а не на монарха. Но и в этот исторический момент Николай II оказался далеко не на высоте положения: он не смог ответить на прямое, открытое заявление земских людей таким же прямым и открытым словом. В тяжелое для России время военных неудач и внутренних осложнений государь ограничился в обращении к земцам какими-то неопределенными обещаниями, какими-то мало значащими заверениями, стараясь ответить так, будто он согласен по существу с земством, но в то же время оставляя лазейку для своего отступления: обычная политика Николая II — политика уклончивости и нерешительности.

После своего ответа Николай обошел всех членов депутации и говорил с каждым в отдельности. Во время этого обхода я внимательно

наблюдал государя. Видимо, он чувствовал себя неловко и часто не находил слов для беседы. Особенно сильное замешательство было в нем заметно во время беседы с Ю. А. Новосильцевым и И. И. Петрункевичем. Что разговор его с Новосильцевым не вязался, было вполне понятно. Ю. А. Новосильцев с высоты своего большого роста смотрел на небольшого Николая своим обычным ироническим взглядом, с обычною насмешливо-презрительною улыбкою на губах и отвечал своим резким голосом краткими фразами, как бы нехотя. Государя просто коробило от всего этого, и он поторопился обратиться к следующему члену депутации. Было замешательство и во время беседы с И. И. Петрункевичем. И у И. И. выражение лица было достаточно насмешливое и брезгливое, которое, вероятно, выводило государя из душевного равновесия. Но все же он, видимо, старался быть любезным и задавал Петрункевичу вопросы, на которые тот отвечал довольно односложно. Со мной государь заговорил об отношениях губернского земства и г. Москвы: по тому времени тема достаточно злободневная. Конечно, затронутый государем вопрос дал мне возможность освободить его от труда подыскивать какие-либо другие вопросы для беседы. Материала было достаточно и не для минутного разговора.

Но все эти мимолетные встречи с государем не могли, конечно, дать мне достаточный материал, чтобы составить свое собственное заключение о личности Николая. Более близко я познакомился с ним во время существования Государственной Думы второго созыва, когда я, в качестве председателя этой Думы, имел довольно продолжительные беседы с ним. К описанию этих бесед я и перехожу.

Я знал, что после избрания на пост председателя Госуд. Думы я буду представляться государю. Имея в виду, что первое впечатление играет немаловажную роль, я хотел в первое же свидание с государем оставить о себе хорошее воспоминание. «Берегите Думу» — вот поручение, которое прежде всего возложили на меня все члены Думы, голосовавшие за избрание меня на должность председателя Думы. Установить добрые отношения с государем был один из способов сохранения Думы. Но достигнуть этого было, конечно, не легко. Прежде всего государь видел во мне лицо, облеченное доверием большинства Государственной Думы, большинства, состоявшего из социалистов всех оттенков, стремившихся к республиканскому образу правления, а наиболее умеренными элементами которого являлись члены партии народной свободы. Государю было известно, что я сам член этой партии, составлявшей руководящий центр первой Думы, политическая программа которой была для него неприемлема. В нем не улеглась и ненависть к авторам выборгского воззвания. Ко всему этому присоединился еще один инцидент, подчеркнутый «Новым Временем», газетою, государем читаемой, имевший место в день открытия Думы. Когда назначенный высочайшим указом для открытия заседаний Думы Голубев обратился от имени государя с приветствием к членам Думы, вся правая часть Думы вскочила со своих мест и, стоя, слушала слова

государя в передаче Голубева, а затем член Думы П. Н. Крупенский выкрикнул: «Да здравствует государь император! Ура!». Этот возглас был подхвачен правым крылом Думы. Вся остальная часть Думы, включая и меня, никакого участия в этой демонстрации не приняла. «Новое Время» подчеркнуло этот факт.

Не мог я подготовить благоприятную почву для встречи с государем и своею речью в Думе после моего избрания на должность председателя. Я подчеркнул в ней, что вторая Дума должна стремиться выполнить задачи, намеченные первою Думою: проведение в жизнь конституционных начал, возвещенных манифестом 17 октября 1905 г., и осуществление социального законодательства. Упоминание о первой Думе, о том, что вторая Дума должна явиться преемницей первой, распущенной государем, не могло, конечно, быть приятно Николаю. Правда, в конце своей речи я упомянул о необходимости единения Думы с монархом, но упомянул как бы вскользь, в следующих словах: «Могуче народное представительство! Раз вызванное к жизни, оно не умрет. В единении с монархом, оно неудержимо проявит и проведет в жизнь волю и мысль народа».

Все эти обстоятельства вызывали во мне опасения, что первая же встреча моя с государем может иметь нежелательный для прочности Думы характер. От некоторых моих знакомых, имевших связи с близкими к государю лицами, я слышал, что государь иногда теряет душевное равновесие, чуть ли не топает ногами и кричит. Конечно, я не ожидал, чтобы государь так мог встретить председателя Думы, но все же я опасался не очень любезного приема.

По окончании первого заседания Думы, на котором состоялись выборы председателя, я подписал заготовленное думскою канцелярией представление государю о моем избрании с ходатайством о назначении приема. В тот же вечер я получил уведомление от министра двора о том, что на следующий день, кажется, в 12 час. дня, меня примет государь и что к поезду, отходящему из Петербурга в таком-то часу, на станции будет ждать меня экипаж.

21 февраля утром я поехал в Царское Село. На станции меня встретил придворный лакей и провел меня к карете. В какой-то газете было напечатано, будто мне была устроена особо торжественная встреча: парадная карета, экскорт кавалерии и т. п. Ничего подобного в действительности не было. Встреча была без всякого парада: простая придворная карета с парой лошадей в английской упряжи, лакей и грум в красных ливреях. В передней дворца меня встретили только лакеи и камер-фурьер, который провел меня в комнату, где был накрыт чайный стол с холодной закуской, и сообщил мне, что в моем распоряжении остается полчаса до приема.

На прием я явился во фраке без орденов. Я последовал совету и примеру председателя первой Госуд. Думы, С. А. Муромцева. Нашему примеру последовал и председатель третьей Думы, Н. А. Хомяков, также явившийся на прием к государю во фраке, по моему совету.

За это на него напали «Новое Время» и «правые», особенно потому, что он был камергером.

Через полчаса явился ко мне снова камер-фурьер и повел меня через ряд комнат в кабинет государя. В последней перед кабинетом комнате меня встретил адъютант государя, кн. Орлов. Он прошел в кабинет и, тотчас же вернувшись, сказал мне: «государь вас ждет». Когда я вошел в кабинет, государь пошел ко мне навстречу и, приветливо улыбаясь, протянул руку. Пожимая руку, я сказал: «Имею счастье представиться вашему императорскому величеству — председатель Государственной Думы, Головин». Я сделал обращение в такой форме по совету С. А. Муромцева.

Государь поздравил меня с избранием. На это поздравление я заметил, что хотя и велика честь, которую мне оказала Дума, но что она меня не радует, так как я предвижу тернии на моем не легком пути и чувствую всю тяжесть ответственности за принятые на себя обязанности. Государь интересовался распределением членов Думы по фракциям и возможностью образования «работоспособного центра». Я дал надлежащую справку и высказал уверенность, что Дума работоспособна и в серьезные моменты всегда будет иметь сплоченное большинство: выборы председателя Думы служат тому доказательством. «Дай бог, дай бог», — твердил в ответ государь, при чем в тоне его речи слышалось сомнение. «Правительство заготовило для Думы целый ворох законопроектов. Думе придется много и много работать над этим ворохом», — говорил государь, широко раздвигая руки и тем наглядно показывая размер вороха правительственных законопроектов. Когда он говорил об этом ворохе и разводил руками, в нем было что-то наивно-детское, школьническое. Но это милое выражение лица Николая резко изменилось, когда он с холодным и упрямым видом заговорил, что Дума должна дружно работать с правительством, что того настоятельно требуют интересы государства. Я уклончиво заметил, что с внесенными правительством законопроектами я еще не ознакомился, а потому затрудняюсь определить, встретят ли они поддержку большинства Думы, что я очень опасаюсь, что взгляды кабинета Столыпина и Думы на намеченные манифестом 17 октября 1905 г. реформы окажутся весьма различными. При упоминании о манифесте 17 октября Николай с упрямым выражением лица твердил, что «все, в манифесте дарованное народу, не подлежит отмене, все обещанное должно быть осуществлено».

Упомяну здесь, кстати, что во время двух последующих бесед Николай повторил то же категорическое утверждение о незыблемости дарованных манифестом 17 октября народу прав, что, однако, не помешало ему нарушить эти права противозаконным актом 3 июня 1907 г. (новый избирательный закон).

В этих неоднократных и решительных утверждениях чувствовалось желание убедить самого себя в невозможности взять назад раз обещанное, боязнь самого себя, боязнь того, что он не

выдержит характера и поддастся соблазну нарушить свое царское слово.

Затем государь перешел на предметы, не касающиеся Думы. Он вспомнил, что я представлялся ему ранее. Я перечислил эти случаи. Когда я упомянул о депутации съезда земских и городских деятелей, представлявшейся государю в июне 1905 г., то государь очень тепло отозвался о покойном кн. С. Н. Трубецком, об его известной речи при приеме помянутой депутации и о его смерти на служебном посту. В заключение беседы государь высказал несколько добрых пожеланий Думе и мне лично. Эта беседа продолжалась около $^1/_2$ часа и происходила стоя. Стояли мы около окна. За два года, что я не видел Николая, он заметно постарел. Появились морщины. Я заметил, что государь мало обращает внимание на свои руки: кожа рук была обветренная, шершавая, ногти не чистые и не холеные. Во всей внешности государя приятное впечатление производили только его глаза, их милое выражение. Эти глаза обманывали меня. Они говорили об их обладателе, будто у него добрая и мягкая душа, будто он человек правдивый и прямой.

Когда я вышел из кабинета государя, какой-то придворный спросил меня: «Вы, конечно, желаете представиться государыне?». На мой утвердительный ответ, он попросил меня подождать. Возвратившись очень скоро, этот придворный провел меня в соседнюю гостиную, куда вошла и государыня. Она также приняла меня стоя посреди гостиной. Ранее я имел случай говорить с Александрой Федоровной только один раз, именно на пасхе в Москве во время приема, о котором я упомянул выше. Тогда по дороге в Кремль я встретил на Тверской экипаж с царскими детьми. Когда государыня, обходя представлявшихся, подошла ко мне и, видимо, не зная, что сказать, заговорила о чудной погоде, стоявшей в Москве, я в ответ сообщил, что я только что встретил ее детей на Тверской и сделал предположение, что они ехали кататься куда-нибудь за город, чтоб использовать хорошую погоду. Когда я заговорил об ее детях, государыня оживилась и говорила о том, как хорошо себя чувствуют дети в Москве, как они довольны своею московскою жизнью. Лицо ее оживилось и стало приветливым, но только на минуту. Когда на ее вопрос, чем я занимаюсь, я сообщил, что служу в земстве членом губернской земской управы, приветливость исчезла с ее лица. Очевидно, она и тогда не долюбливала земцев, этих вредных крамольников, причиняющих беспокойство ее «Ники» и его министрам своими «бессмысленными мечтаниями».

Воображаю, как противен и ненавистен ей был я во время описываемого представления как председатель крамольной Думы и член преступной политической партии, именуемой «кадетскою». Но на лице ее была улыбка, пожалуй, даже приветливая. Правда, лицо ее было в красных пятнах, но, кажется, это обычное явление. Обратилась она ко мне с любезным поздравлением по поводу избрания и пожеланием успеха на трудном и ответственном посту. Говорила она по-русски, достаточно удовлетворительно для немки.

Беседа была короткая и вращалась только вокруг вопросов о составе Думы, о возможных комбинациях для образования думского центра и о трудности положения председателя собрания с двумя сильными флангами, столь враждебно относящимися друг к другу, как правые и с.-д.

После приема у государыни камер-фурьер доложил мне, что готов завтрак, но я не счел нужным завтракать без хозяев и уехал на вокзал.

Во время второй Думы я был принят государем еще два раза.

Вторая аудиенция состоялась, не помню в точности когда, должно быть, в конце марта. Я испрашивал ее письмом, непосредственно к государю отосланным, но ответ получил через министра двора и нескоро, чуть ли не через неделю только, если не более. Уже стали ходить тревожные слухи о крайнем недовольстве государя Думою и мною за резкость по отношению к правительству речей, произносимых в Думе при моем попустительстве.

В назначенное время я был в царскосельском дворце. Государь принял меня в кабинете и на этот раз предложил мне сесть. Мы сидели около письменного стола, на котором среди бумаг и книг я заметил номер газеты «Новое Время» и думские стенографические отчеты, печатавшиеся на машинке в небольшом количестве экземпляров и рассылаемые тотчас после заседаний Думы государю, председателям Думы и Государственного Совета и министрам.

Николай II встретил меня любезною улыбкой и, как бы извиняясь, что долго не принимал меня, заявил, что всю эту неделю он был «очень, очень занят, так что не мог найти свободного часа, чтоб принять председателя Думы». Затем он сказал, что внимательно следит за деятельностью Думы, читает стенографические отчеты ее заседаний, но что пока он не видит практических результатов от думской работы и что он очень опасается, как бы Дума, поглощенная партийною борьбою внутри себя и критикою прошлой деятельности правительства, не потратила дорогого времени без пользы для народа. Далее он указал, что левые хотят использовать думскую трибуну для распространения в народе социалистических идей и для подрыва престижа правительства, что они не без успеха осуществляют эти свои цели и таким образом превращают Думу в орудие революции, а следовательно, наносят вред государству.

Эту речь государь говорил минут 15, говорил без запинки, последовательно и логично развивая обвинения, выдвигавшиеся тогда против Думы в печати и в правительственных кругах. Я не могу утверждать, что мысли, изложенные государем в этой его речи, являются мыслями, до которых он сам додумался. Но это и не важно. Важно то, что они вошли в его плоть и кровь, что явствовало с несомненностью из той убежденности, с которою он их высказывал.

В ответ на эту речь я постарался выяснить значение свободы слова в парламенте, указал, что критика действий правительства не должна смущать представителей власти, если их действия правильны, в против-

ном же случае польза государства требует смены неспособных или недобросовестных министров, что борьба в парламенте не только неизбежна, но и составляет необходимую часть работы законодательного учреждения. В заключение я перечислил организационную и законодательную работу, сделанную Думою, и выяснил всю сложность технической подготовки к законодательной деятельности такого большого и еще неслаженного механизма, как Государственная Дума.

Государь терпеливо, не перебивая, выслушал мою речь, ничего мне на нее не возразил и тем дал возможность предположить, будто мои доводы его убедили. Обвинения, выставленные против Думы в манифесте о роспуске ее, свидетельствуют, что Николай остался при своем первоначальном взгляде на характер думской работы. Вероятно, или Николай считал ниже своего царского достоинства вступать в спор с председателем Думы, или он не решился заявить откровенно, что мои доводы ему кажутся неубедительными и он остается при прежнем своем мнении. Последнее предположение мне кажется более вероятным, как вытекающее из свойственного Николаю двуличия. Известен ведь случай, когда одному из министров, кажется Ермолову, Николай при свидании с ним не решился сказать, что указ об отставке этого министра им уже подписан, а предложил министру доложить о каком-то деле в следующий приемный день. По приезде от государя к себе на квартиру этот министр нашел у себя указ об отставке.

Во всяком случае, государь не пожелал продолжать разговор на указанную тему. Он заговорил о мелочах думской жизни. Расспрашивал о личных отношениях отдельных членов Думы, интересовался биографией некоторых левых ее членов, видимо, поразивших его характером своих речей или оригинальностью фамилий, как, напр., Начитайло, Пьяных, Хвост.

Так как я уже высказал все, что намеревался сказать государю, я не пытался переменить предмет разговора. По тону речи государя, по выражению его лица, я почувствовал, что государь настроен ко мне не враждебно и не тяготится беседою со мною. Тогда я решился поставить довольно щекотливый вопрос: находит ли государь нужными подобные мои доклады.

— Да, я нахожу подобные доклады очень желательными и интересными, — ответил Николай, — и прошу вас, когда вы сочтете нужным сделать доклад, написать мне об этом, и я немедленно вас приму.

Следует заметить, что я не только не злоупотреблял этим данным мне правом, но даже слишком мало его использовал. Я поступил так потому, что мои поездки к государю вызывали некоторое недовольство со стороны левой части Думы. Мне надо было иметь веское основание для поездки в Царское Село, чтобы левые не сочли ее за заискивание перед властью, унижающее достоинство председателя Думы.

Перехожу к изложению третьего, и последнего, моего свидания с Николаем II.

После так называемого «Зурабовского инцидента», имевшего место 17 апреля, я не торопился быть у государя отчасти потому также, что был осведомлен о его недовольстве мною и Думою за то, что недостаточно, по его мнению, мы реагировали на оскорбление армии Зурабовым. Я предоставлял времени смягчить это недовольство. Однако 6 мая, в царский день, я был вынужден ехать в Царское Село, так как получил официальное приглашение. Эта поездка была мало интересна. Была обедня, было поздравительное дефилирование мимо государя и государыни, был завтрак.

Высочайшие особы меня разговором не удостоили. Завтрак был сервирован на отдельных небольших столах — по 6—8 кувертов на каждом. Меня посадили с министрами иностранных дел, юстиции, торговли, народного просвещения и с двумя фрейлинами. После завтрака начался разъезд. Никаких интересных разговоров не было. Вся церемония носила характер скучной формальности. Тот факт, что государь не сказал мне буквально ни одного слова, навел меня на мысль, что его недовольство мною продолжается.

В то время положение Думы было шаткое. Слухи о возможном роспуске ее были довольно настойчивы. Я решил просить аудиенции. Я был принят государем в Петергофе 17 мая около 6 час. веч. в небольшом кабинете. Когда я вошел в кабинет, государь встретил меня стоя около двери. Подав мне руку, он молча смотрел мне в глаза. Выражение его лица было холодное. Я передал ему письменный доклад о деятельности Думы. Он взял его и продолжал молчать. Я понял, что он намерен ограничить прием одною формальностью и отпустить меня без разговора о Думе. Но ее положение в это время было очень серьезно, и то или иное отношение к ней государя могло иметь решающее значение для ее судьбы. Я твердо заявил, что желаю сделать устные разъяснения к представленному мною письменному докладу о деятельности Думы.

— В таком случае сядем, — сказал государь и повел меня в стеклянный фонарь с видом на море. Мы сели за маленький круглый столик друг против друга. Государь снова уставился на меня молча, выжидая, что я ему скажу.

Я воспользовался удобным случаем и беспрепятственно изложил работу Думы в том освещении, которое было сделано моими товарищами по партии на собеседовании перед моею поездкою к государю, при чем особенно подчеркнул, что сомнения в работоспособности Думы должны теперь отпасть, что за свое краткое существование Дума успела утвердить ряд мелких правительственных законопроектов и значительно подвинуть вперед работу в бюджетной комиссии и в комиссии судебной. В заключение я выразил надежду, что Дума в самом непродолжительном времени рассмотрит и утвердит бюджет и выработает законопроект о реформе местного суда.

Государь слушал меня внимательно, но с холодным выражением лица. Я видел, что он питает ко мне враждебное чувство, но сдержи-

вается. Выслушав мою довольно длинную речь и ничего на нее не возразив, государь встал со словами: «Раз мы с вами беседуем, я воспользуюсь случаем, чтобы выяснить некоторые интересующие меня вопросы, касающиеся вас и Думы».

Достав из письменного стола лист бумаги, исписанный на машинке, он снова сел, положив этот лист на столик перед собой. Стол был очень маленький, так что лист лежал и передо мною, только «вверх ногами», и я мог свободно видеть, что́ на нем написано. Это был, в сущности, обвинительный акт против Думы и ее председателя, изложенный в отдельных кратких положениях.

Государь задавал мне вопросы по этому листу в том порядке, как они были там написаны, пропуская только те вопросы, которых я коснулся сам в предшествовавшей моей речи. В сущности, все эти вопросы я предвидел и, достаточно поэтому подготовленный, дал исчерпывающие и удовлетворительные ответы. Но, несмотря на это, недовольство государя не пропадало, и он попрежнему оставался холоден и неприветлив. Я недоумевал, пока не заметил один пункт обвинения, через который государь перескочил, его не коснувшись. В этом пункте мне бросилась в глаза фамилия — Зурабов. Тут мне стало ясно, что Николай не только не забыл этого инцидента, но что он-то и является занозою, которая настраивает государя враждебно по отношению ко мне, при чем эта враждебность была, очевидно, столь велика, что он не решался заговорить о Зурабове, опасаясь, вероятно, потерять самообладание. Воспользовавшись первым подходящим случаем, я заговорил о том, как неправильно можно судить о Думе по отдельным фактам, если не знать всей подноготной думской жизни, и, как пример, иллюстрирующий это положение, я рассказал государю весь Зурабовский инцидент во всех его деталях. — «Как, — вскричал государь, — разве председатель Думы не имеет права своею властью исключить из заседания члена Думы?». Я указал ему на статьи закона, определяющие порядок исключения члена Думы из заседания.

— Так вот каков закон, и как было дело! — сказал государь. — Значит, мне неверно докладывали и закон и дело.

С этого момента лед был проломлен, и государь совершенно изменил свое отношение ко мне. Я снова встретил в нем приятного собеседника, с которым легко говорить. Я тогда рассказал ему о том, как я собирался из-за Зурабовского инцидента, вызвавшего ожесточенные нападки на меня со стороны части прессы и некоторых членов Думы, подать в отставку, так как вся эта травля очень тяжело отозвалась на мне, и я опасался, что она поколебала мой авторитет в Думе.

Тогда государь стал очень сердечно убеждать меня, что не следует придавать большого значения всей этой истории, что общественная служба не может быть без шипов, и с грустью в голосе и с печалью в глазах он так закончил свою речь, имея в виду, вероятно, себя самого: — Да, чем выше положение занимает человек, тем чаще и сильнее приходится ему чувствовать на себе людскую злобу и несправедливость.

Вернувшись затем к пунктам обвинительного акта Думы, государь указал, будто Дума по своему составу неработоспособна, что левое ее крыло заражено антигосударственными идеями, что такой состав Думы есть следствие неудачного избирательного закона, а потому надо изменить этот закон. Я был так далек от мысли, что государь мог заговорить со мной об изменении этого закона не в порядке, указанном в законе, т.-е. через Думу и Государственный Совет, что начал серьезно доказывать ему, что столь левый состав Думы получился вследствие повышенного настроения избирателей, явившегося результатом роспуска первой Думы и давления на выборы со стороны администрации, что при таких условиях легко проходили или правые, протащенные в Думу силами администрации и духовенства, или левые, выдвинутые повышенным общественным настроением, представителям же умеренно-либерального центра было трудно бороться на два фронта. Я отрицал, конечно, будто вторая Дума неработоспособна, и еще раз утверждал, что она в ближайшем будущем проведет бюджет и закон о местном суде. Я признавал, что существующий избирательный закон несовершенен, что только всеобщее избирательное право внесет успокоение в страну и даст истинных представителей народа, что проект такого избирательного закона имеется в портфеле партии народной свободы, и что он может быть принят настоящею Думою и что лишь после его принятия может быть речь о роспуске Думы.

Государь продолжал настаивать на необходимости изменения избирательного закона, при чем говорил об этом так просто и покойно, что мне не пришло в голову, что он имеет в виду государственный переворот. Я считал, что он высказывает только свое мнение, что избирательный закон следует изменить, а потому, не отрицая, что закон не идеален и требует изменения, указывал на направление, в каком его следует изменить, и на порядок этого изменения. Если б я догадался, что государь имеет намерение собственною своею властью, помимо законодательных учреждений, изменить избирательный закон, я, конечно, не преминул бы разъяснить ему, что в таком случае он нарушил бы основные государственные законы и не сдержал бы своего царского слова. Судя по тому, как он не раз упорно говорил о неизменности раз им обещанного, указание на нарушение царского слова заставило бы его очень призадуматься, прежде чем подписать манифест 3 июня 1907 г. Его слова по поводу Зурабовского инцидента, что ему неверная была дана справка из закона, дает мне некоторое основание предположить, не подсунули ли ему манифест 3 июня к подписи, дав неверную справку о праве его издать новый избирательный закон помимо законодательных учреждений. Если это предположение верно, и если б я был более догадлив во время описываемого разговора с государем, то акта 3 июня могло бы и не быть. Но возможно также и то, что Николай хитрил со мною. Он мог притвориться, будто в Зурабовском инциденте он был обманут, чтоб тем правдоподобнее разыграть роль обманутого при подписании незаконного указа 3 июня. Может быть также и то,

что он не решился прямо сознаться, что он собирается совершить беззаконие, а все ходил вокруг да около. «Не лжет, но и правды не говорит» — по меткому определению Н. А. Хомякова. Последнее предположение мне кажется более отвечающим характеру Николая.

Затем, как бы резюмируя беседу, государь сказал, что он пришел, было, к убеждению, что Дума неработоспособна и потому подлежит немедленному роспуску, но что из моего доклада он усматривает, что работа и в Думе и в ее комиссиях налаживается, а потому он готов еще подождать с роспуском и посмотреть, что будет дальше.

— Дай бог, дай бог, чтобы ваши надежды на Думу оправдались, — сказал он мне на прощанье.

Подождал государь еще две недели. Дума была распущена, как известно, 3 июня.

Какое заключение о Николае II составилось у меня от личного с ним знакомства и внимательного наблюдения за его действиями во все время его царствования?

Я положительно утверждаю, что общераспространенное мнение о Николае II, как о глупом, слабовольном, ничего не понимающем в политике ничтожестве, являющемся орудием в руках окружающей его придворной клики, — совершенно неосновательно.

Правда, умом он не блещет, не обладает и сильною волею, мало, повидимому, подготовлен к выполнению трудной задачи, выпавшей на его долю, но все же считать его за ничтожество, которое действует не по собственной воле и не по своему разумению, было бы неправильно. Николай II — плохая копия дурных свойств Александра I. Последнего долгое время считали за слабовольного человека, подчинявшегося чужому влиянию, то Сперанского, то Аракчеева, но позднейшие исторические исследования доказали ошибочность такого взгляда. Свойственные ему хитрость, двуличие и трусость побуждали его действовать исподтишка, прячась за спиной кого-либо, притворяясь, будто это лицо действует именем императора без его ведома и согласия; в действительности же Александр приближал к себе таких лиц, которые, как он знал, будут действовать согласно его взглядам и желаниям, и отдалял от себя тех, взгляды которых не отвечали его взглядам в данное время. Одним словом, направление внутренней политике давал сам Александр I, а вовсе не его сподвижники.

Точно также поступает и Николай II. Тоже по природе хитрый, двуличный и трусливый, он охотно готов свалить на голову другого ненависть народа, возбуждаемую его собственною внутреннею политикою. Приближая к себе и отдаляя от себя тех или иных лиц в известные моменты своего царствования, Николай II руководствуется вовсе не давлением окружающих его близких, а тою общею политическою конъюнктурою, которая то заставляет его подчиниться требованиям общества, то дает ему возможность задержать или даже повернуть назад общественное движение. Он действует всегда сознательно, хитрит, подчас злобно издевается над обществом и в то же время тру-

сливо прикрывается притворною наивностью. Ради сохранения власти в своих руках в возможно полном объеме он не останавливается ни перед чем. Интересы династии и личного мелкого самолюбия для него выше пользы государственной.

Если проследить направление нашей внутренней политики за последнее десятилетие, то мы увидим, что Николай II выбирал министров не случайно, а вполне целесообразно, с его, конечно, Николая, точки зрения. Когда освободительное движение проявляется достаточно ярко и начинает грозить ограничением власти государя, Николай назначает министром внутренних дел Плеве, врага этого движения, человека и с умом и с волею. Что натворил бы Плеве, находясь у власти, если бы не погиб от бомбы террориста, не успев расправиться с главарями движения, — неизвестно. Думаю, что он сумел бы задержать на некоторое время это движение.

Напуганный убийством министра, 9 января, убийством в. кн. Сергея Александровича, неудачами на войне, всем тем, что предвещало возникновение серьезного революционного движения, государь пытается задобрить общество, примириться с ним и назначает министром внутренних дел кн. Святополк-Мирского, знаменитого словами о «доверии правительства к обществу». Ноябрьский съезд земских деятелей в Петербурге с его тезисами, ряд банкетов, митингов, всевозможных собраний и совещаний, подхвативших эти тезисы и на все лады требовавших конституции, понимаются государем как следствие примирительной политики Мирского. Государь пытается остановить движение. На пост министра назначается Булыгин, бывший московский губернатор. Назначение понятное: прежде всего это человек, хорошо знающий Москву и московское земство, этот рассадник земской крамолы, а кроме того, это недурной дипломат, умеющий ладить с людьми и противоположного с ним направления. А такой и нужен: нельзя перейти сразу от «доверия» к реакции: надо этот переход замаскировать приятными улыбками, столь присущими Булыгину. Для пущей же твердости реакционного направления к Булыгину поддужным берется, из Москвы же, «держиморда» Трепов, который проявляет свою энергию в безуспешной попытке разогнать земские съезды, состоявшиеся в Москве в апреле и в июле 1905 года. И эта попытка реакции провалилась: Булыгин и Трепов не совладали с революционным движением. Великая Октябрьская забастовка перепугала Николая II не на шутку: ему мерещится, что трон колеблется, что без потери части своей власти ему не удержаться на троне. Тогда на сцену выступает Витте с проектом манифеста 17 октября. Государь с перепугу подписывает манифест, сжигая тем самым корабли неограниченного самодержавия, и призывает творца манифеста к проведению его в жизнь. Забастовка кончается, народ ликует, а Николай II тоскует о потерянной власти и с ненавистью смотрит на Мефистофеля-Витте.

Мало-по-малу Николай II освобождается от перепуга и решает дать народу минимум обещанного 17 октября и ищет среди бюрокра-

тов подходящих лиц, готовых всячески тормозить осуществление обещанных реформ. Он спешит обнародовать до созыва первого народного представительства новые основные законы. С их тесными рамками приходится считаться первой Государственной Думе. «Дума народного гнева» энергично начинает «штурм власти». Государь снова испуган: чрез Трепова он пытается договориться об образовании думского кабинета, но в то же время наводит справки о вероятных последствиях роспуска Думы. Справки оказываются для него благоприятными. Николай распускает Думу, а власть передает человеку решительному и с твердою волею, способному энергично вести борьбу с революцией — П. А. Столыпину. Провал выборгского воззвания, сравнительное спокойствие в стране, несмотря на роспуск первой Думы, успешное подавление военных бунтов, — все это убеждает государя в возможности итти по пути реакции. Грозная по внешности, но бессильная по существу вторая Дума еще более утверждает Николая II в уверенности, что реакционная политика безопасна для трона. Он смело дерзает нарушить основные законы изданием нового избирательного закона 3 июня 1907 г. и благодаря этому получить «законопослушную» третью Государственную Думу, где лидер руководящей фракции, а затем и председатель Думы, А. И. Гучков, пляшет под Столыпинскую дудку. Политика Николая II всегда сводилась к тому, чтобы в крайних случаях итти на минимальные уступки обществу, а данные торжественные обещания не выполнять, если окажется малейшая к тому возможность. В царствование Николая II министры мелькают, как в калейдоскопе, они сменяются в зависимости от постоянных колебаний политики государя то вправо, то влево. Он все время лавирует между подводными скалами революции, заботясь не о пользе и нуждах государственных, а о сохранении в возможной полноте своей власти царской. Хитрый, двуличный, трусливый государь ведет эту свою извилистую политическую линию вполне сознательно и самостоятельно, но по свойству своего характера старается всегда замаскировать свое авторство и руководительство в правительственных безобразиях наивным своим видом безответственного агнца, притворной жертвы влияния посторонних темных сил, окружающих царя. Не обладая ни достаточным умом, ни волею, ни силою характера, несчастный Николай II, сознавая все же, что он своею узко-эгоистическою политикою приносит неисчислимые бедствия государству, чувствуя, что, в конце концов, он может довести Россию до гибели или свой трон до падения, живет в вечном страхе. Как все слабые люди, смутно понимающие безвыходность своего положения, но не могущие ни изменить его, ни разобраться в нем толком, ждут сверхестественной помощи извне, какого-то чуда, которое их спасет, так и Николай II бросается за помощью то какого-то француза шарлатана-гипнотизера, то отца Иоанна Кронштадтского, то старца Распутина или блаженного Мардария.

Долгое время в широких слоях русского общества господствовало убеждение, будто государь выполнил бы желания народа, если б знал

их, будто во всех наших бедах виновато «средостение» между царем и народом. «Милует царь, да не милует псарь», — говорит русская пословица. Господство подобного убеждения в народе было, конечно, на руку Николаю II. Оно давало ему возможность разыгрывать роль неосведомленного о нуждах народа царя, готового отказаться от тягостной ответственности неограниченной власти, но не дерзающего это сделать из опасенья народных волнений. Как пример подобного притворства, я приведу разговор Николая II с кн. П. Н. Трубецким, сообщенный последним собранию предводителей и депутатов Московской губ. в 1897 году, если не ошибаюсь.

После состоявшегося в этом году в Москве совещания губернских предводителей дворянства кн. П. Н. Трубецкой был принят государем для доклада постановлений этого совещания. Во время аудиенции государь коснулся вопроса об ограничении самодержавия и сказал приблизительно следующее: я готов поделиться с народом властью, но я сделать этого не могу, так как не сомневаюсь, что ограничение царской власти было бы понято народом, как насилие интеллигенции над царем, и тогда народ стер бы с лица земли верхние слои общества. Остались бы царь и простой народ.

Последующие события показали, насколько справедливо было это «убеждение» Николая II. «Бессмысленные мечтания» о конституции превратились в устах царя сначала в желательные по существу, но неосуществимые вследствие враждебного к ним отношения простого народа, а затем приняли форму закона, но до сих пор никак не могут претвориться в плоть и кровь вследствие судорожного цепляния за старую власть главы государства.

По счастью, ход истории мало зависит от воли и поступков одного лица, хотя бы и неограниченного монарха, а потому близорукая и своекорыстная политика правителя России не остановила естественное ее развитие.

Москва. 1912 года.

П. А. СТОЛЫПИН.

Петр Аркадьевич Столыпин был несомненно одною из наиболее видных политических фигур за время существования Государственной Думы второго и третьего созывов. Но в настоящих записках я имею в виду не выяснять значение П. А. Столыпина как государственного деятеля, а ограничиться изложением личных моих впечатлений от встречи со Столыпиным, вызванных требованиями службы.

В первый раз я встретился с ним осенью 1906 года. Я занимал в то время должность председателя московской губернской земской управы. Казалось бы, что мое служебное положение давало мне свободный доступ к министру внутренних дел. Но на деле оказалось иное. Напуганное революционным движением предшествовавших лет и взрывом министерской дачи на Аптекарском острове правительство, стараясь

оберегать министров от покушений на их жизнь, принимало, по своему обыкновению, ряд мало действительных мер, стеснявших мирных обывателей, но не злоумышленников. Чтобы попасть к Столыпину, требовалась предварительная запись у секретаря председателя Совета министров. Этот секретарь мне заявил, что Столыпин может меня принять чуть ли не через неделю только. Когда же я сказал, что за массою работы я не могу ни ждать в Петербурге приема так долго, ни лишний раз приехать в Петербург, то секретарь откровенно мне заявил, что так как он лично меня не знает, то он должен навести справки, действительно ли я то лицо, каким себя называю, на что требуется известное время. Тогда я посоветовал секретарю справиться у Гербеля, начальника управления по делам местного хозяйства, у которого я только что был и который меня знает лично. Повидимому, секретарь удовлетворился таким способом установления моей личности, так как в тот же день вечером я получил письменное уведомление о приеме меня Столыпиным через день.

В назначенное время я приехал в Зимний дворец, в правом крыле которого жил Столыпин после взрыва министерской дачи на Аптекарском острове. Пройдя сквозь строй внимательных взглядов швейцаров, жандармов и виц-мундирных чиновников, я попал в полутемную приемную, набитую мундирными господами, чающими приема. Принял меня Столыпин не скоро. Я видел, что ранее меня были приняты какие-то уездные предводители дворянства, даже земские начальники. Из этого я заключил, что представитель земства у министра вн. дел не в фаворе. Наконец, очередь дошла и до меня.

Когда я вошел в большой, неуютный кабинет, мне навстречу поднялся с кресла у письменного стола высокий, с резкими и решительными движениями, человек. Он подал мне дряблую, калеченную руку и указал на кресло. Во всей его крупной фигуре, в резких и решительных движениях, в холодном с металлическим оттенком голосе, в тяжелом взгляде злых глаз, в неприятном очертании крупных красных губ на бледном лице, — во всем было что-то тяжелое, властно-тупое и жестокое. Он мне очень не понравился, хотя в разговоре был не только корректен, но даже любезен.

Во время нашей довольно продолжительной беседы мне казалось, что передо мною был губернатор, но не премьер и не министр вн. дел. Разговор начался и касался почти исключительно вопроса о времени созыва московского очередного губернского земского собрания. Столыпин настаивал на соблюдении закона, требующего созыва собрания не позже 1 декабря. Я указывал на причины, по которым соблюдение этого законного требования является невозможным, и просил о переносе собрания на январь или февраль. Несмотря на то, что Столыпин настаивал на соблюдении закона и был «облечен всею полнотою власти», я же являлся подчиненным ему лицом и был «облечен лишь доверием губернского земского собрания», победа в этом споре осталась за мною, так как Столыпин, в конце концов, добился от меня лишь согласия

на соблюдение буквы закона, а именно на созыв собрания в декабре, но с тем, что заседания тотчас же прервутся и будут продолжаться в январе. Отсюда следует, что Столыпин заботился лишь о сохранении престижа власти и буквы закона, по существу же уступал требованиям земства. Здесь он проявил себя хорошим губернатором и только. Столыпин потратил довольно много дорогого ему, несомненно, времени на ненужный спор, вместо того, чтобы использовать визит председателя московской губернской земской управы для иной, более интересной беседы. Ему было, конечно, известно, что я был председателем бюро съезда земских и городских деятелей, что в это время никто не был лучше осведомлен о настроении земской России, чем московская губернская земская управа, находившаяся в постоянном письменном и личном общении со всеми земствами. Разговаривать о времени созыва губернского земского собрания он мог поручить московскому губернатору, мой же визит к нему мог бы использовать для выяснения настроений в земской среде. Этого он не сделал. Умелый руководитель внутренней политики не мог бы не поинтересоваться этим вопросом. Возможно лучшая и полная осведомленность о настроении общественных групп является необходимым условием для правильного решения вопросов внутренней политики. Столыпин же проявлял видимое равнодушие к этим настроениям, рассчитывая больше на силу штыков, виселиц и тюрем в борьбе с революцией, чем на мудрое врачевание недуга, порождающего революционное движение.

Нельзя сказать, чтобы кн. Святополк-Мирский, знаменитый своей фразою о «доверии правительства к обществу», был человеком выдающегося государственного ума, но все же он понимал, что министр внутренних дел — не губернатор и что беседу с представителем земства в период сильного общественного движения странно ограничивать рассуждением о сроке созыва земского собрания. Я невольно сравниваю столыпинский прием с приемом кн. Святополк-Мирского. Я был у последнего осенью 1904 года. В ноябре предстоял съезд земских деятелей, сыгравший, как известно, столь важную роль в определении политического настроения общества. Речь, естественно, зашла о предстоящем съезде. Кн. Святополк-Мирский поинтересовался узнать о настроении земцев. Я ему ответил, что его слова о «доверии правительства к обществу» и желание министра не препятствовать, а содействовать съезду земских деятелей, выразившееся в испрошении высочайшего разрешения на созыв съезда [1]), — что все это способствовало возникновению доброго отношения земства к новому курсу внутренней

[1]) Перед моим посещением министра начальник главного управления по делам местного хозяйства С. Н. Гербель сообщил мне, что министр испросил высочайшее разрешение на созыв съезда. Впоследствии оказалось, что по неверному осведомлению министра С. Н. Гербелем о составе съезда, высочайшее соизволение последовало лишь на созыв съезда представителей губ. земских управ, а не вообще земских деятелей. Таким образом съезд состоялся без разрешения, а лишь при попустительстве администрации.

политики. Тогда министр изложил свой взгляд на желательность образования законосовещательного органа из представителей местных самоуправлений и спросил, каково будет, по моему мнению, отношение земства к подобной реформе. Хотя я и был осведомлен о существовании в земстве серьезного конституционного движения, но все же я тогда ошибочно предполагал, что большинство участников предстоящего съезда не пойдет на требование конституции и выскажется за учреждение законосовещательного народного представительства. В таком смысле я и ответил министру. В заключение беседы по этому вопросу кн. Святополк-Мирский заметил, что создание даже законосовещательного представительства явится вступлением на путь, который приведет к конституции. «Но я не вижу оснований для того, чтобы не удовлетворить насущную потребность настоящего момента из опасений, что это в конечном своем результате, в д а л е к о м б у д у щ е м, будет иметь конституцию», закончил свою речь министр, не видевший, повидимому, что Россия находится накануне конституции.

Вскоре после описанного свидания моего со Столыпиным мне пришлось познакомиться с ним довольно близко: я имею в виду наши вынужденные встречи во время существования второй Государственной Думы, т.-е. с 20 февраля по 3 июня 1907 года. А затем я не раз наблюдал Столыпина в третьей Государственной Думе.

Тотчас после избрания моего председателем второй Государственной Думы в заседании 20 февраля 1907 г. я возобновил мое знакомство с П. А. Столыпиным, приняв от него поздравления по окончании этого заседания. Наша беседа была очень краткая. Мне казалось, что Столыпин не прочь был начать серьезный деловой разговор. Он выразил опасение, что мне трудно будет вести заседания Думы при малочисленном центре и наличности двух крыльев с резкими противоположными взглядами. Я уклонился от разговора на эту тему, ответив лишь, что единодушие подавляющего большинства Думы при выборе председателя дает основание рассчитывать на единодушие Думы и в других серьезных случаях.

Несомненно, что добрые личные отношения имеют влияние и на отношения деловые. Волею судьбы я был связан близкими деловыми отношениями со Столыпиным. От моих личных отношений с ним в известной мере могли зависеть и деловые отношения. Для установления же добрых личных отношений было бы необходимо видеться не только на деловой почве. Но последнее являлось совершенно неосуществимым при тех условиях, в которых я находился. Прежде всего я не мог не считаться с прецедентом в области отношений председателя Думы и министров, установленным председателем Государственной Думы С. А. Муромцевым. После своего избрания председателем Думы С. А. Муромцев не сделал визита министрам. Последние, в свою очередь, также не сочли нужным посетить председателя Думы. Таким образом, отношения между министрами и председателем первой Государственной Думы были только деловые. С этим фактом я должен был

считаться. Но если б даже я игнорировал его, то господствовавшее в Государственной Думе отношение к министрам, особенно же к П. А. Столыпину, заставляло меня быть исключительно осторожным в настоящем вопросе. Я не сомневаюсь, что если б я первый поехал с визитом к министрам, левые мои думские товарищи сочли бы, что я этим принизил достоинство председателя Думы. По этим двум причинам я визита министрам не делал, что, в свою очередь, не могло, конечно, способствовать установлению добрых личных отношений.

Я считал и считаю, что едва ли в этом вопросе Муромцев был прав. «После государя, первое лицо в государстве — это председатель Государственной Думы», говорил Муромцев. В подтверждение правильности такого взгляда С. А. приводил как теоретические соображения о существе народного представительства и положении его среди государственных установлений, так и отношение к президенту французской палаты депутатов даже такого врага народовластия, каким был Александр III. Муромцев указывал, что Александр III во время посещения им Парижа первый сделал визиты президенту республики и президенту палаты, но не министрам. Я вполне соглашаюсь, что по существу народного представительства председатель Государственной Думы должен почитаться первым после государя лицом в государстве, но, к сожалению, нельзя не считаться с условиями русской действительности. Вековая привычка нашей властной бюрократии занимать первое место в государстве не могла исчезнуть от одного росчерка пера Николая II под манифестом 17 октября 1905 г. Признать первенство председателя Думы среди высших представителей законодательной и административной государственной власти было не так-то легко и приятно для господ министров. Сознавая, что сила на их стороне, а не на стороне молодого народного представительства, министры считали ненужным явиться первыми с поклоном к председателю Государственной Думы. Холопы царя считали зазорным приветствовать избранника народа. Они смотрели на председателя Думы, как на нового своего сочлена и потому ждали от него первого визита. Не мудрствуя лукаво, можно было пойти навстречу этим ожиданиям. Тогда могли бы создаться если не хорошие, то приличные отношения между председателем Думы и министрами. Дума от этого только выиграла бы. Но я не мог не считаться с настроением Думы.

Вскоре после открытия Думы между мною и Столыпиным начались разные недоразумения, не прекращавшиеся вплоть до роспуска Думы. Кто был виноват в этих недоразумениях? Если принимать во внимание, что, благодаря особому стечению обстоятельств, Столыпин, как это ни кажется странным, одно время искренно желал, чтобы Дума существовала и работала, то можно предположить, что он должен был стремиться устранять поводы к столкновениям между ним и председателем Думы. Отсюда как будто следует, что если эти столкновения были, то виноват в них был я, а не Столыпин. Но, с другой стороны, не следует упускать из виду и того, что и я желал сохранения

Думы и, следовательно, должен был принимать меры к устранению конфликтов с правительством вообще и в частности со Столыпиным.

Таким образом, мы оба были заинтересованы в сохранении Думы и в устранении всех возможных конфликтов. А конфликты были, и все больше по пустякам. Так как начинал неприятные разговоры и переписку Столыпин, то я в праве, думаю, утверждать, что он и являлся виновником конфликтов. Думаю, что я не ошибусь, утверждая, что Столыпин смотрел на Думу, чуть не как на подчиненное правительству ведомство, а на председателя ее, как на главу ведомства, следовательно, как на подчиненного ему чиновника. Он считал, повидимому, что он имеет право наблюдать за поведением Думы и ее председателя и делать им указания, если в этом поведении что-либо ему, Столыпину, не нравилось. Таврический дворец находился в странном, трагикомическом положении. По закону и по здравому смыслу помещение Думы должно, конечно, быть в распоряжении Думы и ее председателя. Для наблюдения за порядком в думском помещении в распоряжении председателя Думы имелись особые лица — пристав Думы и его помощники. Но трагикомедия заключалась в том, что впуск лиц в думское помещение зависел не от Думы и ее председателя, а от председателя Совета министров и от находившейся в его распоряжении так называемой охраны Таврического дворца. Последняя состояла из начальника охраны, полковника барона Остен-Сакена, добродушного толстяка, его помощника жандармского ротмистра Пономарева, прославившегося своею провокационною деятельностью в провинции, целого штата охранников и роты солдат. При такой организации охраны Таврического дворца впуск в него фактически зависел от Столыпина. Если б председатель Думы дал записку с требованием охране пропустить кого-либо в здание Думы, то охрана могла бы ослушаться председателя, сославшись на то, что она не имеет соответствующего распоряжения от своего начальства. Чтобы не попасть в комичное положение хозяина помещения, предоставляющего неосуществимое в действительности право входа в это помещение, я старательно избегал выдавать подобные записки о впуске во дворец. Когда после обвала потолка в зале заседаний бывший в то время случайно в Петербурге мой знакомый архитектор Ф. О. Шехтель поинтересовался осмотреть место крушения и вообще думское здание, то я счел за лучшее взять его с собой, рассчитывая, что охрана Таврического дворца не посмеет остановить меня и моего гостя, что и оказалось на деле. Менее посчастливилось жене секретаря Государственной Думы Е. К. Челноковой, которую охрана дворца не впустила в помещение, занимаемое ее мужем. Несомненно, что такою организацией охраны Таврического дворца имелось в виду обезопасить министров от возможных покушений на их жизнь со стороны террористов. Откровенно говоря, я был очень рад, что ответственность за неприкосновенность г.г. министров в помещениях Думы не лежит бременем на председателе Думы. Но беда была в том, что Столыпин стал пользоваться этим своим правом, следить за впус-

ком лиц в помещение Думы, чересчур широко. Так, он его использовал в борьбе с Думою по вопросу о праве Думы приглашать на заседания своих комиссий сведущих лиц.

Дело было так. Кажется, 26 марта я получил от Столыпина письмо, в котором он указывал, что по учреждению Госуд. Думы посторонние лица не могут быть приглашаемы, на правах сведущих лиц, к участию в думских комиссиях. Считая такое постановление незаконным, он просил сообщить, какие приняты меры к недопущению посторонних лиц к участию в заседаниях комиссий. Это письмо было вызвано постановлением продовольственной комиссии приглашать на свои заседания кн. Г. Е. Львова, стоявшего во главе общеземской организации, занятой в то время помощью голодающим, а также члена Вольно-Экономического Общества В. В. Хижнякова и членов губернских земских управ: пензенской — Вырубова и самарской — Тресвятского.

В заседании комиссии 26 марта представители министерства вн. дел заявили, что в виду присутствия посторонних лиц они, согласно указаниям, полученным от министра, не могут принимать участия в заседании, и удалились.

В ответном письме 28 марта я писал: «Считаю своим долгом просить председателя Совета министров не отказать мне в уведомлении, на основании каких законов председатель Совета министров может обращаться с подобного рода запросами к председателю Государственной Думы. В учреждении Государственной Думы есть ст. 33, которая дает Думе право обращаться к министрам и главноуправляющим с запросами по поводу их незакономерных действий, но нет статьи, которая давала бы право министрам делать запросы Государственной Думе или ее председателю».

Ответом на это письмо было распоряжение Столыпина не пускать посторонних лиц в помещение Думы, хотя бы и имеющих приглашения на заседания думских комиссий. Согласно этого распоряжения на заседание комиссии 4 апреля приглашенные лица охраной пропущены не были, за исключением кн. Львова, которого министр вн. дел назначил в комиссию представителем от центрального комитета по оказанию врачебно-питательной помощи населению пострадавших от неурожая местностей.

Когда затем бюджетная комиссия также постановила пригласить на свои заседания нескольких сведущих лиц, известных ученых финансистов, то какой-то чиновник министерства вн. дел по поручению Столыпина обратился к председателю бюджетной комиссии М. П. Федорову с вопросом, известно ли ему содержание письма председателя Совета министров к председателю Думы, в котором указывается, что, по учреждению Госуд. Думы, посторонние лица не могут быть приглашаемы на заседания комиссий. На это Федоров ответил, что он незнаком с содержанием письма и не считает нужным принимать его к сведению.

Столыпин заявил мне также письмом, что он считает незаконным намерение продовольственной комиссии обратиться к местным учреждениям с запросами о голодающих, что сношения Думы с земскими учреждениями возможны только чрез подлежащего министра и губернаторов. В данном случае Столыпин формально был прав, и я вынужден был просить комиссию отказаться от этого ее намерения, что комиссией и было исполнено, и выработанные ею опросные листы разосланы не были. Столыпин же не удовольствовался посылкою мне помянутого письма, а разослал губернаторам циркуляр о недопущении сношений земских учреждений с думской продовольственной комиссией и предложил губернаторам следить за тем, чтобы вопрос о продовольствии не поднимался на земских собраниях.

Что же касается вопроса о праве комиссий приглашать на свои заседания сведущих лиц, то решение его Столыпиным в отрицательном смысле не может быть признано правильным. Не говоря уже о том, что председатель Совета министров не призван вовсе наблюдать за работою внутри Думы, но и по существу вопроса мнение Столыпина было ошибочно. Я приведу здесь выдержку из журнала бюджетной комиссии, где, на мой взгляд, правильно и сжато формулировано решение этого вопроса. Вот эта выдержка: «Сопоставление ст. 42 и 43 улож. Госуд. Думы с ст. 44 принятого к руководству Наказа приводят к несколько иному выводу, чем тот, которого держится председатель Совета министров. Вышеупомянутая статья 42, действительно, указывает на то, что в заседаниях комиссий и отделов не допускаются посторонние лица и представители; из смысла же следующей статьи вполне очевидно, что под посторонними лицами закон разумеет публику, желая таким образом сделать заседания комиссий и отделов не публичными. Что именно таков смысл закона, свидетельствует и то обстоятельство, что, при обсуждении представленных в Правительствующий сенат для распубликования статей Наказа Государственной Думы, это высшее учреждение, аутентично толкующее закон, не встретило противоречия между ст. 42 учр. Госуд. Думы и ст. 44 Наказа, где предусматривается участие в заседаниях комиссий лиц, могущих сообщить какие-либо полезные для комиссии сведения».

Вмешательство охраны Таврического дворца не ограничилось надзором за впуском лиц во дворец. Так, через несколько дней по открытии Думы ко мне обратилось бюро печати с жалобой на охрану за чинимые ею неприятности членам бюро. Оказалось, что во время разговора одного из журналистов с депутатом Струве, происходившего внутри дворца, агент охраны позволил себе вмешаться в разговор и заявить, будто воспрещено журналистам беседовать с депутатами и что для осуществления этого запрещения журналисты, направляющиеся в бюро печати, неотступно конвоируются агентом охраны. Я вызвал к себе начальника охраны барона Остен-Сакен и поставил ему на вид неуместность поведения его агентов, указав на то, что за порядком внутри здания Таврического дворца следит только предсе-

датель Думы, у которого есть свой орган надзора — приставская часть, что вмешательства агентов охраны я не допущу. В оправдание своих действий барон Остен-Сакен мог только сказать, что таковы были приказания со стороны его начальства. Я написал письмо Столыпину с протестом против действий охраны. Письмо было отослано 17 марта, а около 24—26 марта я получил следующий ответ:

«Вследствие письма 17 марта имею честь уведомить, что в виду сообщенных вами сведений о том, что чины охраны императорского Таврического дворца позволяют себе, в нарушение правил 16 февраля с. г., делать распоряжения в пределах помещений Государственной Думы, я вместе с сим указал заведывающему означенной охраной не допускать впредь подобных отступлений от установленного порядка».

Были и другие случаи моих столкновений со Столыпиным из-за вмешательства его не в свое дело. Так, вспоминаю один курьезный случай. В одно прекрасное утро за полчаса до заседания я узнаю, что Столыпин отдал распоряжение начальнику охраны барону Остен-Сакену, не впускать публику, имеющую билеты, выданные распорядительной комиссией, считая, что эти билеты выданы с нарушением высочайше установленных правил. Тогда я, с своей стороны, приказал приставу Думы не впускать на хоры публику с билетами, выданными канцелярией Столыпина, а также и сенаторов, а впустить лишь членов дипломатического корпуса и членов Государственного Совета. Тогда явился ко мне чиновник особых поручений Куманин и от имени Столыпина спросил меня, правда ли, что я не впущу даже и сенаторов. Я твердо заявил, что сделаю исключение лишь для членов дипломатического корпуса, как для иностранцев, которых странно было бы впутывать в наши смешные пререкания, и для членов Государственного Совета, присутствие которых может иметь значение для успеха законодательной работы, как товарищей по этой работе, что же касается сенаторов, то я считаю, что такая мера против них может усилить скандал, вызванный неправильным распоряжением Столыпина по отношению к публике, приглашенной членами Думы, чего я и добиваюсь. Через несколько минут Куманин вернулся ко мне с известием, что Столыпин отменил свое распоряжение. Тогда, конечно, и я отменил свое приказание приставу Думы.

По поводу будто бы допущенных мною нарушений этих правил Столыпиным было послано мне не одно письмо. Считая, что Столыпин не является лицом, призванным следить за исполнением правил председателем Думы, я игнорировал его письма, оставляя их без ответа. Так же я поступал и в тех случаях, когда Столыпин высказывал свое мнение о моих действиях как председателя Думы. Я тогда или вовсе не отвечал на его письма, или излагал свой взгляд, не вступая в полемику со Столыпиным. Одним из наиболее крупных недоразумений такого рода было следствием моего отказа Столыпину в слове во время одного из заседаний Думы. Дело было так.

Член Думы Кизеветтер попросил слово по вопросу о порядке дня. Так как Дума закончила обсуждавшийся вопрос, то вполне было законно заявление Кизеветтера. Я дал ему слово, и он начал свою речь с того, что по предстоявшим объяснениям по личным вопросам предложил держаться при этом порядка, усвоенного первою Государственною Думою. Затем он совершенно для меня неожиданно предложил «попросить присутствующего здесь председателя Совета министров дать нам свое заключение: входит ли по учреждению о Госуд. Думе в компетенцию Госуд. Думы принятие не законопроекта, не какого-нибудь запроса, имеющего в виду контроль над закономерностью действий правительства, а принятие общей резолюции, декларации общего этического характера». Кизеветтер имел в виду предложение правых об обсуждении террора. «Я желал бы слышать по этому вопросу к о м п е т е н т н о е р а з ъ я с н е н и е председателя Совета министров», — закончил свою речь Кизеветтер.

В этот же момент мне подает Столыпин печатную записку, всегда лежавшую у него на столе наготове: «Председатель Совета министров желает сделать разъяснение». Так как в этот момент никакого вопроса на обсуждение Думы поставлено еще не было, а Столыпин подал свою записку тотчас после обращенного к нему вопроса Кизеветтера, для меня не было сомнения в том, что Столыпин хочет отвечать на вопрос Кизеветтера. Я тотчас же понял, на какой опасный для достоинства и прав Думы путь толкнул меня и Думу Кизеветтер. По вопросу о том, какова компетенция Госуд. Думы, член Думы просит компетентного разъяснения председателя Совета министров! Я до сих пор не понимаю, как такой опытный политический деятель, как Кизеветтер, мог обратиться с подобным вопросом к Столыпину! Не дав слова Столыпину и наколов его записку на штифт с записками, уже использованными, я сказал так (выписка из стенограммы): «Я считаю, что вопрос, поставленный членом Думы Кизеветтером, является совершенно лишним (аплодисменты). Лицами, компетентными в разрешении вопроса о том, что подлежит суждению Думы и что нет, являются председатель Думы и сама Дума (громкие аплодисменты слева и в центре). Слова председателю Совета министров я п о э т о м у в о п р о с у н е д а ю».

В то же время я просил Н. Н. Познанского, товарища председателя Думы, сидевшего в это время рядом со мною, спросить у Столыпина, не ошибся ли я, предположив, что Столыпин просил слова именно по вопросу, поднятому Кизеветтером. Из разговоров Познанского со Столыпиным оказалось, что я был прав, но, тем не менее, Столыпин рвал и метал, что я не дал ему слова и тем будто бы нарушил права министра и главноуправляющего, предоставленные им учреждением Госуд. Думы. Столыпин не ограничился выражением своего недовольства Н. Н. Познанскому. 14 марта я получил от него письмо, в котором он писал: «По точному смыслу закона (учр. Госуд. Думы, ст. 40), министры и главноуправляющие должны быть выслушаны в заседа-

ниях Думы каждый раз, когда они о том заявят». Отсюда следует, что право каждого министра говорить в Госуд. Думе во всякое время, по всякому поводу стоит вне какой-либо зависимости от усмотрения ее председателя, который, получив соответствующее заявление, обязан немедленно прервать очередного записавшегося оратора, равно как и порядок дня, для выслушивания речи министра».

На это письмо я ответил Столыпину так:

«В ответ на ваше письмо от 14 марта я имею честь сообщить следующее: Точный смысл ст. 40 учр. Госуд. Думы относится «до разъяснений, непосредственно касающихся рассматриваемого Думою вопроса в порядке дня». Так как самый вопрос, возбужденный Кизеветтером, был снят властью председателя с обсуждения Думы, то и все разъяснения, касающиеся вопроса, не рассматриваемого Думою, не могли иметь места. Иное толкование лишило бы председателя Думы возможности устанавливать порядок хода занятий Думы.

Для разъяснения же того, по вопросу ли, возбужденному Кизеветтером, или по какому иному вы желали иметь слово, я обратился к товарищу председателя Н. Н. Познанскому, и если бы оказалось, что вы желали получить слово по другому вопросу, а равно если бы вопрос, возбужденный Кизеветтером, был поставлен на обсуждение Думы, то, конечно, слово было бы предоставлено вам вне очереди».

Как я уже упоминал, одно время Столыпин совершенно искренно, на мой взгляд, поддерживал вторую Думу. Обстоятельства тогда сложились так, что падение Думы могло бы повлечь за собой и падение кабинета Столыпина. Сознавая это, Столыпин старался устранить все то, чем враги Думы могли воспользоваться для ее гибели. Одним из главных козырей в руках врагов было утверждение, что Дума неработоспособна, что в ней нет прочного центра с определенной программой и что бюджет и все законопроекты правительства останутся не рассмотренными Думой, что Дума будет топтаться на месте в бесконечных прениях по аграрному вопросу и по всевозможным запросам, которыми засыпали Думу члены левого крыла. Для устранения вреда от подобных утверждений и для внесения в работы Думы необходимых для успеха дела планомерности и порядка, нужно было выработать программу ближайших занятий Думы и приступить к ее осуществлению. Так и было сделано президиумом Думы совместно с совещанием старейшин. Бюджет и правительственные законопроекты были сданы в соответствующие комиссии, и был намечен список законопроектов, подлежащих рассмотрению в первую очередь. Во время одной из бесед со мною по поводу намеченного Думою плана работ Столыпин развил мысль о желательности, в интересах дела, договориться правительству с большинством Думы о порядке обсуждения бюджета и внесенных правительством законопроектов, а также о минимуме правительственных требований по отношению к главнейшим законопроектам, и просил меня взять на себя посредничество между ним и центром Думы, т.-е. партией к.-д. Я ответил Столыпину, что председатель Думы не должен

выступать в качестве посредника в переговорах части Думы с правительством, если желает сохранить в глазах всей Думы авторитет внепартийного руководителя, что, с утратой авторитета, я буду бесполезен и для правительства и что самое большее, что я могу сделать, это передать наш разговор частным порядком кому-либо из близких мне в партии к.-д. Так я и поступил. Я передал этот разговор секретарю Государственной Думы Михаилу Васильевичу Челнокову. Насколько мне известно, Челноков, Василий Алексеевич Маклаков, Петр Бернгардович Струве и Иосиф Владимирович Гессен беседовали со Столыпиным, но ничего путного из этого не вышло. Различие во взглядах и требованиях Столыпина и представителей центра Думы было столь значительно, что договориться до чего-либо практического было невозможно.

Припоминаю я еще одно доказательство стремления Столыпина сохранить вторую Думу. Я имею в виду действия Столыпина во время так называемого «Зурабовского инцидента».

В заседании 16 апреля должен был обсуждаться законопроект о контингенте новобранцев; по требованию военного министра заседание было закрытое. Всегда полные публикою хоры были пусты, отчего зал имел необычный вид... Места же членов Думы и ложа министров были полны. Налицо были почти все министры. Отсутствовал Столыпин. Было много военных.

Уже довольно давно ходили темные слухи, что под Думу ведется подкоп со стороны правых и бюрократии. Говорили, что правые хотят провоцировать Думу на какой-либо акт, который можно было бы толковать как незаконный, или же вызвать в Думе такой скандал, которым можно было бы воспользоваться, чтобы убедить государя в необходимости роспуска Думы. В частности, меня предупреждали, что в данном заседании можно ожидать скандала. По появлению столь большого числа министров и других чиновников, по присутствию одного из самых ярых врагов Думы, государственного контролера Шванебаха, по нервному оживлению главарей правых, по всему этому я видел, что следует ожидать бурного заседания. Нервно настроена была и левая сторона Думы. Враги постоянной армии, сторонники вооруженного народа, социалисты готовились к соответствующим выступлениям. От этих выступлений можно было ждать больших затруднений для центра Думы. Сама судьба законопроекта при отрицательном отношении к нему левых решалась, в сущности, голосами поляков, а особенно если принять во внимание, что многие из правых депутатов уже уехали из Петербурга в виду приближавшихся праздников. Левая же сторона Думы была вся налицо.

Началось заседание речью докладчика по законопроекту Кузьмина-Караваева. Несмотря на то, что это один из тактичных и сдержанных ораторов, все же левые несколько раз прерывали его речь криками с мест.

После докладчика на трибуну взошел военный министр Редигер. Это был, видимо, неопытный оратор: то он говорил так тихо, что почти

ничего не было слышно, то вдруг начинал выкрикивать отдельные фразы, создавая впечатление, будто он кричит на Думу. Комиссия предложила сократить число денщиков. Министр соглашался с сокращением, но, добавил он, «я считаю долгом предупредить, что о полной отмене этого не может быть и речи. Не может!!» — выкрикнул сорвавшимся голосом министр. Тут поднялся невообразимый шум, хохот, крики: «Здесь не казарма!».

С трудом восстановил я порядок. Но этот урок хорошо подействовал на министра. Он понял свою оплошность, и тон остальной части его речи не вызвал недовольства Думы.

Так благополучно протянулось заседание до перерыва на завтрак, т.-е. до 2 ч. дня.

Но затем начался грандиозный скандал.

На трибуну поднимается с.-д. Зурабов, армянин, и начинает говорить с акцентом. По вопросу о русской армии говорит с.-д. армянин, да еще говорит с акцентом! Уже одно это вызывает чувство ненависти в правых. Но эта ненависть доходит до высших пределов от содержания речи. Зурабов начинает говорить по поводу того, что заседание закрытое. Я прерываю его заявлением, что заседание объявлено закрытым по требованию военного министра, основанному на предоставленном ему законом праве, и что обсуждать вопрос о закрытии заседания для публики я не допущу.

Тогда Зурабов переходит к вопросу о замене постоянной армии всеобщим вооружением. Я вновь его прерываю, считая, что оратор выходит из рамок вопроса. Это мое заявление возбуждает левых. Их главная тема вырывается у них из рук. Они, недовольные, шумят.

Зурабов переходит к критике нашего военного ведомства и русской армии, критике суровой. Правые начинают волноваться и слушают крайне нетерпеливо. Когда же Зурабов говорит: «Признавая также, что наша армия в самодержавном государстве не будет никогда приспособлена, сколько бы с этих скамей ни говорили, в целях внешней обороны, что вот такая армия будет великолепно воевать с нами и вас, господа, разгонит и будет всегда терпеть поражения на Востоке», — поднялись неистовые крики и вопли справа.

Восстановив не без труда порядок, я сказал: «Я не сомневаюсь, что г. оратор никогда в мыслях не имел сказать, что наша армия будет всегда терпеть поражения. Господа, в мощь и силу России, в мощь и силу русской армии безусловно каждый верит из всех, здесь присутствующих. Поэтому я не сомневаюсь, что если мы выслушаем дальше оратора, то он нам разъяснит, как нужно понимать его слова, что его слова были поняты неправильно».

После этого моего заявления порядок восстановился, и Зурабов мог продолжать свою речь. Но, к сожалению, он не поправил своей неловкости, а даже усилил ту же самую мысль, что «армия самодержавной России всегда была и будет бита». Тут поднялся уже такой шум

и беспорядок, правые пришли в такое неистовство, что с криками: «долой», «вон», бросились к трибуне, потрясая кулаками. Зурабов, бледный, стоял на трибуне. Можно было ожидать, что он станет жертвой кулачной расправы. Я тщетно звонил и старался словами успокоить правых. Но звонок и мой голос тонули в общем шуме. Я видел, что все министры встали и демонстративно удалились из залы. Тут я понял, что враги Думы используют этот инцидент против нее. Мне не оставалось ничего иного, как сделать перерыв заседания.

Во время перерыва заварившаяся каша продолжала кипеть и густеть. Я убедился, что над Думой повисла грозная туча, что с минуты на минуту можно ожидать ее роспуска, при чем у правительства будет довольно выигрышное положение. Дума может быть распущена под предлогом, что в ее заседании было допущено оскорбление армии, и ни ее председатель, ни сама Дума на это оскорбление надлежаще не реагировали. Мои опасения укрепились, когда я переговорил с министрами. Тотчас по объявлении перерыва заседания я прошел в министерский павильон и там застал министров в большом возбуждении. Обильно уставленный яствами для завтрака министров стол не привлекал их внимания. Они все столпились в кучу и, перебивая друг друга, делились своими впечатлениями о Зурабовском инциденте. Больше всех жестикулировали и горячились Коковцев и Шванебах, особенно последний, который был красен, как вареный рак, и кричал буквально с пеной у рта. Сравнительно покоен был добродушный и милый старик военный министр Редигер. Шванебах старался убедить его, что он, военный министр, оскорблен словами Зурабова и бездействием председателя Думы. Министры так были заняты своею беседою, что не сразу увидали меня. Но когда они меня заметили, тотчас восстановилась тишина, и я мог объясниться с ними. Я старался их успокоить, доказывая, что сущность мысли Зурабова для армии не оскорбительна, что эта мысль только неудачно выражена, что можно предложить Зурабову досказать свою мысль, и тогда, наверное, вопрос об оскорблении армии падет сам собою. Шванебах решительно не соглашался с моими доводами и доказывал, что в словах Зурабова — несомненное наличие оскорбления армии и что дать слово Зурабову значит допустить повторение оскорбления. Далее Шванебах горячо говорил на тему, что русский человек, каких бы левых взглядов ни был, никогда не оскорбит армию, что на такой поступок способен только инородец, какой-нибудь армянин вроде Зурабова, что, пока Зурабов в составе Думы, им, министрам, негоже бывать в Думе, что пора Думу очистить от инородческих элементов и т. д. Я в его словах слышал затаенные мысли реакционера о роспуске Думы и об изменении избирательного закона и не без основания, думаю, чувствовал, что весь инцидент, если не состряпан намеренно правыми, то, во всяком случае, является желанным для них случаем, которым они не преминут воспользоваться во вред Думе. Я потребовал стенограмму. Стенограмма положение дела не улучшила. То, что в ней имелось, заключало, конечно, обидное

для армии утверждение, будто наша армия, которая до сего времени была армия «самодержавной России», всегда терпела и будет терпеть поражения. Я расстался с министрами при том же их настроении, крайне враждебном, при котором и встретился. Придя в кабинет председателя Думы, я услышал вскоре телефонный звонок: это говорил Столыпин. Он прежде всего просил подробно рассказать ему весь Зурабовский инцидент для доклада государю, а затем сообщил мне, что только что ему по телефону говорил государь, уже кем-то осведомленный о Зурабовском инциденте, что он, как верховный вождь армии, считает, что и армия и он оскорблены Зурабовым и тем, что Дума и ее председатель, повидимому, не считают нужным протестовать против зурабовских слов. Столыпин уже от себя добавил, что он вынес из телефонного разговора с государем впечатление, что государь не остановится перед роспуском Думы. В заключение он спросил меня, что я имею в виду делать при настоящих обстоятельствах. Подробно рассказав ему все, как было, я заявил, что в высшей степени огорчен, что государь неверно осведомлен обо всем происшедшем, что в настоящую минуту можно говорить только о словах Зурабова, при чем хотя в них и можно усмотреть мысль обидную для армии, но что он не имел в виду оскорбить армию, тем более, что он сам офицер русской армии, но что если и признать наличность оскорбления со стороны Зурабова, то ставить это в вину председателю, а тем более Думе, невозможно, так как председатель был лишен физической возможности реагировать на собрании благодаря шуму и беспорядку, учиненным правыми непосредственно после слов Зурабова и принудившими председателя, который был не в силах восстановить порядок, прервать заседание. Таким образом, — закончил я, — судить о действиях председателя и Думы в этом печальном инциденте преждевременно.

Я ясно сознавал, что положение Думы шатко, что для сохранения ее совершенно необходимо председателю и Думе отмежеваться от речи Зурабова и так или иначе снять с себя тень предположения о желании оскорбить армию. Но как этого достигнуть? Положение было очень запутанное и сложное. Самая простая мера была, повидимому, неосуществима. Я мог бы на основании ст. 38 учр. Госуд. Думы предложить Думе исключить Зурабова на одно или несколько заседаний. Трагичность положения Думы и заключалась в том, что эта простая мера была неосуществима. Большинство Думы такое предложение не приняло бы, и тогда оказалось бы, что Дума будто солидарна с Зурабовым. Дело было в том, что отношение членов Думы к Зурабовскому инциденту было весьма различно, и по разным мотивам многие члены Думы голосовали бы против исключения Зурабова. Несомненно, что голосовали бы против социал-демократы. Речь Зурабова была предварительно одобрена фракцией с.-д., и они не находили в ней никаких признаков оскорбления армии. Социалисты-революционеры также голосовали бы против, — повидимому, и трудовики пошли бы за ними. Не было у меня уверенности и в поляках, которые старательно

устраняли себя от решения вопросов, связанных с армией. Нужно пояснить, что мой разговор со Столыпиным по телефону стал тотчас достоянием всей Думы, при чем левые старательно распускали слух, будто Столыпин т р е б у е т от меня исключения Зурабова по 38 статье. Мнимое требование Столыпина, естественно, внесло еще большее обострение в злополучное дело и толкало колеблющихся влево. Все фракции собрались на экстренные заседания, где обсуждался вопрос об их отношении к предложению об удалении Зурабова по 38 статье, в случае, если такое предложение будет сделано Думе ее председателем. Я поручил приставу Думы доложить мне о решениях фракций.

Мои друзья из центра принесли мне вести мало утешительные. Они подтвердили слова Столыпина и мои опасения, что Дума в большой опасности. Для меня не оставалось никакого сомнения, что моя обязанность сделать все от меня зависящее для улажения этого печального инцидента.

Я видел один выход: так или иначе, но совершенно определенно отмежевать Думу от зурабовской речи. Но как это сделать? Согласно 38 статьи от председателя зависит только инициатива возбуждения вопроса об удалении члена Думы из заседания, самый же вопрос разрешается постановлением самой Думы. Как я уже упомянул, рассчитывать получить большинство было мало основательно. Во всяком случае, это большинство могло быть весьма незначительным, что тоже, конечно, было бы учтено ее врагами ей во вред.

Я пошел в кулуары Думы. Из бесед с членами Думы я вынес мало утешительное впечатление: предложение об исключении по 38 ст. едва ли пройдет. Польское коло, как во многих других критических случаях, своими голосами должно было решить вопрос. Я спросил лидера польского коло, Дмовского, как они отнеслись бы к предложению об исключении Зурабова. Ответ его был уклончив. Дмовский мне сказал, что польское коло совсем не желает вызвать председательский кризис, а потому не считает возможным голосовать против предложения председателя, но что поляки вообще не желали бы принимать участие в голосовании вопроса, связанного с армией, а кроме того они не усматривают в речи Зурабова, во всем ее содержании, желания оскорбить армию. Затем он сообщил мне, что польское коло обсудит создавшееся положение и результат обсуждения доведет до моего сведения.

К концу перерыва выяснилось, что центр и правые, постановившие голосовать за исключение Зурабова, большинства не составляют без голосов польского коло, что таким образом от последнего зависит решение вопроса.

Польское коло совещалось очень долго. Давно наступило время продолжать заседание. Призывной звонок давно замолк. Я сел на председательское кресло, члены Думы заняли свои места, а поляков все нет как нет. С понятной тревогой я ждал их появления. Потеряв,

наконец, терпенье, я послал пристава узнать, кончили ли они свое совещание, и пригласить их в залу заседания. В это время подходит ко мне И. В. Гессен с вопросом, что я собираюсь делать? С своей стороны или со стороны к.-д. партии он ничего не предлагает, а между тем и ему и всем к.-д. хорошо было известно положение дела и провал предложения об удалении Зурабова, если поляки не будут голосовать за это предложение. Как раз во время моего разговора с Гессеном приходит пристав с докладом, что польское коло решило не являться на заседание, чтобы не голосовать за исключение Зурабова или против предложения председателя. Фактически это их решение было равнозначуще провалу предложения об исключении, так как без их голосов большинства не составлялось.

«Что же вы намерены делать?» — тревожно спрашивал меня Гессен.

Я был взбешен решением поляков и тотчас же принял решение, которое раньше мне как-то не приходило в голову и которое могло иметь успех только в том случае, если бы застало левых врасплох. Дело в том, что среди левых, именно среди соц.-революционеров, трудовиков, народных социалистов, было немало лиц, совершенно не желавших осложнения для Думы, опасавшихся ее роспуска, не желавших и председательского кризиса, но в то же время не решавшихся при создавшейся обстановке голосовать за исключение Зурабова, ошибочно считая, что такое голосование было бы подчинением Думы требованиям правительства. Я решил учесть это их настроение и неожиданным предложением внести смятение среди левых и таким образом надеялся получить большинство за это новое для всех неожиданное предложение.

«Не знаю, право, — ответил я Гессену, — что-нибудь придумаю».

Когда я встал, чтобы объявить заседание открытым, водворилась мертвая тишина. Дума сознавала, что наступил серьезный момент. Провал предложения об исключении Зурабова мог быть и провалом Думы. Молчание Думы в Зурабовском инциденте, простой переход ее к текущим делам, тоже явился бы провалом Думы. В этот критический момент я нашел выход.

Прежде всего я выразил глубокое сожаление, что в стенах Думы раздалась речь, недостаточно уважительная к доблестной русской армии, что за эту речь я, как председатель Думы, делаю Зурабову замечание и лишаю его слова [1]). Но так как настоящий печальный случай, — продолжал я, — может вызвать разные неправильные толки, я желал бы знать отношение самой Думы к происшедшему, а потому и ставлю на голосование вопрос: одобряет ли Дума действия председателя в этом инциденте и его мероприятия по отношению к Зурабову? Как я и ожидал, этот новый и неожиданный вопрос внес смятение в ряды

---

[1]) Так как речь Зурабова была прервана скандалом, он имел право продолжать свою речь теперь.

левых. Если бы они остались и голосовали против, что они и должны бы были сделать, если они считали, что в словах Зурабова оскорбления армии не было, то и это мое предложение большинства не собрало бы, но левые перед голосованием вопроса встали и ушли из залы, т.-е. уклонились от голосования. Тогда мое предложение было принято Думою единогласно. Кворум оставался и без левых. Одобрив действия председателя, сделавшего Зурабову замечание и лишившего его слова и выразившего сожаление по поводу прискорбного инцидента, Дума тем самым отмежевалась от зурабовской речи. Так было понято это постановление Думы и государем. Впрочем, как я потом увидал, государь был очень недоволен моим поведением, считая, что лишение Зурабова слова и замечание ему — слишком мягкие меры сравнительно с проступком Зурабова.

Заседание окончилось благополучно, но враги Думы не дремали и принимали все меры, чтобы этот инцидент раздуть и вызвать тяжелые для Думы последствия.

Что-то около 12 час. ночи ко мне в Европейскую гостиницу приехали Ив. Ил. Петрункевич и еще кто-то из членов Центр. Комитета к.-д. партии, кто именно — не помню, и сообщили мне, что в правительственных кругах Зурабовский инцидент не считается исчерпанным вышеприведенным постановлением Думы, что министры решили не являться в Думу, что необходимо, чтобы я немедленно выяснил положение дела. Я тотчас же телефонировал Столыпину, узнал от него, что положение Думы, действительно, очень тревожно, и тотчас же, около часу ночи, поехал к Столыпину в Зимний дворец. Столыпин, в то время, как это ни странно, очень не желавший роспуска Думы, сообщил мне, что государь колеблется, готов Думу распустить, что решение этого вопроса будет, вероятно, зависеть от доклада военного министра, который он должен будет сделать завтра утром. Я просил Столыпина переговорить по телефону с Редигером, убедить его сделать доклад государю в пользу Думы, передать ему мое желание повидаться с ним до отъезда его к государю и передать мне по телефону результат этого разговора с Редигером. По возвращении моем в Европейскую гостиницу Столыпин мне сообщил по телефону, что мой разговор с Редигером очень нужен для успеха дела и что я застану Редигера дома в 8 ч. утра, а что в 9 ч. он уже выезжает в Царское Село.

В 8 ч. утра я был у военного министра, передал ему стенограмму несчастного думского скандального заседания, выяснил ему значение думского постановления по поводу Зурабовского инцидента, обратил его внимание на подлинные слова Зурабова, толкуя их в том смысле, что намерения оскорбить армию у Зурабова не было, что он виноват лишь в неудачном выражении своей мысли, и просил его доложить государю все дело возможно объективно. Редигер мне заявил, что он исполнит мою просьбу и что, со своей стороны, он считает инцидент исчерпанным вчерашним постановлением Думы и моим отношением к делу. Я уехал от него спокойный за судьбу Думы, вполне уверенный,

что доклад будет сделан государю для Думы благоприятный, что и оказалось в действительности.

Для Думы этот инцидент последствий не имел, но для меня, для председателя Думы, дело не кончилось докладом Редигера государю. Мне лично пришлось пережить еще немало тяжелых минут. Я действовал во всей этой печальной истории так, как то было по моему крайнему разумению, в интересах Думы. Только ее интересы я преследовал. Больше всего я боялся роспуска Думы из-за этого инцидента.

Надо сказать, что изложенный случай был последним доказательством желания Столыпина содействовать сохранению второй Думы. По всей вероятности, Столыпин, убедился, что Дума висит на волоске и что, держась за нее, он сам должен будет потерять свое личное влияние и положение. И Столыпин переходит в лагерь врагов Думы. Едва ли я буду клеветником, если скажу, что Столыпин передал государю длинный список грехов Думы и ее председателя, который я видел в руках государя во время моей последней беседы с ним, что Столыпин если не внушил, то одобрил мысль о роспуске Думы и одновременно о незаконном изменении избирательного закона, что Столыпин участвовал в создании бутафорского заговора фракции с.-д., послужившего официальной причиной роспуска Думы. Все эти преступления Столыпина перед второй Думой, перед обществом и перед государством, затмевают, конечно, ничтожные услуги его той же Думе, особенно если принять во внимание, что и услуги его и его преступления одинаково продиктованы были заботами о сохранении своего положения, а не интересами государства.

Пока причудливые комбинации бюрократических влияний и интриг тесно связывали судьбу Столыпина с существованием второй Думы, Столыпин употреблял все усилия для сохранения Думы, вплоть до пропуска столь благоприятного правительству для роспуска Думы момента, как мнимое оскорбление армии Думою в закрытом заседании, а лишь только явилась возможность укрепить свое положение переходом из числа друзей в число врагов Думы и закреплением акта 3 июня, изданного с нарушением основных законов, Столыпин не задумался пойти на это предательство, хотя как раз в это время Дума твердо стала на путь законодательного творчества, приступив к обсуждению важного законопроекта о реформе местного суда. Типичный временщик, Столыпин был другом или врагом той или иной политической группы, того или иного политического направления не по убеждению в их пользе или вреде государству, а в зависимости от того, что выгодно для него лично, для сохранения его влияния и его власти.

Надо полагать, что, убеждая государя в необходимости роспуска первой Думы, сторонники роспуска утверждали, что новая Дума явится менее оппозиционной, чем первая. Когда же действительность опрокинула эти предположения, и вторая Дума оказалась еще более оппозиционно настроенной, чем первая, но стала придерживаться

иной тактики и не давала повода для роспуска, естественно было недовольство государя своими советниками, в частности Столыпиным. Отсюда понятно стремление Столыпина доказать возможность совместной работы правительства и второй Думы. Осторожное же поведение самой Думы, большинство которой придерживалось лозунга: «беречь Думу», давало иллюзию возможности установить известное «modus vivendi» между Думой и правительством. И вот мы видим Столыпина другом второй Думы до тех пор, пока ему не удалось укрепить в государе мысль о том, что «ради спасения государства» он обязан нарушить данное им в манифесте 17 октября обещание и должен подписать акт, нарушающий основной закон.

Вскоре после Зурабовского инцидента отношение Столыпина к Думе меняется. Он перестает нервно следить за ходом дел в Думе, перестает искать со мною случаев для беседы, не мучает меня своими письмами, мало посещает заседания Думы. Все это создает в Думе иллюзию ее прочности. Кажется, что наконец-то она получает возможность работать покойно и беспрепятственно.

Май месяц — это золотой век второй Думы. Лишь беседа моя с государем, о которой я пишу особо, вызвала во мне опасение, что Думе остается жить недолго, но вся прочая обстановка работ Думы невольно затушевывала это опасение. После же последовавших событий можно уверенно утверждать, что весь май правительство не тревожило Думу именно потому, что роспуск Думы уже был решен, и правительство подготовляло лишь необходимую для роспуска бутафорию и окончательно проверяло арифметические выкладки Крыжановского по проекту нового избирательного закона. Если Столыпин не был душою всех этих махинаций, то, во всяком случае, все это делалось с ведома и одобрения его. Если бы было иначе, если бы он был другом Думы, то, конечно, передал бы мне частным порядком о подготовлявшихся событиях, а между тем Столыпин хранил полное молчание. Это молчание было столь полное, что граничило с невежливостью по отношению ко мне. Так, когда Столыпин несомненно уже знал, что в заседании 1 июня правительство доложит Думе постановление судебной власти о привлечении думской с.-д. фракции к суду, он не сообщил мне об этом ничего. Более того, даже в том письме, которое он мне прислал перед началом этого заседания с просьбой о закрытии заседания для публики, он ничего не написал о поводе для требования закрытого заседания.

Текст этого письма Столыпина.

«1 июня 1907 г.

Милостивый государь Федор Александрович, имея сделать Государственной Думе заявление, не терпящее отлагательства, покорнейше прошу вас не отказать предоставить мне слово в начале заседания, при чем, на основании ст. 44 учр. Госуд. Думы, прошу закрыть заседание для публики.

Примите и проч...»

И даже тогда, когда я шел на свое председательское место, чтоб открыть заседание, и поравнялся со Столыпиным, то и тут он мне не счел нужным сообщить, для чего он просил предоставить ему слово. А я сам, так же как и все члены Думы, решительно недоумевал, что за сюрприз готовится нам. Ходили слухи, что Столыпин прочтет указ о роспуске Думы. Я готовился именно к этому. Конечно, не без волнения Дума ожидала, что́ за сообщение намерен сделать Столыпин, для которого потребовалось закрытое для публики заседание. Но лишь только начал говорить Столыпин, как все стало понятно. Сообщение о том, будто члены фракции с.-д. готовили заговор для «ниспровержения существующего государственного строя», что правительство требует от Думы постановления об исключении всех членов фракции с.-д. из Думы как привлекаемых к суду за государственное преступление, ясно дало понять, что правительство поставило ультиматум Думе: либо подчиниться требованию правительства, либо итти на роспуск Думы.

Во время чтения Камышанским постановления судебного следователя о привлечении к суду членов фракции с.-д. я наблюдал, какое ошеломляющее впечатление произвело это сообщение на всю Думу, за исключением ее правого крыла. Столыпин требовал, чтобы Дума немедленно же, не делая перерыва, обсудила предложение правительства и сделала соответствующее постановление. Я думаю, что не ошибусь, если выскажу почти уверенность, что Столыпин рассчитывал немедленно арестовать членов фракции с.-д., если бы Дума согласилась на исключение из своего состава привлекаемых к суду своих сочленов. Если же Дума отказала бы правительству в его требовании, то также немедленно были бы арестованы обвиняемые, так как, наверное, у Столыпина был на этот случай готов указ о роспуске Думы, а после роспуска правительство имело бы право арестовать любого члена Думы. Имея это в виду, а также опасаясь эксцессов во время прений по возбужденному Столыпиным вопросу, пользуясь Наказом, я заявил, что ни один вопрос не должен обсуждаться по существу, не будучи поставлен предварительно на повестку заседания, а потому и настоящий вопрос может быть рассмотрен лишь в порядке его направления, но никак не по существу. Как известно, Дума направила его на предварительное рассмотрение особо избранной комиссии, и обсуждение его по существу в Думе не состоялось за ее роспуском до окончания работ комиссии.

В настоящих записках я упоминаю наиболее серьезные случаи столыпинского вмешательства во внутреннюю жизнь и работу Думы, имевшие особую переписку. Были и другие случаи, ограничившиеся разговорами по телефону и через посредников, начальника охраны бар. Остен-Сакена и чиновника особых поручений при председателе Совета министров, Куманина, очень неприятного господина, официально заведывавшего министерским павильоном, а на деле являвшегося оком Столыпина, наблюдавшим за всем, что делается в Думе.

Я думаю, что и сказанного вполне достаточно, чтобы обрисовать условия, при которых приходилось работать Думе и ее председателю. Сколько ненужных, вредных для дела трений, сколько даром потраченного времени и сил вызывали эти мелочные, комичные придирки Столыпина! Все это, думаю, может служить одною из иллюстраций того положения, что Столыпин не был мудрым государственным мужем. Какую цель преследовал он всеми этими придирками? Чего он хотел этим достигнуть? Неужели он был так наивен, что мог вообразить, что Дума признает его право надзора за ее поведением? Или он боялся тлетворного влияния на 500 членов Думы приглашенных в комиссию кн. Львова, Хижнякова и других? Неужели он не понимал, что своим нелепым поведением, своими комариными уколами и мушьим жужжанием он раздражал членов Думы и усложнял и без того трудное положение центра и председателя Думы, стремившихся держать Думу в строго-конституционных рамках? Столыпин своим нелепым отношением к Думе как бы провоцировал ее на эксцессы.

Типичный временщик, Столыпин был другом или врагом той или иной политической группы, того или иного политического направления не по убеждению в их пользе или вреде государству, а в зависимости от того, что выгодно для него лично, для сохранения его влияния и его власти.

От личного знакомства со Столыпиным, от наблюдения за его деятельностью и за его речами как во второй, так и в третьей Думе, я вынес о нем далеко не благоприятное впечатление. Некоторые его достоинства меркли среди крупных его недостатков.

Многие считают Столыпина дальновидным государственным деятелем, приписывая ему закон о хуторском хозяйстве, имевший целью создать «крепкого мужичка» — будущую опору правительства в крестьянстве. Но не следует забывать, что истинным творцом этого закона был Кривошеин, а не Столыпин.

Ф. Головин.

Москва, 1912 года.

Письмо А. П. Щапова Александру II в 1861 г.

А. П. Щапов в 1857 году окончил Казанскую духовную академию, при которой был оставлен магистром по русской истории. В 1860 году он начал читать курс истории в Казанском университете, где своими лекциями завоевал симпатии студенчества и либеральных слоев общества. Университетская деятельность его продолжалась до весны 1861 года, когда его выслали из Казани в Петербург за речь, произнесенную им на панихиде, устроенной в знак протеста против расстрела бездинских крестьян.

Политические взгляды Щапова находятся в неразрывной связи с его оригинальной исторической концепцией; Щапов является одним из сторонников федеративной теории русского исторического процесса. По его мнению, предметом изучения русской истории должен являться сам русский народ, его хозяйство и культурная эволюция. Он выдвинул принцип областности и «земского народосоветия», т.-е. городского и сельского самоуправления, постепенно отмиравшего вместе с усилением власти московских государей. Щапов обратил внимание главным образом на сельский мир и общину, как на остатки былого земского свободного самоуправления, и связал с ними свой проект государственного переустройства. Он был одним из тех, которые ожидали от крестьянской «реформы» более того, что она могла дать. Он думал, что вслед за «освобождением» начнется ряд действительно демократических реформ, которые ослабят бюрократизм государственного аппарата, разовьют областное самоуправление, поставят на первый план вопросы народного образования. Его иллюзии распространялись дальше: он думал, что все это произведет само самодержавие, в том числе и демократическую конституцию.

В печатаемом ниже письме Александру II, написанном им в заключении *), он излагает свой план государственных преобразований, заключавшихся в организации земских советов, начиная от волостных и городских и кончая центральными. Каждая область должна иметь областной совет, который ведает делами области. Выборы в советы должны происходить на основе «представительства всех интересов — землевладельческих, сельских, купеческих» и т. д. Функции центрального совета чрезвычайно широки: он ведает областными и общегосударственными делами, финансами, войском, железными дорогами. Однако система советов не уничтожает органов государственной власти: они остаются, но превращаются как бы в исполнительные органы советов. Получается законодательный парламент наверху, опирающийся на разветвленную сеть учреждений, связанных с массами населения. Конечно, осуществление Щаповского проекта делало

*) Оригинал письма хранится в «Деле баккалавра Казанской дух. академии А. П. Щапова», б. архив III отд. собств. его вел. канцелярии, I эксп., 1861 г., № 116 л.л. 53—66. (Моск. Архив Рев. и Внешней Политики). Текст письма сообщил Е. И. Чернышев. *Ред.*

самодержавие совершенно излишним. Щапов — противник сословности и привилегий, связанных с ней; какого бы вопроса он ни касался, он непременно выдвигает принцип бессословности. Одновременно он старается придать больше экономической независимости областям. Это отразилось и на его плане финансовой реформы, которая сводилась к изменению налоговой системы и организации областных всесословных банков.

Наиболее детально и интересно им разработан проект реорганизации народного образования. Право на образование есть право каждого человека. Центр тяжести его проекта — бессословность образования, приспособление школ к потребностям крестьянства, к практическим нуждам его хозяйства, утилитарно практический уклон в высшей школе, реформа духовного образования и подготовка преподавателей из среды крестьянских детей.

Щапов был демократом и принадлежал к левому течению общественной мысли 60-х годов, но он не был революционером. Субъективно он был против революции; он — сторонник «мирных» и «разумных» реформ, так как «кровавой революцией мы не создадим народного самоуправления». Но одновременно Щапов понимал, что если реформы не будут осуществлены, то неизбежен новый взрыв Пугачевщины.

Историческая концепция Щапова и его политические взгляды ярко выражают противоречия между крестьянством («народом») и помещиком в крепостническую, «дореформенную», эпоху. По верному замечанию М. Н. Покровского, А. П. Щапов был, в подлинном смысле этого слова, к р е с т ь я н с к и м историком своего времени.

А. Сидоров.

Ваше императорское величество, всемилостивейший государь [1]). По поводу несчастного крестьянского события в Бездне много дум, много чувств и желаний пробудилось в моей душе, и во главе их — одна основная дума: о быте и судьбе русского народа в провинциях широкой империи вашего императорского величества. Примите великодушно, всемилостивейший государь, хоть не полную, но чистосердечную исповедь моих убеждений и желаний не как политический адрес — о чем боже избави меня и помыслить, — а просто как прямодушное, верноподданнейше-искреннее письмо к любвеобильному отцу народа, который требует от верноподданного прямоты слова, искренности чувства, благонамеренности желаний и действий. Я чувствую внутренний порыв только высказать свои мысли и желания, а не развивать подробные реальные планы и проекты реформ, что — не по моим способностям и знаниям и не мое вовсе дело. Убеждения и желания, какие я хочу высказать вашему императорскому величеству, накопились в душе моей вследствие изучения внутренней областной истории русского народа и долгой думы о его большей частью грустном провинциальном быте.

---

[1]) 21 мая 1861 г., ознакомившись с письмом, Александр II сделал на нем следующую помету: «Замечание Шувалова совершенно справедливо. Все это доказывает, какие в нем преобладают мысли и что за ним придется зорко следить, когда сочтем возможным выпустить его на свободу».

I.

Всемилостивейший государь. Горький опыт показывает, что крестьяне не понимают свободы в тех обязательных ограничениях, какие установлены «Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Они жалуются, что без толкования, как люди темные, неученые, они не могут понимать Положения. Следствия этого непонимания — печальные, как показал несчастный случай в Бездне и как можно судить вообще по толкам народным. Откуда же эта невозможность понимания Положения вашего императорского величества? Ясно, что от невежества, непросвещенности сельского народа. Значит, вместе с свободой нужно спешить скорее распространять в сельском народе просвещение, без которого свобода не только непонятна для крестьян, но может быть и мало производительною и во зло употребляемою. Как же скорее распространять вместе с осуществлением Положения о свободе грамотность и просвещение? Очевидно, нужны училища. А как же скоро и повсюду, по волостям и селам, основать училища, где набрать учителей, книг, и каких? Положением, между прочим, вменяется сельским обществам в обязанность устроять школы. Нельзя ли, ваше императорское величество, призвать на помощь крестьянам в этом великом деле и весь прочий русский народ, за то, что он питается земледелием крестьян, охраняется их сыновьями и родственниками, управляется насчет их податей, обстраивается их руками, тянет материалы и предметы промышленности и торговли на Волге лямкой бурлаков-крестьян, и проч.? Нельзя ли воззвать народ к учреждению во всех губерниях, в главных губернских городах, областных обществ сельских училищ, на счет земского, всесословного сбора? Можно положительно сказать, что образованные классы народа и купцы русские, большей частью происшедшие из крестьян, притом многие из крепостных, и в истории нашей показавшие хоть немногие, но уважительные примеры учреждения училищ для крестьян на свой счет, первые с сочувствием отзовутся на посильные и на щедрые пожертвования в областные банки сельских училищ, по первому воззванию вашего императорского величества. Найдутся во всех провинциях люди просвещенные и человеколюбивые, которые на правильных и твердых началах устроят систематическую организацию и состав областных обществ и банков сельских училищ. А мы, ученые, профессора и преподаватели, учившиеся благодаря особым сословным правам и привилегиям (или капиталам родителей) в гимназиях, университетах и академиях на счет народа, мы даже обязаны платить подати на сельские и вообще народные училища из своего жалованья, которое тоже исходит от народа.

Областные общества сельских школ, при посильном содействии самих сельских обществ, могли бы: 1) устроять училища как для мальчиков, так и для девиц крестьянских, по селам первоначальные, элементарные, по волостным центрам — общие для всех волостных

сел и деревень, высшие или специальные, сельско-хозяйственные, реальные школы и педагогические для образования сельских учителей; 2) основать особые педагогические училища в губернских и уездных городах для приготовления сельских учителей из сельских грамотников, влиятельных на народ, или, по желанию и выбору, способных к тому лиц из других сословий; 3) издавать учебники и популярные книги, именно: по сельскому хозяйству приспособительно к местности, по сельско-хозяйственной механике для приучения к устройству и починке искусственных сельско-хозяйственных орудий и машин; по ботанике и зоологии, применительно к местности и крестьянским нуждам и для ознакомления воспитанников, между прочим, в зоологии — с физиологическими началами рационального воспитания и употребления домашних животных, в ботанике — не только со всеми земледельческими, но и с лекарственными растениями, к разведению которых необходимо даже приучать крестьян; по физике, преимущественно раскрывая те стороны предмета, которые играют важную роль в современных открытиях и изобретениях и которые необходимы для рассеяния крестьянских предрассудков и суеверий относительно природы и, в частности, по земледельческой климатологии и метеорологии; по географии и истории, преимущественно русской, обращая особенное внимание на историю сельского народа в связи с городским и на сельско-хозяйственную и торгово-промышленную географию России; по технологии и химии, приспособительно к сельскому хозяйству; по законоведению, преимущественно относительно крестьян, по нравственно-христианскому учению, не искореняя при этом, а облагораживая и возвышая природные сельско-русские нравы, обычаи и привычки, не противоречащие просвещению; по словесности русской, преимущественно народной, и по другим наукам, нужным и полезным в сельском быту. Наконец, общества могли бы отправлять за границу даровитых крестьянских детей или привыкших к дальним отлучкам способных молодых крестьян, с руководителями, для ознакомления с устройством, приемами, способами, орудиями и машинами заграничного сельского хозяйства. Для училищ крестьянских девиц общества народных школ также могли бы образовать учительниц из крестьянских же девиц или из пожелающих из других сословий, напр., из сирот, из дворянок, имеющих сельские земли. Учительницы эти, кроме преподавания элементарных знаний и нравственно-гуманных начал воспитания, общих с мальчиками, учили бы девиц домохозяйству, разным мастерствам, садоводству и цветоводству для умягчения и облагорожения чувств и вкуса будущих воспитательниц молодого крестьянского поколения, смягчали и гуманизировали бы их семейные отношения и привычки и обращение в общежитии, не искореняли, а облагораживали бы невинные сельские увеселения, напр., хороводы— эти живые, поэтические картины естественной социальности и сближения полов смолоду для здорового увеселения среди леса, среди зелени.

Я невольно увлекаюсь, всемилостивейший государь, этою здоровою, свежею натуральностью сельских нравственных начал, потому что болею о их неразвитии, необлагорожении просвещением... А сколько бы свежих, здоровых, мощных творческих сил ума, энергии, практичности, изобретательности, здравого смысла и даже гениальности, оригинальных начал искусства, поэзии и слова русского внесли бы в общую сумму умственного капитала и производительности русского народа эти многочисленнейшие и разнообразные в этнографическом отношении сельские массы народа, если бы в одно время с признанием их политических прав и улучшением быта училища по всем провинциям, волостям и селам сзывали их молодые поколения к просвещению! Тогда бы [1]) не только земледелие и разная сельская промышленность стали рационально и наиболее производительно развиваться, не только скорее сближалась бы ценность сырых сельских материалов с ценностью обработанных продуктов из них, и из сел стали бы развиваться города естественным, свободным фабрично-промышленным и торговым путем. Тогда бог дал бы нам целый ряд таких самородков, как Посошков, Ломоносов, Кулибин и еще лучших. И русские скорее сами стали бы отличаться изобретениями вроде пароходов, железных дорог и телеграфов.

Просвещение по естественному праву должно быть всенародное, должно быть неотъемлемым достоянием каждого человека в обществе, как и ум — неотъемлемая принадлежность каждого человека. Училища должны быть также в каждом селе, как и церкви и хлебные магазины и мирские избы. А у нас просвещение и училища составляют еще какую-то кастальную монополию городских корпораций, самых малочисленных, привилегированных сословных каст. Огромное большинство народа доселе лишено было не только средств, но, большей частью, даже и самых прав на просвещение. Из 70 миллионов жителей России умеющих читать едва ли наберется больше 4 миллионов. Просвещение преимущественно сосредоточено в городах. Но и в городах, в 5-ти с половиной миллионах жителей, гораздо больше половины еще не знают грамоту, а в селах и миллиона, кажется, не насчитается грамотных. Между тем, сколько дарований, чувствующих все благо просвещения, гибнет в глуши сел и деревень, особенно в отдаленных провинциях! В Сибири я встречал между крестьянскими парнями и девицами, в глуши залесных деревень, замечательные примеры даровитости. И по собственному опыту и по наблюдению других знаю, что дети крестьян и вообще рабочего класса, если попадали в училище, то по большей части оказывались полновеснее головой и дельнее по занятиям многих папенькиных и маменькиных сынков.

В нравственном и политическом отношении вековое лишение сельских масс народа просвещения, оставление его самому себе, на произвол доморощенных грамотников, сопровождалось своеобразными суе-

[1]) Далее зачеркнуто: «бог дал бы нам».

верно-религиозными и мистико-демократическими учениями. С времени Петра Великого до имп. Александра Благословенного, не исключая и Комиссии народных училищ, учрежденной имп. Екатериной II, ничего не сделано было для просвещения сельских масс. И сельский народ через все XVIII столетие и первую половину XIX перенес в своих верованиях, понятиях и образе жизни то же невежество, тот же мифологический образ мировоззрения, те же суеверия, с какими был в древней России. Оставленный самому себе в области умственного мрака, преданный исключительному влиянию своих грамотников, он с половины XVII века предался разным своим суеверным учениям и толкам, которые затмили и затмевают доныне умы большей части сельского народа. А когда на сельские массы народные налегло всею тяжестью многосложное и разнообразное тягло правительства по случаю преобразования Московского государства во всероссийскую империю и возложена была преимущественно на сельский народ вся механическая работа в деле громадных, радикальных реформ Петра Великого, когда настали почти ежегодные (а иногда и двукратные в год) рекрутские наборы, поглотившие в одной великой России с 1718 г. в течение 50 лет 1.132.000 рекрут, т.-е. 6-го человека из положенных в подушный оклад, и в какие-нибудь 5 лет в начале царствования Екатерины II в семь наборов — 327.044 чел., кроме церковных причетников, когда Бироновщина изгоняла из России многие тысячи народа, когда усиливалось крепостное право, возрастали до обременительности государственные подати и налоги, а в провинциях господствовал деспотизм военного начальства, тогда беглые солдаты, крепостные, крестьяне, не хотевшие или не могшие платить податей, стали проповедывать самые злые мистико-демократические учения, вроде учения бегунов, ниспровергавшего и доныне ниспровергающего в апокалипсических формах весь государственный порядок России, развившийся со времени Петра Великого, начиная от самодержавия и [1]) Государственного Совета и до последнего суда. И темные сельские массы увлекались и увлекаются этими учениями. Вот что сделало оставление сельского народа в умственной жизни самому себе, среди одних тяжких работ, податей и повинностей, рабства и угнетения. Эта горькая ошибка старых времен теперь может искупиться только дарованием народу гуманного просвещения вместе с удовлетворительной для него благоустроенной свободой.

II.

Мысль о сельских школах невольно наводит и на мысль о городских учебных заведениях. С примирением интересов дворян с интересами крестьян, с предпринимаемыми реформами духовно-учебных учреждений, с сильным приливом в университеты воспитанников из всех сословий приходит, кажется, пора положить предел сословному разъединению земства, народа, какого разобщения не было в древней

[1]) После этого следует зачеркнутое «Сената или».

России. Развившись со времени Петра Великого, оно дошло до кастальной разрозненности и даже взаимного антагонизма сословий, чрезвычайно мешающего общему дружному стремлению к общественному благоустройству. Учреждение бессословных низших земских или народных училищ в городах, соединение семинарий с гимназиями в качестве средних бессословных народных училищ, или же безразличное свободное поступление по свободному желанию и выбору детей духовного звания в гимназии, а светских в семинарии, которые непременно должны быть преобразованы сообразно с общественными потребностями, введение богословских факультетов в университетах, с уничтожением в таком случае духовных академий или же рациональное преобразование нынешних духовных академий в общенародные богословские факультеты, доступные для всякого желающего в них учиться, без различия сословий, наконец — свободный выбор духовного служения, равно позволенный как детям духовного происхождения, так и мирянам, получившим богословское образование и чувствующим призвание к духовному служению, что предлагал еще Волынский, кабинет-министр при имп. Анне Ивановне, — все это могло бы, кажется, мало по малу объединить сословия, уничтожить их кастальную разрозненность. И духовные и светские науки стали бы развиваться дружнее, взаимно вспомогательнее и полнее, без того духа нетерпимости, исключительности, даже вражды, который доходит иногда в духовных науках до ультрамонтанского фанатизма и ригоризма в отношении к университетским наукам, а в университетских — до презрения к духовным наукам. Принужденное, сословно-кастальное, замкнутое образование, основанное на родовом, наследственном начале, составляет одну из главных причин недостатка ревностных, глубоко-убежденных, неизменно верных своим обязанностям деятелей в жизни, в различных сферах общественной службы. Напр., сын священника или дьячка, по заведенному обычаю, по закоренелому желанию отца или по принудительному приказу чрез благочинного, отданный в семинарию, там обнаруживавший способность только к какому-нибудь ремеслу, напр., все учебное время шивший за классной партой сапоги или брюки, очевидно, является худым попом. Студент, посланный правлением семинарии в духовную академию против воли или и сам собой в академии почувствовавший больше любви к историко-филологическим или другим каким-нибудь университетским наукам, чем к богословским, что ныне бывает сплошь и рядом, такой студент, очевидно, не может быть усердным, трудолюбивым и исправным учителем какой-нибудь богословской науки в семинарии, нейдет ни в священники, ни тем более в монахи, и скоро выходит на светскую службу или даже в купцы.

Полный цикл учебных учреждений для бессословного образования просвещенных граждан и людей с правом свободного бессословного выбора различных сфер общественной жизни, службы и деятельности, мне представляется в такой естественной последовательности.

Первую степень составляли бы первоначальные, общесословные, приходские училища во всех губернских и уездных городах. Здесь пробуждались бы и гармонически развивались бы душевные способности мальчиков, сообщались бы начала гуманного развития, человечности, и преподавались элементарные, необходимые всякому человеку знания: грамматика, арифметика, знание главных истин христианского учения, преимущественно нравственного, знание главных обязанностей гражданина, знание главных начал физики, естественной истории, географии, истории, преимущественно русской, словесности, искусства и поэзии и пр. Между прочим, в этих первоначальных училищах обращалось бы внимание на преобладающие способности и наклонности детей, если бы они обнаруживались. Затем, несколько развитые уже воспитанники без сословного различия могли бы по своим способностям, по собственному ли влечению и выбору, или по руководительному указанию родителей и наставников, поступать в общесословные училища второй степени: одни, кто пожелает, в общесословные гимназии для получения классически-цельного, энциклопедического научного образования, необходимого для приобретения общественного значения в частной или гражданской службе и деятельности; другие могли бы свободно поступать, кто пожелает, без различия сословий, в общесословные семинарии, если бы они не были соединены с гимназиями, для приготовления к духовному сану или к духовной учебной службе; третьи — в различные практические, реальные училища: коммерческие, ремесленные, механические и прочие, которые должны быть учреждены во всех губернских и уездных городах параллельно с общесословными гимназиями и семинариями, сообразно с естественным, свободным, а не кастально-сословным разделением свободного труда и согласно с разнообразием практических человеческих способностей и житейских материальных потребностей общественной гражданственности. Наконец, высшую, окончательную степень народно-образовательных учреждений в главных губернских городах составляли бы общесословные университеты и общесословные духовные академии, если бы они не были соединены с университетами, и общесословные высшие реальные институты, которые бы сосредоточивали в себе все средние реальные школы с разделением на факультеты: коммерческий, ремесленный и т. д.

В средних и высших учебных заведениях для побуждения воспитанников к серьезной основательной подготовке к общественной службе и деятельности, к неизменной верности началам просвещения в жизни, к твердому и неуклонному исполнению общественных обязанностей, полезно было бы, кажется, усилить конкуренцию на выгодные и почетные места, права и привилегии, с условием выдержки строгих окончательных экзаменов, и ввести гласную публикацию от советов учебных учреждений перед обществом об особенно даровитых и трудолюбивых воспитанниках, обещающих хорошие плоды на поприще общественной деятельности и проч., и наоборот.

В высшей степени желательно и необходимо умножение университетов в России, которые современем, мне кажется, должны быть в каждой провинции, так же, как в каждой губернии ныне есть губернские правления и другие присутственные места. Некоторые провинции уже довольно давно выражают гласно свою нужду в университете. Напр., для Восточной Сибири чрезвычайно нужен университет в Иркутске и по отдаленности от русских университетов и по причине весьма сильного стремления к просвещению не только детей чиновников, купцов, мещан, но и бурят — племени весьма смышленного, из которого вышел известный ученый Банзаров; дети бурят весьма хорошо учатся в семинарии, в гимназии, даже в университете. Основание университета в Иркутске «было предположено», как писали в «Московских Ведомостях» еще в 1855 г. В газете «Амур» писали, что мысль об университете занимает не только общество иркутское, но и начальство. Есть, говорят, уже и пожертвования порядочные на университет (от Демидова 10.000 рублей).

III.

Всенародное образование необходимо для того, чтобы из всей массы народа выходили на поприще общественной службы и деятельности люди избранные по дарованиям ума, по просвещению, по честности, по глубине, истинности и твердости убеждений, и эти только избранные люди стояли во главе народного управления, суда, просвещения и порядка. История русского народа в нашем сердце питает веру и надежду, что рано или поздно для русского народа должна наступить пора политического самосознания и за ней — политического самоуправления. После дарования политической свободы и самоуправления крепостному сельскому народу, кажется, уже не преждевременно будет заботиться вместе с умственным и нравственным сближением сословий в интересах общего просвещения и о политическом объединении их [1]) и о постепенной правительственной подготовке их к представительству своих интересов.

Всемилостивейший государь! Верноподданнейше прошу ваше императорское величество великодушно выслушать, если я откровенно выскажу не новую и не свою исключительно мысль, внушенную мне историей, а довольно давнишнюю и общую в образованных классах — мысль о желаемом народном контроле над провинциальным губернским управлением. С тех пор как только учреждены были в эпоху развития московской централизации приказные власти в присоединенных к Москве областях, с тех пор до XVIII века областные общины громко и смело протестовали против установления приказного начальства, гласно, откровенно изображая все его насилия и стеснения для областной, местной жизни, то в общинных челобитных своих, то на земском соборе, то в бунтах, которые обнаружились почти во всех городах

[1]) Следует зачеркнутое «сословие».

XVII века и направлены были против «начальных людей», против наместников, волостелей (в XVI в.), воевод и приказных людей (в XVII в.). Многие городские и сельские общины выпросили себе уставные грамоты на право удаления приказных властей и на установление излюбленных выборных земских голов. На Азовском соборе 1642 года купцы сильно протестовали перед царем против воевод, говорили, что «прежде их в городах не было, посадские и торговые люди сами судились меж себя, и оттого в торговле не было той остановки и убытков, какие везде производили воеводы». В конце XVII века особенно ужасны были вопли народа против областных начальных людей. В XVIII веке учреждения для управления губерний, начавшиеся с 1708 г., постоянно переменявшиеся с чрезвычайной запутанностью до 1775 г. до «учреждения для управления о губерниях» Екатерины II, также не внесли в провинции надлежащего народного довольства и благоустройства, как видно из жалоб самой имп. Екатерины, из записок Щербатова и Державина, и к началу XIX столетия уже оказывались неудобными, требовали перемены. Государственный канцлер, гр. Воронцов, в «Примечаниях на некоторые статьи, касающиеся до России», представленных имп. Александру Благословенному, писал: «решилась имп. Екатерина внутреннему управлению дать некоторым образом новую форму, издав учреждение для управления губерний. Нельзя не признать, чтоб оно не шло (хотя несколько и излишних судов [1]) наделано было) на внутренние российские губернии, где многого недоставало; но едва ли была нужда распространять оное на присоединенные и завоеванные нами провинции, кои имели у себя более устройства, нежели внутри России, или на азиатские, коим по пространству земель их и по образу жизни и нравов тамошних жителей таковое управление несвойственно и неудобно. Но сие учреждение о губерниях стало уже весьма ослабевать в последние годы самой учредительницы оного. Непомерная роскошь, послабление всем злоупотреблениям, жадность к обогащению и награждения участвующих во всех сих злоупотреблениях довели до того, что и самое учреждение о губерниях считалось почти в тягость, да и люди, едва ли уже не желали в 1796 г. скорой перемены». В 1818 г. министр внутренних дел Козодавлев в записке своей, поданной имп. Александру Благословенному, мрачными чертами описав самовластие начальников губерний, особенно в отдаленных провинциях, предлагал мнение, чтобы ограничить самовластие начальников губерний губернскими магистратами или городовыми правительствами, ссылаясь при этом на благодетельные опыты таких учреждений в Европе.

Не может ли быть принято во внимание, всемилостивейший государь, это мнение министра Козодавлева и ныне, чтобы публика больше не потешалась в литературе такими произведениями, как «Ревизор», «Губернские очерки», «Полицеймейстер», чтобы новый ген.-губернатор, подобно гр. Амурскому, не помышлял воцариться в Восточной Сибири,

[1]) Далее зачеркнуто «произошло».

как гласит иркутская летопись о его деяниях, чтобы предводители губернского дворянства, головы дум не тягались с губернаторами? Если еще не пришло время для полного областного самоуправления, основанного на начале местных бессословных выборов в общественные должности, начиная с губернатора до последнего полицейского, и гарантированного круговой порукой, — то, кажется, возможно уже в параллель сельским и волостным сходам, учреждение городовых депутатских собраний или всегородных, всесословных дум, где бы выборные советники или депутаты были от всех городских обывателей: от дворянства, от ученого сословия, от купечества, от мещанства, от ремесленных классов, от духовенства. Этим городовым правительствам или думам принадлежал бы контроль над административною, судебною и полицейскою распорядительностью и деятельностью губернских учреждений, над исполнением ими законов, над сбором городских податей и отправлением повинностей, принадлежала бы инициатива в деле общественных городовых улучшений и полезных для городов предприятий, в распределении городовых сумм, с точным сообразованием предметов городовых бюджетов с местными жизненными обстоятельствами и потребностями, при публичных прениях и отчетности о городовых суммах, высшая ревизия которых принадлежала бы отчетности министерства внутренних дел и проч. Права, пространство и правила деятельности всегородных дум или собраний определились бы в точности при самом учреждении.

IV.

Даруйте мне, всемилостивейший государь, еще великодушного снисхождения. Не могу не высказать и другое мое историко-политическое мнение об областном общественном благоустройстве.

При громадной обширности Всероссийской империи, при географическом и, особенно, этнографическом разнообразии и отдаленности многих провинций — нескоро и не во всей полноте и правде доходят, длинным бюрократическим путем, а иногда и вовсе не доходят, до сведения вашего императорского величества известия о несчастных провинциальных событиях, о страданиях, нуждах и желаниях народа. А когда дойдут эти известия до сведения вашего, то большей частью уже предварительно на бюрократических путях и переходах запутаются, исказятся, усложнятся хитросплетенным делопроизводством, так что нужна ревизия за ревизией, которую, ожидая недели две или месяц, провинциальные бюрократы, руководясь инстинктом самосохранения, враждой или дружбой или подкупом, еще более замаскируют подлинное дело, хотя бы оно вопияло к небу за кровь народа.

«Стон и слезы жителей отдаленных провинций, страдающих от самовластья начальников губерний, — писал министр Козодавлев в вышеупомянутой записке, — не слышны в столице, а когда услышатся, тогда страждущие уже изнемогут в страдании». Провинциальный народ, удаленный и заслоненный от престола правосудия, благости и мило-

сердия непроходимыми путями провинциальных бюрократических инстанций и неприступными преградами в столице, бедный народ отчаивается в доступе к единственному защитнику — государю — с самой вопиющей правдой. Один крестьянин мне говорил: «ах, если бы бог привел кому-нибудь, хоть тебе, сказать царю за нас хоть одно словечко: дай ты, господи! Да где, поди, не допустят; кабы много вас было, дак, пожалуй, мы бы и обществом подали прошение царю, да где... все боимся, говорить-то не велят». Сколько раз в провинциях повторяется пословица при виде вопиющих несправедливостей: «до бога высоко, до царя далеко»!

Всемилостивейший государь. Как бы убавить в глухих захолустьях отдаленных провинций вздохи и стоны разоряемых от грабежа сильных, обидимых и беззащитных на суде, в присутственных местах, в барских дворах, беспомощных в болезнях и нищете, умирающих с голоду!.. Как бы сделать так, чтобы, какая провинция о чем болит, та о том и говорила бы.

История русского народа, родная наша учительница, подсказывает мне один опыт наших предков, который уважали государи цари Иван Васильевич Грозный, Михаил Федорович и Алексей Михайлович, — опыт областного народосоветия перед царями, который, кажется, не худ был по своему принципу и практическому значению. Именно, царь Иван Васильевич Грозный, в борьбе с боярством и олигархическим вельможеством, вследствие жалоб областных общин на наместников и волостелей, уважая голос их и старинную привычку к земско-областному самоуправлению, дал многим областным общинам городским и сельским вместе «у с т а в н ы е г р а м о т ы», которыми, согласно с их просьбами, подробно определялись выбор, права и обязанности «и з л ю б л е н н ы х г о л о в, старост и судей, кого меж себя излюбят и выберут». Общины эти после того жили спокойно, при новых царях просили подтверждения уставных грамот. Потом, в Смутное время, когда произошла, по выражению актов, «рознь всех великих царств и государств великого Московского царствия», в каждой областной общине, по старинному обычаю, происходили местные «земские советы», состоявшие из городских и волостных людей вместе. Эти областные земские советы спасли Россию от распадения и погибели, порешивши все единогласно быть всем областным общинам, по подлинным их выражениям, как «г о с п о д а м б р а т ь я м, в л ю б в и, в с о в е т е и в с о е д и н е н и и» и «с т о я т ь з а-е д и н о, о б щ е» против польских и литовских людей, против олигархических притязаний бояр и против буйных военно-демократических стремлений казаков. По общему решению областных земских советов явились, по выражению актов, «в сходе все города» под Москву, и на великом Московском земском соборе 1613 г. через выборных «лучших и разумных людей всяких чинов», не исключая и мурз татарских, избран был царь Михаил Федорович, как сказано в актах, «в с е ю з е м л е ю», по записи, какая учинена «п о с о в е т у в с е й

з е м л и». Из областных общин от местных земских советов посылались, по вызову царей и по совету московских бояр и духовных властей, «выборные добрые и разумные русские люди всяких чинов в Москву на земские соборы для совещания об общих земских делах всех областей». На этих соборах народ, чрез избранных своих представителей, высказывал царям всю областную правду. Особенно замечательны практически-здравыми, прямыми, коротко-ясными и безбоязненно-беспристрастными речами и советами различных областных выборных земские соборы 1642 и 1649 годов.

Всемилостивейший государь! Если в «Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» восстанавливаются древние начала устройства вольных сельских обществ и волостей, господствовавшие в эпоху свободного перехода крестьян, восстановляются древние сельские и волостные сходы, уставные грамоты землевладельческие, вольные переселения и колонизация на льготе и с подмогой, то не заслуживают ли восстановления древне-русские областные всесословные, земские советы и центральные земские соборы? Англия сохранила же средневековые начала и формы своих свободных учреждений, которые, очистившись, окончательно организовавшись в революцию 1688 г., теперь составляют незыблемую основу ее политического прогресса. И наши областные советы и центральные земские соборы, которые также назывались и советами, сохраняя только принцип, данный естественно-историческою, природною жизнью нашего народа, могли бы организоваться не в грубых формах XVII века, а по стройному, систематическому плану просвещенного правительства XIX столетия. Они могли бы существовать или в форме временных собраний областных депутатов (депутатских собраний) по призыву государя, или в определенные сроки в год, или в качестве постоянных институций. Выбор депутатов на областные советы должен быть местный, в каждом областном городе, в каждой волости, и должен быть основан на идее представительства всех интересов — землевладельческих, сельских, купеческих, ремесленных, ученых, духовных и проч. Выбор депутатов в центральные земские советы или соборы должен принадлежать областным советам. Областные земские советы обсуждали бы дела, нужды и потребности местного народонаселения, имели бы народный контроль над действиями областного управления, суда и полиции, обсуждали бы и приискивали меры к улучшению экономического, умственного и нравственного быта областного населения, сообщали бы материалы и данные для законодательства самодержавной власти относительно своей области, распределяли бы по писцовым и окладным книгам, по количеству поземельной собственности, промыслов, угодий и проч. подати, имели бы инициативу в распределении и употреблении областных доходов на местные нужды, представляли бы областные сборы на общие государственные потребности в центральные места и проч. Центральные земские советы или соборы обсуждали бы общие дела государства, представляли бы интересы и нужды

провинций, давали бы отчет государю об областных сборах, бюджетах, сообщали бы материалы для общего законодательства, обсуждали бы вопросы о путях сообщения, о провинциальном направлении железных дорог и телеграфических нитей, об устройстве войска и т. п.

В способности крестьян, ремесленников и вообще рабочих классов к представительству своих интересов нельзя отчаиваться. Везде найдутся такие крестьяне и ремесленники, которые умнее, практичнее, яснее иного ученого выскажут интересы своей братии, своего быта, глубоко прочувствованного, горько пережитого. Да и собственные их интересы побудят их учиться и приготовляться к представительству в советах. Сельские и волостные сходы также могут быть предварительной практической подготовкой крестьян к представительству на областных советах и земских соборах. Впрочем, за низшие, непросвещенные классы народа на первых порах могут быть представителями и люди просвещенные, которые бы непосредственно входили в быт и нужды народа, которому служили бы.

V.

При всенародной нужде в капиталах для оживления и усиления экономического развития провинций, для возможного уравнения или более или менее правомерного распределения в массах способов производительности, богатства и благосостояния, необходимо основать областные земские банки или кредитные компании, общинные, всесословные, где могли бы быть все вкладчики и все заемщики, и производительность и погашение ссуд гарантировались бы местною, общинною круговою порукою. Еще знаменитый Мордвинов признавал необходимым учреждение земских или частных банков в главных провинциальных городах. Областные земские банки содействовали бы усилению в провинциях производств, улучшений и предприятий торговых, заводских, фабричных, земледельческих, ремесленных, общественно-образовательных, давали бы средства к нахождению и разработке местных материалов, вызывали бы много новых деятелей, богатых знаниями, силами, духом предприимчивости и деятельности, которые теперь, за отсутствием средств, остаются в недеятельности или имеют деятельность мало производительную, в ущерб народного обогащения. Областные банки помогли бы крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости, выкупить усадьбы и земли, помогали бы уплачивать государственные подати, улучшать земледелие введением искусственных орудий и машин, умножением хозяйственных растений и доброкачественным производством их. Областные банки устранили бы неудобства и вред непомерной экономической централизации, господствующей у нас. Централизация капиталов, кредита и вместе с тем способов производительности и благосостояния областных масс парализует силы местного труда, останавливает живое, свободное и всестороннее развитие экономического благосостояния

провинций и вообще оказывается неудобной и вредной для провинций, как показал опыт централизации поземельного кредита во Франции, после слития департаментских кредитных компаний с центральным привилегированным парижским банком (Crédit foncier de France) и как находят добросовестные современные экономисты, напр., Горн. Напротив, при локализации кредита провинциальные банки, стоя и действуя посреди сельского и городского народонаселения, быстро мотивировали бы вперед развитие местных экономических сил и данных, в своих операциях принимали бы в уважение все местные и личные обстоятельства производительного или непроизводительного употребления занятого в банке капитала, что весьма важно для гарантии уплаты долга кредитному учреждению и для поддержания и развития областного кредита.

VI.

Всемилостивейший государь! Наконец, и темная жизнь провинциальная и мысль народная просятся к свету, к гласности, к свободе слова и печати. Необходимость и пользу гласности для общества и для правительства не нужно доказывать: она очевидна. Нужду в гласности начинает чувствовать даже и простой народ. В Казани я слышал, что и дворовые собирали факты об обидах и несправедливостях помещиков, чтобы сделать их гласными. Знакомые мне купцы с радостным сочувствием отзывались о зачатках гласности в журналах и газетах. Во время пасхи несколько купцов в гостинице спросили «Казанские Губернские Ведомости». Один из них на требование их заметил: «да что тут читать: небось, про то не напишут, как в Бездне мужиков расстреляли, али как губернатор...» и проч. Разумеется, по неразвитости сознания и понятий в массах, гласность должна иметь известные пределы, именно относительно христианской веры и церкви и монархического государственного устройства.

Нельзя ли, ваше императорское величество, сделать так: учредить в собственной его имп. вел. канцелярии особый цензурный комитет, или одного цензора и дозволить представлять туда, на имя вашего императорского величества, все сочинения и статьи либерально-политические, касающиеся преобразования государственного порядка в России или тех или других сторон его, все либеральные планы и проекты, все публицистические статьи, касающиеся церковных и политических реформ в России. Секретное представление либеральных сочинений о России на имя его имп. вел., в собственную его имп. вел. канцелярию, устраняло бы возможность их распространения в массах, неподготовленных к ним, давало бы мирный и отрадный исход политической мыслительности в России. Между тем, сочинения такого рода могли бы быть с пользой принимаемы в соображение и в деле правительственных реформ; затем уничтожить цензуру, дозволить полную гласность и свободу печати, всякое сочинение, всякую статью предоставить на личную ответственность самого автора.

Всемилостивейший государь! Не смею более распространяться. Сознаю, чувствую, что я утрудил внимание вашего императорского величества и, быть может, оскорбил убеждения вашего государственного ума, и тем, что высказал, может быть, много неразумных, ошибочных, непрактичных своих убеждений и желаний. Верноподданнейше прошу всемилостивейшего прощения во всем. Высказанных убеждений я никому не желал навязывать, нигде не распространял, а дерзнул выразить только пред отечески-снисходительным вниманием вашего императорского величества, как прямодушный верноподданный. Да не будет сказанное мною в суд и в осуждение мне, сказанное от прямоты души, из глубокого желания улучшения быта всего народа!

Всемилостивейший государь! Верноподданнейше прошу еще раз: великодушно даруйте мне прощение и свободу для мирного, скромного занятия наукой в каком-нибудь уголку в Петербурге, для напечатания сочинений, для приобретения содержа[ни]я, которого я теперь лишился, с удалением от должностей, до нищеты, и для излечения болезни, меня мучащей. Милосердно даруйте мне прощение и свободу, всемилостивейший государь, если не для меня самого, то для помощи моим старым родителям: отцу—65-летнему пономарю, матери—крестьянке родом, 67-летней старухе, 4 бедным сестрам. Теперь я мучусь желанием выработать что-нибудь для бедных родителей. — Да сбудутся хоть некоторые мои добрые думы о русском народе и слова моей матери-крестьянки, которая, со слезами напутствуя меня из далекой, за-Ленской деревушки в Россию своим благословением, крестиком да самодельной толстой холщевой рубашкой с мотком ниток и иголкой, да маленьким отрубком кирпичного чаю, с горькими слезами сказала мне в последний раз: «думай, Шонюшка, добро, делай добро, добро и будет».

Вашего императорского величества верноподданнейший

Афанасий Щапов.

К истории „Земли и Воли“ 70-х годов.

(Программа тамбовского поселения землевольцев.)

Публикуемый ниже документ воспроизводится по копии, сохранившейся в производстве секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора 1879 г., № 524, «О взрыве царского поезда на Московско-Курской железной дороге 19 ноября 1879 года» (т. I, л. л. 279 — 280). История этого документа такова.

Неудачная попытка народовольцев взорвать царский поезд поставила на ноги всю московскую полицию. В скором времени ей удалось выяснить, что ближайшее участие в этом террористическом акте принимал Л. А. Гартман, до приезда в Москву проживавший по подложному паспорту в Тамбовской губернии. Удалось установить и некоторых лиц, с которыми Гартман, проживая в Тамбовской губернии, находился в ближайших отношениях. 24 декабря 1879 г. в Петровской академии было арестовано одно из этих лиц, бывший студент Харьковского ветеринарного института, Эдуард Карлович Пекарский, незадолго до того приехавший в Москву из Тамбовской губернии. В связи с арестом Пекарского жандармами был произведен обыск в студенческой столовой, помещавшейся на даче Петровой в Петровских выселках. Во время обыска были найдены нелегальные издания и несколько рукописей, частью писанных рукою Э. К. Пекарского. Последний при допросе, не отрицая, что некоторые рукописи написаны его рукою, отказался дать по поводу их какие-либо объяснения. В числе рукописей, найденных на даче Петровой, была и та, которая воспроизводится нами ниже.

Как Л. А. Гартман, так и Э. К. Пекарский принимали участие в тамбовском поселении землевольцев. Поселение это стало устраиваться с весны 1878 года. Кроме названных только что лиц, в нем участвовали: М. В. Девель, О. В. Аптекман, С. А. Харизоменов и его жена, Ю. М. Тищенко, А. А. Хотинский, Н. Мощенко, супруги Новицкие, Н. П. Архангельский, Н. П. Любов и некоторые представители местной интеллигенции, преимущественно из народных учителей [1]). Все эти лица, за исключением Девеля, расселились по деревням в качестве волостных писарей, фельдшеров, учителей и т. п. Девель же жил в Тамбове, где он служил в обществе взаимного кредита, и представлял собою центр, объединявший деятельность всех пропагандистов.

Э. К. Пекарский в своих воспоминаниях [2]) пишет: «На одном из собраний тамбовских пропагандистов, состоявшемся, кажется, у Ф. М. Снегирева [3]), была выработана

[1]) О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х годов. П. 1924 г., стр. 323 Ср. его же статью «Черный передел» в I т. «Памятников агитационной литературы». М.-П., 1923 г., стр. 81.

[2]) «Каторга и Ссылка», 1924 г., № 4, стр. 83.

[3]) Ф. М. Снегирев в конце 1878 или в начале 1879 г. ненадолго приезжал в Тамбов. О нем см. в воспоминаниях Э. К. Пекарского, стр. 80—82.

более или менее подробная программа нашей деятельности. Составлена она была главным образом при участии М. В. Девеля, как более других подготовленного и теоретически, и практически и пользовавшегося авторитетом в качестве старшего по возрасту. Первой практической задачей нашей было нащупывание между крестьянами более сознательных людей, тоже будущих пропагандистов в крестьянской среде, и затем, по достаточной подготовке их, — образование земледельческих артелей для борьбы с помещиками на экономической почве; имелось в виду добиться того, чтобы, помимо артели, помещик не мог найти себе рабочих. Такими артелями предполагалось заполнить все уезды губернии и затем постепенно перенести пропаганду и в соседние губернии».

Ознакомление с публикуемым нами документом дает полное основание предполагать, что он является как раз той программой, о которой писал в своих воспоминаниях Э. К. Пекарский [1]).

Как видно из тех же воспоминаний, программа эта являлась продуктом коллективного творчества; она обсуждалась и утверждалась на специальном собрании тамбовских пропагандистов; большую роль в составлении ее играл М. В. Девель [2]).

Воспоминания Э. К. Пекарского дают возможность установить более или менее точно и время составления публикуемого нами документа. Если принять во внимание, что Э. К. Пекарский приехал в Тамбов в конце 1878 г., то можно с уверенностью отнести составление тамбовской программы к концу этого года или к началу следующего. Как известно, в 1879 г. тамбовское поселение перестало существовать: часть его членов, в том числе и Девель, была арестована, остальные уже разъехались из Тамбовской губернии.

Публикуемый нами документ представляет, по нашему мнению, весьма значительный интерес для истории нашей революционной мысли 70-х годов. Он до известной степени освещает переломный момент в истории революционного народничества, характеризующийся идейным расхождением между «деревенщиками» и городской частью землевольцев, и дает возможность выяснить, как сами деревенщики-практики понимали свои задачи в деревне.

Опыт массового «хождения в народ» в «безумное» лето 1874 года убедил пропагандистов в том, что так называемая «летучая пропаганда» т.-е. пропаганда странствующего по деревням и агитирующего среди встречных мужиков революционера, не приводит абсолютно ни к каким результатам. Чтобы проповедь революционных идей была бы продуктивной, ей надо придать длительный характер. «Предыдущий опыт нас научил, — рассказывает О. В. Аптекман, — что кочевая, летучая форма

---

[1]) Сам Э. К. Пекарский, которого я ознакомил с содержанием публикуемого документа, в письме ко мне пишет: «Что касается рукописи «Наша цель», то по содержанию и задачам она похожа на то, что было выработано в Тамбове, но в моей памяти все это представлялось гораздо короче, особенно устав».

[2]) В письме ко мне Э К. Пекарский сообщил: «Боюсь впасть в грубую ошибку, но в моей памяти зафиксировалось, что автором рукописи должен был быть М. В. Девель; он первый познакомил меня с программой и уставом, с которыми я согласился и в духе которых обещал действовать. Думаю, что Девелю помогал С. А. Харизоменов, служивший волостным писарем в тамбовском уезде под фамилией И. Д. Федорова». В цитированных выше воспоминаниях Э. К. Пекарский сообщает, что на собрании, обсуждавшем программу, присутствовал и приехавший в то время в Тамбов Ф. М. Снегирев, и пишет: «В выработке этой программы Ф. М. играл, конечно, не последнюю роль» (стр. 81).

революционной деятельности в народе — пропагандистская или агитационная — все равно, не достигает своей цели, а потому ее надо оставить. Наша предстоящая работа в народе обязательно требует, чтобы мы, наоборот, солидно утвердились в деревне, крепко засели в ней. Это привело к устройству революционных «поселений» в народе» [1]).

Таким образом опыт научил, что необходимым условием для успешности революционной пропаганды среди крестьянства является длительное воздействие пропагандиста на крестьянскую массу. Пропагандисту необходимо поселиться в деревне на продолжительное время, приобрести уважение со стороны местных крестьян, завоевать их доверие и заставить их считаться со своим мнением. Другими словами, пропагандист должен стать своим человеком в той местности, где он поселился, или, говоря словами А. А. Квятковского, «гражданином этой местности» [2]). Выбрав для поселения какую-нибудь местность, предпочтительно такую, относительно которой, казалось, были основания предполагать, что в ней традиции крестьянского протеста еще не заглохли, землевольцы селились в ней, заводя различные мастерские, фермы, лавочки, мельницы, маслобойни и т. п. или занимая должности волостных писарей, учителей, фельдшеров, врачей и пр., — и начинали «завоевывать доверие» местного населения. Для этого, а также для того, чтобы придать своим поселениям длительный характер и обезопасить их от полицейского разгрома, землевольцам приходилось соблюдать строжайшую осторожность, строго придерживаться на первых порах легальной почвы и не сразу приступать к выполнению тех чисто-революционных задач, для разрешения которых устраивались поселения, т.-е. к подготовке народного восстания. Недошедшая до нас программа «Земли и Воли» подробно указывала революционные задачи, стоявшие перед участниками поселений. А. Д. Михайлов в своих показаниях на следствии формулировал эту часть программы землевольцев в следующих положениях:

«Устройство в народе в возможно большем числе постоянных поселений с целью сближения с крестьянством, отыскания вожаков народных и сплочения их во имя достижения «Земли и Воли» для более единодушного действия. При этом по возможности расширение их мировоззрения.

«С помощью поселений и другими возможными способами принятие участия в местных движениях, при чем стараться организовать движение, расширить его и выставить требование «Земли и Воли». Подобные случаи более всего способствуют выдвигаться наличным народным вожакам и распространяться широким народным требованиям.

«Заведение связей со всеми протестующими элементами народа, с казаками, староверами и т. п. и наклонение их недовольства к общенародным задачам.

«Образование дружин боевого характера из встречающихся в народе революционеров-самородков для борьбы действием; они должны служить оплотом начинающимся движениям» [3]).

---

[1]) Назв. соч., стр. 258. К аналогичному выводу пришли и южные революционеры. В 1875 г после первого неудачного хождения в народ они решили не разбрасываться, а «сосредоточить все силы в одной небольшой местности», избрав для этого местечко Корсунь с окрестностями. В. Дебагорий-Мокриевич. Воспоминания, 3-е изд., стр. 202.

[2]) См. его записку, опубликованную С. Н. Валком. «Красный Архив», т. XIV, стр. 164.

[3]) А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. Л., 1925 г., стр. 108. О. В. Аптекман так излагал пункт о боевых дружинах: «Жизненной задачей всякой народнически-революционной партии должна быть организация в народе такой боевой дружины, которая, концентрируя в себе все материаль-

Таковы были программные требования. Практика же землевольческих поселений оказалась весьма далекой от осуществления их. Землевольцы не только не организовали, но даже и не делали попыток организовать те боевые дружины, которые предусматривались их программой. Мало этого, они сознательно воздерживались от какой-либо агитационной и пропагандистской работы среди крестьян. Условия, в которых протекала их работа в деревне, убедили их, что прежде, чем приступать к каким-либо определенным действиям по подготовке восстания, пропагандисту необходимо упрочить свое положение в деревне.

Практика землевольческих поселений доказывает, что А. А. Квятковский был вполне прав, когда в цитированной нами записке констатировал, что ни в одном поселении, открытом правительством, не было обнаружено «ничего преступного, противозаконного, исключая проживательства под фиктивными паспортами» [1]). Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы общеизвестные воспоминания члена саратовского поселения землевольцев А. И. Иванчина-Писарева [2]); из них видно, что деятельность на легальной почве настолько заполняла собой все время участников поселений и настолько увлекала их сама по себе, что никакой работы революционного характера они уже не вели.

Л. Тихомиров ничуть не преувеличивал, когда в своих воспоминаниях писал: «Лица, живущие в народе, — в виде учителей, волостных писарей и т. д., — становились все менее революционны. Чем более они обживались и сходились с мужиками, тем менее думали о бунте и тем более вдавались в мысль о легальной защите интересов мужика... Деревенщик имел уже даже немного странные провинциальные манеры, не интересовался никакими мировыми событиями, толковал о каких-то мелочах народной жизни» [3]). Недаром, по словам того же Л. Тихомирова, наиболее сильным возражением народовольцев деревенщикам было такое: «может быть, это и правда, но вы в своей деревне п е р е с т а е т е б ы т ь р е в о л ю ц и о н е р а м и» [4]).

Надо, однако, заметить, что этот уклон к легальной деятельности находил известное основание в программе общества «Земля и Воля». Опыт хождения в народ 1874 г. обнаружил полную невосприимчивость крестьянской массы к проповеди социалистических идей. «Крестьянин, — пишет Г. В. Плеханов в предисловии к русскому переводу книги Тунз, — охотно и внимательно слушавший рассказы и рассуждения пропагандистов на тему о малоземелье, о тяжести податей, о произволе администрации, о бессердечии помещиков, о жадности попов, о хищничестве кулаков и т. п., в массе оказывался глух к проповеди социализма. Социалистические идеалы не только не влекли к себе, но прямо не укладывались в его голову» [5]).

ные и духовные орудия борьбы, сумела бы в благоприятный момент либо сама вызвать всеобщее восстание, либо, в случае самопроизвольного его зарождения, утилизировать его по крайней мере для народных целей». «Земля и Воля» 70-х годов», стр. 194, сравн. стр. 258.

[1]) «Красный Архив», т. XIV, стр. 165.

[2]) Из воспоминаний о «хождении в народ». Спб., 1914 г.

[3]) «Из архива Л. Тихомирова». «Красный Архив», т. VI, стр. 160.

[4]) См. опубликованную Р. М. Кантором записку Л. Тихомирова «Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений». «Каторга и Ссылка», 1926 г., № 3, стр. 113.

[5]) Г. В. Плеханов. Очерки истории русской общественной мысли XIX в. II. 1923 г., стр. 294.

Не уяснив себе причин этого явления, коренившихся, по справедливому замечанию того же Плеханова, в «буржуазном индивидуализме» крестьянства, землевольцы при выработке своей программы все же учли это явление и сделали из него вполне определенные выводы. «Сущность этой программы, — говорит А. А. Квятковский в цитированной нами выше записке, — следующая: Никакая партия в мире, как бы многочисленна она ни была, при тех условиях, в которых находится Россия, одним только словом бессильна, не в состоянии изменить народное миросозерцание, как оно сложилось вековой жизнью. Сама жизнь только и в состоянии изменить его. Поэтому задача современника данной исторической эпохи сводится до способствования осуществлению того идеала, тех стремлений, которые уже присущи народу»[1]). Эти слова Квятковского надо иметь в виду, чтобы правильно понять смысл передовой статьи № 1 журнала «Земля и Воля». Автор статьи (С. М. Кравчинский) утверждал, что работа в народе будет успешна лишь в том случае, «если мы действительно станем народными людьми». Поясняя свою мысль, Кравчинский писал: «Бросим иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей, заменим ее тою, которая ему свойственна, близка и родственна, — пойдет и он за нами... Пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и одеть в народную серпянку»[2]). Так зарождалась идея особого «русского социализма». Социализм как доктрина и как конечный идеал оставался в программе землевольцев, на практике же отодвигался на задний план. Это очень хорошо подметил в в своих воспоминаниях о «Земле и Воле» О. В. Аптекман. «В применении к русской действительности, — пишет он, — социализм по необходимости пришлось урезать, так сказать, окорнать: взять из него только то, что не противоречит исконным народным идеалам, воззрениям и требованиям, вылившимся в определенные формы уклада народной жизни»[3]). Фактически дело сводилось к тому, что пропаганда землевольцев среди крестьян оставляла совершенно в стороне вопросы социализма и социальной революции. «Земля и Воля», — свидетельствует М. Р. Попов,— остановилась на способе воспитания в народе протеста на почве злобы дня, на том или на ином факте недовольства в той или другой местности, на почве столкновений той или другой деревни с той или иной стороной, враждебной интересам народа, будет ли то столкновение с администрацией, помещиком, кулаком и проч.»[4]).

Этот переход от пропаганды социалистических идей к политическому воспитанию народа на почве его повседневных нужд и насущных интересов на практике чрезвычайно облегчил переход от революционной работы в народе к чисто легальной деятельности, к защите прав и интересов крестьян, на почве существующего законодательства, к борьбе против произвола местной администрации и злоупотреблений кулаков и помещиков. Когда мы теперь знакомимся с деятельностью участников землевольческих поселений по воспоминаниям А. И. Иванчина-Писарева и др., то чувствуем, что, несмотря на приближение героической эпохи «Народной Воли», в воздухе начинает пахнуть идеями 80-х годов: «абрамовщиной», «теорией малых дел», дореволюционизированным народничеством Юзова.

---

[1]) Разбивка автора. См. «Красный Архив», т. XIV, стр. 163.

[2]) Разбивка наша.

[3]) Разбивка наша. О. В. Аптекман. «Общество «Земля и Воля» 70-х г.г.». П. 1924 г. стр. 192—193.

[4]) М. Р. Попов. «Из моего революционного прошлого». «Былое» 1907 г., № 7.

Однако нельзя, конечно, утверждать, как это, по приведенному выше свидетельству Л. Тихомирова, делали будущие народовольцы, что все «деревенщики» переставали быть революционерами. Многие из них, неудовлетворенные своею деятельностью и убедившиеся в невозможности вести в народе революционную пропаганду, бросали деревню и уходили в террор; так было с членом саратовского поселения землевольцев А. К. Соловьевым, так было с будущими народовольцами, принимавшими участие в поселениях. Были и другие; не уходя из деревни, но в то же время неудовлетворенные своею деятельностью в ней, они измышляли различные проекты, которые дали бы возможность, не выходя до поры до времени из рамок легальной деятельности, связать ее каким-либо путями со своими основными революционными задачами. Публикуемая нами программа тамбовского поселения является весьма интересным образцом таких попыток. Интерес ее не уменьшается от того, что логическое противоречие, лежавшее в ее основе заранее обрекало ее на полную безуспешность.

Чрезвычайно интересно сравнить тамбовскую программу с программой самого общества «Земля и Воля». В тамбовской программе мы не найдем ни «местных бунтов», ни «боевых дружин», ни «народных вожаков», ни «революционеров-самородков из крестьянской среды», ни иной тому же подобной революционной романтики. Авторы тамбовской программы выдвигают в качестве очередных задач подготовку народа «к будущей организации общества в форме производительных общин», восстановление в глазах народа той силы и значения существующих земельных общин, которые эти общины утратили под влиянием неблагоприятных внешних условий, пробуждение в крестьянстве сознания солидарности интересов, выходящей за пределы села и общины. Достигнуть всего этого они рассчитывали при помощи средств легального характера, которые «своим внешним либеральным направлением прикрыли бы самую сущность дела». Жизнь очень скоро доказала авторам тамбовской программы неосновательность их расчетов. В 1879 году, как мы уже упоминали выше, тамбовское поселение подверглось полному разгрому.

Б. Козьмин.

Наша цель.—1. Организация общества на таких началах, при которых невозможны были бы ни эксплоатация одним другого, ни вообще какое бы то ни было, ради личных интересов, насилие, в какой бы форме то или другое ни выражалось, одним словом, всеобщее благо народа, им самим достигнутое и поддерживаемое, при условии невозможности возврата к современному строю.

2. Так как этот современный строй общества не удовлетворяет вышеуказанной цели, то он должен быть заменен другим, соответствующим цели.

3. Лица, материально заинтересованные в сохранении существующего порядка, а также правительство, которое они составляют, не отступятся от этого порядка без борьбы, при которой рано или поздно придется прибегнуть к насилию.

4. Ожидать успеха от борьбы, выдержанной в какой бы то ни было форме, возможно только тогда, когда вся масса или, по крайней мере, большая часть народа, — хотя бы даже и односторонне-сознательно,—

одновременно и с одинаковой энергией вступит на путь этой борьбы; кроме того, необходимо существование группы, всесторонне-сознательно стремящейся к проведению идеи социально-революционной партии во все функции народной жизни.

5. Необходимо, чтобы весь народ был подготовлен к будущей организации общества в форме федераций производительных общин.

6. Существующие в настоящее время сельские общества, хотя и представляют в зачатке такие производительные общины, но под влиянием внешних, вне их самих лежащих условий утратили в глазах народа большую часть своих желательных качеств.

7. Восстановить в глазах народа всю силу и значение тех общин, в которые он группируется в настоящее время, лежит на нашей обязанности.

8. Для того же, чтобы вся масса народа сознательно, одновременно и повсеместно приняла участие в предполагаемой борьбе, необходимо сознание солидарности, выходящей за пределы села и общины и их обыденных интересов, при постоянных условиях, ведущих к экономической борьбе не только отдельных членов общин, но и соседних общин между собой.

9. Создать солидарность и развить ее до желательных в короткое время пределов возможно путем чисто практическим на таком деле, которое ближе всего интересует народ; при чем не исключается значение и устной пропаганды идей социально-революционной партии.

10. Вследствие того, что: а) большая часть (90%) русского населения занимается искони земледелием, а к другим занятиям переходит только на время и лишь в случае крайней необходимости, б) вся земля приведена в состояние, годное для культуры этим земледельческим населением, и в) захват земель частными собственниками продолжает совершаться на глазах народа, — в народе живет и передается из рода в род убеждение, что земля составляет собственность его, народа, и только путем насилия досталась и достается другим.

11. Сохранившееся в настоящее время повсеместное убеждение, что земля будет отобрана у господ и купцов и отдана им, крестьянам, выражается в форме ожидания слушного часа, черного передела.

12. Мы должны не только убедить народ в тщетности их ожиданий помощи от правительства, но и указать, каким именно путем, не ожидая этой помощи, он мог бы достигнуть своими силами желаемой цели, на этот раз пока выраженной в форме перехода земель к ним от собственников.

13. На достижении этой первоначальной цели не только можно, но и должно основать начало борьбы с существующим порядком.

14. Для достижения этой первоначальной цели примкнет весь народ как лично заинтересованный; все дело будет заключаться в том, чтобы организовать эту предварительную борьбу так, чтобы успех дела был бы наиболее вероятен.

15. Предполагаемая организация должна воспользоваться как всеми теми, хотя бы даже и временными условиями, в которые поставлено наше земледелие вообще, так и современным положением землевладельцев, положением, заключающимся в отсутствии возможности вести в настоящее время дело иначе, чем оно ведется теперь, а также в задолженности частным лицам и кредитным учреждениям, доведшей их до полной несостоятельности; положение же нашего земледелия при только еще зарождающемся капиталистическом производстве обусловливается неравномерным более, чем где-либо, распределением земледельческих работ в течение года, а потому и невозможностью пока в настоящее время вести батрачное хозяйство как преобладающую форму.

16. Организация деятелей, как по сути дела следует, должна быть тайною, сама же деятельность, когда того потребует успех дела, может проявляться в легальных формах.

17. Интеллигенция допускается или как сознательные товарищества, составляющие организованных деятелей, или как пассивные участники, не имеющие непосредственного отношения к делу.

18. Пропаганда социально-революционной идеи среди рабочего, не земледельческого, преимущественно ремесленного и фабричного, населения, населяющего главным образом города, должна вестись в таком направлении, которое обещало бы выработку из этого населения будущих как пропагандистов среди народа, так и его руководителей во время революции, так как нельзя рассчитывать на столько значительные силы интеллигенции, сколько их будет необходимо для успеха дела; так как пропаганда эта может рассчитывать на успех в виду, как высшего уровня умственного развития фабричного и ремесленного населения и в виду большего развития в ремесленной и фабричной промышленности капиталистического производства и, следовательно, большего гнета на эту часть рабочего населения.

19. Так как проявление деятельности организации допускается в легальной форме, то необходимо избрать из этих форм такую, которая представляла бы наиболее условий для успеха.

20. Лучшею легальною формою, в какую могла бы облечься деятельность организаторов, на первое время может быть такая, которая, удовлетворяя требованиям самого дела, имела бы внешний вид либерального стремления улучшить экономическое положение народа.

21. Итак, наша теперешняя задача — приискать такую форму предварительной борьбы, которая удовлетворяла бы следующим условиям:

a) чтобы своим внешним либеральным направлением прикрыла самую сущность дела (парагр. 16 и 20).

b) чтобы совпадала с выраженным уже народом стремлением отобрать землю у владельцев и в то же время обещала в этом направлении хотя бы некоторый успех (парагр. 10 и 11);

c) создала среди народа как сознание в необходимости солидарности, так и самую солидарность (парагр. 8);

d) выработала, хотя бы вчерне, будущую форму общественного строя (парагр. 5);

e) дала повод к борьбе сперва с отдельными лицами, а затем и самим правительством.

22. Таким требованиям наиболее удовлетворяет организация рабочих земледельческих товариществ по следующему уставу:

I. Товарищество учреждается с целью: a) доставить товарищу работу, а землевладельцам для обработки их земель исправных рабочих, земледельческие орудия и рабочий скот и б) найма земель у тех же владельцев для обработки ее средством [sic] товарищества.

II. Средства товарищества заключаются: a) в орудиях, рабочем скоте и постройках, принадлежащих как отдельным товарищам, так и всему товариществу, б) в капитале, который составляется из $^0/_0$-ных отчислений от заработков и с доходов от арендованных земель.

III. Капитал товарищества предназначается для текущих расходов товарищества, для приобретения улучшенных орудий, аренды и покупки земли.

IV. Капитал товарищества хранится тем способом, какой товарищи найдут для себя наиболее удобным.

V. Товарищи могут быть только односельцы.

VI. Товарищами считаются как все подписавшие устав, так и их семейства, а равно и те, с их семействами, которые на основании этого устава впредь приниматься будут.

VII. Каждый товарищ имеет право требовать себе работы из принятой на себя товариществом или участия в обработке арендованной или купленной товариществом земли, пропорционально рабочим силам своего семейства.

VIII. Никто из товарищей не может отказываться от исполнения приходящейся на его долю принятой на себя товариществом работы, ни от обработки арендованной или купленной товариществом земли.

IX. Все принятые на себя работы товарищество обязывается исполнять само без помощи наемных рабочих, точно так же обязано само обрабатывать арендные или собственные земли.

Примечание: по найму допускаются лишь машинисты, кузнецы или такие специалисты, которых в числе товарищей или вовсе нет, или недостаточно.

X. Для исполнения работ, которые могут быть не под силу одному товариществу или вообще для большего удобства достижений целей, преследуемых товариществами, допускается соединение последних каждый раз, когда потребуют обстоятельства дела.

XI. Для точного исполнения принятых на себя товариществом обязательств никто из товарищей не может помимо товарищества ни наниматься на работу, ни посылать своих семейных на таковую, ни снимать земли в аренду.

XII. За точное исполнение всех принятых на себя на основании сего устава обязательств товарищество отвечает всем своим имуществом, как ему, так и его членам принадлежащим, на основании круговой поруки.

XIII. Товарищество имеет право приобретать движимое и недвижимое имущество, на каковое не могут быть обращены взыскания, делаемые с отдельных товарищей по каким-либо обязательствам, совершенным до утверждения товарищества, или, если и после, то без его ведома и согласия.

XIV. Все договоры и обязательства подлинником записываются в заведенную для сего книгу, прошнурованную волостным правлением.

XV. Делом товарищей заведует: a) сход товарищей, b) правление товарищества, состоящее из выбираемых сходом: полевого старосты и двух его помощников.

XVI. Сход товарищей считается состоявшимся, когда на него прибыло за себя и по доверенности не менее $^2/_3$ тягловых рабочих товарищества.

XVII. На сходе никто не может иметь более двух голосов: одного за себя и другого по доверию.

XVIII. Передача голоса допускается в случае болезни или продолжительного отсутствия из селения.

XIX. Сход созывается полевым старостой по мере надобности или по требованию $^1/_4$ наличного числа тягловых рабочих товарищества.

XX. На обязанности схода лежит: a) прием и исключение товарищей, b) выборы и смена полевого старосты и его помощников, назначение им содержания и поверка их действий, c) распределение работ и земель между товариществами [1]), d) определение размера $^0/_0$-ных отчислений на основании § 2 в капитал общества, e) обсуждение и утверждение предложенных условий работы и аренды и покупка земли, f) и обсуждение вообще всех вопросов, касающихся внутреннего устройства товарищества и его отношений к другим таким же товариществам.

XXI. Все постановления схода товарищей записываются в особую книгу, прошнурованную волостным правлением.

XXII. Все дела товарищества решаются на сходах большинством $^2/_3$ голосов.

XXIII. Староста и его помощники ведут все дела товарищества, наблюдают за точным исполнением принятых на себя товариществом обязательств и вообще заботятся об интересах товарищества, которому и отдают отчет ежемесячно и ежегодно на сходках, собираемых с этой целью.

XXIV. Никакого условия, ни контракта староста не имеет права совершить без согласия схода; исполнение условий, заключенных без согласия схода, для товарищей необязательно.

---

[1]) Так в подлиннике, вместо: «товарищей». — *Б. К.*

XXV. В случае болезни, смерти или отсутствия старосты его место занимает один из его помощников по выбору схода.

XXVI. В случае выхода кого-либо из товарищества добровольно или по требованию схода выходящий в течение года несет ответственность за все обязательства, какие были заключены до его выхода; по прошествии же года выходящий товарищ получает причитающуюся на его долю часть из имущества и капиталов товарищества.

XXVII. Определение размера вознаграждения уходящему товарищу делается сходом на том же основании, как и при окончательном расчете товарищей на основании XXIX ст. этого устава.

XXVIII. Товарищество прекращается только по постановлению схода большинством $^3/_4$ всего числа тягловых рабочих товарищества.

XXIX. Имущество товарищества, движимое и недвижимое, а также капитал делятся в этом случае между всеми тягловыми рабочими товарищества, соразмерно числу лет пребывания их в товариществе.

XXX. В случае несостоятельности товарищества ответственность распределяется с тою же равномерностью, как имущество в предыдущей статье.

XXXI. Все, что не предусмотрено этим уставом, решается сходом товарищей и обязательно для последних.

XXXII. Недоразумения между товарищами, если не будут улажены сходом, разбираются третейским судом.

23. Организованные по этому уставу земледельческие товарищества уничтожают конкуренцию между односельцами, а федерация таких товариществ уничтожает конкуренцию между отдельными товариществами.

24. Все количество земельных угодий данной местности, принадлежащих частным владельцам, распределяется федерацией между отдельными товариществами и так, чтобы на всех тягловых товарищей приходилось земли своей (надельной общинной) и владельческой, вместе взятых, поровну, так, чтобы товарищества, имеющие мало своей земли, получали больше владельческой, чем другие, имеющие больше своей земли.

25. Ни одно товарищество не может наниматься на работу, ни арендовать землю вне отведенного ему федерацией участка: при такой организации дела осуществить [sic] то, что может быть названо «глухой стачкой».

26. Успех таких товариществ, помимо других условий, будет зависеть: 1) от соответствия рабочих сил товарищества с количеством земли, приходящейся на долю каждого из них; 2) от организации кредита, который дал бы им возможность уплачивать подати, не вступать на первых порах в борьбу с правительством.

27. Достигнуть первого можно двумя путями, а именно — или возвысить интенсивность земледельческой культуры, требующей больших сил, или доставить этим излишним силам применение вне пределов

товарищества; исполнение первого условия не всегда (особенно вначале) бывает возможно; остается воспользоваться вторым, т.-е. организацией переселений излишних сил в многоземельные местности и организовать их там на тех же началах; к этому средству прибегают и сами крестьяне в настоящее время, но не всегда успешно, вследствие отсутствия прочной организации в этом деле.

28. Второе же требование, т.-е. кредита, можно достигнуть организацией волостных общественных банков (по примеру Алексеевского Воронежской губернии).

29. Во всяком случае для более правильного ведения дела необходимо: a) точное статистическое исследование землевладения и повинностей, хотя бы по прилагаемой форме [1]); b) прочная организация всего дела.

[1]) Этой «формы» в деле не имеется — *Б. К.*

Из показаний Н. И. Рысакова.

Значительная часть показаний Рысакова уже известна в печати: они были помещены в «Былом», в 1918 году, в юбилейной мартовской книжке (№ 10 — 11). Однако сами следственные власти разбили всю совокупность показаний Рысакова на две группы: одна из них включена в акты дознания по делу 1 марта, другая приобщена к делу, которое слушалось год спустя, в феврале 1882 г., к так называемому делу двадцати (Александр Михайлов и др.). И действительно, в то время как первая группа показаний дает ряд точнейших, поскольку они были известны Рысакову, сведений о фактах и обстоятельствах, разъясняющих акт 1 марта и давших возможность властям установить почти всех участников этого дела, вторая группа показаний имеет особую задачу — указать уже не обстоятельства одного только события первого марта, но дать «полное и истинное освещение существующего социально-революционного движения». И в тех трех показаниях, которые здесь печатаются, Рысаков попытался дать это «освещение», рассмотрев все стороны работы «Народной Воли». В начале своего показания он, правда, указывает, что уже выяснил в предыдущих показаниях «все касающееся рабочей организации, веденной по инициативе партии «Народной Воли». Однако как раз наиболее ценные сведения содержатся именно на тех страницах третьего из печатаемых здесь показаний, которые посвящены рабочей организации. Если в делах, напр., военной организации Рысаков совсем не был сведущ, то сам член агитационной группы рабочей организации, он именно здесь сообщает сведения, которые должны, вместе с другими данными, повести за собой некоторую переоценку традиционного взгляда на роль рабочей организации в составе общей народовольческой организации в этот период существования партии. Несомненно, что в эту эпоху народовольчества существеннейшая революционная роль ложилась на долю рабочих. По показанию Желябова (2. III. 1881), именно «боевой рабочей дружине» должна принадлежать «инициатива инсуррекционного движения», которое поведет ко «всеобщей революции». Точно так же и зарождавшаяся военная организация в 1880 г. считала, что именно рабочие поднимут знамя восстания, к которому вслед за тем примкнут военные. Неудивительно, что при таких взглядах лучшие силы были брошены в рабочую среду, что приступили к изданию специальной рабочей литературы, что была выработана специальная программа для рабочих. Показания Рысакова дают некоторые факты для характеристики широты движения и, что особенно любопытно, указывают на то значение, которое имел для движения разразившийся экономический кризис. Показания первомартовцев, из которых Желябов, Перовская, Михайлов и Рысаков входили в состав рабочей агитационной группы (в нее входил также погибший Гриневицкий), дополняются и рядом других, где то же рабочее дело — задача дня. Так, А. К. Пресняков в своем показании 4 августа 1880 г. заявил,

что, приехав в Петербург, он, «не имея определенного плана для своей деятельности, тем не менее решился сблизиться с рабочими разных фабрик и заводов, узнать их быт и нужды, чтобы современем начать среди них революционную работу». Так, А. Борейша, живший с Гриневицким, сообщает в одном из своих показаний, что последний сперва предложил ему именно работу среди рабочих. Наиболее живую картину той среды, в которой пришлось работать народовольцам и которая дала возможность разрастись в этом памятном году именно их, а не чернопередельческой, организации, дает И. Г. Орлов, вначале чернопередел ец, в своих показаниях 27 мая 1881 г. Он пишет: «Меня крайне интересовал вопрос о том, как отозвались все эти факты (террористические) в среде рабочих. Факты эти, во-первых, вызвали массу самых разнообразных толков в среде рабочих, похвалы деятелям этих фактов. Я часто даже становился перед рабочими в комическое положение: они расхваливают на все лады эту террористическую деятельность, а я относился к ней враждебно; приходилось разъяснять рабочим главным образом тот вопрос, что политическая организация известного общества — результат известных экономических отношений, что сколько бы мы ни старались изменить политические отношения, но пока экономические останутся прежними, а они останутся таковыми до тех пор, пока масса в значительной своей части не сознает необходимости их изменить, все наши старания помочь народу останутся тщетными. Должно быть, что мои слова не имели для рабочих особенного значения в смысле охлаждения их террористического пыла; сужу это на основании таких, напр., фактов: через несколько времени после того, как я доказывал рабочим нецелесообразность попыток изменить политические отношения, к ним приходит другой революционер — террорист и начинает доказывать необходимость деятельности; на его проповедь рабочие ответили так: «ну вот, ты дело толкуешь, а то вот он (указание на меня) все больше насчет наук... какие тут, паря, науки, скорее бы хоть чего-нибудь-то добиться». Дело первого марта разрушило петербургскую народовольческую рабочую организацию в том ее значении, какое она имела в 1880 — 1881 г.г., но не здесь место говорить о причинах этого, как и решать вопрос о том, почему после первого марта резче обозначились другие ответвления народовольческой организации и, в частности, возросло значение военной организации, именно из среды которой В. Н. Фигнер, оставшаяся одинокою, пыталась воссоздать погибший центр.

В других своих частях показания Рысакова представляются в качестве исторического источника не менее ценными. В них нетрудно отбросить те элементы, которые представляют собой результат резонерских истолкований Рысакова, и то, что останется, будет использовано, как совокупность сведений, которых подчас и нет в других показаниях и не найдешь в позднейших воспоминаниях.

Показания печатаются по подлиннику, хранящемуся в деле особого присутствия сената, № 64, т. II, л. л. 131 — 141 об.

С. Валк.

---

1) Показание 18 марта 1881 г.

Выяснив в предыдущих моих показаниях все касающееся рабочей организации, веденной по инициативе партии «Народной Воли», поскольку я знал эту организацию, я не касался еще организации среди войска, среди интеллигенции и среди крестьянства и не говорил

также о плане действий, предполагаемых партией. В виду той пользы для общества и для народа, которую может принести полное и истинное освещение существующего социально-революционного движения, в виду того, что подобное освещение делает борьбу вполне открытой, стало быть, уничтожает возможность диких, неразумных выходок со стороны той или другой борющейся стороны, мешает проливаться тем ручьям крови, которые пролились бы при незнании врага, я настоящим своим показанием решаюсь открыть планы партии. Я при этом поступаю вполне согласно с своей совестью, отрешаясь от партийных традиций, [поступаю] [1]) так потому, что желаю, чтобы правительство и русский социализм [перестали] не понимать друг друга и своим непониманием не усложняли бы [той] борьбы социалистического строя с либеральным, которая исторически необходима, не вносили бы в эту борьбу личной ненависти, что возможно, по глубокому моему убеждению, только при непонимании друг друга, когда борьба переходит в борьбу за политические тенденции, а оба подходили бы друг другу, стараясь по возможности смягчить долженствующий про[изойти] перелом в экономическом строе. Надеюсь высказать мои побуждения более ясно, более определенно, развивая свою мысль об остальных организациях и деятелях.

Партия «Народной Воли» путем опыта пришла к такому безусловно верному заключению, что пропаганда в деревне непосредственно для деятелей - социалистов положительно невозможна. Главные причины этому суть: а) недоверие самого крестьянства [к] интеллигентному человеку, в проповеди которого видит всегда крестьянин желание поживиться на его счет, потому что интеллигентный человек— барин, господин. Почему так — весьма понятно, — условия жизни до 61 года создали такое общее недоверие; б) интеллигентный человек, живущий в деревне, всегда виден, и на нем местное начальство может пробовать свои административные способности, поэтому нельзя долго жить в деревне, а, стало быть, приобрести популярность и известный авторитет. На основании этого партия, желая все-таки составить силу и в деревне, решилась действовать на нее чрез таких лиц, которым деревня родна, которые не успели забыть вполне деревенских традиций и крестьянских интересов, но по известному стечению обстоятельств отрешены от таких привычек и традиций, присущих крестьянину и мешающих активной его деятельности, напр., от той инертности, которая характеризуется выражением: «так жили наши деды и отцы, проживем и мы». Понятно, что такими людьми являются, во-первых, рабочие, преимущественно заводские (но не фабричные), на которых город не подействовал развращающим образом, оставил у него ту идею, что земля — кормилица, а сослужил только ту службу, что, оторвав от узких деревенских интересов, забросил рабочего в такую жизнь, которая дает ему массу новых впечатлений и, как человека, оторванного

[1]) Край листа здесь и далее оборван.

от родного пепелища и поставленного лицом к лицу с нуждой, с борьбой за кусок хлеба, заставляет напрягать свои умственные силы, чтобы не затеряться в городском водовороте, заставляет искать поддержки в артели, общине. Такой человек вполне доступен для пропагандиста, и условия его жизни таковы, что он способен принять пропагандируемые учения. Когда же пропаганда оказала на него свое влияние, то он с успехом может вести дело в деревне. По этому плану ведется сельская организация «Народной Волей». Мне неоднократно приходилось быть свидетелем отправления сознающего социализм рабочего в его деревню. Нет сомнения, что там, при его умственном и нравственном превосходстве, он сослужит социалистическому строю бóльшую службу, чем десяток, другой молодежи, идущей в народ с революционными изданиями. Отправляются такие рабочие на средства партии, что весьма понятно, так как она не имеет права ему отказать, или он едет по своему желанию. Нельзя сомневаться в том, что он везет с собою известные издания, чему я, однако, не придаю никакого значения почти.

Во-вторых, солдаты, бессрочно-отпускные, преимущественно побывавшие за Балканами. Мне приходилось в своей революционной деятельности сталкиваться с такими из солдат, которые самостоятельно решили вопрос о существующем политическом строе, и именно в том направлении, в котором агитирует «Народная Воля», отрицая этот строй. Народившееся это недовольство я объясняю тем, что солдаты во время похода перенесли массу страданий, лишений, виновниками которых они воочию видели свое непосредственное начальство, которое зачастую даже не трудилось скрывать своих проделок, слухи о чем доносились до нас еще во время кампании. Понятно, недовольство могло было [быть] [1]) парализовано идеей освобождения порабощенных варварами христиан-[бра]тьев, если бы офицеры потрудились, кроме фронтовой выправки, [объяснить] солдату и цель похода, но желать этого от всех почти нельзя, — это значит сильно идеализировать русское офицерство. Обратите внимание на такие факты, отрицать которых нельзя, когда солдат, выведенный вполне из терпения нелюбимым офицером, решается убить его и освободить роту от тирана, жертвуя своей головой. А это были одни из решительных, большинство же затаило злобу и в настоящее время представляет очень удобную почву для партии, которая, как мне известно, довольно энергично обращала это недовольство в систему и тем родила смелых деятелей, ушедших затем по отпуску в деревню, тяжелое положение которой, голодовка, падеж скота, недоимки, урядники и т. д. еще более бередили наболевшую душу солдата, который видал виды, т.-е. турецкую жизнь, и я слышал от некоторых очевидцев, что там живут лучше, только народ ленивый.

В-третьих, наконец, и сама деревня породила путем многочисленных испытаний, путем борьбы с голодом, недоимкой, становым и земским гласным, который не служет земству, а считает себя партику-

[1]) Край листа здесь и далее оборван.

лярным начальником, особый тип стариков, которые, как мне известно, во время Соловьевского дела толковали о переделе, а затем в настоящее время отысканы частью партией и вступили под ее знамя.

Вот три главные нити для завязывания в деревне связей и зарождения сельской организации. Я не могу сказать, как широко разрослась эта организация, насколько воспользовалась партия этими путями, знаю только, что организация, вернее связи, в иных местах, и довольно таки значительные, существуют. Вряд ли, однако, связи эти подведены под известную систему, что невозможно при редкости населения достигнуть исключительно средствами и силами партии. Но в настоящее время службу объединения сослужит раскол, который сам за последнее время желает объединения и на который социалисты за последнее время начинают обращать все более и более серьезное внимание, т.-е. социалисты, которые не разбросались на задачи пропагаторские и террористические. Мне положительно известны стремления некоторых лиц завести обширные связи с расколом, и, кажется, небезуспешно. Вот то общее впечатление, которое я имею о сельской организации.

2) Организация среди войск. Эта организация мне совершенно незнакома, неизвестны и пути, по которым она ведется, потому что я не имел разговоров с лицами компетентными в этом деле, но что существует она, это мне положительно известно. Припоминая некоторые отрывочные сведения, полученные мною из разговоров [с] Желябовым, я могу только в общих чертах дать о ней понятие. Повидимому, организация эта сильна и обладает большими средствами, потому что, когда случилось толковать о бюджете рабочей организации, то Желябов мимоходом высказал следующее, приблизительно в такой форме: «положение рабочей организации положительно плоше всех даже в материальном отношении. У нас вот военная организация, так та не только не нуждается в поддержке, но еще помогает в денежном отношении другим». Под прикрытием социалиста-офицера вольноопределяющиеся и агитаторы-солдаты ведут дела в войске, успешнее же агитация ведется в военных школах, благодаря знакомству студенчества с военными гимназистами, кадетами. Мне известны факты проникновения прокламаций по поводу казни Квятковского и Преснякова в солдатские казармы. Желябов однажды в разговоре с лицами, не имеющими никакого отношения к партии, дал понять, что иногда офицер содержится в полку на счет партии, вернее — этой военной организации. Вот те немногие данные, которыми я располагаю при суждении об этой организации.

3) Организация среди интеллигенции, по моему мнению, распадается на два отдела: один из них играет активную роль в агитации, а другой исключительно пассивную. Студенчество университетское и прочих специальных высших учебных заведений, а также воспитанники средних учебных заведений за последнее время организуются в революционные кружки, отличающиеся от кружков саморазвития

и самообразования тем, что ставят пред собою ясную и вполне определенную цель: выработать из своей среды деятелей для агитации среди рабочих или иных контингентов для революции. Я отношу заявивший о себе центральный университетский кружок, около которого сгруппировалась значительная часть студентов-радикалов по поводу последних событий во время акта, к таковым. Образуются такие кружки не исключительно по инициативе «Народной Воли», но и по инициативе «Черного Передела», а также и своей собственной. При чем студенческие кружки образуют гимназические. Студенческие кружки образуются за последнее время на старших курсах в тех видах, чтобы войти в жизнь не единицами, а группами, связанными между собою одной целью — действовать во имя блага народа. Члены этих кружков, сочувствующих плану борьбы «Народной Воли», заботятся о доставлении ей средств посредством сборов и т. д. Задачи их саморазвития для будущей агитационной деятельности известны, и повторять их нет надобности. Внутренняя политика, касающаяся студенческой жизни, есть одна из главных функций образования революционных кружков. Когда жизнь студенческая запирается в тесные рамки, что было, напр., при Толстом, то молодой ум ищет дела «на стороне». Умная внутренняя политика должна расширить студенческую жизнь, дать им право сходок, обсуждения своих дел и т. д., по примеру заграничных университетов, и не бояться первого оживленного движения молодежи, а надеяться и быть вполне уверенной, что это движение само собой вскоре уляжется уже потому, что студентам надоест болтать о внутренней политике, и болтовня эта потеряет смысл моды, не будет [1]) запрещенной. Ведь прежде интриговало студентов и щекотало их нервы то, что им опасно было собираться в числе более 5 человек. Другой отдел — это мелкий либерализм, прячущийся за партию, играет он вполне пассивную, кажется, роль, служит революции незначительными денежными вспомоществованиями. Мое мнение о нем таково, что он существует при оппозиции только при нелиберальном генерал-губернаторе или министре. Граф Лорис-Меликов оказался либеральнее этого мелкого либерализма, и его политика, мне кажется, оторвала многих «сочувствующих» от партии, сделав их консервативнее министерства. Мелкий либерал если подавал социалисту руку помощи, то разве только потому, что генерал Гурко вместо социалистов наседал со своими дворниками на этих несчастных. При снятии стеснительных мер, мне кажется, и остальные крошки либерализма, сочувствующего партии, перейдут к ней в недружелюбное отношение, что заметно в конституционных странах. На стороне тайной партии могут остаться разве только мирные социалисты, и то открещиваясь от боевой программы. Впрочем, исключения, и даже значительные, в настоящее время могут быть. Но ведь в настоящее время человеку, даже вращающемуся в интеллигенции, трудно судить о том,

[1]) Так в подлиннике.

кто надежен, а кто нет, потому что жизнь не улеглась в мирные рамки, а только [тогда] человек спокойно может рассуждать и причислять себя раз навсегда к известному лагерю, когда его не тревожит внутренняя политика, не изменяет резко условий жизни. Может быть, существует среди интеллигенции и солидная революционная организация, но только не среди так называемого мелкого либерализма; существования же такой организации «сочувствующих» я отрицать не могу, потому что не имел по этому поводу определенных разговоров, напр., можно утверждать, что связи более или менее солидные существуют.

Наметив таким образом существующие организации, я должен теперь перейти к тому вопросу, каким образом партия надеялась достигнуть своей цели, т.-е. явного восстания, и что, при [?] взгляде на агитацию, восстание это может сделать и в таком [?] отношении, т.-е. я должен наметить «практические» планы партии.

Николай Иванов Рысаков.

2) Показание 19 марта 1881 г.

Продолжаю свои показания, начатые 18 марта. Коснусь еще средств проникновения партии в различные сферы: староверчество, войска и интеллигенцию. В прошлом году, кажется, партия в своем органе заявила, что раскол — именно та армия, которая ждет только предводителя, для того чтобы осуществить живейшие желания крестьянства, т.-е. дать ему землю и волю. Нужно завязать связи с расколом. Я не могу рельефно нарисовать того пути, посредством которого связи заводятся, не могу указать на все средства к этому, потому что не принимал участия в деятельности этого рода, но сообщаю только один известный мне факт. В этом году, в феврале месяце, я познакомился, — не помню, чрез кого, — с одним интеллигентным человеком, легальным, не студентом, который, кажется, был прикащиком у одного московского купца-старовера. Этот человек, столкнувшись с партией, принял года полтора тому назад активное участие в агитации, избрав староверчество своею целью. Из разговора с ним я убедился, что он имеет среди раскольников обширные знакомства, говорит речи о вере, а затем о старине на сходках раскольников, чему способствует теперь начавшееся среди раскола движение в пользу его объединения. Вступая в диспуты с «наставниками» и побеждая их своим обширным знанием тенденций различных сект, начитанностью и знанием условий сельской жизни, он легко приобретает себе авторитет и уважение, чем, нет сомнения, пользуется, распространяя свои рукописи о новой общине, общей вере, выборном царе и т. д. В настоящее время готовит сочинение для простого народа на свою тему о том, как нужно устроиться. Он называл мне некоего Павла Прусского, который своей агитацией тормозит его деятельность, он ищет случая вступить с ним в диспут, надеется разбить его и тогда предложить им свое сочинение,

в котором также проводится мысль об объединении раскола. Нет сомнения, что крестьяне-раскольники разнесут его по деревням. Желябов, между прочим, скептически относится к его деятельности, ради своей формулы, — [ему] кажется, что интеллигентному человеку нельзя действовать в деревне.

При первом моем знакомстве с Желябовым зашел разговор о студенчестве, и Желябов высказал мысли, характеризующие политику партии относительно студенчества. Партия, по мере надобности, сообразуясь с обстоятельствами, должна руководить студенческими движениями, вызывать их или сдерживать. Для этой цели служат связи с студенчеством. Связи эти заводятся чрез нелегальных лиц, бывших прежде студентами и наметивших еще до перехода в нелегальное состояние сочувствующих движению лиц. Этот способ, понятно, самый верный, почти исключающий возможность нарваться на опасного человека. Сообщу несколько известных мне фактов. До рождества Желябов поручил мне составить кружок в Горном институте, познакомил меня с неизвестным мне нелегальным человеком, которому бы я передал знакомство, говоря, что этот специально занимается агитацией среди интеллигенции. Поручения его я не исполнил. С подобной же просьбой Перовская обращалась ко мне неоднократно, но я, хотя и обещал, но не исполнил ее просьбы, кажется, и причин-то мешающих не было.

Михаил Иваныч часто обедал в кухмистерской Технологического института. Другие средства для завязывания связей вряд ли могут быть, но и этого, конечно, вполне достаточно [1]).

Что же касается средств проникновения в военную среду, то я с этим делом почти совсем не знаком. Те отрывочные данные, о которых я упоминал во вчерашнем моем показании, не дают мне ясной картины о ведении агитации среди военных. Дело мне представляется в таком виде: партия старается ввести в военную среду своих последователей. Это — лица, кончившие, напр., курс в каком-либо учебном заведении, напр., среднем, бывшие даже в гимназическом кружке. Под влиянием агитатора, подобное лицо облекается в военный мундир в качестве вольноопределяющегося или даже солдата по призыву, сводится с студенческим или иным революционным кружком и служит, стало быть, нитью, для заведения связей. Офицер, по заявлению Желябова, также образуется подобным путем. Под его прикрытием проносятся в полк революционные издания и иногда, как это было с одной прокламацией, разбрасываются на полу, — солдаты читают и возвращают по начальству. Но этот путь далеко не единственный. Портерная лавка также играет не последнюю роль для завязывания связей. Социалист-рабочий и солдат по обильном излиянии, чувствуя друг к другу симпатию, братаются за стаканом пива, сходятся, и знакомство заведено.

[1]) Этот абзац, не связанный с предыдущим и последующим, очевидно, явился ответом на какой-либо заданный частный вопрос. «Михаил Иваныч» — это третий металльщик 1-го марта, И. П. Емельянов, впоследствии судившийся по делу 20-ти, в 1882 г.

Кружок рабочих также влияет на солдата. Эти данные убеждают меня в том, что агитация среди войск ведется извне, — отдельную намеченную личность стараются развить до социалиста. Впрочем, партия, по крайней мере, член ее Желябов, всегда упирал на ту мысль, что задача их вовсе не быть учредителем всероссийской академии наук, а систематизировать недовольство, для чего даже необязательно быть социалистом, чтобы защитить своею кровью права народа. А поэтому агитатор-солдат, действуя внутри, мог выбирать для предмета агитации недовольство командирами и развивать его шире, не касаясь вполне социалистических тенденций.

Теперь перейду к этой части показания, где должно выяснить планы партии, обрисовать ее замыслы и пути, ведущие к цели. Материалом для этого служат опять-таки отрывочные указания Желябова, который ни разу не высказался определенно по этому поводу, не познакомил нас, членов агитационной группы, с теми практическими приемами, которые приняты партией для достижения цели; доверять же или основываться на печатных заявлениях в данном случае невозможно, потому что ни прокламация, ни орган «Народной Воли» не могли раскрыть всех нитей заговора. Чтобы тайна заговора осталась необнаруженной, Исполнительный комитет считал необходимым не открывать ее лицам, не состоящим в нем членами.

Партия полагает, что путем открытого восстания возможно ниспровергнуть существующий политический строй, при чем добавляет — «и экономический».

Теперь я не войду в рассмотрение истинности этого положения и, основываясь на нем, не отведу настоящего места партии в ряду всех других, а только укажу на путь произвести открытое восстание.

Самое сильное недовольство существующим порядком, разумеется, живет в крестьянском населении, где, нужно заметить, организация, однако, слаба и недовольство не систематизировано партией. В предыдущих показаниях я указывал на институт урядников, как на учреждение, порождающее общее недовольство; теперь укажу еще некоторые причины, которые играют точно такую же роль для всего сельского населения, облегчая дело партии:

1) Незначительность надела, указанная легальными изданиями и утвержденная, как факт, действительно существующий; это обстоятельство породило в крестьянстве веру в черный передел, которую, однако же, правительство не только не поддерживало для парализования недовольства малым наделам, но, напротив, уничтожало московским объявлением, хотя вполне безуспешно.

2) Неравномерность податей с наделами: смоленский крестьянин за надел, вдвое меньший, чем у черниговского, платит столько же при значительно худших условиях. Недоимки и т. д., зависящие от системы налога. Подоходный налог мог бы устранить частью это недовольство, хотя не облегчил бы совершенно участи крестьянина, но избавил бы его от

3) системы взимания налогов, при чем пускается в ход и телесное наказание даже, а становые иногда взимают больше, чем следует, что служит тоже не маловажной причиной для недовольства. Настоящий год столкнул некоторые местности с земскими учреждениями, дал понять их полное бессилие помочь тяжелой участи крестьянина, а в исключительных случаях указал крестьянству на земских деятелей, как на лиц, высасывающих кровь крестьянскую еще больше, чем кулак или урядник. Оренбургская, Уфимская губерния представила такие типы, а дела о сопротивлении властям показали, что земские деятели даже доводят крестьян до таких явлений, которые порождаются только при многолетнем тяжелом страдании и проявляются тогда, когда нет иного выхода кроме смерти от пули Нелединского. Честному дельцу за последнее время существовать и проявлять себя активным заступничеством за крестьянские интересы было невозможно. Обвинение в социализме, как кошмар, тяготело над ним, и самое слово «народ» было каким-то неблагонадежным, о «благе» и толковать нечего. Условия тяжелые, но истинные, к сожалению, потому что время непонимания не думало прекращаться.

Кроме того, земским учреждениям было отведено так мало самостоятельности, что только в исключительных случаях земство не подчинялось требованиям администрации, которая почти всегда подавляла его самобытность, а, стало быть, земство не могло заслужить в народе того солидного авторитета, который парализовал бы стремления партии, указывая на авторитет этот, как на самого надежного помощника и защитника крестьянства.

Воспользоваться недовольством немыслимо для переворота. Деревня, неуверенная в помощи соседней деревни, не встанет на борьбу. Настоящий голод, усиленный различными тяжелыми мероприятиями, раздул недовольство сильно, однако не довел еще до массового движения, но оно вполне возможно при теперешних условиях существования. «Народная Воля» в 4 № приглашает партию готовиться к восстанию, указывая на необходимость почина, при чем отрицает всякий заранее обдуманный план, а рекомендует приспособляться к обстоятельствам, — в 5 № проводит ту же мысль, только о способе вызвать массовое движение говорит яснее, говорит об ударе правительству, который по своему значению должен быть ясен для народа,— вводит новое условие, достигнуть которого сама же отказывается путем пропаганды. 5-й № уже намекает на некоторый план, а именно, необходимо создать силу, которая бы пошла навстречу народа, а в том нет и нужды, что народ не понимает истинного значения царей в стране. Почин принадлежит партии, ее поддерживает созданная ею сила, и, стало быть, победа почти обеспечена, не говоря уже о том, что восстание вызвать невозможно. Интересно в высшей степени наметить еще два обстоятельства, это то, что́ такое сила, о которой толкует партия, и когда возможно восстание. Прежде о восстании. Восстание возможно тогда, когда имеется сильное внешнее давление. Мне по-

мнится, что каким-то революционным изданием указывалось на исключительность настоящего года, на голод, язву на скот и т. д., как на факторы, могущие породить даже самостоятельное массовое движение. Я уверен в том, что партия надеялась на восстание не позже этого года — весны и лета, потому что слышал от Желябова, что среди студенчества и интеллигенции проводится мысль о баррикадах, — те же мысли за последнее время агитировались и среди рабочих. Предмет агитации не нов, конечно, но представляет довольно веский факт в том отношении, что в последнее время был исключительным, а стало быть, указывал на близость восстания, потому что подготовлял к нему. Желябов же, кажется, сказал, что упустить подобный год было бы для партии непростительною глупостью, не сделав всего возможного от нее, ведущего к восстанию. Сила составлялась из рабочих, из интеллигентной молодежи, но притом всегда говорилось, что для этой цели необходима поддержка и в деревне. Как же составить эту силу в деревне? Как «внести в народ программу результатов исторического опыта»? Единственный возможный путь — посредством террора, который без натяжки может быть назван аграрным. Замышляла ли партия осуществить его, не знаю, но знаю, что за последнее время слышались голоса, требующие систематического террора, подразделения его на деревенский и городской. Слышал я, что первый рекомендовался в форме летучего отряда. Прослышали террористы, что в такой-то деревне страшно притесняет народ урядник; приехали, убили и повели рассуждения на тему: «так нужно всегда делать с этими кровопийцами. Грешно им смотреть в зубы. Пожалейте детей своих. Да что? — этого убили, — другого пришлют. Нужно навсегда от них освободиться и таким-то путем, какой советуем мы, такие-то», — и уехали. Приехали в другую, — убили станового, пригрозили помещику, а слух-то растет, отряд неуловим и страшен, с крестьянами обращается дружелюбно, даже деньгами ссужает и от ближайших врагов защищает. Вот и начало образования силы среди крестьянства. Остается только не упускать первого горячего впечатления, т.-е. произвести тот почин, который нанес бы правительству тяжелый удар, и восстание началось. Началось потому, что последний факт покушения должен быть удачен во что бы то ни стало. Более опытные революционеры, напр. Желябов, утверждали, что одного удара недостаточно, необходим целый ряд их, и этому целому ряду покушений он отводил самое широкое место, даже деревенский террор стушевывался пред ним. Для меня теперь вполне ясна мысль, выраженная на конспиративной квартире Перовской, что после папаши нужно приняться за сынка. Объясняю я ее не личным озлоблением Перовской, а глубокою верою в возможность восстания, когда верховная власть хотя на время уничтожена и правление перешло в руки «семибоярщины», панов, господ, министров, не пользующихся авторитетностью среди народа. Крестьянство, поставленное жизнью в тяжелые условия, изнемогающее в борьбе с голодом и ждущее перемены участи только от царя, услышало, что старый убит, да и нового

хотят тоже, или даже убили, а власть вся отдана господам, — слышит оно эти сведения и, понятно, прийдя в полнейшее отчаяние, не зная никакого выхода из своего положения — надежи-царя нет, теряет, срывает с себя те традиции, которые заставляли его терпеть, но позволяли верить, и поднимается, поднимается слепо, само не зная, куда, на кого, видя пред собой только кулака, помещика, Нелединского, Фишера, станового и бьет их из мести за смерть царя. Такое восстание я назвал бы попыткой народного самоубийства. Тут же рядом с ним восстало рабочее население, и его роль — роль народной интеллигенции. Рабочее население восстало потому, что долго сталкивалось с социалистами, уверовало в новую жизнь и поняло, что есть возможность устроить ее. Роль молодежи студенческой, сталкивающейся с рабочими на баррикадах, для меня понятна. Но войско может сразу задушить движение, скажут мне, потому что оно не деморализовано настолько, чтобы бороться против существующего строя. Я не могу ничего сказать о том, победит ли войско партию, или наоборот, потому что не знаю военной организации, но ведь пока рассуждение идет о восстании, а не о цели восстания. Помешать восстанию вряд ли может войско, скорее даже способствовать при удачном новом покушении на жизнь ныне царствующего монарха. Доказать этого нельзя, очевидно, но можно видеть. Солдаты будут видеть себя без вождя, а только под начальством часто несимпатичных офицеров и генералов, и если не будут за восстание, то не успеют, вследствие понятного замешательства и расстройства, прекратить его вначале, а дадут возможность разрастись ему до известных уже солидных размеров, когда некоторые правительственные учреждения перейдут в руки бунтующих.

Всему зачеркнутому и сверх надписанному прошу верить.

Мещанин Николай Иванов Рысаков.

3) Показание 20 марта 1881 г.

Продолжая свое вчерашнее показание, я должен еще коснуться следующего: где восстание легче всего может начаться? Настоящий год, — кроме того, что породил голодовку, — создал еще и «кризис» промышленности. В Петербурге за последнее время, преимущественно зимой, ведутся расчеты рабочих очень энергично, на каждого рабочего при месте есть 9 человек, ждущих работы за воротами завода. Некоторые заводы даже прекратили свое производство. Положение рабочих без работы крайне печальное. Рабочие на работе находятся в полной зависимости от фабриканта, не смеют даже противоречить ему, не говоря уже о стачках, потому что на их место много есть. Рабочие сознают это, сознают свое бессилие противиться эксплоатации фабриканта и в то же время видят, что заводчик вовсе не стесняется штрафовать их без причины, вообще нагло их притеснять, знают, что и к закону обращаться нечего, нечего ждать от него защиты уже по самому существу фабричного законодательства. Положение крайне

тяжелое, а поэтому делает заводское население самым восприимчивым социалистических тенденций [1]).

Я укажу на следующий факт: я получил от Желябова и Перовской около 100 экземпляров «Рабочей Газеты» № 1, и он у меня разошелся в очень непродолжительном времени — в неделю или полторы, при чем почти ни одного нумера я не отдал лицам интеллигентным, а на свиданиях по портерным и трактирам собственноручно раздавал рабочим, даже незнакомым, приглашая их распространять, на что получал согласие с полною готовностью. Какова их участь, могу сказать приблизительно. Был только один факт в моей деятельности, когда рабочий, испугавшись чего-то, сжег оставшиеся у него 4—5 экземпляров. На последующих свиданиях мне говорили, что читают в одиночку, передают потихоньку дальше, читают и большими группами на заводах, и даже «мастера слушают», — подбрасывают на улице навстречу идущим рабочим, а затем несут в чернорабочие артели, где читают с пояснениями, отдают ломовым извощикам, крестьянам, живущим по окраинам города. Я просил возвратить нумера, потому что их нужно отправлять в провинцию, но ни один мне не был возвращен, а на человека, их сжегшего, мне жаловались и просили его выбранить. Поэтому, зная число лиц, входящих в агитационную группу, я могу утвердительно сказать, что, по меньшей мере, первого нумера разошлось около 600 экземпляров. Второй нумер я распространял, уже будучи членом группы, и могу утвердительно сказать, что число экземпляров, разошедшихся среди рабочих, не меньше, чем в первый раз, так как каждый из нас получил по 100 экземпляров, которые распространились у меня в первые три дня, но в то время я имел уже знакомых учителей в своем районе, при посредстве которых распространялись добавочные нумера, и учителя у меня требовали 1-го нумера, потому что и на него был спрос. За последнее время был поднят вопрос о том, сколько есть знакомых рабочих, которые вполне уже выяснились как революционеры, самостоятельно ведут дело и не нуждаются в поддержке интеллигентных членов рабочей группы, т.-е. таких, которые для движения играют ту же роль, как и революционные учительские кружки. Такому рабочему отсутствие агитационной группы не представляет большой беды, — он уже твердо стоит на своих собственных ногах. Таких рабочих я в своем районе не имел, но указал на 8—10 чел., которые приближаются к таким. Остальные члены дали сведения более удовлетворительные, и число таких рабочих простиралось до 100—150. Деревня, по корреспонденции, помещенной в «Молве» (она у меня записана целиком в памятной книжке), выслала в город С.-Петербург десятки тысяч голодных крестьян, с которыми рабочие самостоятельно заводят связи, это те крестьяне, которые живут артелями по окраинам города, ищут работы, а поэтому сталкиваются с агитаторами-рабочими, они пока не были доступны для интеллигентных

[1]) Так в подлиннике.

тяжелое, а поэтому делает заводское население самым восприимчивым социалистических тенденций [1]).

Я укажу на следующий факт: я получил от Желябова и Перовской около 100 экземпляров «Рабочей Газеты» № 1, и он у меня разошелся в очень непродолжительном времени — в неделю или полторы, при чем почти ни одного нумера я не отдал лицам интеллигентным, а на свиданиях по портерным и трактирам собственноручно раздавал рабочим, даже незнакомым, приглашая их распространять, на что получал согласие с полною готовностью. Какова их участь, могу сказать приблизительно. Был только один факт в моей деятельности, когда рабочий, испугавшись чего-то, сжег оставшиеся у него 4—5 экземпляров. На последующих свиданиях мне говорили, что читают в одиночку, передают потихоньку дальше, читают и большими группами на заводах, и даже «мастера слушают», — подбрасывают на улице навстречу идущим рабочим, а затем несут в чернорабочие артели, где читают с пояснениями, отдают ломовым извощикам, крестьянам, живущим по окраинам города. Я просил возвратить нумера, потому что их нужно отправлять в провинцию, но ни один мне не был возвращен, а на человека, их сжегшего, мне жаловались и просили его выбранить. Поэтому, зная число лиц, входящих в агитационную группу, я могу утвердительно сказать, что, по меньшей мере, первого нумера разошлось около 600 экземпляров. Второй нумер я распространял, уже будучи членом группы, и могу утвердительно сказать, что число экземпляров, разошедшихся среди рабочих, не меньше, чем в первый раз, так как каждый из нас получил по 100 экземпляров, которые распространились у меня в первые три дня, но в то время я имел уже знакомых учителей в своем районе, при посредстве которых распространялись добавочные нумера, и учителя у меня требовали 1-го нумера, потому что и на него был спрос. За последнее время был поднят вопрос о том, сколько есть знакомых рабочих, которые вполне уже выяснились как революционеры, самостоятельно ведут дело и не нуждаются в поддержке интеллигентных членов рабочей группы, т.-е. таких, которые для движения играют ту же роль, как и революционные учительские кружки. Такому рабочему отсутствие агитационной группы не представляет большой беды, — он уже твердо стоит на своих собственных ногах. Таких рабочих я в своем районе не имел, но указал на 8—10 чел., которые приближаются к таким. Остальные члены дали сведения более удовлетворительные, и число таких рабочих простиралось до 100—150. Деревня, по корреспонденции, помещенной в «Молве» (она у меня записана целиком в памятной книжке), выслала в город С.-Петербург десятки тысяч голодных крестьян, с которыми рабочие самостоятельно заводят связи, это те крестьяне, которые живут артелями по окраинам города, ищут работы, а поэтому сталкиваются с агитаторами-рабочими, они пока не были доступны для интеллигентных

[1]) Так в подлиннике.

революционеров. Все эти обстоятельства, т.-е. голод в деревне, выгнавший крестьян в город, промышленный кризис и т. д., создали в С.-Петербурге такой слой населения, который легко может быть сравнен с порохом, ждущим только искры.

Те же обстоятельства создали по другим городам, преимущественно фабричным, такой же слой. Обратите внимание на то, что острог для крестьянина теперь не кара, а теплое укромное местечко, где можно пить и есть. Кандидатов в городские остроги мало. Летом я слышал, что в Петрозаводске закрываются заводы и рабочие идут по деревням с преступными целями. Но в одном ли это Петрозаводске? Эти данные необходимо должны привести к такому заключению, что если городское заводское население и меньше пропитано недовольством, похожим на недовольство села, т.-е. прямо против начальства, то имеет право быть недовольным своим материальным положением, а деятельная агитация развивает в них революционные чувства, — агитация даже помимо агитационной группы или всей даже партии «Народной Воли». Существуют связи с фабричными провинциальными городами, что тоже легко может быть установлено, а, стало быть, общее впечатление при взгляде на положение дел таково: почти повсеместно есть слой населения, создавшийся нынешними тяжелыми условиями, слой легкий, подвижной, скоро воспламеняющийся. Ряд покушений может заронить искру в этот порох, потому что, будь новое покушение удачно, оно, передав власть непопулярному панству, разбило бы последние надежды этого слоя и подняло бы его. Восстание, очевидно, началось бы в С.-Петербурге, оно бы служило сигналом для восстания в прочих городах и в деревне, сигналом для поспешного образования летучего отряда, который дал бы деревне следующий толчок и поднял бы при самых благоприятных условиях.

В настоящую минуту партия находится в таком положении, какого добивалась многие годы. Ей предстоит решить вопрос, добиваться ли восстания, или нет? Если добиваться, то это значит неуклонно стремиться к цели, несмотря ни на какие жертвы, это значит дать товарищам, заключенным по центральным тюрьмам, давно желаемую свободу, которую последние осужденные надеются получить и т. д.; — препятствием может служить только боязнь за то, что партия не овладеет движением, да разве еще недостаток сил для того, чтобы заронить искру. Но когда партия может овладеть движением, как бы она этого желала? Я думаю, только тогда, когда организация заговора считает число своих членов тысячами, десятками тысяч, а не единицами и десятками, когда эта организация настолько сильна, что имеет своих агентов в каждой деревушке, в каждом поселке, когда агенты связаны между собою возможностью скоро и быстро сообщаться. При отсутствии такой организации даже и сочувствующая идеям партии народная интеллигенция, т.-е., напр., рабочие, не могут помочь всецело овладеть восстанием, потому что при самых лучших условиях, когда $^1/_3$ городского заводского населения была бы сочувствующей, она

относилась бы ко всему недовольному населению, приблизительно как 1 : 120 или 1 : 160, притом интеллигенция сплочена в городах, а крестьянство разрознено по редким, редко населенным деревням. Стало быть, овладеть движением для партии невозможно настолько, чтобы победа была вполне обеспечена, да не только победа, но партия не могла надеяться на то, что может повести организацию уже существующую и заявить на баррикадах свои тенденции и эти тенденции были бы всем желательны. Но партия, добившись восстания, уже при восстании «практическим» путем с оружием в руках пропагандировавала бы новый строй, поддерживаемая сочувствующею народною интеллигенциею. Да притом и самый способ произвести восстание при самых благоприятных условиях отрицает возможность всецело овладеть им. Партия стала [бы] руководить восстанием только в таком случае, если авторитет ее для крестьянства не меньше, если не больше, авторитета царя. «Народная Воля» сама отрицает подобное условие в передовой статье № 5. Но, положим, что такой авторитет существует. Значит, партия смело может начать борьбу, надеясь на успех. Но во время борьбы необходимо случится то, что авторитет этот поколеблется и сочувствие к партии ослабеет, потому что массы, хотя бы сочувствующие, не могут пропитаться в той степени боевым чувством, чувством мести, желанием поставить во что бы то ни стало на своем, не взирая ни на какие жертвы, в какой может проникнуться крохотная группка лиц, стоящих впереди и не могущих отступить. Энергия и решимость партии в деле почина оттолкнет от нее большинство, потому что большинство это завсегда предпочитает мир — крови. Пример этому представляет история прежних покушений — агитация среди рабочих на месяц или два после покушения теряла почву, пока первое впечатление не забывалось. Партия хорошо сознает это, а поэтому и заявляет, что нет нужды, если открытое заявление вражды к верховной власти поставит народ к партии во враждебные отношения, и поэтому безусловно доверяет идее уничтожения правителей, как пригодной произвести восстание, но и только. Положив начало осуществления этой идеи 1 марта удачным покушением, она стоит на распутьи, как я уже сказал выше. Ей предстоит разрешить в высшей степени важный вопрос — итти ли дальше по намеченному пути, или остановиться. Остановиться она может, как я указал, только по двум причинам: боязнь не овладеть восстанием и недостаток сил продолжать начатый террор. Продолжать дело партию побуждает то обстоятельство, что настоящее экономическое положение именно таково, что благоприятствует восстанию и что подобный год исключительный, упускать его — непростительная глупость, потому что вновь такие условия вряд ли могут создаться скоро, так как правительство постарается «замазать дыры», а, стало быть, впоследствии трудно будет опять встать в подобные условия. Для самих же членов партии открытое восстание гораздо приятнее той тяжелой подпольной борьбы, которую ведут они, — в восстании они видят единственный исход из своего

положения, которое заставляет завоевывать каждую минуту свободы конспирацией. Во время восстания они вздохнут свободной грудью. Стало быть, восстания требуют и их личные интересы, — умирать, так лучше открыто на баррикаде, чем в централке или на виселице. Не достаточно ли рельефно обрисовывают эти рассуждения мое заключение о том, что партия скорее поведет дело вперед, чем остановится и станет выжидать политики ныне царствующего Александра III? Мне все-таки, по личному моему чувству, как-то страшно настаивать на этой мысли, даже если бы она [являлась] вполне априорной и не подкреплялась доказательствами, фактами, словами и т. д. Я говорю, что мне страшно настаивать на этой мысли, потому что это значит видеть пред собой новую тяжелую картину крови и террора, но я ее провожу, основываясь на вышеприведенных словах Перовской. Проводя такую мысль, мне необходимо напречь всю свою логику, все свои умственные способности, чтобы она была истинною. Поэтому я теперь, основываясь на моем знакомстве с партией, с ее идеями, проповедуемыми в ее органе, постараюсь разрешить такой вопрос: насколько партия заботится об обеспечении победы. Я не задаюсь вопросом более общим, не поставленным на личную почву, но именно таким, в котором слышится даже упрек партии.

Рассуждая с каким-то, не помню, революционером (не Желябов) о восстании, я слышал от него, что партия не имеет нравственного права препятствовать ему, хотя бы оно было подавлено, но должна способствовать всеми своими силами, потому что подавленное восстание не убивает народный дух, а кроме того, что доказывает возможность восстания, дает известное политическое развитие, знакомя с правительством на деле. А знакомство это таково, что ставит народ во враждебное затаенное положение к правительству. Рассуждение это не безынтересно в данном отношении и подкрепляет ту мысль, что партия больше шансов имеет итти вперед, к восстанию, чем стараться отклонить его, ради того, что победа не обеспечена. Далее, если вглядеться в то, что сделала партия до покушения, как приготовляла она организации к мысли о баррикадах, при каких условиях совершила свое покушение, то мне кажется, что она серьезно не задавалась подобным вопросом: «а что из этого (восстания) выйдет?».

Поэтому теперь моя задача — рассмотреть те приготовления, которые обеспечивали победу. Начну с рабочей организации. Агитационная группа, тесно связанная с своим террористическим отделом, потому что членами той и другой были почти одни и те же лица, чуть ли не целиком погибла при покушении. Погибла не ради случайности, а ради того, что члены ее вышли добровольцами: Перовская, Желябов, Котик и я. Значит, самая плодотворная организация, народная интеллигенция еще до покушения могла считать себя лишенной руководства, лишенной связи с партией, потому что большая половина членов группы жертвовалась на покушение. А при солидном желании победы подобного условия быть не могло, агитационная группа должна бы

целиком сохраниться, а дело покушения вестись Исполнительным комитетом. Сельская организация тем же обстоятельством лишалась связи отчасти с партией, именно настолько, насколько городское заводское население влияет на деревню. Значит, партия, начиная восстание, своими руками обрывала те нити в городской рабочей и сельской крестьянской организации, которые дали бы ей возможность овладеть движением. Еще остается вопрос о военной организации, самой существенной в деле восстания, потому что от нее зависит не только исход борьбы, но и самое движение. Я не знаю совсем военной организации, но ведь понятно то, что если бы партия задумывалась серьезно о победе, то она дала бы указания членам агитационной группы на поддержку, уверила их в ней, а этого не было. Поэтому и здесь замечается то же отношение к желаемому руководству в движении, что и в других организациях. Я думаю, что, прибавив то обстоятельство, что баррикады агитировались только за неделю, maximum, до покушения, можно видеть, насколько легко партия относилась к обеспечению победы, к овладению, наконец, движением и стремилась только произвести восстание. Сама же она высказала, что ей нужно применяться к обстоятельствам во время восстания, а «только революционное доктринерство создает заранее планы». Это последнее веское доказательство того, что партия найдет лучшим итти вперед, к восстанию, чем ждать плодов нового царствования.

Всему зачеркнутому и сверх надписанному прошу верить.

Николай Иванов Рысаков.

Из записной книжки архивиста.

Из переписки С. М. Кравчинского.

Печатаемые ниже письма [1]) написаны С. М. Кравчинским в самую яркую пору его жизни, летом 1878 г., когда, как он пишет А. М. Эпштейн, «река его находилась в полном разливе». Он приехал в Россию с намерением создать нелегальный орган, который и начал вскоре выходить при его ближайшем участии. В то время, когда были написаны эти письма, Кравчинский задумал и осуществил один из самых смелых и удачных террористических актов — казнь Мезенцева. Он описывает его в письме к друзьям, жившим за границей — В. И. Засулич, А. М. Эпштейн и Д. А. Клеменцу. Первое письмо, адресованное В. И. Засулич, кроме характеристики П. А. Кропоткина, содержит некоторые указания на то, в каком разрезе обсуждались программные вопросы землевольческой организацией летом 1878 г., перед основанием журнала «Земля и Воля». Оно представляет также ценный материал для характеристики взглядов самого Кравчинского. Письмо к А. М. Эпштейн дает еще больше для характеристики его, как человека, его отношения к жизни, к людям, к любви. Эти письма, дополняя друг друга, всесторонне освещают внутреннюю жизнь одного из самых крупных революционеров-семидесятников.

Письма воспроизводятся с подлинников, хранящихся в II секретном архиве III отделения с. е. и. в. канцелярии. Они были перехвачены на почте. На это указывает наличие одного только петербургского штемпеля на конвертах. Даты установлены по штемпелю конвертов. Все особенности подлинников отмечены в подстрочных примечаниях. В квадратные скобки заключены восстановленные окончания недописанных слов.

Э. Корольчук.

1. Письмо С. М. Кравчинского к В. И. Засулич от 24 июля 1878 г.

Дорогая! Очень благодарен вам за ваше доброе, хорошее письмо, написанное в ответ на мое с целью моего успокоения. Да, вы правы (как всегда, впрочем!). Большего желать было бы бесстыдством, и потому буду скромен и терпелив, в надежде, что терпеть не долго придется. Ваше второе письмо получил только сегодня, и даже получил его — знак великой благосклонности — от Маши [1]) на дом для скорейшего ответа. Последнее было с моей стороны, разумеется, военной хитростью. Я очень хорошо помнил, что написано в вашем письме. Мне просто хотелось на свободе прочесть его еще несколько раз. Ужасно не люблю читать хорошие письма на людях.

Не поверите, милая, как живо каждая строчка вашего письма рисовала мне вашу обстановку. Ведь и Реклю

---

[1]) Об этих письмах см. ст. В. Я. Богучарского «В 1878 году», помещенную в «Голосе Минувшего», 1917 г., № 9—10, стр. 119—120.

с своею аккуратною и умеренною жизнью и с библиотекою географии, географии и опять таки географии, и Кан, бегающий следком за Дмитрием [2]), и даже Петька (Крп) [3]), — все это у меня, как живое, стоит перед глазами. Все верно до мелочи, точно фотография. Не совсем согласен я только с тем, что вы насчет Петьки говорите. Не знаю, виновата ли в этом краткость вашего письма, вследствие чего вы недостаточно ясно высказались , или же краткость вашего свидания с Кропоткиным, вследствие чего вы не успели вполне его узнать, но только тот портрет, который нарисован в нашем письме, — не его портрет. Прежде всего, он решительно неспособен командовать и еще менее организовать кого-нибудь. Он человек идеи, но идеи бесплотной, абстрактной и кабинетной, а не облеченной в плоть и кровь практической жизни. Он совершенно лишен той гибкости, того умения применяться к человеку, к настроению минуты и обстоятельствам, которое дает человеку возможность вести множество людей к той цели, которой он хочет. Он, заметьте, не щадит никогда никого, совершенно не умеет у б е д и т ь несогласного. Может только увеличить рознь между им и собою. У него всегда одно: интерес идей, убеждения, а вовсе не практический результат; о нем он совершенно не думает. Таким образом не создашь себе кружка, не организуешь партии. Но в нем есть зато огромные достоинства, — это большая импульсивная сила: всякое свое убеждение он высказывает, как фанатик, теоретик, сжившийся, сроднившийся со всякой своей мыслью, связавший и сцепивший ее со всем своим миросозерцанием. Что до меня, то я решительно затруднился бы сказать, будет ли он играть роль в русском движении, т.-е. б о л ь ш у ю, или нет. В нем столько противоположных качеств: великая сила убеждения и полная непрактичность, абстрактность, о которой я говорил.

Но это все не так важно. Я очень верю в ваше чутье; к тому же у вас был и оселок, о который вы могли испробовать твердость ваших представлений, — это Дмитрий, знающий его чуть ли не десяток лет.

Мне бы хотелось подробнее поговорить с вами на счет окончания вашего письма. Вы пишете, что взгляды его абсолютно тождественны со взглядами киевлян. Я думаю, что вы не точно выразились: с Кропоткиным я был и остаюсь совершенно несогласен, с киевлянами же не согласиться может только самый отчаянный резонер, буквоед и теоретик. Тяжелый опыт нескольких лет не мог не убедить всякого трезвого человека в том, что «научный социализм», социализм западный совершенно отскакивает от русской массы, как горох от стены. Конечно, работа стольких людей, работа такая пламенная и страстная, не могла не дать плодов. Но ведь это крупицы. Много ли в рядах социальных революционеров крестьян и рабочих? Велико ли процентное отношение их к представителям элемента инициаторского, по преимуществу интеллигенции? Хорошо, если один на 10—20 найдется. И так 10—20 человек приобрели одного. А посмотрите: ведь народ тоже живет своею умственною жизнью. В нем тоже происходят свои умственные движения. Какой-нибудь отставной солдат, баба еле грамотная увлекают за собою толпы, проповедуя белиберду, от которой ему в сущности ни тепло, ни холодно. Мы же, представители самых жизненных интересов, носители всяких прогрессов, мы проходим не понятые, не услышанные. Нам только много, много, коли песчинки некоторые удается отковырять от громадной стены. Сама же она остается все так же толста, непроницаема, непреодолима. Понятно, что толпа бьющихся головою об стену, наконец, почувствовала изнеможение. Начинается новый, очень серьезный период в нашем движении. Все почувствовали, что таким путем, каким шли до сих пор, итти дальше нельзя. Необходимость приноровиться к местным условиям, прислушаться к голосу массы, войти в круг ее мировоззрения созналась всеми. Но тут-то и начинается разногласие: одни, книжники, довели это стремление до абсурда, до полного порабощения своей

личности и своих стремлений миросозерцанию масс. Народ ждет благ от царя. Провозгласим царя, и пусть он ему даст то, что ему хочется. Народ ждет приказаний от царя. Дадим же ему во главу царя. Насколько это абсурдно, — говорить мне нечего.

Другие же, не теоретики, а практики, увидели, что дело не так еще отчаянно. Они нашли возможным провести в народ свои идеалы, свое миросозерцание, но только под формою, в одежде народной. Их уступка чисто формальная, внешняя. Элемент нелепый превращен в трансцендентальную фикцию, которая так же мало мешает принципам правдивым, настоящим, из него вытекающим, как не мешает, напр., совершенно абсурдная или, по крайн[ей] мере, метафизическая теория атомов и молекул научным выводам новейшей химии, как теория бесконечно малых не мешает дифференц[иальному] исчислению. Понимаю: орудие обоюдо-острое. Только в к а ж д о м д а н н о м случае можно решить: взята ли только одежда народная, или же в угоду ему вместо истинного бога дают для поклонения идолище поганое, как Аарон жидкам в пустыне.

Вы совершенно правы: дать ребенку или дурачку в руки такое оружие,— непременно сам себя поранит. Очень опасная эта вещь, нужно все силы направить, чтобы этот нож не попадал в неумелые руки. Для этого одно, конечно, не совершенно радикальное средство, это возможно широкий союз всех действующих сил. Это-то составляет теперь нашу и мою специальную цель. Но об этом в другой раз. Сегодня же мне хотелось только разъяснить, насколько возможно, разницу между воззрениями Петра и нашими, — подразумевая меня и моих новых друзей.

Теперь мне хотелось бы поболтать с вами о всякой всячине, да только некогда: нужно еще два письма написать. В особенности это Анке [4]) нужно. Совсем она меня изъела своим вечным огорчением. Ради бога, милая, вы, наверное, можете на нее воздействовать,— убедите ее, когда увидите, что неписание писем и потеря привязанности вовсе не тождественны. Пусть вам пример с вашей разлюбезной Машенькой послужит ей фактическим доказательством.

Кстати. Скажите: такая ли вы закупоренная коробочка, как Маша, или в вас есть щелочки, сквозь которые можно проникнуть. А у ваших теперь новый приятель — это мой Морозик [5]). Я уже начинаю даже ревновать его к ним и имею тем более к тому причин, что Маша хочет его похитить, а Морозик ничего лучшего не желает, как быть похищенным.

Скажите, бога ради, что это с Митенькой? Когда же, наконец, он приедет? [6]). Конечно, с одной стороны, я этому радуюсь, потому что должен он сильно поздороветь, растолстеть: в противном случае мы прямо станем обвинять его в том, что он не оправдал нашего доверия. Но, согласитесь, ждать с минуты на минуту (как он это сам писал), и это в течение недель и месяцев, очень уж томительно.

Скажите ему, кстати, если еще имеете возможность, чтобы он ни в каком случае не заезжал ко мне прямо на мою старую квартиру.

Ну, прощайте пока, голубушка! Не пишу ничего ни о делах, ни о прочем. Ваши приятели [7]), наверное, навестят вас и, конечно, обо всем вам расскажут лучше, чем бы я это в десяти письмах мог сделать.

Прощайте же. Крепко вас обнимаю.

Ваш Сергей.

2. П и с ь м о С. М. К р а в ч и н с к о г о к А. М. Э п ш т е й н от 24 и ю л я 1878 г.

Милая Аночка! Вере писал на толстейшей, поэтому тебе приходится писать на тончайшей, так наз[ываемой], конспираторской. Совсем ты меня, моя милая Чуточка, совсем со свету сжить хочешь своими огорчениями. Очень интересно мне твоего Митеньку повидать. Неужели и он не смог разубедить тебя? Мне просто невозможно было удержаться от улыбки, когда я читал твою иеремиаду насчет того, что и с ним тебе предстоит вскоре раз-

рыв. Ну уж — хватила мимо Сидора да в стену, как выражается Николай Иванович! Ну да об Митеньке мне просто и говорить смешно. О себе тоже по-настоящему не стоит, но так уж скажу по невозможности удержаться от свойственного человеку пустословия. Пойми ты ради всех угодников, что если я не пишу тебе так часто, как из Женевы, наприм., так ведь это совершенно натурально и объясняется вовсе не переменою отношения, а теми условиями, в которых я нахожусь.

В Женеве я жил исключительно кабинетной жизнью; делать, думать о чем-нибудь стоющем решительно не было никакой возможности. Понятно, что личные чувства выступили на поверхность, как подводные камушки и островки во время пересыхания реки в засуху. Теперь река моя находится в полном разливе, она не только заполнила все свое русло, но стремится залить и окрестности. Понятно, что прежних камешков и островков, зеленевших на поверхности, уже не видно. Но значит ли это, что они исчезли? Совсем нет. Присмотрись в хорошую погоду, и ты на дне реки увидишь их все такими же, как и были. Придет, быть может, лето, солнце снова высушит избыток воды, и они опять появятся на поверхности такими же цветущими, а, быть может, и более, под влиянием всеосвежающего и оплодотворяющего осадка от полноводья.

Поняла? Нет... Ты ведь совсем беспонятная, уж и не знаю, что делать с тобой. Нет, постой. Знаю я такое слово, и если и оно на тебя не подействует, так остается только рукой махнуть. Надеюсь, ты не сомневаешься в том, что я люблю своего Морозика. Ну, так представь себе, он уезжал на полтора месяца на юг, и за эти полтора месяца мы ни разу не обменялись письмами. Значит ли это, что наша взаимная привязанность слабее, чем прежде? Конечно, нет. Все дело в том, что любовь к человеку, как бы она сильна ни была, всегда один из островков на реке нашей обществ[енной] жизни. И всякого человека эти привязанности как-то погружают на дно, когда общественная жизнь течет рекой. Может статься, что не у всех так бывает. Я это очень хорошо знаю: есть ведь и реки такие. Но у меня это так. Если ты не находишь, стало быть, нужным усумниться во всех моих привязанностях ко всем людям, без различия того, связаны ли мы одними, напр., личными чувствами, или также общностью работы, — то нет тебе ни малейшего основания сомневаться и в моих отношениях к тебе.

Поняла? Ну уже теперь как знаешь. Я сказал свое слово, и лучшего у меня нет.

Третьего дня послал, наконец, 100 рублей. Не пишу Рот [8]), потому что очень уж мне стыдно. Я никак не воображал, что так затянуться может. Видишь ли: я теперь хочу следовать такому правилу: пока я не принимаю участия в каком-нибудь частном предприятии, требующем полного посвящения ему всего своего времени, к[а]к, напр., лечение опасно больных и т. п., я намерен добывать себе средства к существованию исключительно своим трудом. Конечно, если я при каком-нибудь деле, вроде упомянутых, — следовать этому правилу было бы чистым идиотством. Но тем строже мне хотелось бы быть в этом отношении, когда я не при частном деле, а при делах вообще. Долг мой мне хотелось во что бы то ни стало уплатить своими личными средствами. От этого-то и произошла та задержка, которая действительно переходит всякие границы.

Скажи Рот и Сев., что я кланяюсь им в ножки, благодарю за долготерпение и прошу прощения за свои прегрешения. Они добрые, наверно, простят.

Рот скажи, что Измаила Викторовича я еще два раза встречал. Но теперь я уже не заговариваю с ним, а только незаметно киваю ему головой, потому что моя особа на улице внушает помянутому Измаилу неописанный ужас.

Ах, да! Был третьего дня в гостях у Сашечки [9]). Попрежнему мила, бодра, несокрушима. Что за прелесть этот человек! Просто слов нет, которыми достойно воспеть эту мать богатырскую. Видел там же и Ларочку [10]).

с Анной Дм[итриевной] [11]). Обе просто так и сияют, что им открыли, наконец, двери литовского рая! Знаешь, их сначала опять не хотели принимать, потом смилостивились и взяли. Видел также и Катю — не твою, а киевскую [12]). Наша же заперлась в своем недоступном замке и никого к себе не пускает. Только раз я и был у нее. Теперь же только обмениваемся поклонами.

Ох, чувствую, чего тебе хочется! Ну, изволь. Я свободен, как ветер, и холоден, как сталь. Бог с ними со всеми сантиментами. Не для меня они, видно, ей-ей. Я очень молод д у х о м и теперь чувствую, что или никогда, или очень не скоро постарею. Но сердцем я стар, стар, как старик. Без рисовки, без преувеличения: я глубоко убежден, что личная моя жизнь кончена. После того, что я пережил, нужно что-нибудь феноменально, нечеловечески прекрасное и великое, чтобы я действительно мог почувствовать л ю б о в ь. Человек, женщина может внушить мне только страсть, соединенную и облагороженную дружбой. Это совсем не любовь. Конечно, я нисколько не считаю предосудительными такие связи. Но ведь если эти чувства будут вызваны женщиной с глубокой душой, то поддаться им — значит разбить ей жизнь, п[отому] ч[то] получать крохи за все сокровища души, которые она дает, это значит — навсегда носить зияющую рану в груди. Что же, значит, остается в личной жизни? Остальное понимаешь,— что могут дать легкие чувства к легкому человеку.

Ну, да что об этом. Будет ли что, или не будет, теперь-то я совсем, безусловно свободен и не намереваюсь надевать на себя никаких уз. Все это, милая, суета сует! Одно есть счастье в мире и одно несчастье. Это — мир со своей совестью и отсутствие мира с совестью. Все, все остальное вздор и пустяки. Все можно перенести не поморщившись, не сморгнувши глазом, все, кроме этого [1]).

[1]) Окончания нет. Письмо, повидимому, сохранилось не полностью.

3. П и с ь м о С. М. К р а в ч и н с к о г о к В. И. З а с у л и ч, А. М. Э п ш т е й н и Д. А. К л е м е н ц у от 12 а в г у с т а 1878 г.

Милые друзья! Пишу вам всем троим вместе, потому что не уверен, удастся ли писать каждому в отдельности. Вы, я думаю, сильно огорчены, что после своего первого дебюта на петербургской сцене, дебюта, о котором так много трещали наши не по заслугам благосклонные ко мне петербургские газеты, я от себя ни одной строчкой не уведомил вас ни о своем настроении, ни о планах на будущее, ни о чем, одним словом, что вас так должно было интересовать. Не потому не сделал я этого, чтобы чувствовал знакомое всем артистам после первого появления на сцене своего рода оцепенение. Нет, его у меня не было и следа. Мне просто не хотелось отвлекаться от одной весьма серьезной и спешной литературной работы, которую мне пришлось сооружать эти дни [13]). Теперь она кончена, отправлена в типографию и на-днях выйдет в свет. Пока я свободен и потому пишу. Что вам сказать о себе? Сказать есть так много, что, право, не знаешь, стоит ли начинать говорить, п[отому] ч[то] ведь всего не перескажешь. Лучше уж не буду ничего говорить. Отложим до свидания. Скажу только, что я совершенно здоров и ничего не чувствую.

Мне нужнее поговорить о другом: о приезде Дм[итрия], что, он думает — ехать или нет? Если его задерживают деньги, то пусть напишет, и они будут ему немедленно высланы. Если же что-нибудь другое его задерживает, то пусть уведомит немедленно. Откладывать долее того дела, которое мы с ним думаем затеять, невозможно. Осень на носу, публика съедется с дач и провинции, начнется сезон. К началу его должны быть готовы и мы. Иначе потерпим большие убытки. Да и, наконец, мы уже объявили печатно, что откроем дело с июля или августа. Значит, нужно сдержать обещание. Пусть же торопится. Меня он найдет через своего Доктора [14]) или Николая Алексеевича [15]), которым

сообщу свой адрес. Теперь же написать его не могу, потому что еще не нанял квартиры, а старую оставил. Только пусть не тянет, повторяю.

Мой воробеюшка [5]) в настоящую минуту в провинции на одной довольно занимательной и дешево стоющей экскурсии. Боюсь смертельно, что вот-вот нагрянет. С ним и то сладу не было. А теперь будет, боюсь, еще хуже. Нужно будет его задержать, этак, до конца августа. Тогда пусть приезжает. Это и нужно. Ты, Митенька, к концу августа должен быть непременно здесь. Лучше если раньше, но последняя неделя августа самый последний срок. Ты нам совершенно руки связываешь своим отсутствием. С одной стороны, не хочется начинать без тебя, с другой — невозможно откладывать за август.

Теперь вам, милая Верочка, два слова. Во-первых, кланяюсь вам в ножки, во-вторых, прошу вас перевести на французский язык ту книжечку, которую вам вышлю [1]). Когда прочитаете ее, увидите сами, насколько интересна она для иностранцев и какую выгодную вещь можно сделать, напечатавши ее. Правда ли, что собираетесь в Лондон? Пишите, пожалуйста, по тому адресу, который передадут вам хлопцы. Получили ли вы его? Если нет, то пишите по вашему старому адресу. Через несколько времени пришлю вам новый. Ну, как вы себя чувствуете, милая? Скучаете, небось? Знаете, мне кажется, что посидеть вам еще малость, поправиться еще немножко да и ехать, благословясь, к нам на юг. Климат у нас хороший — ведь на юге. Во всяком случае, пишите побольше и почаще.

Вас всех, конечно, интересует узнать что-нибудь из частных источников о злодейском убийстве благородного шефа жандармов, о котором до сих пор только и говорит петербургская публика, забыв и коварного Биконсфильда и восточный вопрос. То, что писано в газетах, вы знаете. Но они не могут дать понятия о том возбуждении, которое овладело Петербургом. По Пассажу точно рекой текла толпа с Михайловской на Невский: это все возвращались шедшие смотреть на самое место кровавой драмы. В первое время все точно оцепенело, просто не верили, до такой степени факт был неожиданный. Поражало не столько самое преступление, сколько его отчаянная дерзость, заставлявшая предполагать либо невероятную смелость, либо страшную силу организации злодейской шайки. Конечно, в публике были склонны видеть скорее последнее. Ничего не предполагавшее общество вдруг почувствовало, что у него под ногами какая-то страшная подземная сила, стремящаяся все перевернуть. Впечатление было сходно с тем, какое было бы, если бы город узнал в одно прекрасное утро, что под него подведены подземные мины. Паника в административных сферах очень, говорят, сильная. Чиновники, самые мелкие, перестали выходить к просителям. Один, служащий где-то в канцелярии столоначальником, воскликнул, что теперь — такое время, что и на улицу страшно выйти, не только просителей принимать!

Ужасное время, ужасные сердца!

Говорят, что когда доложили государю, он побледнел, задрожал и выронил из рук бумагу, которую читал. Ужасно, ужасно! Куда мы идем!

Теперь ведется следствие, которое, к стыду полиции, не открывает ровно ничего. Не могут найти даже лошади и экипажа или хоть какой бы то ни было улики. Слух о назначении 50 тысяч за голову преступника оправдывается. Ходят слухи, что давший — лицо очень высокое. Слышно, что идет подписка между знатью, чтобы еще увеличить приз! О, господи, до чего мы дожили! Но едва ли что из этого выйдет. Если преступники были настолько хитры и смелы, чтобы совершить убийство, то уж подавно они сумеют укрыться. А между тем полиция, вероятно, из позорного страха перед угрозами, вместо того, чтобы схватить всех без исключения мало-мальски подозрительных и держать их без конца, как это было бы сделано прежде, пока что

[1]) Об убийстве Мезенцева выслана при следующем письме. — (Прим. сделано карандашом, внизу письма.)

нибудь не откроется, полиция берет то того и другого и выпускает на другой, на третий день, несмотря даже на найденные книжки, фальшивые паспорта и печатки, уличающие в явной принадлежности к подпольной организации. Говорят, что была арестована некая Лебедева, Татьяна [16]), из судившихся, кажется, по большому процессу, и выпущена, даже не выслана из Петербурга, хотя перед тем она разыскивалась! Вот до чего мы дожили! Был арестован и некий Емельянов [17]) и тоже выпущен, Петропавловский, скрывавшийся, и тоже выпущен! И притом, все, точно провинившиеся, извиняются: простите мол, что потревожили, это не я, не я, не мы, не мы! Как поется в одной оперетке известного композитора [18]). Да, чудны дела твои, господи!

Ну, прощайте, милая и милые. Пишите.

Женьке [19]) скажите: пусть читает русские газеты — ему это очень необходимо.

Прощайте.

Митенька, приезжай же, ради бога, поскорей или напиши что́, наконец, ты намерен делать.

Примечания.

[1]) Коленкина, Мария Александровна, близкий друг В. И. Засулич. Квартира, в которой она жила вместе с А. Малиновской, летом и осенью 1878 г. была конспиративным центром, где собирались землевольцы. Розыски Кравчинского после убийства Мезенцева привели к провалу квартиры в ночь на 12 октября. Коленкина оказала вооруженное сопротивление и была военно-окружным судом 14 мая 1880 г. осуждена на 10 лет каторжных работ.

О взаимоотношениях С. Кравчинского, М. Коленкиной и В. Засулич см. переписку последней в «Историко-революционном сборнике», т. II.

[2]) Дмитрий, Митенька—Клеменц, Дмитрий Александрович, живший летом 1878 г. в Швейцарии.

[3]) Кропоткин, Петр Алексеевич, в апреле 1878 г. был выслан из Парижа в Швейцарию.

[4]) Эпштейн, Анна Михайловна, жена Д. Клеменца и друг С. Кравчинского.

[5]) Морозов, Николай Александрович.

[6]) Кравчинский вызывал Клеменца в Петербург для осуществления задуманного издания нелегального органа, вышедшего вскоре под названием «Земля и Воля».

[7]) Дейч, Лев Григорьевич и Стефанович, Яков Васильевич.

[8]) Рот, повидимому, квартирная хозяйка С. Кравчинского в бытность его в Швейцарии.

[9]) Корнилова, Александра Ивановна, по мужу Мороз.

[10]) Синегуб, Ларисса Васильевна.

[11]) Кувшинская, Анна Дмитриевна, жена Чарушина. Обе они—Л. Синегуб и А. Кувшинская — в это время посещали мужей, осужденных по делу 193-х на каторжные работы. В том же году обе последовали за ними на Кару. Речь идет, повидимому, о разрешении свиданий.

[12]) Катей киевской называли в то время Е. К. Брешковскую. Но она тоже ожидала отправки на Кару по приговору ос. присутствия прав. Сената (процесс 193-х), сидя в тюрьме, и поэтому непонятно, где мог видеть ее Кравчинский. Вторая Катя, вероятно, Е. Дубенская.

[13]) Брошюра об убийстве Н. Мезенцева «Смерть за смерть».

[14]) Вероятно, доктор О. Э. Веймар, оказывавший услуги землевольцам и, в частности, Кравчинскому и жестоко за это поплатившийся. Несмотря на полную непричастность к убийству Мезенцева и к другим террористическим актам, он был по приговору военно-окружного суда 14 мая 1880 г. сослан на Кару, где умер в 1885 г. от чахотки.

[15]) Может быть, Саблин, Николай Алексеевич.

[16]) Лебедева, Татьяна Ивановна, впоследствии народоволка, по процессу 20-ти была сослана на Кару, где умерла в 1888 г.

[17]) Емельянов, Егор Егорович, был арестован в ночь на 5 августа в связи с убийством Мезенцева, но через день освобожден с подпиской о невыезде из Петер-

бурга. 18 сентября, однако, по распоряжению м. вн. дел был выслан в Восточную Сибирь.

[18]) В донесении и. д. шефа жандармов Селиверстова царю от 20 августа указано число арестованных с 4 августа: 27 человек, из которых только шесть оставлено под стражей.

[19]) Дейч, Л. Г., называвшийся с 1887 г. Евгением.

Извещение о разгроме типографии в Саперном переулке.

Ниже печатаемый документ «От редакции «Народной Воли» в копии находится в деле департамента мин. юст. по 11 угол. отд. № 31/80—I, по архиву № 2287 и представляет собою извещение об аресте типографии органа партии «Народной Воли», помещавшейся в Петербурге по Саперному пер., в д. № 10. Как видно из листка «Народной Воли» № 1 от 1/VI 1880 г., извещение это не получило распространения, так как оно было напечатано в типографии «Черного Передела», как раз в тот день (27/I 1880 г.), когда провалилась и последняя типография, при чем все издание полностью было забрано полицией. Настроить новую типографию, взамен провалившейся в Саперном пер, народовольцам скоро не удалось, вскоре же провалилась и типография Северного союза, а потому текст этого извещения остался неопубликованным. А между тем он представляет несомненный исторический интерес по своему содержанию. Характерно, между прочим, в нем прямое обращение партии к сочувствующему обществу с просьбой немедленно доставить нужную для реставрации типографии сумму денег.

Обращаясь к провалу типографии самого «Черного Передела», не мешает обратить внимание на следующее небезынтересное обстоятельство. Аптекманом в его работе «Общество «Земля и Воля» описано, как черноперелельцы ставили свою типографию, и указан виновник провала ее — Жарков. Ему приписывается провал этой типографии и в помянутом выше листке «Народной Воли». Версия о виновности Жаркова появилась непосредственно за ее провалом, почему Жарков и был убит народовольцами. Между тем Плеве, тогда исполнявший должность прокурора судебной палаты, в своем заключении, находящемся в вышеуказанном деле, так излагает причину провала. Еще при найме (в ноябре 1879 г.) квартиры для типографии М. К. Крылова обратила внимание дворника дома А. М. Белова, которому съемщица показалась подозрительной, и он усиленно стал следить за ней. Поведение прибывших и поселившихся у нее, под видом родственников, Пьянкова с женой, а также немногочисленных посетителей квартиры Крылова подтверждали подозрения Белова, а в день печатания извещения «Народной Воли» через окна квартиры, выходящие во второй двор дома, он даже имел возможность наблюдать, как Крылова производила набор, а Пьянков с Приходько-Тесленко без сюртуков с засученными рукавами что-то, недоступное его наблюдению, делали за ширмой. Догадавшись, что происходит печатание, он отправился сообщить к местному полицейскому приставу, который в ту же ночь и произвел обыск. Если Белов не лжесвидетель, искусно подготовленный жандармами для маскировки Жаркова, то эта версия Плеве бросает новый свет на причины провала.

Н. Сергиевский.

От редакции «Народной Воли».

В ночь с 17 на 18 января, как известно, правительству, совершенно неожиданно для него, удалось наткнуться на нашу типографию. Дело вышло совершенно случайно. Тем не менее, наши сотоварищи, только что окончившие № 3 «Нар. Воли», встретили полицию выстрелами. Необходимо было наделать как можно больше шуму, чтобы провал типографии сделался немедленно известным. Этим предотвращались дальнейшие провалы. Программу свою типографщики выпол-

нили с полным успехом. Полиция сперва отступила и ограничилась блокадой дома, но потом, по прибытии войск, пошла на штурм. Страшная перепалка, во время которой с обеих сторон было выпущено более 100 выстрелов (наши расстреляли, по слухам, все патроны), всполошила все окружные улицы и привлекла к дому толпу народа. Окна типографии были вышиблены ее защитниками и отчасти совсем вырваны с рамами. В конце концов, наши товарищи (двое мущин и две женщины), избитые и связанные, были схвачены; один убит или, по сообщению «Прав. Вестн.», застрелился. Почти весь № 3 «Нар. Воли» попал в руки полиции.

Таким образом, знаменитая Петербургская вольная типография, уже третий год с такой честью служившая делу русской революции, погибла.

Этот тяжелый удар не обескураживает, конечно, нас, и мы желали бы, чтобы его значение не преувеличивалось нашей партией и всей Россией. «Народная Воля» в самом непродолжительном времени снова выйдет в свет. Правительство не отделается от нас так легко. Но вместе с тем мы прямо заявляем, что для возможно скорейшего восстановления типографии нам необходима серьезная и деятельная поддержка. В настоящий момент нужны прежде всего деньги. Мы просим доставить их обычным порядком, как прежде, на имя редакции «Народной Воли». Просим наших корреспондентов, сотрудников и распространителей воспользоваться этим промежутком времени для того, чтобы доставить нам более обильный материал и возможно лучше обставить распространителей журнала. Корреспонденции, заметки и проч. просим доставлять нам теперь же прежним порядком.

Еще раз просим всех наших читателей и всю революционную партию не придавать особенного значения провалу, самому обыкновенному, без которых не обойдешься в революционной деятельности, которые совершенно бессильны остановить ее поступательное движение и ни на один день не задержат победы разума и свободы над безумием и мертвящим произволом современного государства.

Вечная слава нашим доблестно погибшим товарищам! Вечный позор врагам света и свободы!

21 января 1880 г.

Печ. в тип. «Черного Передела».

Первомайские речи в Одессе в 1895 г.

Публикуемые ниже речи — первомайские. Нам известны до сих пор всего три группы такого рода рабочих речей (две относятся к Петербургу (1891 и 1892 г.г.), одна к Вильне — (1892 г.) [1]), к которым надо добавить одну нерабочую речь — известную речь Ю. О. Мартова: «Речь на первое мая 1895 года», произнесенную в Вильне и знаменовавшую собою завершение кружкового периода и переход от него к агитационному. Хотя одесские речи относятся тоже к 1895 году, однако их содержание всецело примыкает к завершающемуся периоду истории: те же совсем общие фразы о правительстве и о капитализме, те же, пока еще далекие, программные положения, то же сознание, что «нас очень еще мало», что на нашей обязанности лежит развивать между непонимающими нашими братьями социальную идею и что делается это взаим-

[1]) Обзор изданий петербургских речей 1891 г. и их критический текст, а также текст петербургских речей 1892 г. дан в наших «Материалах к истории первого мая в России», «Красная Летопись», 1922 г. № 4. Виленские речи имеются в издании: Первое мая 1892 г., Женева, 1893 г. Речь Ю. О. Мартова — «Речь на первое мая 1895 г.», тогда же была отгектографирована (экземпляр ее имеется в библиотеке Архива Революции и Внешней Политики в Москве) и впоследствии переиздана в первом выпуске «Материалов по истории еврейского рабочего движения» (1906).

ною любовью и дружественными отношениями».

Вышли обе речи из кружка, образовавшегося, по имеющимся данным, в 1894 году, и — что любопытно и ценно — из кружка, состав которого преемственно связывает его с предшествующей историей рабоче-революционного движения. Факт, который мы привыкли видеть до сих пор лишь на примере Петербурга, получает в Одессе новое подтверждение: рабочее движение и революционная пропаганда среди рабочих в 70-е и 80-е годы, работа народников и народовольцев не оборвалась без традиции, пусть и очень слабой. Так, в составе захваченного арестами в июне 1895 года одесского кружка рабочий Илья Гладких познакомился, согласно его показаниям, с рабочим вопросом «по многим прочитанным книгам», при чем знакомился под руководством рабочего Владимира Яковлевича Федорова, привлекавшегося по делу революционного кружка в Одессе в 1878 г., пробывшего до 1883 г. в ссылке, в Средне-Колымске, а затем побывавшего в Америке. Другой член кружка, рабочий Яков Московский, привлекался уже к дознанию в 1883 году. Далее в составе кружка идут члены, ведущие начало своей революционной осознанности от пионеров социал-демократической пропаганды. Так, рабочий Василий Яшин, по его объяснению, сошелся с рабочими, распропагандированными Рубинштейном и Гольдендахом (Д. Б. Рязановым), а в 1893 году к нему явился Г. Цыперович (действовавший среди рабочих под фамилией Межова), который стал «просвещать его и снабжал нелегальной литературой». Павел Меркулов, которому принадлежит одна из нижепечатаемых речей, ведет свою кружковую биографию с 1891 года, когда упомянутый выше Рубинштейн (тоже рабочий) читал у них в артели Шелгунова и говорил о необходимости «бороться за свои права». При таком ядре участников кружка могут стать понятны и те замыслы, которые среди них носились. Рабочий Павел Аниконов в своих объяснениях заявил, что цель кружка — «в возможно большем распространении литературы по рабочему вопросу, в образовании касс и библиотек и сплочении рабочих г. Одессы, а в будущем и всей России, в одну массу, которая была бы настолько сильна, чтобы могла потребовать изменения существующего государственного строя, так как, по убеждению членов кружка, улучшение положения рабочего без этого немыслимо».

Этот рабочий кружок праздновал первое мая дважды. 19 апреля рабочие собрались в одном из мест своих обычных собраний, в «дворянском» отделении трактира «Россия», где провозглашались тосты за «всеобщий рабочий союз», но речей не говорили. Вторично, через несколько дней, они вновь собрались в другом из мест своих собраний — в Ботаническом саду. Здесь Аниконов сказал свою ниже печатаемую речь, а Яшин предложил учредить кассу на случай безработицы с тем, что когда она окрепнет, то можно будет устроить «общую забастовку» у некоторых подрядчиков, особенно эксплоатирующих рабочих. Печатаемая речь Меркулова, по всей видимости, произнесена не была.

Обе речи дошли в копиях, при чем сделаны они, по официальному указанию, «с сохранением орфографии подлинника». Мы печатаем их, невыправив последнюю, так как при переводе на новую орфографию теряется значительная часть особенностей копии.

Речи находятся в деле департамента полиции 4 делопр., 1895 г., № 168, л. 58—61 об.; объяснительные замечания основаны на прокурорском заключении в соответствующем деле временной канцелярии министерства юстиции, которому и принадлежат, в частности, находящиеся в кавычках выражения.

С. Валк.

1. Речь П. Аниконова.

Рѣчь рабочаго сказанная на тайномъ собраніи въ Одессѣ 1-го Мая 1895 года-19 Апрѣля.

Товарищи! Нонешній день «1-е Мая». Современи постановленія Парижскаго съѣзда рабочихъ праздновать этотъ

день ежегодно; вотъ уже нѣсколько лѣтъ чтутъ этотъ день свято и не рушимо, во всѣхъ западныхъ странахъ и государствахъ: во Франціи, Бѣльгіе, Австріи и Германіи; въ Испаніи и Португаліи; а такъ же Англіи, Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ северной и южной Америки. Чтутъ же и соблюдаютъ святость и неприкосновенность этого дня не только потому что онъ 1-е Мая, или въ этотъ день былъ праздникъ какого либо святого? Нѣтъ, товарищи! этотъ день имѣетъ свое особенное значеніе передъ всѣми праздниками, которыхъ найдется не мало. День 1-го Мая заслуживаетъ большаго вниманія, нежели всѣ остальные. Во первыхъ потому что этотъ день наставленъ праздновать отъ всего рабочаго міра... Во 2-хъ въ этотъ день, каждый гражданинъ, принадлежащій къ одной рабочей арміи гордо напоминаетъ всѣмъ разнаго рода эксплуататорамъ, хозяевамъ, фабрикантамъ что конецъ ихъ царству и подлому произволу близокъ и не за горами. Въ торжественный день 1-го Мая каждый рабочій кто бы онъ ни былъ, понимаетъ и чувствуетъ себѣ членомъ одной и той же семьи поднявшей знамя борьбы за народное политическое благо и свободу. Въ этотъ день при каждомъ удобномъ случаѣ, можетъ заявлять всѣмъ угнѣтателямъ и дармоѣдам:

«Что я не вѣщь купленая, которую послѣ подержавъ выкидываютъ на улицу! Я не машина которая должна работать 15—16 час. въ сутки! для того чтобы выработать хлѣбъ и все потрѣбное въ жизни! Нѣтъ съ спозволенія такъ сказать при теперешнихъ далеко не справедливыхъ порядкахъ, это не возможно и ужасно дико! Товарищи! не правда ли насъ большіи мілліоны рабочихъ видимъ и сознаемъ какъ насъ эта ничтожная горсть подлыхъ мошенниковъ во главѣ необузданнаго неве[жест]веннаго дѣспота царя овладѣли всѣми правами и властью безъ граничную, пользуясь народною темнотою и безграмотностью, дѣлаютъ съ нами что хотятъ, что непозволительно даже дѣлать съ животными. По своему дикому и подлому произволу: грабятъ, убиваютъ, а такъ же разоряютъ и всякія пытки тяжелыя устраиваютъ, сажаютъ въ тюрьмы на долгіе годы, морятъ голодомъ и холодомъ, съ сылаютъ въ Петропавловку и Шлюсельбургъ въ крѣпости гдѣ возлагаютъ на этихъ современныхъ тружениковъ всевозможныя тяжелыя работы съ гоняютъ въ Сибирь на вѣчную каторгу подъ землею. А чтобы оградить себя отъ угрожаемой опасности за всѣ тѣ подлости и изувѣрства беруть или лучше сказать отъ нимаютъ отъ насъ нашихъ же дѣтей и братьевъ въ солдаты и дѣлаютъ изъ нихъ въ какія нибудь три четыре года такихъ же разбойниковъ какъ и самъ царь и его прихлебатели! Что по выходѣ изъ этихъ звѣриницъ въ коихъ содѣржутся царемъ наши братью у нихъ у каждого не дрогнетъ рука вонзить ножъ въ сердце отца или матери. А мы на это смотримъ такъ хладнокровно, какъ будто такъ и надо! Нѣтъ, товарищи! Пора и время положить конецъ всѣмъ деспотическимъ звѣрствамъ и насиліямъ царя и его лизоблюдамъ. Теперь я долженъ сказать товарищи! Слѣдуя примеру нашимъ братьямъ западникамъ смѣлымъ и енергичнымъ борцамъ за народную волю, и въ насъ скажу словами поэта «въ православной Русси захудалой»... стали пробуждаться общечеловѣческія мысли къ еденению и братскому союзу равенства. Это мы можемъ видѣть изъ того, что въ 1891-мъ году хотя и позже 1-го Мая праздновали рабочіе: въ Петербургѣ, Харьковѣ и Варшавѣ, хоть этотъ праздникъ и не походилъ на праздникъ, а скорѣе на сходъ рабочихъ соціалистовъ, потому что это было не публично, но тайно и не назаконной почвѣ. Но не должно выпускать изъ виду что и они хотятъ быть солидарными съ западниками, но какъ мнѣ извѣстно въ городѣ Лодзѣ совсѣмъ было иначе. Лодзинскіе рабочіе по всѣмъ отраслямъ ремѣсла 1-го Мая праздновали открыто и всѣнародно. Между тѣмъ не мешаетъ замѣтить, что тамъ рабочихъ было до тридцати тысячъ и рабочіе большею частью фабричные. Когда они выступили направивши свое шествіе по главной

улицѣ и дѣло было въ первый разъ, а потомъ и въ новь для администраціи.

Администрація узнавъ о празднованіи рабочихъ въ сполошилась и не замѣдлила вызвать мѣстныя войска во главѣ генерала чтобы такимъ образомъ прекратить это празденство. Здѣсь какъ разъ кстати замѣчу товарищи! Если бы и мы брали примѣръ съ такихъ рабочихъ для сего примѣра и лучшимъ доказательствомъ воли и енергіи служатъ намъ и всѣмъ прочимъ рабочимъ союзамъ «Лодзинскіе рабочіе», а именно, когда генералъ со своимъ войскомъ встрѣтилъ громадную армію рабочихъ шедшихъ по улицѣ: то сначала кричалъ: «что бы всѣ сейчасъ же разошлись»! Рабочіе не слушали, продолжали слѣдствіе дальше. Тогда этотъ разбойникъ сталъ угрожать: «А, такъ вы меня не слушать осмѣлились!.. Погоди же, я заставлю Васъ пороху понюхать солдатскаго! Рабочіе не смотря ни на какіе угрозы и сумасбродные крики и безпощадную брань изрыгаемую изъ пасти симъ бѣшеннымъ звѣремъ съ пѣной у рта стояли крѣпко и не поколебимо продолжая путь. Генералъ видя что это не помогаетъ въ изступленіи бѣшенства приказалъ войскамъ стрѣлять по рабочимъ. При чемъ было около сорока человѣкъ убито и нѣсколько ранено.

Только тогда рабочіе были вынуждены сказать слѣдующее. Вы стрѣляйте и бѣйте нас, но мы никогда не измѣнимъ нашему слову свято провесть всѣ эти три дня нашего торжественнаго праздника рабочихъ. Вотъ видитѣ мы никаго не трогаемъ и не оскорбляемъ! такъ за что Вы насъ оскорбляете своими гнусными поступками за что бьете и стреляете... если уже такъ, такъ замѣтьте себѣ, что въ настоящее время никого не тронимъ но послѣ не раскаевайтесь въ своихъ грехахъ и не просите пощады ни для кого изъ вашихъ семѣй и родственниковъ, мы взыщемъ свою обиду и вымстимъ все это горе и отъ плотимъ за пролитую кровь вашею поганою кровью!.. Товарищи! у кого изъ насъ не навернутся слезы при такомъ мужествѣ и терпѣніи и развѣ только у кого изъ насъ найдется твердое какъ камень — тогда только такое сердце не распалится огнемъ ненависти и злобы на этихъ изверговъ и людоѣдовъ! Мы же товарищи! Только сегодня въ первый разъ сошлись на этотъ праздникъ! Да товарищи въ первый разъ такъ положимъ залогъ братства истинны и свободы чтобы крѣпче стоя другъ за друга какъ говорится всѣ за одного и одинъ за всѣхъ и будемъ распространять ученіе перваго свѣточа Христа, всѣмъ и каждому рабочему, гдѣ бы мы не были, куда бы не забросила судьба въ городъ-ли въ село или деревню въ тюрьму-ли въ Сибирь-ли вѣздѣ мы найдемъ широкое просторное полѣ нашей правдивой проповеди, въ городѣ мы будемъ говорить своимъ братьямъ рабочимъ; въ селахъ своимъ сельскимъ крестьянамъ; въ Сибири въ тюрьмѣ арестантамъ; что они такіе же люди и такое же имѣютъ на удобную и свободную жизнь. Товарищи будемъ будить неустанно нашихъ братьевъ рабочихъ темныхъ, впавшихъ въ летаргическій сонъ навлеченный на всѣхъ ложными служащими батраками и капиталистовъ проповѣдниками попами.

Еще братцы и товарищи! Будетъ моя просьба ознаменовать этотъ день хоть чѣмъ нибудь!..

2. Непроизнесенная речь П. Меркулова.

Товарищи? Очень печально сознатся что мы черезъ чуръ отстали отъ нашихъ братьевъ рабочихъ западно-европейскихъ Государствъ. Въ то время какъ сегодняшній дѣнь 1-го Мая давно ими признанъ какъ праздникъ рабочихъ и свято чтится у насъ только, вотъ въ первые въ нонешнемъ году собралась маленькая частица. И то какъ то дѣлается отрадно что лучъ солнца сталъ проникать и въ нашу не проглядную тьму! Ту тьму, которая царитъ надъ русской землей. Каждый я думаю знаетъ изъ присутствующихъ здѣсь что въ Русскомъ рабочемъ сказанно что въ этотъ день, т.-е. въ дѣнь 1-го Мая робочіе всего свѣта чувствуютъ себя братьями? А я съ своей стороны скажу что не только 1-го Мая, а всегда рабочіе должны сознавать что они

братья! Хотя теперь наоборотъ насъ наши благодѣтели которые нами распоряжаются какъ скотиной натравляютъ народъ на народъ и для своей выгоды согласны были бы заставить насъ дратся. Но только есть надежда, что такъ долго продолжаться не можетъ заря стала заниматься и какъ видно въ недалекомъ будущемъ взойдетъ солнце правды. И освятитъ намъ тотъ путь правды по которому идя мы познаемъ кто наши враги и кто братья? Друзья! Насъ очень еще мало, но мы должны дѣлать много. На нашей обязанности лежитъ развивать между непонимающими нашими братьями соціальную идею. Взаимной любовью и дружественными отношеніями, мы имъ должны разъяснять что существующій строй жизни не хорошъ, а вредѣнъ для насъ что мы всю жизнь свою живя въ плохихъ квартирахъ, созидаемъ цѣлые хоромы и дворцы. Всю жизнь полуголодные трудимся все создаемъ для того только что бы маленькая горсточка негодяевъ пользовалась нашими производствами. Мы должны разъяснять что такъ нельзя. И что изъ этого самый простой исходъ. Именно слѣдуетъ только понять отчего бѣдствуемъ? А бедствуемъ отъ того что весь свой трудъ отдаемъ на пользованіе людямъ ничего не дѣлающимъ. Намъ товарищи сразу большого переворота сдѣлать нельзя. Напримѣръ поделать все фабрики и заводы общественными землю обрабатывать сообща и так далее. Такъ намъ для улучшенія нашего положенія нужно первымъ долгом познакомить отсталыхъ рабочихъ съ значеніемъ соціалъ-Демократической пропоганды. Короче говоря нужно знать чего требовать, на первыхъ порахъ напримеръ: 1. Свобода сходокъ, 2 Свобода слова и печати, 3. Право издавать рабочимъ свой органъ, т.-е. газету и т. д. не забывая конечно значенія сегодняшняго праздника ето 8-ми час. рабочій день. И такъ товарищи скажу въ заключеніе своей речи помните что девизомъ на международномъ обществѣ рабочихъ въ Парижѣ къ которому принадлежалъ извѣстный демократъ рабочій переплетчикъ Варегенъ. Освобожденіе рабочихъ, должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Пью бокалъ за протстветаніе соціалъ-демократической пропоганды.

Ответ «Рабочей Газеты» (1898 г.) Г. В. Плеханову.

Как известно, после выхода (в августе 1897 г.) первого номера «Рабочей Газеты», которая издавалась киевской социал-демократической группой, организовавшей первый съезд партии РС-ДРП, Плеханов послал редакции письмо с некоторыми критическими замечаниями. Относясь вполне одобрительно к тому, что редакция ставила своей задачей обсуждение общерусских задач социал-демократического движения, Плеханов писал: «Вторым и не менее важным условием его [органа] дальнейших успехов является выработка и распространение в наших рядах правильных взглядов на политические задачи нашей партии в России. Если я не ошибаюсь, в настоящее время наши русские товарищи не всегда помнят ту чрезвычайно важную мысль Маркса, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Забыть об этом хотя бы только на минуту можно лишь тогда, когда местные групповые дела и практические задачи текущего дня сосредоточивают на себе все внимание деятелей. Я уверен, что орган, посвященный обсуждению общерусских интересов, будет способствовать устранению также и этой слабой стороны нашей социал-демократии. Я уверен, кроме того, что когда вы объясните вашим читателям, в чем состоят истинные, «настоящие» — а не случайные, местные — политические взгляды русских социал-демократов, тогда под ваше знамя окончательно встанут все те, которые и теперь уже разделяют ваше стремление, но удерживаются от полного слияния с вами ошибочным представлением о политических стремлениях русских социал-демократов». «Это очень важный вопрос, дорогие товарищи, — продолжал Плеханов. — Его можно назвать вопросом из вопросов

нашего революционного движения. Разъясняйте его, возвращайтесь к нему, спорьте о нем на страницах вашего органа. Может быть, скоро мне придется попросить у вас гостеприимства для статьи по этому вопросу. Но теперь я распространяться о нем не могу, а только порекомендую вам послесловие Аксельрода к женевскому изданию известной брошюры об агитации, оно проливает на него много света» [1]).

Группа «Рабочей Газеты» письмо Плеханова получила — оно было привезено в Киев Л. В. Теслером вместе со статьями П. Б. Аксельрода и Кольцова, также предназначенными для газеты. Письмо напечатано в газете не было по причинам, которые сейчас выяснятся. Имелись лишь указания, что при обыске у Теслера взято было письмо к Плеханову, но полный текст его оставался неизвестным. Письмо это в копии имеется в делах Киевского Историко - Революционного Архива (фонд судебной палаты, дело киевского губернского жандармского управления, 1898 г., № 3, т. IV, л. 6 и об.). Письмо к Плеханову было взято у Л. В. Теслера при обыске в ночь с 11 на 12 марта 1898 года. «Написано оно, повидимому, недавно и носилось в кармане недолго, так что вид имеет достаточно свежий и читается свободно», — говорится в описи этого документа.

Письмо Теслера к Плеханову гласит:

«Многоуважаемый... [2]).

Письмо ваше к товарищам, издающим «Раб. Газ.» [3]), я своевременно передал. Будучи весьма вам благодарной за посылку письма и считая крайне необходимым поместить его в ближайшем № «Раб. Газ.» [4]), группа тем не менее сильно затрудняется сделать это без некоторых поправок. Дело в том, что группа не считает удобным поместить то место вашего письма, где вы упрекаете рус[ские] соц.-дем. кружки в частом забвении значения политической борьбы,— упрек, по мнению группы, совершенно незаслуженный ни ею, ни какой-нибудь другой проявившей себя соц.-дем. группой. Группа полагает, что вряд ли вы и сами упрекнули бы теперь в этом русских с.-д., в частности издателей «Раб. Газ.», по прочтении 2 № «Раб. Газ.» (см. передовицу «О ближайших задачах рус[ского] раб[очего] движения»). Неудобен далее и конец вашего письма (совет внимательно прочесть «Послесловие» Павла Борисо[вича] к брошюре «Об агитации»). Если вы найдете возможным согласиться на эти маленькие поправки, то будьте добры и дайте по возможности скорей знать об этом (через Кольцова), так как, повторяю, группа считает крайне важным поместить ваше письмо в № 3 «Раб. Газ»., который должен выйти не позже, чем через 3 недели» [1]).

Было ли написано это письмо по личной инициативе Теслера или с ведома группы? Б. Л. Эйдельман — один из наиболее активных членов группы — категорически утверждает, что группа ответа Плеханову не обсуждала и не посылала. «Жандармы, как я читал в докладах ген. Новицкого (дело 142-х и т. д.), нашли в кармане Теслера ответ Плеханову на это письмо, — пишет тов. Эйдельман. Что писал Теслер Плеханову, не знаю. Но несомненно, что группа «Рабочей Газеты» ничего не отвечала... Речь здесь может итти только о личных мнениях, вероятнее всего Теслера, но к группе «Рабочей Газеты» это отношения не имеет. Не в обычае у нас было важные дела решать чужими руками без предварительного обсуждения» [2]).

---

[1]) Опубликовано в «Летописи Революции», кн. 1, Берлин, 1923 г., и воспроизведено: 1) в издании Истпарта «К двадцатипятилетию первого съезда партии», М. 1923, и 2) в сборнике «Путь Революции», изд. Киевским Истпартом, Киев, 1923, стр. 103—104.

[2]) Далее зачеркнуто.

[3]) Последние три слова зачеркнуты.

[4]) № «Раб. Газ.» — зачеркнуто.

[1]) Изложение письма по заключению прокурора дано в ст. В. Манилова «К истории возникновения соц.-дем. движения в Киеве» — в сб. «Путь Револ.», в. I, стр. 57—58.

[2]) Б. Эйдельман, «Первый съезд РС-ДРП». М. 1926, стр. 112—113.

Возможно, что в данном случае память не изменяет тов. Эйдельману, но, исправляя Акимова, который писал, что редакция «Рабочей Газеты» хотела исключить из письма Плеханова некоторые места, тов. Эйдельман поясняет: «Так как нам хотелось иметь не только сотрудничество известных наших товарищей, но их имена, как таковые, то на собрании и была высказана мысль, что если бы не фраза Плеханова, «что дорогие как будто забыли, что всякая классовая борьба есть борьба политическая», то письмо его по вышеупомянутой причине могло бы быть напечатано. Но мысль о пропуске этой фразы немедленно же была отвергнута» [1]). В другом месте тов. Эйдельман разъясняет, в каком смысле означенные места письма Плеханова были для редакции неприемлемы: они могли усилить позицию противников группы, которые также упрекали группу в том, будто она игнорирует политическую борьбу [2]). Теслер в своем письме как раз пишет об этих инкриминировавшихся Плеханову местах, просит согласия Плеханова на их исключение, давая понять, что при этих «маленьких поправках» письмо будет напечатано,— т.-е. по сути дела свидетельство тов. Эйдельмана вполне совпадает с письмом Теслера. Но, как видно из текста письма, Теслер писал не только от своего имени. Упрек в забвении значения политической борьбы он отводит от имени группы; от лица группы пишет о том, что такой упрек был бы невозможен после второго номера «Рабочей Газеты»; признание крайне важным опубликования письма Плеханова в ближайшем номере газеты также сообщается Плеханову не как мнение Теслера, а как мнение группы. Едва ли Теслер стал бы выдавать Плеханову свои личные мнения за мнения группы, и уж во всяком случае он не рискнул бы по личному только почину обещать Плеханову, что при «маленьких поправках» письмо будет напечатано. Таким образом, если письмо Теслера, как утверждает тов. Эйдельман, не было «официальным» ответом Плеханову группы, написанным по поручению последней, то «официозным» его признать можно: это — свежий и точный отклик группы на письмо Плеханова.

Ожидания Теслера (и группы), что после второго номера «Рабочей Газеты» мнение Плеханова изменится, оправдались, однако, не полностью. П. Б. Аксельрод, ознакомившись со вторым номером газеты, писал Плеханову в январе 1898 г.: «Приятное исключение — в чисто практическом смысле — составляет № 2 «Рабочей Газеты». Но, по известиям из России, ее направление еще не tonngebend [определяющее] — да еще неизвестно, насколько прочно и сознательно редакция вступила на путь, намеченный последним номером. Все это historisch notwendig [исторически необходимо], и сам я прекрасно понимаю всю Berechtigung Kinderkrankheiten und Ungezogenheiten [законность детских болезней и шалостей] нашего детища. Но все же нахожу необходимым бороться против них — разумеется, очень деликатно, поскольку это возможно» [1]). Вероятно, оценка Плеханова не далеко отходила от оценки Аксельрода,— благоприятное впечатление от второго номера «Рабочей Газеты» не устраняло в их глазах полностью тех сомнений, о которых говорил Плеханов в своем письме к группе. Можно думать поэтому, что если бы Плеханову пришлось отвечать на письмо Теслера, он едва ли согласился бы поступиться тем, чему он придавал тогда главнейшее значение — борьбой со всякими намеками на «экономизм» и выпрямлением линии политической борьбы действовавших в России социал-демократических групп.

М. Б-ов.

[1]) Там же, стр. 52.

[2]) Там же, стр. 111.

[1]) «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. I, М. 1925, стр. 183.

Два документа из истории Зубатовщины.

Дела архива департамента полиции, относящиеся к Зубатовщине, мало использованы историками 900-х годов. Лишь за последнее время к этим делам был проявлен некоторый интерес, в особенности в связи с нашумевшим процессом Серебряковой. На самом процессе экспертизой была дана по требованию суда подробная справка о документах периода Зубатовщины, и процитирован ряд отрывков из этих документов. После процесса наиболее существенная часть материала подверглась обработке некоторых исследователей. Мы публикуем из обильной коллекции материалов, сохранившихся в делах департамента полиции, два документа, принадлежащих перу самого С. И. Зубатова, характеризующих как самую систему полицейского социализма, так и ее творца — бывшего в то время начальником московского охранного отделения.

Первый документ — агентурные сведения из Москвы от 19 сентября 1900 г. представляет собой в первой части довольно любопытные сообщения о предполагавшейся поездке Марии Вильбушевич (М.) за границу, а во второй — изложение взглядов Зубатова на так называемую «легализацию рабочего движения». По цинизму этот документ превосходит все известные до сих пор документы о Зубатовщине, авторами которых являлись сам Зубатов и его ближайшие сотрудники.

Второй документ — отзыв о книге С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе», сделанный Зубатовым. Когда-то авторы «Credo» очень обижались за сближение их с зубатовцами, но сам Зубатов говорит прямо, что книга Прокоповича «вдрызг разбивает» всякую конспиративную деятельность, и потому он пользуется книгами Прокоповича и других экономистов для пропаганды среди рабочих полицейского социализма... Зубатов очень правильно оценил и использовал литературное творчество экономистов.

Публикуемые документы хранятся в деле департамента полиции (Особый Отдел) № 538, 1908 г. «Об отставном надворном советнике С. И. Зубатове» (Архив Революции и Внешней Политики в Москве).

1.

Агентурные сведения из Москвы от 19 сентября 1900 г.

По поводу прошения Сарры Вильбушевич могу сказать следующее. Возможность такого инцидента мы предусматривали с М. во время еще нахождения ее под стражей. С одной стороны, ей страшно не хотелось ехать за границу, так как сие могло загубить всю нашу с нею контрпропаганду, а, с другой — пугала мысль явиться убийцей матери, без нее ни за что не желающей ехать за границу, которая ей необходима за усиливающейся чахоткой. Выбор очень трудный. Решали положиться на департамент, который по формальным причинам отпустить не сможет, как лицо, состоящее под особым надзором. Но думала и так, поехать на некоторое время, а затем подмениться сестрой, которая замужем, но бездетна и живет в Питере (Танненбаум). Во всяком случае, здесь происки родных несомненны, которые ее увлечений контрпропагандой боятся. Как видите, — вопрос в роде китайского по трудности решения. Очевидно, надо поступить так, чтобы, в случае чего, не подвергнуться упреку в эгоистических замыслах, т.-е. поступить умно и деликатно. А как это сделать, решите сами. От М. я никаких по сему поводу намеков не имею. Не спросить ли ее, если время терпит? Но едва ли она в силах сие решить. Не прибегнуть ли к компромиссу? На первый раз отказать, а там, если будет очень зудить, то поступить согласно обстоятельствам: может быть, М. сама мне напишет что-нибудь по этому поводу. Возможно, что прошение подано и по секрету от нее.

Вашими опасениями за просимые мною реформы вы меня напугали: я боюсь, уж не увлекаюсь ли я. Одного прошу—большей объективности, чтобы не погрешить нам против правды

На мой взгляд дело обстоит так:

Смешивая революционное рабочее движение с культурным, революционеры эксплоатируют рабочих в моих видах. Это неоспоримо верно.

Но как устроить таким образом: чтобы и революционера взгреть и рабочих удовлетворить (дабы тем самым вывести на свежую воду революционера и вышибить у него из-под ног самую для успеха почву)?

Делать, упорно делать и систематически, сие необходимо, иначе нас накроют. Вся история движений, начиная с Великой Французской Революции — тому живой пример. Везде и все партии проделывали тонкую эксплоатацию рабочих, в результате чего и летели правительства. Чтобы не повторилось того же и у нас, за массой нам надо ухаживать. Она нам крепко верит, но веру эту и стараются в ней поколебать как оппозиционные, так и революционные пропаганды. Необходимо питать эту веру фактами попечительности — и тогда, хоть лопни с натуги, всяческая оппозиция бессильна (конечно, не следует забывать, что против особо усердствующих у нас остаются репрессии, от времени усовершенствующиеся).

Такая мысль — сама собою понятна и не встретит возражений.

Другое дело, опасение, как бы своим попечительным поведением правительство, наоборот, не вызвало чрезмерных ожиданий или не создало бы почвы, особо удобной для происков конспираторов, любящих устраивать ширмы изо всяких свободных начинаний.

Эти опасения, весьма резонные, составляли философию всей Восточной Европы (Австрия, Германия, Россия), противницы революционных идей. Эксплоатация масс идеологами и искусниками была ими понята бесподобно: вспомните Меттерниха; но они более этого ничего не видели в движении (т.-е. не видели нужд масс, в которые не верили) и, увлекшись крайностью, попали впросак в 1848 году.

Значит, мораль такая: 1) идеологи — всегдашние политические эксплоататоры масс на почве их нужды и бедности, и их надо изловлять и, 2) борясь с ними, помнить всячески: «бей в корень, обезоруживая массы путем своевременного и неустанного правительственного улучшения их положения, на почве их мелких нужд и требований (большего масса никогда. сама по себе и за раз не просит). Но обязательно это должно делаться самим правительством, и притом неустанно, без задержки. Классы нынче настолько выяснились и развились, что Маркс даже придумал особую теорию борьбы классов, вместо прежней—борьбы правительства с народом. При нынешнем положении девизом внутренней политики должно быть «поддержание равновесия среди классов», злобно друг на друга посматривающих. Внеклассовому самодержавию остается «divide et impera». Только бы они не спелись (а это уже все для революции), чему и могут способствовать происки идеологов идеи и наша односторонность и для чего этих идеологов надо держать в ежовых, а нам принимать реформацию в отношении масс. Для равновесия (в качестве противодия) с чувствующей себя гордо и поступающей нахально буржуазией нам надо прикармливать рабочих, убивая тем самым 2 зайцев: укрощая буржуазию и идеологов и располагая к себе рабочих и крестьян.

Вот суть проектируемых мною начинаний. За форму же их я не стою. Faciant meliora potentes.

2.

Агентурные сведения из Москвы.

С. Н. Прокопович выпустил книгу «Рабочее движение на Западе». Я думал, это апология радикализма, и что же— полное его поражение! Я теперь стал давать своим арестованным самые сногсшибательные нелегальные книги по рабочему вопросу, так как эти книги вдрызг разбивают всякую конспиративную деятельность. Результаты превосходны. Сами мне признаются, что их озаряет новый свет. Прошлое же объясняется их малограмотностью. И это просвещение происходит в тюрьмах О[хранного] О[тделения]. До чего мы дожили!

20 лет назад.

В октябре 1926 г. исполнилось 20 лет со дня кошмарных событий в иркутской тюрьме, связанных с попыткой побега арестованных. Десятки революционеров были брошены жандармерией и военными властями в тюрьму после разгрома революции 1905 г. Среди арестованных было немало чудом спасшихся от расстрела Меллер-Закомельского, Ренненкампфа и др. «карателей». Все они ждали рокового конца. Это было начало действий военно-полевой юстиции. Спасение было только в удачном побеге. Надежд на благоприятный исход было мало; тем не менее попытка была сделана. Лишь несколько человек из бежавших спаслись. Из оставшихся многие были зверски убиты на месте. А через несколько дней пятеро раненых и изувеченных были повешены по приговору полевого суда. До сих пор не известны настоящие фамилии всех убитых и казненных в эти кошмарные дни. Многие из них были под чужими фамилиями.

Публикуем из дела департамента полиции № 4, ч. 17, 1906 г. (VII делопроизводство), два документа, относящиеся к этому событию. Первый — описание побега и расправы, составленное начальником иркутского губ. жандармского управления в докладе командиру отдельного корпуса жандармов 16 октября 1906 г. за № 7038; второй — сообщение газеты «Саратовский Дневник», находящееся в том же деле (Архив Революции и Внешней Политики в Москве).

1.

Донесение начальника иркутского губ. жандармского управления командиру отдельного корпуса жандармов от 16 октября 1906 г. № 7038.

Секретно.

Около девяти часов вечера, 9 сего октября в иркутской тюрьме 28 политических и 17 уголовных арестантов, содержавшиеся в отдельном помещении тюрьмы, называемом старой секретной камерой, сговорившись бежать и воспользовавшись тем, что камеры их запирались только после 9 часов вечера, напали толпой на двух надзирателей, дежуривших в указанном помещении, и связали их, отобрав оружие. Затем двое из арестованных, переодевшись в платье надзирателей, и обслуживая вход в помещение под видом надзирателей, связали и обезоружили, при помощи других, последовательно приходивших: помощника смотрителя тюрьмы Болдина, смотрителя тюрьмы Терещенко, другого помощника смотрителя Кузнецова и надзирателя Сапару, при чем, в виду оказанного сопротивления Терещенко, Кузнецовым и Сапаровым, застрелили из отобранных револьверов помощника смотрителя Кузнецова и ранили надзирателя Сапару, смотрителю же тюрьмы Терещенко разбили череп выпиленной ножкой от кровати. Покончив с указанными лицами тюремной администрации и воспользовавшись платьем смотрителя и его помощников, арестанты пытались выйти из ограды тюрьмы через тюремную контору, но так как двери с арестантского двора в контору оказались запертыми со стороны конторы, то направились через второй выход из старой секретной во двор мастерских. Связав дежурного на указанном дворе надзирателя и пробравшись по крыше мастерских к стене наружной ограды тюрьмы, стали спускаться с нее при помощи заготовленной, сшитой из полотна, веревки. Когда же часовой, стоявший с внешней стороны тюремной ограды, заметив беглецов, начал стрелять по ним и убил двух арестантов, то остальные стали прямо прыгать с высоты 3 сажен.

В это время помощник смотрителя Карпенко, оставшийся в конторе тюрьмы, обеспокоенный долгим отсутствием смотрителя и других помощников и услышав выстрелы, взяв надзирателей и несколько нижних чинов из караула, стал стучаться в двери старой секретной, которые оказались запертыми изнутри. Услышав стоны

за дверьми и догадавшись, что произошло какое-то несчастье, а вместе с тем видя, что дверь невозможно скоро выломать, Карпенко с нижними чинами бросился в обход ко второму выходу из старой секретной. Но и этот выход также оказался запертым изнутри успевшим развязаться надзирателем Пущейко. Последний, видя, что часть арестованных вышла, а другие, услышав, повидимому, выстрелы часового и предположив, что побег открыт и не удался, зашли обратно в камеры, — пробрался к тому выходу, через который ушли арестанты и, опасаясь их возвращения, запер его. Тем временем другой надзиратель, брат Ивана Пущейко, с шестью нижними чинами караула, начал также стучаться в входную дверь старой секретной. Услышав голос брата, Иван Пущейко отпер дверь и впустил нижних чинов. При входе караула в коридор, оставшиеся арестованные, по словам нижних чинов и надзирателя Пущейко, произвели два выстрела, вследствие чего нижние чины стали стрелять, при чем было убито семь [1]) и ранено шесть арестантов.

После производства поверки оказалось, что из содержавшихся в старой секретной арестантов бежали политические, привлеченные к следствию по делу местной организации социалистов-революционеров—Измайлов, Рутковский, Левенсон и назвавшиеся — Морозовым, Ставровым, Свидовским, а также неизвестный, назвавшийся впоследствии Радченко, и из уголовных: обвиняемые в тяжких преступлениях — Яшвили, Амбарданов, братья Иосиф и Франц Калета, Петров, Акулов, Рвиборода, Смагин, Рябыкин и Порошин. Убиты нижними чинами караула политические арестованные — Вольневич, Либман, Рыбин, Шалагин, Питков и назвавшийся Масликовым и уголовные — Шубин, Андреев и Лапаури. [1]) Ранены политические арестованные — Файнберг, Грехов, Мехов, Скоморохов, Обухов и уголовный Седых.

При производстве розысков бежавших патрулем обнаружены утром 10 октября на кладбище на горе за тюрьмой бежавшие уголовные — Порошин и Франц Калета, которые, прыгая со стены, повредили себе ноги. Затем 11 октября чинами полиции были обнаружены уголовные — Смагин и Яшвили, из них первый был задержан, Яшвили же, отстреливаясь, успел скрыться. 13 сего октября утром обнаружен патрулем в яме кирпичного завода за городом политический Свидовский, у которого оказалась вывихнутой нога. Из раненых — смотритель Терещенко скончался 15 октября и арестанты: Обухов — 9 октября и Файнберг — 13 октября.

Розыски бежавших арестантов продолжаются, при чем, помимо чинов иркутской уездной полиции, мною командированы по разным направлениям в уезд подведомственные мне жандармские унтер-офицеры. В Иркутске 10 октября было произведено 17 осмотров разных квартир, в которых, по сведениям охранного отделения, могли найти убежище бежавшие политические арестанты, но осмотры эти были безрезультатны. По сведениям, большая часть бежавших политических пострадала при спрыгивании со стены и скрывается в Иркутске.

Что касается упомянутого побега, то еще 23 сентября, в виду полученных сведений о том, что в городе, преимущественно среди евреев, собираются деньги для подкупа тюремной стражи с целью облегчения побега некоторым политическим арестованным, я сообщил об этом за № 6470 начальнику охранного отделения, предложив принять меры к агентурному выяснению этого обстоятельства, а 24 сентября за № 6484 препроводил смотрителю иркутской тюрьмы список 27 политических арестантов, за коими должен быть усилен надзор в виду возможной с их стороны попытки к побегу. По поводу указанных сведений 24 сентября начальником охранного отделения был сделан письменный доклад иркутско-

[1]) В приложенной к тому же делу справке сказано: «Во время преследования бежавших часовым, стоявшим с внешней стороны тюремной ограды, было убито 2 арестанта, семь арестантов было убито внутри тюрьмы и двое скончались от ран».

му губернатору. 5 октября я вновь обращал внимание бывшего у меня в этот день губернского тюремного инспектора г. Зайцева на необходимость усиления надзора и строгости режима содержания политических арестованных в виду возможности побега, при чем г. Зайцев заявил, что он также получил сведения о готовящемся побеге указанных арестованных. Тогда же я сообщил г. Зайцеву, что, по имеющимся сведениям, среди надзирателей безусловно есть один ненадежный, который из-за корыстных целей тайно приносит корреспонденцию арестованным. Наконец, 8 октября, как мне достоверно известно, в старой секретной было обнаружено до десяти заготовленных из простынь веревок с приделанными к ним проволочными зацепами, что уже ясно указывало на готовящийся побег, но смотритель не обратил на это должного внимания и не доложил своему начальству. Из произведенных мною после побега ночью расспросов надзирателей и других низших служащих тюремной администрации выяснилось, что необычное оживление арестантов в старой секретной 9 октября и их постоянные совещания были замечены, и это было доложено смотрителю. В виду недостатка мест в тюрьме, в старой секретной были помещены как политические, так и уголовные арестанты, при чем содержавшиеся в этом помещении арестанты обеих категорий обвинялись в большинстве в тяжких преступлениях. Несмотря на это, арестованные запирались в камеры лишь в 9 часов вечера после поверки, весь же день камеры были открыты, и арестованные свободно расхаживали по коридору и посещали друг друга в камерах. Для надзора за арестованными имелось всего два надзирателя, оберегавших выходы.

При произведенной после побега проверке политических арестованных в новой секретной камере выяснилось, что значившийся содержавшимся в старой секретной камере политический арестант Клоков, очевидно, осведомленный о готовившемся побеге и нежелавший быть замешанным, был обнаружен в новой секретной. На мой вопрос, как это могло случиться, помощник смотрителя ответил, что названный арестант, вероятно, днем перешел сюда самовольно. Расспросами выяснено также, что известный Будилович, содержащийся в новой секретной, находился 9 октября до 8 часов вечера в старой секретной, куда он заходил почти ежедневно. Должен заметить, что, по полученным сведениям, названный Будилович прилагал все усилия к тому, чтобы отговорить задумавших побег, в виду отсутствия надлежащей подготовки к нему, но, вероятно, благодаря обнаруженным 8 октября веревкам, арестанты торопились осуществить побег, опасаясь, что меры будут приняты и тогда бежать будет невозможно.

Все оставшиеся в старой секретной арестованные, а равно задержанные из бежавших, были преданы иркутским военным генерал-губернатором 11 октября полевому суду, который, начав заседания 12 октября, утром 15 объявил приговор, коим упомянутые пять задержанных арестантов были приговорены к смертной казни через повешание, а остальные оправданы. Приговор был приведен в исполнение 16 сего октября в 9 часов утра.

О вышеизложенном доношу вашему превосходительству в дополнение к телеграммам за №№ 6865 и 7017.

Полковник (подпись).

2.

Подробности иркутской трагедии.

Недели две тому назад «Петербургское телеграфное агентство» кратко сообщило, что в иркутской тюрьме арестанты — политические и уголовные,— решив бежать, связали надзирателей, убили начальника тюрьмы, но затем были пойманы и военно-полевой суд приговорил 5 к смертной казни, что и было приведено в исполнение.

За последние месяцы мы столько читали таких сообщений, нервы так утомились, что сообщение о казни 5 человек в Иркутске почти не остано-

вило внимания. Но сейчас перед нами лежит письмо одного ссыльного саратовца, бывшего невольным свидетелем ужасов, разыгравшихся в иркутской тюрьме в ночь на 10 октября. Факты, сообщаемые в этом письме, настолько ужасны, что не требуют пояснений.

— Несколько политиков перевязали двух надзирателей в своем коридоре и выпустили некоторых уголовных; всех, не пожелавших бежать, попросили зайти в свои камеры, а сами направились к конторе.

Навстречу к ним вышел помощник начальника тюрьмы с надзирателем, их тоже связали и позвонили в контору — вышел начальник тюрьмы; к нему кинулись, но он оказал сопротивление, и завязалась борьба, — уголовные, вооруженные фомками, забили его чуть не до смерти. В конторе заперлись служащие и подняли тревогу. Оставшиеся в камерах попросили запереть их на замки, но ключи в суматохе затеряли и на двери камер наложили только петли и бросились бежать через двор тюрьмы. С высокой стены (больше 3 сажен) прыгали на улицу. Солдаты пришли поздно и пристрелили одного из бежавших. Пятеро поломали себе ноги при падении со стены.

Надзиратели и полицейские с криками «бей, всех перебьем» ворвались в камеру № 9, где было 6 политических и перестреляли их. И так в нескольких камерах — которых убили наповал, которые умерли от тяжелых ран. Обитатели камеры № 6 попрятались кто куда, но один остался на кровати, его застрелили тут же и добавили: «бейте, а то собака с одного раза не умрет», и еще выстрелили.

Затем на время все затихло. Приехали власти. Раненых и избитых арестантов потребовали в контору, и в присутствии губернатора их еще били, некоторых раненых пристрелили, а на убитых надзиратели чуть ли не танцовали. Когда арестантов разводили по камерам, то надзиратель на глазах тюремного инспектора убил одного политика и стрелял в другого, но револьвер дал 5 раз осечку, и только тогда инспектор приказал надзирателю отойти. Убитых в камерах надзиратели вытаскивали с припевом: «вставай, поднимайся, рабочий народ», и обирали трупы донага.

Сейчас камера № 9 запечатана, там осталось немного вещей убитых, пол залит кровью, да и в других камерах еще не стерлись кровяные пятна. Всего надзиратели убили 19 человек.

Затем начался военно-полевой суд. Обвиняли в вооруженном восстании, что было доказано только в отношении бежавших и пойманных, а остальные арестанты были признаны невиновными. Но надзирателей к ответственности за расстрел невинных людей не привлекли, несмотря на то, что была доказана стрельба в камерах. Председатель суда подсказывал надзирателям ответы: «...»

— Итак, свидетель, вы показываете, что обвиняемые были в коридоре?

Пойманных, с поломанными ногами (один даже с перебитым позвоночником), таскали в суд закованными в кандалы. Суд приговорил 5 человек к виселице, и надзиратели остались на своих местах и хвастаются.

— Зачем, кому нужны такие жестокости, такое безумие!

П. А. Столыпин и смертная казнь в 1908 г.

Ликвидация революционного движения 1905—6 гг. была передана (формально) в руки власти военной, а гражданская претендовала лишь на руководство этой ликвидацией. В Петербургском военном округе командующим был вел. кн. Николай Николаевич, которому по должности принадлежало право утверждать приговоры военно-полевых судов, но эта обязанность была передоверена Николаем Николаевичем своему помощнику — ген. М. А. Газенкампфу. Последний — лицо довольно видное в военной среде, не только по долголетию боевой службы, но и как военный теоретик, автор многочисленных специальных военных трудов и профессор академии генерального штаба.

«Деятельность» ген. Газенкампфа по конфирмации приговоров нашла отражение в общей исторической литературе. Старый защитник «политических» в военных судах В. В. Беренштам из столкновений с Газенкампфом по поводу некоторых подзащитных вынес впечатление, что «среди народных палачей, командующих военными округами, среди ужасов бессудия военных судов Газенкампф — ученый, случайно попавший «не на свое место» — являлся редчайшим исключением, и для целого ряда губерний исключением полезным... ряд приговоров был смягчен Газенкампфом, и на его решения влияла не одна только формальная сторона дела, но и его существо, он входил в разбор обстоятельств «преступления».

Вот это-то смягчение приговоров военною властью и вызвало со стороны главы «объединенного кабинета» П. А. Столыпина грозный упрек в том, что мягкость Газенкампфа ставит правительство в «затруднительное положение» и колеблет уверенность в целесообразности применения военной юстиции.

Николай Николаевич, которому было направлено письмо П. А. Столыпина, переслал его М. А. Газенкампфу, и последнему пришлось давать объяснения своей «снисходительности». Обиженный этим упреком, старик-служака вынужден был доказывать, что он поступал в согласии с формой и внутренним смыслом закона, и попутно излагал свое политическое credo: «беспощадная смерть политическим и уголовным злодеям; помилование всем неуравновешенным, увлеченным на путь преступления вихрем революции и вызванного ею настроения». В ответе и в замечаниях, сделанных Газенкампфом на полях второго письма Столыпина, твердо проводится эта мысль. Прямолинейной логике солдата, в юности еще «усмирявшего польских бунтовщиков», непонятны и иезуитская логика «конституционного премьер-министра», различающего «бомбистов» (готовящих взрывчатые снаряды) от «бомбометателей» — исполнителей террористических актов — и «внезаконное» существование военно-полевых судов, которые, по мнению П. А. Столыпина, однако, «должны были действовать на точном основании закона». Относительно последних Газенкампф резонно замечает: «А если так, то зачем же они были упразднены, несмотря на несомненно принесенную ими пользу?». Для ген. Газенкампфа «система» проста и ясна — для «устрашения» революционной бури надо принимать все меры, «законные» и «внезаконные», но период успокоения несет за собой и смягчение: «Как прежде, так и ныне, заключает он свой рапорт-ответ, я действую строго обдуманно и последовательно, по долгу службы и присяги. Совесть моя спокойна. Ни на минуту я не забываю, что право жизни и смерти передоверено мне вашим императорским высочеством по особому высочайшему повелению и что это обязывает меня пользоваться этим правом честно и грозно, но справедливо, без напрасной жестокости». — Образ «ученого-генерала», созданный В. В. Беренштамом, в этой переписке получает свое объяснение и идеологическую, так сказать, подкладку. Его снисходительность есть не плод мягкости характера или известной доли «либерализма», а всего лишь результат определенной, не сворачивающей в сторону, системы.

Переписка хранится (в копиях) в архиве П. Н. Воронова (ред. «Русской Старины»), в Ленингр. Центр. Ист. Архиве, Архивохр. Нар. Хоз. (Фамильные архивы), и извлечена из «Дела № 20, 1908 г., штаба войск гвардии и петерб. военн. округа, военно-судного отдел. 1900—1908. Переписка с председателем совета министров».

П. Садиков.

1.

Письмо П. А. Столыпина на имя вел. кн. Николая Николаевича от 27 января 1908 г. [1]).

Ваше императорское высочество.

Состояние города С.-Петербурга и его губернии на положении чрезвы-

[1]) На письме резолюция в. кн. Николая Николаевича: «Препроводить копию ген.-от-инф. Газенкампф. Николай».

чайной охраны вызывает настоятельную необходимость в принятии всесторонних решительных мер к охранению государственного порядка и общественной безопасности в столице империи и в прилегающей к ней местности.

В этих видах в пределах указанной территории наиболее опасные преступники, уличаемые в нападениях на должностных лиц, чинов полиции и войск и в тягчайших посягательствах на жизнь и имущество обывателей, предаются военному суду для суждения их по законам военного времени.

Являясь могущественным средством для искоренения преступности в ее опаснейших видах, указанная мера, однако, достигает своей цели лишь при неуклонном проведении ее по всей строгости закона, и всякое в этом отношении колебание не только умаляет значение обращения данного дела к военной подсудности, но и подрывает необходимую для подавления проявлений еще не прекратившейся смуты уверенность в безусловной целесообразности этого мероприятия, так как допущенная в одних случаях снисходительность — в других может порождать мысль о неуместности строгой кары, которая таким образом из неизбежного, законного последствия содеянного зла превращается как бы в излишнюю жестокость.

Следя за планомерным осуществлением органами власти лежащих на них в указанной области задач, я не мог не обратить внимания на затруднительное положение, в которое ставится правительство в этом отношении широким применением помощником главнокомандующего войсками гвардии и петербургского военного округа предоставленного ему права смягчения следуемого осужденным петербургским военно-окружным судом, по закону, наказания.

Из имеющихся у меня по этому предмету сведений усматривается, что за последние три месяца после казни 18 октября минувшего года убийцы начальника главного тюремного управления тайного советника Максимовского Рагозинниковой по с.-петербургскому градоначальству и губернии был приведен в исполнение лишь один смертный приговор над крестьянами Лаврентием Зотовым, Сергеем Сальниковым и Василием Комаровым, осужденными за вооруженное нападение 25 минувшего декабря на городовых Степанова и Григорьева, в остальных же случаях генерал-от-инфантерии фон-Газенкампф заменил смертную казнь 19 осужденным, из коих в отношении 13 это распоряжение последовало по особым ходатайствам военно-окружного суда.

Всепреданнейше представляя об изложенном, имею честь быть, с чувством глубочайшего высокопочитания, вашего императорского высочества всепреданнейший слуга

П. Столыпин.

№ 109838
27 января 1908 года.

2.

Рапорт ген. М. А. Газенкампфа на имя вел. кн. Николая Николаевича от 4 февраля 1908 г. [1])

Его императорскому высочеству, главнокомандующему войсками гвардии и петербургского военного округа.

Рапорт.

Ваше императорское высочество изволили приказать мне: представить объяснение по содержанию письма председателя Совета министров от 27 января сего года за № 109838.

Мне предъявлено очень серьезное обвинение: неуместно широким применением предоставленного мне права смягчения смертных приговоров я ставлю правительство в затруднительное положение.

В доказательство этого обвинения приводится: после утверждения мною 18 октября 1907 года смертного приговора Рагозинниковой (убийце Максимовского) в течение трех месяцев, до 21 января 1908 г. (когда я утвердил

[1]) Рапорт написан на бланке: «Помощник главнокомандующего войсками гвардии и петербургского военного округа. 4 февраля 1908 года, № 1. В С.-Петербурге».

смертный приговор трем разбойникам-убийцам: Зотову, Комарову и Сальникову), не было ни одной казни: 19 осужденных мною помиловано, из коих 13 по особым постановлениям суда и 6 по личному моему почину.

Петербургский военно-окружный суд применяет статьи закона с беспощадною строгостью, и если в 13 случаях сам ходатайствовал о замене смертной казни другими наказаниями, — то мне не приходится оправдываться в том, что я эти 13 ходатайств уважил.

Я обязан лишь доложить, по каким соображениям сам смягчал приговоры остальным 6 осужденным на смерть.

Я заменил казнь бессрочною каторгою: 29 октября 1907 г.—Храмову и Ушакову, ограбившим на 860 рублей сборщика казенных винных лавок близ деревни Волынкино, — в виду чистосердечного признания и отсутствия кровопролития.

4 декабря 1907 г. — Цыганову и Ивановой, ограбившим на 130 рублей мелочную лавку Вязова на Николаевской улице, — за отсутствием кровопролития.

7 декабря 1907 г. заменил смертную казнь 20-летнею каторгой мальчишке Алексееву, участнику вооруженного нападения на управляющего заводом Поля, Попова, с нанесением ему легкой раны, — в виду полного сознания юного преступника и обнаружения им всех соучастников нападения.

Во всех этих 5 (а не 6) случаях никакой политической подкладки не было.

По моему глубокому убеждению, долг совести и присяги обязывает конфирмующую власть вникать в существо каждого дела и утверждать смертные приговоры лишь закоренелым злодеям, обагрившим руки в крови, и политическим фанатикам, задавшимся целью устранить власть или мстить ей.

Казнить мелких грабителей из уличных отбросов и подонков, всплывших на поверхность всероссийского взбаломученного моря, значит не только ронять грозное значение смертной казни, но еще и утверждать в массах убеждение, что правительство не руководствуется высшей справедливостью, а только отвечает устрашением на устрашение. Именно это убеждение и старается укоренить и распространить в массах революционная пропаганда. Посему огульное утверждение всех смертных приговоров, выносимых по букве закона, было бы очень на руку революционным вожакам.

За те слишком два года, которые я имею честь пользоваться вашим высоким доверием и заменяю особу вашу в военно-судных делах, я неуклонно держался одной и той же системы:

Беспощадная смерть политическим и уголовным злодеям; помилование всем неуравновешенным, увлеченным на путь преступления вихрем революции и вызванного ею настроения.

Ни ходатайства, ни мольбы, ни угрозы не вынудили меня на помилование убийц Мина, Козлова, Павлова, Бородулина (начальника Акатуевской каторги), Пельцера (директора Нарвской мануфактуры), Максимовского, Кудрявцева (околоточного надзирателя) и раненных с ним трех городовых. Все эти злодеи и злодейки были без милосердия повешены.

Перечисляю лишь самых выдающихся, не упоминая о других, уже забытых.

Но не могу не вспомнить о том, что было полтора года тому назад, вскоре по учреждении военно-полевых судов под свежим впечатлением таких потрясающих событий, как Севастопольский, Владивостокский, Кронштадтский, Свеаборгский бунты, взрыв дачи П. А. Столыпина, убийство Мина, Козлова (по ошибке, вместо покойного Трепова) и графа Игнатьева, разбойничье нападение на Фонарном переулке.

С одобрения вашего императорского высочества, мною было дано военно-полевым судам руководящее указание: беспощадно приговаривать к смерти всех изобличенных в приготовлении бомб и других адских машин.

И что же: как только было казнено 5 бомбистов, 24 ноября 1906 г., пришло предписание свыше: бомбистов смертью не казнить. По докладе моем об этом, в тот же день, ваше императорское высочество, прямо из кабинета, послали меня к председателю Совета министров

для личных объяснений. Я настаивал на необходимости уничтожения бомбистов. П. А. Столыпин, соглашаясь с этим в принципе, указал, что это незаконно. Я возражал: 1) что военно-полевые суды как учреждения внезаконные могут и должны служить главным образом для устрашения именно тех коноводов революции, которые, толкая на террор других, сами ускользают не только от смертной казни, но иногда и от всякого наказания; 2) что только страхом смерти можно уменьшить вольную и невольную фабрикацию бомб; 3) если теперь, после казни пяти бомбистов военно-полевые суды принуждены будут приговаривать остальных только к 15-летней каторге, то вся революционная печать возликует и злорадно подчеркнет, что само правительство испугалось своего беззакония.

П. А. Столыпин ответил мне, что внесет вопрос на обсуждение Совета министров и затем будет преподано окончательное решение.

Прошло три недели. 16 декабря 1906 года я получил циркуляр министра внутренних дел и основанное на нем предписание главного военного прокурора всем военно-полевым судам: приговаривать к смертной казни только бомбометателей, но не изготовителей и хранителей.

Когда я доложил об этом вашему императорскому высочеству, вы изволили вторично послать меня к председателю Совета министров 18 декабря. Конечно, мои доводы и объяснения уже ни в чем не могли изменить состоявшееся и циркулярно оповещенное распоряжение, но, по крайней мере, П. А. Столыпин обещал: предавать бомбистов военно-окружному, а не военно-полевому суду, дабы последний не был вынужден впадать в противоречие с прежними своими приговорами.

Итак, в то ужасное время, когда русская революция совершила целый ряд неслыханных злодейств, мое распоряжение казнить бомбистов было признано чрезмерно крутым и отменено свыше. Ныне, когда наступило некоторое успокоение и затишье, меня обвиняют в неуместной снисходительности только потому, что я отправляю мелких грабителей, а не революционеров, не на виселицу, а на каторгу.

Представляя все вышеизложенное на благоусмотрение вашего императорского высочества, честь имею доложить:

1. Как прежде, так и ныне, я действую строго обдуманно и последовательно, по долгу службы и присяги. Совесть моя спокойна. Ни на минуту я не забываю, что право жизни и смерти передоверено мне вашим императорским высочеством по особому высочайшему повелению и что это обязывает меня пользоваться этим правом честно и грозно, но справедливо, без напрасной жестокости.

Генерал-от-инфантерии *Газенкампф*.

3.

Письмо П. А. Столыпина на имя вел. кн. Николая Николаевича от 10 февраля 1908 г.

Ваше императорское высочество.

Представленные генералом-от-инфантерии Газенкампфом объяснения, которые вашему императорскому высочеству благоугодно было препроводить мне при письме от 5 сего февраля за № 51, я не могу признать удовлетворительными по следующим основаниям:

Прежде всего, едва ли представляется правильным устранение себя генералом-от-инфантерии Газенкампфом от ответственности за замену смертных приговоров, когда таковая последовала по ходатайствам военно-окружного суда. Такая точка зрения несомненно умаляет серьезное значение предоставленного высшему военному начальству права контроля над деятельностью военно-судебных учреждений, низводя установленную в сих целях конфирмацию приговоров к простому обряду утверждения предположений суда безотносительно к их правильности и целесообразности [1].

[1] На поле против этого абзаца помета М. А. Газенкампфа: «Я вполне ясно высказал, что считаю долгом вникать в каждое дело, следов[ательно], относиться к при-

Подобным, чисто формальным отношением к ходатайствам суда о смягчении участи осужденных при поступлении состоявшихся о них приговоров на утверждение, повидимому, только и объясняется замена смертной казни даже в таких случаях, когда виновные посягали на жизнь должностных лиц и не принадлежали к среде тех «мелких грабителей из уличных отбросов и подонков», применить к которым установленную законом кару генерал-от-инфантерии Газенкампф признает несоответственным.

Вместе с тем, я не могу также согласиться с мнением генерала Газенкампфа о необходимости более снисходительного отношения к грабителям этого рода, чем к другим, действующим под влиянием политического фанатизма. Грабительство и разбой, в которые вылилось в настоящее время охватившее Россию с 1905 года революционное движение, должны быть уничтожены беспощадно, и в виду этого никакое снисхождение к деятелям такого рода, казалось бы, не должно иметь место. Между тем, из имеющихся в моем распоряжении сведений видно, что генералом Газенкампфом заменялась смертная казнь не только для таких грабителей, но и для убийц чинов полиции. В качестве довольно яркого примера, я позволю себе указать на замену по ходатайству суда 24 августа 1907 г. смертной казни заключением в крепость на 3 года без лишения прав бывшему студенту Валентину Михайлову Резцову [1]), который обвинялся в том, что 1 мая 1907 года выстрелил в городового Байкова, скончавшегося несколько дней спустя от причиненной ему раны. Таким же образом, по ходатайствам суда, была заменена смертная казнь крестьянам Моисею Ковалеву, Федору Бутайкину и Григорию Иванову, из коих первый 13 октября 1907 года был признан виновным в покушении на убийство постового городового, а двое последних 31 того же месяца в покушении на убийство двух городовых [1]).

За подобное же посягательство на жизнь чинов полиции были судимы упоминаемые в рапорте генерала-от-инфантерии Газенкампфа крестьяне Павел Храмов и Михаил Ушаков, участь которых была смягчена по его собственному усмотрению.

Исходу этих дел я не могу не придать особого значения, опасаясь деморализующего влияния слабости репрессии именно в этих случаях на чинов полиции, нравственная поддержка коих при несении ими столь тяжелой в настоящее время службы является прямой обязанностью правительства.

Не меньшее значение в общественном смысле должно было иметь также смягчение участи, по ходатайству суда, мещанина Ивана Перевалова и крестьянина Яна Пальма, осужденных 22 декабря 1907 года за предумышленное убийство инженеров Берса и Нюберга, вследствие исполнения последними обязанностей службы [2]).

Приводимые далее в рапорте помощника вашего императорского высочества доводы о колеблющемся будто бы взгляде правительства на условия применения смертной казни представляются лишенными основания. Я вполне согласен со взглядами генерала

говорам и ходатайствам суда не формально. Я только счел ниже своего достоинства оправдываться в том, что в 13 случаях ходатайств суда признал их уважительными. М. Г.».

[1]) На поле помета М. А. Газенкампфа: «Сам обратил на этот яркий случай особое внимание. Выяснилось, что Резцов ранил городового неумышленно, не нападал на него, а только отстреливался, не целясь, когда спасался бегством. Выяснилось также, что Р. к революционной организации не принадлежал. М. Г.».

[1]) На поле помета М. А. Газенкампфа: «И на это были вполне уважительные причины, не говоря уже о полном раскаянии виновных и отсутствии кровопролития».

[2]) Против абзаца на поле помета М. А. Газенкампфа: «Были серьезные уважительные причины. Достат[очно] сказать, что на суде выяснилось, что убийцей был неразысканный брат Яна Пальма, а не он».

Газенкампфа, что вдохновители преступлений виновны, конечно, в большей мере, чем исполнители таковых, но тем не менее допускать в отношении их применение смертной казни, когда таковая не угрожает им по закону, я очевидно не могу.

В виду этого я и не мог изъявить своего согласия на применение смертной казни к лицам, виновным в хранении и изготовлении разрывных снарядов, так как в качестве председателя Совета министров никогда не могу узаконить противозаконную меру и при каких бы то ни было случаях высказываться за явное беззаконие. Той же точки зрения я держался и при действии введенных по моему почину военно-полевых судов, ибо и последние, вопреки мнению генерала-от-инфантерии Газенкампфа, не являлись учреждениями «внезаконными», а должны были действовать на точном основании закона [1]).

Эту единственно законную точку зрения, не допускающую и мысли о вовлечении суда в беззаконное действие, я и отстаивал в личных моих объяснениях по указанному предмету и считаю долгом ныне подтвердить с тою же решительностью и твердостью, с которою я вменяю себе в обязанность настаивать на неуклонном применении закона, хотя бы сурового, но необходимого.

С чувством глубочайшего высокопочитания имею быть вашего императорского высочества всепреданнейший слуга

П. Столыпин.

№ 110310.
10 февраля 1908 года.

[1]) На поле помета М. А. Газенкампфа: «А если так, то зачем же они были упразднены, несмотря на несомненно принесенную ими пользу? М. Г.».

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. М. Покровский. Вл. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
К истории французской интервенции на юге России. С предисловием *Д. Кина*	3—38
Англичане на севере. С предисловием *И. Минца*	39—52
Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897—1905 гг. Статья *А. Л. Попова*	53—63
Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904—1905 гг. С предисловием *Г. Стопалова*	64—82
Дневник ген. Г. О. Рауха	83—109
Записки Ф. А. Головина. С предисловием *М. Н. Покровского*	110—149
Письмо А. П. Щапова Александру II в 1861 г. С предисловием *А. Сидорова*	150—165
К истории «Земли и Воли» 70-х гг. Статья *Б. П. Козьмина*	166—177
Из показаний Н. И. Рысакова. С предисловием *С. Н. Валка*	178—194

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Из переписки С. М. Кравчинского. Сообщила *Э. Кольчук*	195—202
Извещение о разгроме типографии в Саперном переулке. Сообщил *Н. Л. Сергиевский*	202—203
Первомайские речи в Одессе в 1895 г. Сообщил *С. Н. Валк*	203—207
Ответ «Рабочей Газеты» (1898 г.) Г. В. Плеханову. Сообщил *М. Б-ов*	207—209
Два документа из истории Зубатовщины	210—211
20 лет назад	212—215
П. А. Столыпин и смертная казнь в 1908 г. Сообщил *П. Садиков*	215—221

„АРХИВНОЕ ДЕЛО“

Журнал по вопросам теории и практики архивного дела, издаваемый Центрархивом РСФСР

В 1927 году выйдет 4 тома.

Подписная цена 6 руб. в год.

Подписка принимается Ред.-Изд. Отделом Центрархива РСФСР.

Москва, улица Маркса и Энгельса, д. № 8.

Содержание I—X выпусков „Архивного Дела“:

Выпуск I.

Историк-археограф-архивист. С. В. Рождественского. — Образование архивиста на Западе. Д. Н. Егорова. — К вопросу о составлении перечня изданных русских актов. Н. П. Лихачева. — Западно-европейские периодические издания по архивному делу. И. П. Пузино. — Архивные обзоры. С. Н. Валка. — Из семинария по архивоведению. В. В. Шереметевского. — Летопись архивной жизни провинции за 1920 г. М. С. Вишневского. — Первая Всероссийская конференция архивных деятелей. — Архив помещиков Опочининых. С. Талантовой. — Некрологи. — Библиография.

Выпуск II.

Политическое значение архивов. М. Н. Покровского. — Долговечны ли наши архивы? А. А. Гераклитова. — Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. И. А. Голубцова. — Архивная терминология: I. Ленинградский проект архивной терминологии. II. Несколько замечаний по поводу ленинградского проекта архивной терминологии. В. В. Шереметевского. — Архивы в музеях. В. П. Алексеева. — Архивный музей в Ленинграде. Н. — Московский Исторический Архив. М. К. Любавского. — 200-летие б. Московского главного архива министерства иностранных дел. С. К. Богоявленского. — Архив Ф. М. Достоевского. Н. Б. — Узаконения и распоряжения по архивному делу. — Хроника архивной жизни в РСФСР. — Первая Всебелорусская конференция. В. И. Пичеты. — Литература по архивному делу за 1917—1923 гг. Н. Ф. Бельчикова. — О библиографическом указателе по иностранной архивной литературе. И. И. Любименко. — Отзывы о книгах.

Выпуск III—IV.

Архивное дело в Рабоче-Крестьянском государстве. М. Н. Покровского. — Некоторые итоги. В. В. Максакова. — Съезд архивных деятелей РСФСР 14—19 марта 1925 г. в Москве. М. М. Константинова. — Резолюции Съезда архивных деятелей РСФСР. — О приемах издания историко-революционных документов. С. Н. Валка. — Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. И. А. Голубцова. — Инвентаризация поступлений в Архиве Октябрьской Революции. А. М. Рахлин. — К истории фонда следственной комиссии и верх. угол. суда по делу декабристов. С. Н. Чернова. — Архивное дело в СССР и на Западе: Центрархив РСФСР. — Положения и циркуляры. Правила постановки архивной части в действующих учреждениях. Хроника архивной жизни. — Центрархив УССР — Первое Всеукраинское совещание архивных работников. — Центрархив БССР. — Центрархив ССР Грузии. — Положение архивного дела на Западе. — Общегерманский Госуд. Архив. И. И. Любименко. — Литература по архивному делу. Н. Ф. Бельчикова. — Публикации историко-революционных материалов. — Справочный отдел.

Выпуск V—VI.

Пять лет архива Октябрьской революции. В. В. Максакова. — Итоги и перспективы работы Ленинградского Центрального Исторического Архива. И. Л. Маяковского. — Научное использование архивных материалов ЕГАФ. Е. М. Нерсисьяна. — Архив, библиотека и музей. И. Л. Маяковского. — К вопросу о недроблении архивных фондов. Я. Н. Ждановича и М. К. Любавского. — Работа Поверочной и Разборочных комиссий. С. К. Богоявленского. — О правилах издания исторических текстов. А. И. Андреева. — Топографические указатели к архивным фондам. М. С. Вишневского. — Учет архивной работы. Н. Ф. Бельчикова. —

Выбор здания под архивохранилище. А. С. Боланчук. — Центральный Межевой Архив. С. П. Трояновского. — Архивное дело в СССР и на Западе. — Центрархив РСФСР. — Хроника архивной жизни. — Из инструкторских отчетов и корреспонденций с мест. — Районирование Юго-Восточного края и архивное строительство. А. П. Гиваргизова. — Архивы Сибири. Д. Г. Истнюка. — Астраханское губархбюро. Е. Ф. Сенковского. — 1-я Нижегородская губернская архивная конференция. Д. Истнюка. — Рижский Государственный Архив. Инны Любименко. — Архив немецкого рейха в Потсдаме. Инны Любименко. — Археография в годы революции. Н. Ф. Бельчикова. — Публикации историко-революционных материалов. — Отзывы о книгах.

Выпуск VII.

На очереди. В. В. Максакова. — Регистратура и архив. Н. В. Русинова. — Архив, библиотека и музей (оконч.). И. Л. Маяковского. — О правилах издания исторических текстов. А. И. Андреева. — Архивохранилище Нар. Хоз. Права, Культуры и Быта. Е. В. Тарле. — Провинциальные архивы Франции со времени мировой войны. Henri See. — Условия труда архивных работников. В. А. Домбровского. — Архивное дело в СССР и на Западе. — Н. Н. Авдеев (некролог). — Датский ученый об архивах Советской России. — Из отчета о заграничной командировке летом 1925 г. И. И. Любименко. — Из архивной жизни Чехо-Словакии. В. И. Пичеты. — Рейнско-Вестф. Эконом. архив в Кельне. И. И. Любименко. — По поводу одного проекта рационализации арх. дела. А. Р. Иодко. — Отзывы о книгах.

Выпуск VIII—IX.

Военно-Исторический Архив. И. В. Хрипача. — Регистратура и архив (окончание). Н. В. Русинова. — К вопросу об организации научно-справочных библиотек при архивохранилищах. М. Ахуна. — Фото-кино Архив. Л. Левина. — Парижский Национальный Архив. Ж. Буржен. — Декреты, циркуляры, инструкции по архивному делу. — Хроника архивной жизни. — Архивы Центральных учреждений. Н. В. Русинова. — Архивное дело на Дальнем Востоке. Е. Ф. Сенковского. — Передача архивных материалов Украине. Ж. — I Всеукраинский съезд архивных работников. В. А. Домбровского. — Архивное дело в Польской Республике. В. И. Пичеты. — Опыт с экранами на выцветание. С. К. Богоявленского. — К вопросу о топографических указателях (письмо в редакцию). А. Вязигина. — Ответ т. Вязигину. М. С. Вишневского. — Обзор документальных публикаций (январь — март 1926 г.). С. Н. Валка. — По журналам. Б. И. Анфилова. — Отзывы о книгах.

Выпуск X.

Культурное и политическое значение архивов. М. Н. Покровского. — Деятельность Центрархива РСФСР и очередные задачи архивного строительства. В. В. Максакова. — Архивная организация в Автономных Республиках РСФСР. Б. И. Анфилова. — Декреты, циркуляры, инструкции по архивному делу. — Хроника архивной жизни. — Ленинградское Губернское Архивное Бюро. А. Котовича. — Архивное дело в Голландии: из впечатлений заграничной командировки в 1923 г. Н. В. Русинова. — Отчет гл. госуд. архивиста о состоянии архивного дела в Голландии за 1924 год. И. И. Любименко. — Обзор документальных публикаций. С. Н. Валка. — Отзывы о книгах. — Н. Н. Бакай (некролог).